

Неукротимый: Возрождение

Дорога в Ад
устлана благими намерениями.

Белль Аврора

Прошло шесть лет с тех самых пор, как мой мир перевернулся с ног на голову. Он открыл для меня темную сторону жизни, и я никогда не стану прежней. Я прошла через то, через что не каждый человек способен пройти. А если бы существовал малейший шанс вернуться в прошлое и всё изменить? Я бы ничего не стала менять. Я бы выбрала его каждый из тысяч раз. Из миллионов. Всегда. Думаю, не многое изменилось. Меня зовут Алекса Баллентайн, и я по-прежнему без ума от своего сталкера.

Белль Аврора

Неукротимый: Возрождение

Серия: Неукротимая семейка. Книга третья

Перевод: Виктория Горкушенко

Редактура: Алена Крутько

Обложка: Ленчик Lisi4ka Кулажко

Вычитка: Ленчик Lisi4ka Кулажко

Оформление: Ленчик Lisi4ka Кулажко

Переведено для группы: vk.com/stagedive

ЭйДжей

ЭйДжей был умным мальчиком. Ему было только пять лет, но он знал значение тайны.

Ему не нравилось хранить секреты от своей мамы, и когда он спросил ее, нормально ли это лгать, она сказала, что быть нечестным — плохо.

В этом не было смысла.

ЭйДжей слышал, как его мама лгала прежде. Почему ей можно лгать, а ему — нет?

Его мама объяснила ему, что иногда люди говорят неправду, чтобы не причинить боль другому человеку, это называется «маленькая невинная ложь».

ЭйДжей задумался об этом.

Если он расскажет свой секрет, то причинит боль маме, поэтому на самом деле это не ложь, подумал он. Сохранить этот секрет было «маленькой невинной ложью».

Когда мама укладывала его в кровать, он улыбнулся ей.

— Я люблю тебя, — сказал он. И это он и имел в виду.

Улыбка его мамы смягчилась.

— Я люблю тебя еще больше, сладкий, — быстро ответила она, когда нежно провела пальцами по его спутанным волосам. Она послала ему воздушный поцелуй, когда выходила из его комнаты, выключив свет и закрыв дверь за собой.

ЭйДжей лежал в кровати, не спал и ждал. Он не был уверен, как долго ждать, но когда услышал, что окно заскрипело, а затем мучительно медленно поднималось, взволнованно улыбнулся. Его «маленькая невинная ложь» была здесь.

Папочка был дома.

Лекси

— Мамочка?

Я слышала его. Как же иначе?

Но продолжила молча вести машину. Я не в настроении для разговора, однако монстрик на заднем сиденье думал иначе.

В груди все сжалось от тяжести.

Что за денек!

Буквально все сжато. Внутренности, челюсть, хватка на руле. Даже глаза с трудом смотрели на дорогу. Но в этом не виноват ЭйДжей, и я не стану показывать ему, что умираю внутри.

Я выдохнула.

Папочкин день никогда не был для меня хорошим днем.

— Да, сладенький?

Он долго молчал, я нахмурилась и посмотрела в зеркало заднего вида на него, его взгляд был сфокусирован на мне. Он смотрел не моргая.

Мое сердце обливалось кровью, когда я смотрела в его карие глаза.

Глаза его отца.

Вот же блин.

Нос жгло. И в один миг слезы начали катиться по щекам. Я поспешно вытерла их и быстро заморгала, тщетно пытаясь прогнать до боли знакомый натиск печали.

Боже мой. Возьми себя в руки.

Мой сынок... он не любил, когда я расстроена. Его голос чуть громче шепота и практически на грани отчаяния.

— Не плачь, мамочка, — его голос был серьезным, когда он пробормотал. — Мне это не нравится.

Я слышала его папочку в этих серьезных словах.

Эх. Он убивал меня.

Мы остановились на светофоре, я убрала руки с руля, повернулась к нему и выдавила из себя улыбку.

— Извини, малыш, — сказала спокойно.

Сегодня был день рождения его папы, и мы ехали с кладбища домой. Каждый раз вид этого белого мраморного памятника возвращал меня в тот самый день, который я так отчетливо помнила, но так хотела бы забыть. Это было так давно, и все же воспоминания были так свежи. Неважно, сколько прошло дней, я застряла там, в том времени. В том месте, где была так беззаботна в руках любимого мужчины.

Даже не сомневайтесь. Я была по уши влюблена. Без ума от любви.

Светофор загорелся зеленым, и я рванула вперед, вновь схватившись за руль, как за ниточку. Мы были на полпути к дому, когда я осознала, что ехала на автопилоте, не обращая внимания на окружающую обстановку.

Мое сердце сдавило от предчувствия. Я с трудом сглотнула и покачала головой, пытаюсь вырваться из ступора.

Возможно, разговор не такая уж плохая идея.

— Может, заедем в продуктовый, накупим всяких вкусняшек и посмотрим кино вечером?

Улыбка на моем лице была искренней. В моей жизни был только один мужчина, и он склеил мое сердце своей болтовней, смехом, рисунками, которые создавал с любовью при помощи карандашей.

ЭйДжей улыбнулся, мой беззубый монстрик, но улыбка быстро исчезла.

— Какой сегодня день?

Я замерла.

Хм-м...

Я не могла тихонько не рассмеяться.

Что за вопрос?

Удивленная таким вопросом, я приподняла бровь и, пытаюсь подавить смех, ответила:

— Ух... Воскресенье.

Он опустил взгляд на свои колени, затем вновь посмотрел на меня, покачал головой и уставился в окно.

— Нет, спасибо.

Я была в замешательстве.

Что-что?

Он отказывался от вкусняшек? С каких это пор?

Я не хотела давить на него, но поняла, что мне нужно проводить больше времени с сыном, сегодня как никогда. Я решила подсластить пилюлю.

— Может, будем не спать допоздна, потом выспимся утром, проснемся и пойдем кушать панкейки.

О-о-ох. Я про себя улыбнулась.

Его искушало предложение.

— Что насчет школы?

Он что, совсем меня не знал? Я была клевой мамой. Что значит пропустить один день в школе, чтобы провести его с сыном?

— Забудь об этом. Скажу, что ты приболел.

— Это ложь. — Он внимательно меня разглядывал, прежде чем опустил взгляд. — И мне нравится школа.

— Маленькая ложь. — Моя улыбка начала исчезать. — Невинная ложь.

Погодите. Я оправдываюсь перед пятилеткой?

Что тут происходит? Эйджей вел себя странно. Какое-то время я была озадачена, а затем мне пришла мысль, что я была слишком эгоистичной. Он маленький мальчик, и, возможно, сегодняшний день был для него тяжелее, чем я думала. Возможно, он начал понимать, что именно потерял, лишившись отца.

И возможно, если мне требовалось отвлечение, то Эйджей нуждался во времени, чтобы осознать свои эмоции. И моя грудь сжалась.

Мог ли он так же скорбеть, как и я?

Я тихонько вздохнула, и моя улыбка пропала.

— Все в порядке, сладкий. Тогда в следующий раз.

Но ощущение какой-то недосказанности между нами не исчезало.

И затем мы приехали домой.

Я въехала на подъездную дорожку и заглушила двигатель. Прежде чем выбралась из машины, я повернулась назад, чтобы посмотреть на моего милого мальчика.

— Хэй, — я начала говорить и, когда он поднял на меня свой взгляд с этими темными длинными ресницами, буквально растаяла. — Я знаю это непросто. — Я опустила ладонь на его коленку. — Ты в порядке?

Он мужественно крепился на протяжении долгого мгновения, мой мальчик, и затем покачал головой, но сохранил все такое же сосредоточенное выражение лица. Я дала ему время и прошла целая минута, прежде чем он опустил подбородок и осторожно произнес:

— Если кто-то мне сказал что-то... секрет... и я хочу поделиться им с кем-то еще, это нормально?

Я подумала о маленьких друзьях Эйджея и спросила:

— Навредит ли кому-нибудь этот секрет?

Эйджей задумался на мгновение над этим.

— Нет. Я так не думаю.

— Дорогой, когда кто-то доверяет тебе секрет, ты не можешь рассказывать об этом секрете. И когда кто-то говорит тебе секрет, они достаточно доверяют тебе, что ты сохранишь его. — Я протянула руку и погладила его по щеке. — Ты уверен, что этот секрет никому не причинит боль?

Он опустил глаза, и эти длинные ресницы коснулись его щек. Затем он убежденно кивнул.

— Да.

Слава Господу.

Я просто не была уверена, что сегодня смогу справиться с еще большими переживаниями.

— Хорошо, тогда нет, сладкий. Тебе не стоит никому рассказывать.

— Даже тебе? — с разумным сомнением поинтересовался он.

— Мне? — Я легко и игриво потрепала его щеку, и на лице сына растянулась широкая улыбка. — Ты можешь рассказывать мне что угодно. — Я подмигнула ему. — У нас нет секретов друг от друга, так ведь?

Я не понимала этого. Он явно выглядел расстроено, но все же прошептал:

— Конечно.

Ох, нет.

Ничего хорошего.

Мое сердце забилося быстрее, когда я помогла ему выбраться из его кресла. Я вышла из машины и притянула его к себе, прижимая к своему боку. Он обернул руку вокруг моей талии.

Что происходило с моим мальчиком? Внезапно я ощутила беспокойство.

— Ты можешь мне рассказать что угодно. — Я посмотрела на него, не моргая. — Все что угодно. И я совершенно не расстроюсь. Я просто выслушаю тебя, если тебе это необходимо, но... — я замолчала, останавливаясь перед ним и опускаясь на колени, пристально смотря своему сыну в глаза, — мы не должны хранить секреты друг от друга, дружочек.

Он кивнул медленно, задумчиво, так, словно был застигнут врасплох и не знал, как же ему поступить.

Черт.

Это беспокоило меня.

Как только мы оказались в доме, я позволила сумке соскользнуть с плеча на кухонную стойку и вновь посмотрела на маленького мальчика, который неловко мялся в дверном проходе. Мы продолжали смотреть друг на друга, прежде чем я спросила:

— У тебя есть что-то, что ты мне хочешь сказать, малыш?

Мгновение спустя, он кивнул.

— Ага, — он переминался с ноги на ногу.

Он хотел мне сказать что-то важное, я могла чувствовать это; чувствовать так, как могут чувствовать только матери. Я полностью сосредоточила на нем свое внимание.

— Что такое?

ЭйДжей заговорил, и я не была готова к тому, что он мне сказал. Совершенно не готова.

— Ну, иногда, поздно вечером...

Ох, это уже начиналось нехорошо. Мое сердце в тот же момент сжалось.

— Иногда, — он посмотрел вниз на плинтус и потер подошвой ботинка по нему. Его голос опустился на пару октав: — Иногда папочка приходит навестить меня.

Мое сердце вырвалось, разрывая плотную ленту вокруг себя.

О, Господи.

Сегодня был неподходящий день.

Я почувствовала, что могу разрыдаться.

— Малыш, — мои глаза закрылись сами собой, и я издала горький смешок, сглатывая тяжесть в горле. Я притянула сына к себе и сжала крепко в объятиях, покачивая его из стороны в сторону, оставляя поцелуй на виске.

Он обнял меня также крепко в ответ, и я объяснила ему пару вещей.

— Я знаю, что тебе может так показаться. — Я поцеловала его вновь. — Папочка

приходит иногда и ко мне. — Я отстранилась и внимательно посмотрела на него. — В моих мыслях. В моих снах.

— Нет, — Эйджей покачал головой. — Не во сне, мамочка. Это происходит на самом деле.

Ох, милый... только не это.

Мое сердце разбилось, когда я постаралась объяснить ему, что то, что он видит, — не более чем защитный механизм. Мне следовало догадаться. Было время, когда Твитч мог находиться в моей комнате каждую ночь, и я могла говорить с ним. Но он никогда не отвечал на вопросы, что не давали мне покоя. У меня заняло некоторое время и множество часов терапии, чтобы осознать, что я причиняю себе боль в психологическом плане.

— Когда мне снился папочка, это казалось таким реальным. — Глубоко, судорожно вдыхая, проговорила я на выдохе. — Это ощущалось так реально, что иногда я не хотела просыпаться от такого прекрасного сна. — Я прикрыла глаза, чтобы сделать акцент на своих следующих словах, крепко сжимая предплечья сына: — Но это всего лишь сон, дорогой. — Я вновь притянула сына к себе и обернула свои руки вокруг него. — Это не на самом деле.

Эйджей нахмурился.

— Нет, мамочка. — Он предпринял попытку покачать головой у моей груди. — Это на самом деле. По-настоящему.

Нет, это не так. Он умер.

— Малыш, — Мое сердце сжалось от боли так же сильно, как меня ранили произнесенные слова, — папочка умер.

— Он не умер, — проговорил он уперто, как только могут пятилетние дети.

Я прикусила губы, чтобы не позволить себе издать болезненный всхлип. Вместо этого, я едва слышно проговорила:

— Да.

Но Эйджей не принимал этот ответ. Он отпрянул от меня, и я в тот же миг ощутила потерю. Затем на меня обрушилась вся сила его разгневанного взгляда.

— НЕТ.

Черт побери.

Разве он не понимал, как он сильно ранит меня?

Твитч умер.

И он никогда не вернется.

Но мой сын был так важен, так дорог для меня, поэтому я уступила, и когда я это сделала, одинокая слезинка скатилась по моей щеке.

— Хорошо, малыш.

Взгляд, в котором виднелось подтверждение его правоты, воцарился на его лице, когда он бросился в мои объятия, я обняла своего сына и беззвучно зарыдала.

Потому что мой сын оплакивал отца, которого никогда не имел. И какой бы способ он ни выбрал, чтобы справиться с этим, я была согласна.

Даже если это значило причинить мне боль в процессе.

Твитч

В тени ночи я двигался медленно, тихо, и когда дом показался в поле зрения, я остановился на месте. Свет все еще был включен. Я встал рядом с эвкалиптовым деревом на углу улицы и ждал. Поглядывая на свое запястье, я проверил время на часах при свете луны и отсчитывал секунды. Когда часы показали одиннадцать, я поднял взгляд на дом, который внезапно погрузился в полную темноту. Все было словно по расписанию. Каждый вечер в одиннадцать Лекси отправлялась в кровать, но не раньше, чем она проведывала ЭйДжея. Крошечная улыбка растянулась на моих губах, когда свет настольной лампы отразился в окне комнаты моего сына. Ну, вот и все. Видите? Как по расписанию. Одно и то же, изо дня в день. Прошло некоторое время, и лампа в окне погасала, это было моим сигналом. Засунув руки в карманы толстовки, я двигался изящно, тихо, а когда достиг окна, то опустил руки на верхнюю часть деревянной рамы и поднял ее вверх. Она заскрипела, когда открылась. Я вытащил москитную сетку и положил ее на землю, прежде чем забраться в комнату. В тот момент, когда моя нога коснулась пола его комнаты, до моего слуха долетел треск пластика.

Я щелкнул языком и пробормотал:

— Бл*дь. — Когда маленький мальчик на кровати поднял голову и моргнул сонными глазами, смотря на меня, я тихо проговорил: — Я думал, что сказал, чтобы ты убрал этот беспорядок.

Он потер ручками глаза, затем сонно пробормотал:

— Я забыл.

— Ты забыл. — Я едва слышно рассмеялся. — Конечно, не сомневаюсь.

Маленькая ухмылка, что растянулась на его губах, говорила мне о том, что он врет. Может, мой сын и был моей точной копией, но по характеру он был похож на его мать до мозга костей. Я оглядел комнату, посмотрел на пол, прежде чем вздохнуть от беспорядка, что предстал передо мной, и молча направился к книжной полке.

— Выбирай, что хочешь сегодня, малыш.

— «Зеленые яйца с ветчиной», — сказал он, не задумываясь (прим. пер. — «Зеленые яйца с ветчиной» автор Доктор Сьюз, стихи для детей).

Мои губы скривились в небольшой ухмылке.

— Опять?

— Опять. — Он кивнул, присаживаясь на кровати. Из меня вырвался еще один вздох, но он, конечно, был преувеличением. На самом деле мне было все равно, что он хотел, чтобы я читал ему. Я бы все равно сделал это, я был готов читать ему одну и ту же книгу вновь и вновь, если это значило, что я смогу провести с ним больше времени. Потому что то небольшое количество времени, которое я проводил с ним, было бесценным даром для меня. Оно было драгоценно, потому как я пропустил время, когда он рос. И поэтому я довольствовался тем небольшим количеством времени, что проводил с ним сейчас.

Я направился к нему с книгой в руке.

— Двигайся поближе. — Когда он подвинулся, я присел на край кровати, откидываясь спиной на деревянное изголовье, и обернул вокруг него руку, удерживая в ней книгу. Недолго думая, он, сонный, прижался головой к моей груди. Я моргнул, смотря на него, когда он устало зевнул, и какая-то часть во мне умерла. Я, черт побери, отправился к

праотцам. Никогда на земле еще не было ребенка, которого бы так отчаянно любили. Я не заслуживал его доверия, но все равно воспользуюсь им, потому что это была моя привычка — брать вещи, которые не принадлежали мне. Заявлять на них права и присваивать себе.

Когда я начал читать тихим голосом, тут же понял, что мне больше не нужна книга. Я читал ее так много раз, что знал эти гребаные стихи наизусть. Но Эйджею, кажется, очень нравились картинки, поэтому я держал книгу в руках и позволял ему переверачивать страницы, когда это было необходимо, наблюдая за тем, как он улыбается, смотря на забавные иллюстрации, улыбаясь вместе с ним. Я никогда не понимал, что люди имели в виду, когда говорили, что нужно наслаждаться мелочами. Но смотря на своего сына... я понимал это. Эти улыбки, его смех, то, как он чесал свою детскую попу, не стыдясь этого... это стоило всего того времени, что я провел вдали от него. Ради этого мальчика, ради Лекси, не задумываясь, сделал бы это вновь. Я не хотел проходить через все это заново, но я бы сделал это, именно поэтому было так важно позаботиться обо всем, прежде чем воскресать из моей пустой могилы. Я был так близок к тому, чтобы воскреснуть. Я практически мог ощутить это, почувствовать пухлые, сладкие губы Лекси, когда они доставляли бы мне удовольствие. Мысли о женщине, которая находилась в конце коридора, одна в своей постели, заставляли мой желудок сжиматься. Как было бы легко проскользнуть в ее комнату и понаблюдать немного за ней. Да. Я был больным ублюдком. Старые привычки умирают с трудом. Господи. Воспоминания о ней... Мою грудь стянуло болью, когда мой разум воссоздал образ того, как счастливо она улыбалась, смотря на меня. Эти улыбки были нежными и родными, и были припасены только для меня одного. Я скучал по ней. Прошло много времени.

Закончив с книгой, я закрыл ее и затем обнял, прижимая к себе, своего сонного сына.

— Ты устал, малыш? — Он кивнул у моей груди, и я улыбнулся. — Хочешь, чтобы я остался, пока ты не уснешь?

Еще один кивок, более слабый на этот раз, и меня осенила мысль. Я бы убил ради этого ребенка. Пробегаясь рукой по своим растрепанным волосам, я прикрыл глаза, вдыхая его запах. Малыш пах зелеными яблоками, ополаскивателем для белья и каким-то особенным запахом, свойственным только Эйджею. Я прижался поцелуем к его голове и задержался губами у его кожи, скучая по нему, даже находясь рядом с ним. Одна тонкая рука легла на мой живот, крепко обнимая меня. Его голос раздался тихим шепотом:

— Ты же вернешься, да?

Я нахмурился. Как он мог такое спрашивать? Он прижался, обнимая меня чуть крепче, и я нахмурился сильнее.

— Эй. — Когда он не отпустил меня, я чуть подтолкнул его плечом, и он очень-очень медленно поднял на меня взгляд своих печальных глаз. — Я вернусь. — Но его глаза оставались все такими же печальными, тогда как я ощутил укол пронзительной боли, которую чувствовал каждый раз, когда приходило время мне уходить. — Обещаю тебе, я вернусь.

Эйджей смотрел на меня в течение долгого времени, прежде чем кивнуть. Я обнял своего мальчика крепче, желая успокоить его, но в то же время не зная, как сделать это. Затем я потянулся вниз и расстегнул свои часы на запястье, передавая ему в руки тяжелый металл. Неохотно он взял их, и когда моргнул, поднимая на меня вопросительный взгляд, я сказал ему со всей уверенностью, что была во мне:

— Я вернусь за этим. — Его глаза расширились, прежде чем он вновь посмотрел на

часы. Господи, этот ребенок. Выражение гордости за то, что ему доверили что-то настолько важное, как дорогие часы, было всем, с чем я смог бы справиться. — Ты же сохранишь их для меня?

Его кивок был уверенным, восторженным, и когда я увидел его крошечную улыбку, тянущая боль в моей груди немного успокоилась. Я не был уверен во многих вещах в жизни, но я был абсолютно уверен в одном: я любил сына. Я любил его отчаянно. И если найдется кто-то настолько глупый, чтобы навредить ему, я приду с «Глоком» в руке. Взведу курок. Передерну затвор. Бам. Рискни, черт побери.

Час спустя маленький мальчик, прижавшийся ко мне, крепко спал, а мне нужно было уходить. Так аккуратно, как только мог, я выскользнул из-под его маленького тельца и поправил одеяло. Я просто постоял недолго, смотря на него, и мой желудок стянулся узлами. Я не хотел уходить. Но должен был. Прежде чем покинуть комнату, я легко провел рукой по волосам сына, склонился и поцеловал его лоб. Шепотом я проговорил над его тельцем, погруженным в сон: «Люблю тебя», и, черт бы меня побрал, я говорил серьезно. Эти слова не вызвали тревогу, как это происходило обычно. Я научился стольким вещам вдалеке от них. И одной из этих вещей было — как ценить жизнь по максимуму. Я бросил последний взгляд на сына, прежде чем исчезнуть в ночи. Когда я шел по улице к своему дому, задался вопросом, как долго еще смогу продолжать прятаться, будучи у всех на виду. Бл*дь. Усмешка растянулась на моих губах, когда я быстро нашелся с ответом. Вечно, если будет нужно.

— Как долго? — спросил я, пребывая в рассерженном состоянии.

Он вздохнул.

— Я не знаю, Твитч. Такие вещи требуют времени. — Я услышал, как скрипнул его стул. — Ты что, считаешь, они просто возьмут и поверят всему, что я скажу о тебе? — Он нахмурился. — Брось, сынок. Несмотря на то, что США со всей неохотой признали, что ты жив, Австралия делать этого не желает. — Он замаялся. — Есть пустая могила с твоим именем на ней, Твитч. Ты думаешь, это не поднимет никаких вопросов? Подумай хорошенько. Если вдруг твоя могила исчезнет, твоя девушка поднимет бучу и потребует немедленных ответов. — Он издал пронзительный вздох. — Чем дольше это займет времени, тем будет лучше для тебя. Поверь мне.

Итан Блэк, мой едва ли партнер, был прав, и это чертовски бесило меня. Мне было больно от этой мысли.

— Ага. Хрен с ним.

— Послушай, — проговорил глава ФБР, — все в конечном счете наладится. Ты прекрасно знал, что этот процесс потребует времени. Ты сам говорил, что готов к долгому пути. Что изменилось?

Да, говорил. Но момент, когда я наблюдал за своим сыном прошлой ночью, заставил меня многое понять.

— Если я скажу, что хочу выйти из игры прямо сейчас, — спросил я осторожно. — Что плохого может случиться?

Итан рассмеялся без доли юмора.

— Гребаный ад на земле. — Когда я не произнес ни слова в ответ, он молчал недолго, затем объяснил. — Ты инсценировал свою смерть, Твитч, и хотя, с одной стороны, инсценировка суицида не является преступлением, ты попадаешь под огромное количество других обвинений, в которых в итоге просто потонешь. Преступный сговор, уклонение от

уплаты налогов, подделка свидетельства о смерти — хочешь, чтобы я продолжал? А твоя девочка сядет за получение незаконной страховки. Ох, и теперь самое тяжкое обвинение — мошенничество.

Точно. Все понял.

— Это все? — Я усмехнулся, когда он выдал продолжительную тираду ругательств.

— Не высовывайся и держись подальше от неприятностей, — проворчал Итан, и, судя по его тону, он так же устал от этого разговора, как и я. — У меня много работы. — И затем он положил трубку.

Находясь в одиночестве в своей комнате, на расстоянии квартала от моей женщины и сына, я думал о положении вещей на данный момент, о совете Итана. «Не высовывайся и держись подальше от неприятностей». Уголки губ приподнялись в улыбку. Ага, как же. Это не мой стиль. Поднимаясь на ноги, я одеваюсь и беру свои ключи. Прежде чем покинуть дом, я накидываю капюшон толстовки на голову и напяливаю свои «Рей Бен». Пряча татуированные руки в карманах джинсов, я выхожу на улицу, направляясь к моему скромному «Ниссан Патрол» и сажусь в салон. Сегодня понедельник, и я прекрасно знал, где она была по понедельникам. В том же самом месте, что и каждый раз. Моя Лекси любила рутину. Я быстро доезжаю до места, паркуюсь, смотря в тонированные окна. И вот она появляется. Моей беспокойной душе становится легче, когда я смотрю на нее. Я нахожусь достаточно далеко, чтобы быть незамеченным, но достаточно близко, чтобы видеть соблазнительный изгиб ее задницы. И, черт бы меня побрал, она выглядит сногшибательно.

Подтянутый инструктор по йоге, которому примерно около сорока, стоит перед группой из шести женщин, балансируя на одной ноге, прижимая другую ногу к чуть согнутому колену, с руками, поднятыми над головой. Женщины повторяют за ним позу, и когда Лекси чуть теряет равновесие, склоняясь в сторону, он спешит к ней, располагая руки на ее талии, чтобы помочь восстановить ей равновесие. Мои глаза сверкают гневом. Послушайте, может, я и изменился в свое отсутствие, но я, черт побери, не святой. Вид того, как другой мужчина прикасается к моей женщине, заставляет мое сердце отчаянно колотиться. Это вызывает во мне желание поотрывать всем головы. Со стиснутой челюстью я продолжаю наблюдать. Когда он что-то говорит, улыбаясь, Лекси отвечает ему с широкой улыбкой, и мой желудок болезненно сжимается. Они говорят еще пару минут, а я все не могу отвести глаз от его рук на ее талии, мою кожу обдает жаром, руки сжимаются в кулаки, и я бормочу себе под нос:

— Держи, бл*дь, свои руки подальше от нее.

Как будто услышав мою угрозу, придурок убирает руки с ее талии, но не раньше, чем его ладони задерживаются еще на мгновение. И, если на то пошло, я не могу винить его. Лекси очень красивая женщина. Только когда он отступает прочь, я чувствую, как ослабевает узел в желудке. Я делаю глубокий вдох, затем неспешно выдыхаю. Проблемы с управлением гневом будут преследовать меня до конца жизни, но я стараюсь работать над этим. Лекси одета в черные обтягивающие легинсы для тренировки и свободную белую майку, и я наблюдаю за тем, как ворот широкой майки соскальзывает, обнажая ее плечо, при этом открывая вид на лямку ее спортивного бюстгалтера. На ногах у нее белые кроссовки, а на голове густые волосы собраны в высокий хвост. Внезапно воспоминания обрушиваются на меня, и я прикрываю глаза, так отчаянно желая погрузиться и задержаться там на какое-то время. Лекси в моей постели. Лекси стоит на коленях. Лекси сосет мой член так искусно, при этом смотря в мои глаза. Низкий стон вырывается изо рта, в то время как я хмурю брови, обхватывая ладонью свой твердый член, крепко сжимая его.

— Черт.

Я откидываю голову назад и крепко зажмуриваю глаза. Мои губы приоткрываются, когда я отчаянно борюсь, чтобы восстановить контроль над собой; вздох разочарования срывается с губ. Эх. Прошло так много времени. Мне нужна моя детка. Я нахмурился.

А нужен ли я ей? Так же быстро, как пришла, эта мысль стремительно исчезает, и легкий смешок срывается с губ. Конечно же, я нужен ей. Все что ей было нужно — моя любовь. И я не останусь в долгу. Я буду любить ее в ответ, любить со всей силой, она останется довольной, и в итоге я заставлю ее подчиниться мне вновь. И она сделает это по своему желанию. Мне известно, что нравится моей женщине. Время не меняет определенные вкусы. Я точно знаю. Оно не повлияло на мои вкусы. Мысль об обнаженной и покорной Лекси, о моей руке, что удерживала ее густые темные волосы, заставила мой член сочиться желанием. Я сжал его достаточно сильно, чтобы почувствовать тянущую боль и прикусил изнутри щеку, принимая с наслаждением это ощущение.

— Господи Иисусе, — прошипел я, выдыхая сквозь стиснутые зубы. — Мне нужно убираться отсюда.

Но прежде чем уехать, я бросаю еще один взгляд на мою женщину, и как только я делаю это, она разворачивается, чтобы поговорить с девушкой позади нее, улыбаясь открыто, когда скидывает руку, чтобы прижать ее к груди, и удерживает ее там, делая растяжку. Моя душа взывает к ней. Делая глубокий вдох, я заводжу машину, сдаю назад и затем выезжаю с парковки. Давным-давно в стране Богов и Монстров жил был ангел. И звали этого ангела — Лекси.

Лекси

Мне было холодно, и я промокла от пота, но на мгновение проигнорировала острую потребность принять душ. Как только вошла в дом, я крикнула:

— Эй, есть кто-нибудь дома?

К моему абсолютному удовольствию никто не ответил, из груди вырвался легкий вздох, и ноги сами понесли меня на кухню. Схватив стул возле стола, я потащила его, игнорируя тихий лязг, который вибрировал у меня в ушах, а затем встала на него. Открыв самый высокий шкафчик слева, я сунула руку внутрь и вытащила стратегически спрятанную плитку шоколада. Со счастливой улыбкой я слезла со стула, села на него, открыла обертку и откусила огромный кусок.

Закрыв глаза от блаженства, я медленно жевала, наслаждаясь сладким, насыщенным вкусом.

Я посмотрела на шоколадку, чувствуя себя слегка виноватой из-за того, что съела это вкусное лакомство почти сразу после окончания тренировки.

Но потом, пожав плечами, я откусила еще кусочек и произнесла:

— Тьфу. К черту все это.

Именно поэтому я тренируюсь, не так ли? Чтобы могла есть то, что захочу? И прямо сейчас я хочу шоколад, так что...

— Вкуснятина, — пробормотала я, отправляя в рот остаток плитки.

Входная дверь открылась, и мои глаза расширились. Я взяла обертку и засунула ее в лифчик, жуя быстрее.

— Ладно, малыш, — сказала Молли. — Сними обувь и убери свою сумку.

Когда ЭйДжей промчался мимо открытой двери, он крикнул:

— Привет, мам!

Приложив руку ко рту, я продолжила жевать, а затем с трудом сглотнула и крикнула в ответ:

— Привет, дорогой.

Молли вошла в кухню и внимательно посмотрела на меня. Она ухмыльнулась и спросила:

— Ты ела шоколад?

Откуда она узнала?

— Что? Нет, — ответила я слишком быстро.

Тогда она нахмурилась, улыбнулась и поднесла палец к уголку моих губ, затем отстранилась и, ухмыляясь, понюхала палец.

— Шоколад. — Затем ее глаза сузились. — Где ты взяла шоколад? Я тоже хочу.

Черт.

Попалась.

Эта двадцатидвухлетка быстро стала членом нашей семьи. Да, она была юной и сломленной, но Молли подходила нам. Когда Юлий порекомендовал ее в качестве няни на полставки для ЭйДжея, я колебалась. Но я должна была знать, что любого, кого порекомендовал Юлий, проверили трижды.

Он был не из тех, кто любит рисковать. Как и его жена Алехандра.

Я очень скучала по ним.

Они жили с нами в течение шести месяцев, когда переехали в Сидней, и на момент их приезда Алехандра была не в лучшем состоянии. Подвергшаяся нападению и удерживаемая в течение нескольких дней, она пострадала не только физически. Психически она была такой хрупкой, что казалась почти сломленной, ее можно было вывести из равновесия малейшим прикосновением, звуком или дуновением ветра, и после пережитого она почти не разговаривала. Не имело значения, сколько раз я прокручивала это в своей голове; я не могла представить, через что прошла эта бедная женщина.

Всего за несколько дней она потеряла палец, сломала несколько костей, неоднократно подвергалась изнасилованиям и получила необратимые повреждения глаз от рук маньяка с охотничьим ножом. Теперь она была сильно изранена и до ужаса боялась врачей. Однако Юлий все равно любил ее. За то время, что они жили с нами, я лично убедилась, насколько она была сломлена.

Временами это воспоминание все еще преследует меня.

Помню, как проснулась от испуганных криков, плача и тяжелого дыхания, и к тому времени, когда я вскочила с кровати и помчалась по коридору, Юлий уже пытался восстановить контроль.

— Проснись, детка, — произнес он, а затем более отчаянно: — Бл*дь. Проснись! — затем громче: — Ана!

Но крики продолжались, а я стояла в конце коридора, прижав руку к груди в слабой попытке успокоить бешено колотящееся сердце. Когда пронзительные крики и рыдания наконец стихли и сменились тихим плачем, я неохотно вернулась в свою комнату, но сон так и не пришел.

В какой-то момент я услышала шарканье в коридоре, поэтому надела халат и вышла из своей комнаты, и то, что я увидела, разбило мне сердце.

Юлий нес стопку простыней в прачечную. Запах мочи был слабым, но он определенно присутствовал.

Я заглянула в открытую дверь, и, почувствовав мое присутствие, он обернулся, чтобы посмотреть на меня, одетый только в пижамные штаны, он выглядел ошеломленным и измученным. Я не пропустила отметины на его шее и царапины на груди, его кожа цвета мокко частично покраснела.

— Привет, — прошептал он, затем вернулся к записыванию простыней в стиральную машину. — Извини, что мы тебя разбудили.

Юлий, как я начинала понимать, обладал терпением святого.

— Не беспокойся об этом, — сказала я ему. После короткого колебания я спросила: — С ней все в порядке? — стоя ко мне спиной, он покачал головой, а я вошла в прачечную. — Еще одно воспоминание?

— Она, э-э... — он прочистил горло. — Она запуталась в простынях. Проснулась в ужасе. — Он тихо, устало вздохнул. — Просто несчастный случай.

Было крайне удручающе, что эта милая женщина так много пережила за свою короткую жизнь, что факт того, что она запуталась в простынях, привел ее в такой ужас, что она обмочилась. Меня убивало смотреть, как она отказывается от помощи.

Я была квалифицированным социальным работником. У меня были ресурсы, если бы она только протянула руку и взяла то, что было предложено. У меня под рукой было все лучшее, что есть в австралийской системе охраны психического здоровья. Но я понимала

страх лучше, чем кто-либо другой, и то, что он может сделать с человеком, было поистине разрушительно.

— Может быть, мы еще раз попробуем терапию? — тихо сказала я.

Юлий издал слабый смешок.

— Да. Удачи тебе в этом. Она почти не разговаривает со мной. Как ты собираешься заставить ее заговорить?

Мой ответ был честным и при этом мрачным:

— Я не знаю.

Он глубоко вдохнул, а затем медленно выдохнул. Проходя мимо, Юлий нежно поцеловал меня в щеку.

— Еще раз извини, что мы тебя разбудили.

На следующее утро я нашла Ану сидящей за кухонным столом напротив Эйджея, и когда я споткнулась, все еще не отойдя от сна, она улыбнулась. Конечно, она не особо много разговаривала, но была добра ко мне настолько, насколько было в ее силах, и если улыбка была всем, что она могла подарить, я с радостью приму и это.

Я нежно сжала ее плечо.

— Доброе утро, Ана. — Остановившись рядом с сыном, я наклонилась и обняла его, покрывая поцелуями его шею. — Доброе утро, милый. Ты голоден?

Он скорчил гримасу, прежде чем вытереть шею. В конце концов, он был маленьким мальчиком.

— Нет. Ана приготовила мне тосты.

Я послала ей улыбку, когда выпрямилась.

— Спасибо. Могу я тебе что-нибудь приготовить? — она улыбнулась мне в ответ, но подняв свою кружку, показала, что у нее есть все, что ей нужно. Я проверила холодильник и пробормотала: — Ладно, я думаю о яичнице с беконом.

При этих словах на кухню вошел Юлий, выглядевший сонным и только что проснувшимся.

— Я согласен на это.

Я подавила смешок, прежде чем снова повернуться к Ане.

— Ты заметила, что его нигде не видно, пока кто-нибудь не начнет готовить?

Она повернулась к мужу, ее глаза были полны веселья, но она просто потягивала свой кофе. Он сел рядом с ней, и с резким ворчанием и пронзительным лязгом ее стул оказался возле его. Она поставила свою кружку, когда он начал что-то шептать ей на ухо. Я незаметно наблюдала за ними, пока готовила. Что бы он ни сказал, это возымело эффект. Она начала медленно кивать, закрыв глаза, и когда он отстранился, она с любовью обхватила его лицо руками и посмотрела ему в глаза. Когда она заметила темные круги под ними, ее лицо осунулось, и она наклонилась, покрывая нежными поцелуями его полные губы.

Независимо от того, через что пришлось пройти Ане, одно было ясно. Она любила своего мужа больше, чем можно описать словами. Такая любовь, как у них, была редкостью, и еще реже она переживала все сложности, что встречались у нее на пути. Я обожала их, и, несмотря на то, что у них были свои проблемы, я верила в их пару.

Поджаривая яичницу на одной сковородке и бекон на другой, я бросила немного хлеба в тостер, и когда он подбросил его, Юлий встал, протянул руку и достал две тарелки.

Вот тогда-то Эйджей и нанес удар.

— Почему тебе снятся кошмары?

Все мое существо замерло. Я знаю, что он был всего лишь ребенком, но мы говорили об этом, и он знал, что не имеет права задавать Ане такой личный вопрос.

Поэтому, когда она ответила, я была ошеломлена.

Это заняло у нее некоторое время. Ее голос был тихим и звучал хрипло из-за долгого молчания.

— Потому что плохие люди делали со мной плохие вещи.

Я услышала, как скрипнул стул Эйджея, а затем он подошел к ней. Когда я взглянула на Юлия, его спина была прямой, как шомпол, и я знала, что он слушает. Мой сын сидел рядом с маленькой женщиной и смотрел в ее белый, поврежденный глаз.

— Неужели они это сделали?

Она медленно кивнула.

— Да.

— До сих пор больно?

Ана покачала головой.

— Нет. — Она взяла руку Эйджей и коснулась ею шрамов у глаза. Эйджей поморщился, но она ободряюще улыбнулась. — Все в порядке. Я больше этого не чувствую. Он онемел.

Эйджей последовал ее примеру и прижал свои маленькие пальчики к ее лицу. Когда он внезапно опустил их, то спросил:

— Почему ты плачешь по ночам? — в этот момент я чуть не умерла от стыда.

Широко раскрыв глаза и совершенно сбитая с толку его невоспитанным поведением, я развернулась и отругала его.

— Достаточно.

Но Ана подняла ладонь в мою сторону, давая понять, что все в порядке. Я не могла не заметить, как дрожали ее руки, когда она говорила, как будто ей было тяжело использовать свой голос, но она сделала это для Эйджея:

— Я плачу, потому что мне грустно, малыш.

И Эйджей вознаградил ее.

Внезапно вскочив, он бросился в свою комнату. Мы слышали шум, пока он разбрасывал вещи, и когда, наконец, нашел, что искал, он вернулся. Ана взяла протянутого бурого медвежонка, и, когда она смотрела на него, Эйджей сказал:

— Иногда, когда мне грустно, я обнимаю своего медвежонка. — Он смотрел Ане в глаза так беззащитно, как может смотреть только ребенок. — Он чувствуете хорошо. Он мягкий и пахнет печеньем.

Ана уткнулась носом в живот плюшевого мишки и улыбнулась.

— Да, он пахнет. — Она вернула ему медведя. — Но я не могу забрать его у тебя. Он твой.

Он выпятил грудь и заявил:

— Я большой мальчик. И он мне больше не нужен.

— Конечно же, нужен, — ласково сказала она, протягивая ему медвежонка и настаивая, чтобы он взял его у нее.

Тогда мой сын, сделал то, от чего гордость согрела меня.

— Думаю, тебе он нужен больше.

Он был хорошим мальчиком и искренне хотел помочь. Накрывая стол к завтраку, я тихо сказала ей:

— Он упрям, как мул. И не примет «нет» в качестве ответа. — Мои глаза комично расширились. — Поверь мне.

Удивленная настойчивостью моего сына, она посмотрела на медвежонка сверху вниз, нежно коснулась его носа, прежде чем прижать к себе, ее длинные черные волосы упали ей на лицо. Ее голос был мягким.

— Спасибо.

Он улыбнулся ей в ответ.

— Ты красивая, Ана. — Затем он повернулся ко мне. — Теперь я могу посмотреть телевизор?

О Боже, этот ребенок.

— Конечно.

Плечи Юлия затряслись от беззвучного смеха, когда он сел за стол, прихватив с собой тарелку.

— Мне стоит держать ухо востро, Лекс. Думаю, твой парень пытается украсть мою девочку.

Сидя между ними, я произнесла:

— Не знаю, что на него нашло сегодня утром. Мне так жаль.

На что Ана ответила:

— Все в порядке. Я люблю Эйджея.

Я посмотрела на своего сына в соседней комнате, и мое лицо смягчилось.

— Он тоже тебя любит.

И он любил. Он доказывал это снова и снова, проводя время с Аной, когда думал, что ей одиноко, разговаривая с ней, делясь своими вкусностями с этой маленькой женщиной, принося ей свои самые дорогие вещи, чтобы одолжить или подарить. И когда пришло время прощаться, Эйджей был опустошен.

Всхлипывая и вытирая нос рукавом, он спросил:

— Вы когда-нибудь вернетесь?

Ана опустила на колени и нежно улыбнулась.

— Конечно, малыш. Мы не уезжаем далеко. — Она взяла его за руку и крепко сжала. — Ты можешь приходить в гости, когда захочешь.

— Сейчас? — спросил он, шмыгая носом, и она тихо рассмеялась над тем, как нелепо он себя вел.

Думаю, что Эйджей помог ей немного исцелиться, и лучшего комплимента мне как его родителю не было. Это красноречиво говорило о характере малыша.

Было больно видеть, как он теряет своего друга, но было приятно видеть, как Ана и Юлий делают шаги вперед в жизни. Долгое время они были в ступоре. Не двигаясь ни вперед, ни назад.

Просто... застряли.

Нежно она вытерла рукой его слезы и тихо заговорила:

— Обещаю, как только у нас будет мебель и кровать для тебя, ты можешь прийти к нам с ночевкой, хорошо?

На это он улыбнулся сквозь слезы.

— Хорошо. — Он обнял ее так крепко, как только мог, и когда они отстранились, Юлий раскрыл объятия.

Эйджей медленно пошел к нему, волоча ноги, и когда подошел, опустил подбородок,

выглядев несчастным. Юлий взял его на руки, и когда Эйджей положил голову на плечо дяде Юлию, мои внутренности растаяли, превратившись в кучу липкой массы.

— Ты мужчина в доме, — сказал ему Юлий, и Эйджей кивнул ему в плечо. — Это значит, что ты должен присматривать за своей мамой.

Я грустно улыбнулась, когда Эйджей посмотрел на меня и пробормотал:

— Я буду. Обещаю.

— Вот это мой мальчик, — сказал Юлий, прижимая к себе своего крестника и слегка покачиваясь из стороны в сторону. — Ты в порядке?

Эйджей уныло покачал головой, и Юлий крепче обнял его, издав тихий смешок через нос.

— О, да ладно тебе. Ты убиваешь меня этим.

Когда я увидела ухмылку Эйджея, то поняла, что он явно наслаждается вниманием.

Позже той ночью, когда Юлий и Ана наконец покинули нас, в доме стало ужасно тихо, как не было уже несколько месяцев, и, честно говоря, мне это не понравилось. Ни капельки.

Проходили недели, а в доме по-прежнему царил тишина. Но однажды позвонил Юлий, и в его голосе скользила неловкость, когда он сказал:

— Думаю, что, возможно, я переступаю границы дозволенного, Лекс.

Интересно.

Мы уже давно были далеко за границами дозволенного. После всего через что мы прошли, я не думала, что мы могли бы жить как-то иначе.

— Ничего подобного, — сказала я ему. — Что случилось?

— Мне позвонил один мой знакомый. На самом деле дочь одного моего знакомого. Она ищет работу.

М-да.

Я была определенно сбита с толку.

— Ла-а-адно, и?

— У нее не так много опыта, но в одном она хороша.

— Да? И в чем же?

— Она отлично ладит с детьми.

И мое сердце упало.

— Юлий.

Но он прервал меня словами:

— Подумай об этом, Лекс. Ты уже давно хотела вернуться к работе, но говорила, что из-за рабочего графика слишком сложно совмещать Эйджея и работу. — Он быстро произнес: — Молли может помочь с этим. Ты снова сможешь работать независимо от времени суток. — После минутного молчания он поклялся: — Эйджей полюбит ее.

Я не хотела задевать чувства Юлия, но это действительно было похоже на переход границ дозволенного.

— Ее зовут Молли?

— Ага. Ей двадцать один год, и она ищет что-то постоянное.

Я тихо вздохнула.

Мое материнское беспокойство вступило в игру.

— Ты ей доверяешь?

— Лекс, — это было все, что он сказал, и я знала, что это был глупый вопрос. Как будто Юлий позволил бы кому-то ненадежному находиться рядом со своим крестником.

Мысль о том, чтобы снова работать, звучала потрясающе. Я не могла не рассмотреть это предложение.

— Ну, я не могу обещать постоянство, но... — я издала долгий протяжный вздох, — может быть, она придет на день или два на следующей неделе, чтобы я могла немного узнать ее.

Юлия это вполне устраивало.

— Конечно, я бы ни на чем не настаивал, пока ты не встретишься с ней. Она, э-э... — он сделал паузу. — Она другая.

На следующей неделе, когда я познакомилась с Молли, я поняла, что значит «другая».

Когда я открыла дверь и увидела миниатюрную девушку с оливковой кожей, стоящую там, одетую в черные облегающие джинсы, свободный сетчатый топ с длинными рукавами и армейские ботинки, я заартачилась. Ее большие карие глаза были густо подведены черными тенями, а большие пухлые губы были накрашены помадой баклажанового цвета. Ее темные волосы были короткими и вьющимися, с пробором посередине, и у нее была челка. Ее коротко подстриженные ногти были выкрашены в черный цвет, а еще у нее были татуировки. Когда она открыла рот, я не ожидала услышать сладость, исходящую от ее голоса.

— Мисс Баллентайн? — когда я продолжила смотреть на нее, ее глаза забегали по сторонам, и она потянулась рукой, чтобы почесать плечо. — Э-э, я — Молли. — Но я все еще не могла вымолвить ни слова. Ее глаза расширились, когда она уточнила дальше: — Меня прислал Юлий.

Последнее утверждение прозвучало как вопрос.

Мне потребовалось мгновение, чтобы перезагрузиться, и когда я это сделала, то покачала головой, как бы прочищая ее.

— Прошу прощения, — сказала я ей, открывая дверь и отступая в сторону. — Пожалуйста, входи.

Она так и сделала, но заколебалась. Я не винила ее. Если бы я получила такой же прием, какой только что сама оказала, я бы тоже колебалась.

Оказавшись внутри, я провела ее на кухню и вежливо улыбнулась.

— Присаживайся. — В тот момент, когда она села, ее колено беспорядочно задергалось, и я поняла, что испортила первое впечатление. Я попыталась загладить свою вину.

— Так значит, ты няня?

— Няня, — просияла она. — Но вообще я была помощницей по хозяйству.

Она не выглядела таковой.

— О, неужели? Где?

— В Лондоне. — Молли оглядела кухню, пока не заметила фотографию класса Эйджея на холодильнике. Она была рядом с единственной фотографией Твитча, которая у меня была. Молли посмотрела на моего прекрасного мальчика, и легкая улыбка заиграла на ее губах. — Это Эйджей?

Я повернулась, чтобы посмотреть на фотографию, и улыбнулась.

— Да. Это он.

— Он симпатичный.

— О, он это знает. — Моя улыбка стала шире.

Между нами повисла короткая пауза, и я увидела, как лицо Молли осунулось. Она встала и открыла рот, чтобы заговорить, но ничего не смогла произнести. Она заставила себя улыбнуться и попробовала еще раз. Когда она заговорила, в ее голосе звучало понимание.

— Не думаю, что это сработает. — Я встала и попыталась заговорить, но она покачала головой. — Все в порядке, правда. Я понимаю. — Пятясь из кухни, она отвела взгляд и сказала: — Спасибо, что встретились со мной.

Эта молодая девушка чувствовала себя отверженной, и я сделала это с ней.

Я чувствовала себя самой законченной стервой, которая когда-либо рождалась.

К тому времени, как я встала на ноги и двинулась за ней, она уже была в своем ярко-красном авто. Я выскочила из дома босиком, и как только машина завелась с низким урчанием, я вышла перед ней, Молли уставилась на меня, как на сумасшедшую.

Я жестом попросила ее заглушить двигатель, и когда она это сделала, то продолжила сидеть в машине, осторожно поглядывая на меня и опуская стекло. Я сделала несколько шагов вперед и, согнувшись, заглянула внутрь.

— Почему бы тебе не вернуться в дом? — она искоса взглянула на меня, но не пошевелилась. Поэтому я попыталась исправить тот ущерб, который нанесла, сказав: — ЭйДжей скоро будет дома. Если мы собираемся это сделать, я бы хотела, чтобы ты с ним познакомилась.

Молчание между нами длилось некоторое время.

Она неохотно вышла из машины, и мы вернулись на кухню, ожидая, когда ЭйДжей вернется домой. Разговор не клеился, и после этого Молли не смотрела мне в глаза, но в тот момент, когда раздался звонок в дверь, и я впустила ЭйДжея внутрь, помахав рукой матери его друга, Молли воскресла.

ЭйДжей ворвался на кухню, и в тот момент, когда он заметил ее, удивленно моргнул.

— Кто ты такая?

Она посмеялась над его грубостью, затем ответила:

— А ты кто?

— Я — ЭйДжей, — затем он заявил: — Я живу здесь.

И Молли усмехнулась.

— Я — Молли и не живу здесь.

— Вау, — сказал он, пораженный, когда его глаза скользнули по татуировкам сквозь дыры в ее рубашке. — У тебя есть татуировки.

— Ага, — сказала она, затем, прищурившись, посмотрела на него. — А у тебя есть?

Он хихикнул.

— Нет, — а затем добавил: — Я слишком маленький, — как будто она не знала. Я знала, что это произойдет, еще до того, как он это сказал. — У моего папы есть татуировки. Много.

Но я не знала, что она ответит:

— Я однажды встречалась с ним.

Я слегка нахмурилась.

Встречалась?

И ЭйДжей мгновенно остолбенел. Он заговорил медленно, тихо:

— Правда?

Она кивнула.

— Да. Это было давно, но я все еще помню его.

Звучит верно. Кто мог ее винить?

Твитча было трудно забыть.

— Как давно? — спросил ЭйДжей, бросая рюкзак на пол и подходя ближе.

Молли задумалась.

— Много лет назад. — Она улыбнулась ему, зная, что он был весь внимание. — Я помню, он был таким высоким. — Затем она нахмурилась. — Или, может быть, я просто была невысокой. Не знаю.

ЭйДжей вмешался:

— Ты и сейчас невысокая, но папа был... — он посмотрел на меня, и я ободряюще улыбнулась. Он продолжил: — Да. Папа был высоким.

Пока я сидела и слушала, как девочка-гот рассказывает моему сыну то небольшое, что она знала о его отце, я прислонилась к кухонной стойке и улыбнулась ее воспоминаниям. После того как она закончила, ЭйДжей был наполовину влюблен, и когда она сказала:

— Ты так на него похож, — я поняла, что ЭйДжей принадлежит ей всем сердцем и душой.

Мы договорились с Молли на два дня в неделю в течение месяца. Я увеличила ее пребывание на один день в течение следующей недели, и еще на один на следующей, пока, в конце концов, она не стала бывать в нашем доме чаще, чем отсутствовать. Мне удалось увидеть ее с другой стороны. Игривый, но надежный опекун маленького мальчика, который обожал ее, и она всем сердцем любила ЭйДжея.

Казалось естественным, что, когда я нашла работу на неполный рабочий день в социальном секторе, я попросила ее переехать к нам. Молли любезно согласилась, и с тех пор она с нами.

Но я не была глупой женщиной, и время, проведенное с Твитчем, многому меня научило — читать между строк и слышать невысказанные слова. Поэтому, когда я узнала, что Молли была очень хороша в боевых искусствах и владении оружием, мои подозрения подтвердились.

Я не была уверена, кто такая Молли, но Юлий хотел, чтобы она была рядом с ЭйДжеем по какой-то причине, и этой причиной, очевидно, была защита. Я просто не знала почему.

И это меня беспокоило.

Линг

Злобно нахмурившись, я положила руки на двойные двери и толкнула их так сильно, как только могла. Они открылись со свистом, с громким стуком ударившись о стены. Я вошла с бейсбольной битой в руке, окруженная своими братьями, и посмотрела на абсолютный бардак передо мной.

Мои люди снова дрались с турками.

Позади меня Ван громко выругался:

— Бл*дь, Линг. — Его глаза встретились с моими, он наклонился и прорычал: — Не стой просто так. Сделай что-нибудь.

О, я определенно собираюсь что-нибудь сделать.

Я скривила губы.

Войдя внутрь и закинув биту на плечо, я двинулась по клубу. Крошечное красное платье, которое я надела, было не совсем подходящим нарядом для борьбы с ущербом, но, черт возьми, что делать девушке?

Эти люди начинали меня раздражать.

Я была их гребаной королевой, и вот как они со мной обращались?

Я собиралась показать им, как отношусь к их неповиновению, и собиралась сделать это уникальным способом.

Туплю на высоком каблуке с красной подошвой, которые я носила, казалось, прилипали к грязному полу ночного клуба, и когда я приблизилась к одной группе дерущихся мужчин, на мгновение опустила биту, прежде чем поднять ее высоко над головой. Я напряглась, мое лицо исказилось, а затем я обрушила ее так сильно, как только могла, на голову одного из парней.

Одного из моих парней.

Он упал с неприятным глухим стуком, не двигаясь.

Двое турок попятились назад, чтобы посмотреть на распостертое тело моего солдата-вьетнамца, и разинули рты. Я широко улыбнулась, вытаращив глаза, и наклонилась, согнув палец. Когда я убедилась, что привлекла их внимание, то облизнула свои вишнево-красные губы и сказала:

— А теперь представьте, что я сделаю с вами.

Всего несколько секунд спустя они уже снова дрались, а я поджала губы, оглядываясь в поисках своей следующей жертвы. Я посмотрела на своих Драконов, моих мальчиков, и сдержанно недовольно покачала головой.

Они так и не научились. Но они это сделают.

Когда двинулась к другой группе мужчин, я держала биту одной рукой, одновременно доставая из-за подвязки складной нож. Без чьей-либо помощи я открыла его, прежде чем стиснуть зубы и всадить его в бедро одного из моих людей.

Молодой боец закричал от боли и попятился назад, чтобы ударить меня. Его лицо, искаженное гневом, сменилось страхом, как только он увидел меня.

Мои глаза призывали его заговорить, призывали издать хоть один гребаный звук, и, как все хорошие мальчики, которыми я их воспитала, он покорно опустил голову.

Это была не их вина, что они были такими. Это была моя вина. Я была слишком

снисходительна, долго желая, чтобы мои мальчики хорошо проводили время во время работы. И они это делали. Они просто не знали, когда нужно остановиться.

Я щелкнула языком, и мое лицо преобразилось, когда я опустилась на колени, с любовью обхватила его затылок и нежно прижала его к своей груди. Я погладила его потное лицо и пробормотала:

— Мне не нравится причинять боль моим малышам. — За долю секунды мое лицо исказилось. Я схватила его за волосы и сильно потянула, заставляя посмотреть мне в глаза. — Но вы продолжаете позорить меня. — Мой взгляд упал на нож, торчащий из его бедра. Я опустила руку и надавила на него.

Лицо молодого человека исказилось от боли, и он ахнул, но не закричал. Вместо этого он прикусил губу так сильно, что пошла кровь. Мое сердце бешено заколотилось.

Черт.

Вся эта кровь и боль возбуждали меня.

Приблизив свое лицо к его, я сильнее надавила на рукоятку ножа, и когда из горла парня вырвался сдавленный звук, я откинула голову назад, и мой рот приоткрылся от желания.

Мне действительно нужно было потрахаться.

Когда я медленно провела языком по губам юнца, то почувствовала его короткое, прерывистое дыхание у своего рта и прижалась своими губами к его губам, сладко поблагодарив за службу. Когда я отстранилась и встала, то бесстрастно посмотрела на него сверху вниз.

— Иди домой. Сейчас же.

Вздыхнув, я положила руки на бедра, уперлась ногами и посмотрела на происходящую бойню.

Повсюду валялись тела; это была кровавая баня, и когда почувствовала, что кто-то подошел сзади, я положила руку на пистолет 22-го калибра, спрятанный у меня под подвязкой.

Но потом он заговорил.

— Это выходит из-под контроля.

Мой старший брат Ван. Единственный, о ком я действительно беспокоилась, единственный из моей семьи, кто понимал меня, потому что он был таким же.

Я слегка кивнула, и когда Ван прижался передом к моей спине, я закрыла глаза и тяжело сглотнула.

Это была игра, в которую мы играли друг с другом, раздвигая границы дозволенного.

Да.

Мы были трахнутыми на голову.

Его рука легла на мое бедро, и он наклонился ближе, приблизив губы к моему уху.

— Это твое. Так возьми все свои руки. — Рука на моем бедре сжалась. — Будь королевой, которой, как я знаю, ты и являешься.

Я повернулась, чтобы посмотреть на него, и он приблизил свое лицо. Слишком близко.

Не прерывая зрительного контакта, я достала пистолет, подняла его и сделала три выстрела.

Ван улыбнулся, сияя гордостью, и я вернула ему эту высокомерную улыбку, долгое время глядя на его губы.

— Линг.

Я прикусила губу, гадая, каким он будет на вкус.

— Линг, — грубо предупредил он, схватив меня за запястье и выводя из ступора.

Моргнув, я стряхнула с себя неестественное желание и огляделась, осматривая пол, на мгновение удивившись, обнаружив, что все взгляды устремлены на меня. К счастью для них, мне нравилось внимание. Я жила ради этого.

Сделала глубокий вдох, прежде чем мой взгляд потемнел, и громко заявила:

— Я разочарована. — Вглядываясь в каждую пару глаз, я продолжила: — Мне лечь прямо здесь или вы предпочитаете, чтобы я перегнулась через стойку бара? — Видя их явное замешательство, я сказала: — Ну, вы все трахаете меня глазами так сильно, что я вполне могу устроиться поудобнее.

При этих словах каждая пара глаз опустилась в молчаливом извинении.

Турки знали, что лучше сюда не соваться. Это был мой клуб. Я, бл*дь, владела им, но это не оправдывало поведение моих Драконов.

Я подумала об этой ситуации, и мне на ум пришла единственная фраза, о которой я так часто думала.

Что бы сделал Твитч?

Это было моей мантрой, с которой я жила свою жизнь, и до сих пор она служила мне верой и правдой.

— Кто это был? — я сделала шаг ближе. — Какой умник начал это?

После долгой паузы один из них шагнул вперед. Я не колебалась. Подняла пистолет и нажала на спусковой крючок, эхо выстрела прозвучало слишком громко в почти пустом здании. Я не испытывала никакой радости, наблюдая, как человек безжизненной грудой падает на землю.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох, медленно выдыхая.

— Когда вы, ублюдки, научитесь? Линг дает. — Мои глаза снова открылись, и лицо исказилось от ярости. — Линг забирает.

Повернувшись, я произнесла:

— Решайте, кому вы верны, и решайте быстро. — Я была так зла. — Потому что мама так близка к тому, чтобы утопить своих малышей.

Взволнованный вздох покинул меня.

Иногда было трудно быть королевой.

Я чувствовала его присутствие, зная, что он прямо за мной, и в ту секунду, когда вышла на улицу, его сильная рука обняла меня за плечи, притягивая к себе.

— Не переживай из-за этого.

Это было разочаровывающе. Я ожидала, что эта должность будет давать гораздо больше, чем требовать. Неудивительно, что никто из моих братьев не возражал против моего захвата.

Пятеро братьев, и никто из них не хотел трона. Я должна была догадаться.

С другой стороны, я пользовалась их уважением. Я рассказала им все начистоту. Они не должны были любить меня; я им даже не должна была нравиться, но они будут уважать меня. Потому что я была гребаной королевой Драконов, и эта позиция требовала уважения.

Это было важно для меня.

Я начала с самого низа и в буквальном смысле пробила свой путь к вершине, но теперь, когда я смотрела вниз с горы Олимп, я поняла, что чего-то не хватает.

Короля.

Только один человек когда-либо был достоин этого титула, и он исчез. Он пропал без

вести.

Без него это ничего не значило.

Предполагалось, что мы, вдвоем, будем делать это вместе.

Конечно, я могла бы стать королевой, но без достойного короля завоеванная империя обречена на провал.

Я все еще оплакивала этого мудака, но делала это молча, наедине с собой, вдали от посторонних глаз.

Поэтому я кивнула, когда Ван притянул меня ближе к себе и пробормотал:

— Пойдем выкурим со мной косячок. Поговорим.

Потому что ничто не заставляло меня чувствовать себя хуже, чем одиночество, а сегодня вечером я была одинока.

Как только мы вошли в дом Вана, я сбросила туфли и бросила сумочку на стойку, прежде чем подойти к одному из трех диванов и откинуться на него. Глядя в потолок, я задавалась вопросом, какого черта я хочу от жизни.

У меня было все.

Деньги. Власть. Величие.

Тогда почему я была такой надутой маленькой сучкой?

Ван подошел ко мне, сел на пол передо мной, положил руку мне на колено и сжал его в знак молчаливой поддержки.

Он был моим чемпионом. Мой самый большой сторонник.

Иногда мне казалось, что он был моим единственным сторонником.

Не говоря ни слова, он достал из кармана маленькую жестянку и начал крутить косячок. Прикурил и затянулся, прежде чем передать его мне. Взяв его, я поднесла к губам и вдохнула едкий дым. Я затянулась еще, потом еще, пока косяк не был вырван у меня из пальцев.

Мы долго сидели в тишине, прежде чем я заговорила в тускло освещенном помещении, мой голос был чуть громче шепота.

— Ты когда-нибудь думал о том, что Ча сделал с нами?

Наш отец был жестоким во всех отношениях, формах и проявлениях.

Ван не колебался.

— Все время.

Тяжело было расти во вьетнамской семье и быть последней из шести детей. Что еще хуже, я была девушкой. Моему отцу это было совершенно безразлично. Он давал мне знать об этом в каждом моменте моей жизни. Истории, которые он рассказал, сформировали из меня ту женщину, которой я была сегодня.

Он рассказывал, что когда узнал, что я девочка, сбросил мою мать с лестницы прямо там, в больнице. Рассказывал, как наслаждался ее кровотоком.

К сожалению, я выжила. На самом деле я пережила множество попыток прерывания беременности, все от руки моего отца, и когда я родилась, он поклялся избавиться от меня, и скорее раньше, чем позже.

Тот момент, когда меня готовили к сексу, смущал. Помню, в пять лет я была сбита с толку, удивляясь, почему мой отец вдруг стал так добр ко мне. Будь я постарше, я бы поняла, что это ловушка. Будучи такой юной и жаждущей одобрения своего отца, я делала все, что от меня требовали, потому что, когда я это делала, он был доволен.

Это был классический пример дрессировки. Как по учебнику.

Этот трус даже этого не сделал своими руками. Он хотел, чтобы мои братья творили со

мною эти ужасные вещи, и когда я отняла трон у своего отца, я собиралась заставить своих братьев заплатить за то, что они сделали со мной.

Однажды ночью, когда мы с Ваном вступили в относительно оживленный спор, я назвала его педофилом. И не была готова к удару, когда Ван дал мне пощечину, он сделал это достаточно сильно, чтобы я увидела звезды.

Тяжело дыша от шока, он наклонился надо мной, когда я схватилась за щеку, и выплюнул:

— Думаешь, ты здесь единственная жертва? — ну, да, так оно и было. И я наблюдала, как грудь моего брата вздымалась от гнева, от беспокойства, когда он смаргивал слезы при воспоминаниях. — Думаешь, мы хотели делать все это? — он покачал головой. — Ты была слишком молода, чтобы помнить. Ты понятия не имеешь, что с нами сделали бы, если бы мы отказались. — Он тупо уставился в стену. — Он никогда не прикасался к тебе. Но это не помешало ему прикоснуться к нам. — Когда он вышел из своего транса, моргнул на мгновение, а затем зарычал на меня. — И, бл*дь, следи за тем, как ты со мной разговариваешь, Линг-Линг. — Уходя, он произнес: — Не говори о дерьме, о котором ты ничего не знаешь.

Именно суровость этих слов, скрытая боль в его голосе заставили меня увидеть правду такой, какой она была. Ван был прав. Я была не единственной жертвой жестокости моего отца.

Мы не часто говорили об этом, но когда мы это делали, я чувствовала, как изгоняю гнев из себя, чувствовала, как парю в воздухе, и сегодня вечером мне это было нужно.

Он протянул мне косяк, и я взяла его, облизывая губы и держа между пальцами.

— Ты помнишь, что сделал со мной? Что он заставил тебя сделать со мной?

Я поднесла дым к губам и вдохнула его, закрыв глаза, наслаждаясь теплым сиянием моего кайфа.

Стоя спиной к дивану, Ван кивнул. Его голос был тихим, как шепот.

— Да.

Я сделала еще одну затяжку, и мой разум стал опьяненным. Я не должна была спрашивать, но сделала это.

— Ты хочешь сделать это снова?

Полная честность.

— Нет, но иногда думаю об этом.

И я. Это вызывало отвращение к самой себе.

И именно поэтому мы были так близки. Никто не понимал. Только мы понимали, какое замешательство вызвало сексуальное насилие над детьми, недоумение от того, что тебя обхаживает член семьи и ты не знаешь, что это происходит, и, наконец, душераздирающий опыт получения удовольствия от рук того, от кого ты не должен был его получить.

Конечно, мы ни в чем не были виноваты. Мы не знали ничего лучше. Мы были всего лишь детьми, и человек, которому мы должны были доверять, предал нас. Он предал нас всех.

Неудивительно, что мы были в таком дерьме, в каком были.

— Ты хочешь иметь детей?

Ван усмехнулся.

— Черт возьми, нет.

Вполне справедливо.

Только у одного из моих братьев был ребенок, и он держался как можно дальше от этого ребенка, боясь испортить ему жизнь так же сильно, как и нам ее когда-то испортили.

— Я хочу, — призналась я, делая глубокий вдох и медленно выдыхая. — Даже после всего, я все равно этого хочу.

Он откинулся назад, и его затылок коснулся моего плеча.

— Тогда у тебя будут дети, Динь-Линг.

Я нежно провела пальцами по его волосам, и мы вернулись к приятной тишине.

Нет. Этому не суждено случиться.

Как бы мне ни было грустно, дети были не для меня.

И мне просто придется жить с горькой завистью из-за того, что она получила ребенка, который, по сути, должен был быть моим.

Лекси

Я была на кухне, когда кто-то постучал во входную дверь. Молли отложила деревянную ложку, которой помешивала соус для пасты, и вытерла руки кухонным полотенцем.

— Я открою.

Боже, она была хорошей девушкой. Я была благодарна за то, что она была в моем доме, в моей жизни. Надеюсь, она знает, как сильно я ее ценю. Видит бог, я напоминала ей об этом так часто, как только могла.

В ту секунду, когда я услышала, как открылась дверь, Молли весело произнесла:

— Боже, выглядишь дерьмово. Долгий перелет?

И мне пришлось подавить желание взвизгнуть от возбуждения. Бросившись вперед в своих тапочках с Пикачу, я увидела его и вскинула руки, сияя:

— Ты дома!

Хэппи хмуро смотрел на Молли.

— Полегче, малышка. — Затем он вышел вперед, выдавив усталую улыбку. — Привет, красавица. — Он медленно потянулся ко мне, чтобы крепко обнять и когда он это сделал, я почувствовала, как его вес опустился на меня. Мои руки поднялись, чтобы схватить его сзади за куртку, и я держала его так же крепко, как и он меня. Поглаживая мою спину, он отстранился, но лишь слегка, чтобы посмотреть на меня сверху вниз улыбающимися глазами. — Как у тебя дела?

Я посмотрела в его усталое лицо, и моя улыбка погасла.

— Ты в порядке?

Вздыхнув, он закрыл глаза, и его густые ресницы казались удивительно длинными на щеках. Через мгновение он провел рукой по лицу и покачал головой.

— Не беспокойся об этом. — Затем он заставил себя еще раз улыбнуться. — Я хочу услышать о тебе. Как там мой мальчик?

Что-то казалось неправильным. Хэппи отсутствовал целую неделю, и для нас это был долгий срок. Обычно дня или двух не проходило без того, чтобы мы не виделись. По крайней мере, раз в неделю он, Никки и Дейв приходили на ужин. Мне было любопытно, почему он казался таким мрачным.

Я дернула подбородком в его сторону, смягчая свою улыбку.

— Почему бы тебе самому не посмотреть? Он спрашивал о тебе.

Улыбка Хэппи стала шире, прежде чем он поцеловал меня в щеку.

— Сейчас вернусь. — Прежде чем пойти в комнату Эйджея, он вытащил что-то из кармана куртки и взял это с собой в коридор.

А потом я услышала, как маленький монстр воскликнул:

— Дядя Хэппи!

За этим последовал смех и приглушенный разговор. Мы с Молли обменялись удивленными взглядами, прежде чем вернуться к нашим делам. Сегодня вечером у нас будет полный аншлаг, и это означало много еды, разговоров и смеха. В меню были спагетти и фрикадельки, и я приготовила их, зная, что это любимое блюдо Хэппи.

Эйджей выбежал из своей комнаты, держа в руке что-то громоздкое.

— Смотри, что мне подарил дядя Хэппи!

Он протянул матрешку в стиле Мрачного Жнеца, и я издала смешок. Какой нездоровый подарок. К сожалению, унаследовав довольно много вещей своего отца, Эйджей теперь увлекся скелетами. Его самой ценной вещью в мире были запонки Твитча с черепом и скрещенными костями. Было время, когда он повсюду брал их с собой.

— О, милый. Он такой... — мои глаза расширились, когда я изо всех сил пыталась подобрать слово, — классный.

Подошла Молли, с жадным интересом разглядывая матрешку.

— Потрясающе, парень. — Она нежно потрепала его по подбородку, улыбаясь. — Выглядит как ручная работа. Бьюсь об заклад, игрушка в единственном экземпляре. Повезло.

Эйджей был вне себя от радости от этой новости и подошел к дивану, чтобы открыть и изучить жуткий подарок. Мне потребовалось некоторое время, чтобы заметить, что Хэппи не вышел из комнаты Эйджея. Когда я добралась до открытой двери и увидела Хэппи, лежащего на маленькой односпальной кровати Эйджея, с расслабленным от сна лицом, я улыбнулась, но мой взгляд привлекло кое-что, торчащее из ящика с нижним бельем моего сына.

Осторожно открыв его, я достала холодный металл и моргнула.

Это были часы.

Мужские, очень громоздкие часы. Такие я никогда раньше не видела.

Нахмурившись, я взяла тяжелое серебро в руки и перевернула, рассматривая красивые часы.

— Откуда это взялось?

Я не слышала, как Эйджей подошел ко мне сзади. Он тихо заговорил:

— Они папины. — Я обернулась, чтобы посмотреть на него, и маленькое чудовище улыбнулось зубастой улыбкой. — Я держу их у себя, пока он не вернется за ними.

Мои глаза закрылись, и я развернулась, с трудом сглотнув от печали, которую вызвали его слова.

Черт побери, Эйджей.

Папа не вернется.

Я боролась с комом в горле.

Остановись.

Мое сердце начало болезненно ныть.

Пожалуйста... Ты убиваешь меня, малыш.

Не говоря ни слова, я засунула часы обратно в ящик, с легким хлопком закрыла его, затем глубоко вздохнула и сменила тему.

— Тише, милый. Дай дяде Хэппи вздремнуть. — Проходя мимо него, я нежно положила руку ему на спину и повела обратно на кухню.

Как долго это будет продолжаться?

Мне нужен был совет, и сегодняшний вечер в окружении друзей, вероятно, был лучшим местом, чтобы получить его.

Вскоре после этого звук поворачивающегося замка дал мне знать, что у нас появился еще один гость. Когда Никки вбежала с широко раскрытыми глазами и в приподнятом настроении, она полностью проигнорировала нас и спросила:

— Где он?

Закатив глаза, я указала в конец коридора, и, взмахнув своими длинными рыжими волосами, она отправилась на поиски своего мужчины. В тот момент, когда она заглянула в

комнату и увидела его спящую фигуру, выражение ее лица сменилось с взволнованного на грустное. Она нежно приложила руку к сердцу и вошла в комнату. Я слышала, как она осторожно разбудила Хэппи.

— Эй. Соня.

Потом ей ответил только что проснувшийся Хэппи.

— Привет, детка. Я скучал по тебе.

Улыбнувшись, я вернулась к приготовлению чесночного хлеба. Примерно через минуту входная дверь снова открылась, и вошел Дейв, выглядевший более чем взволнованным.

— Где он?

Неужели все, кто входит в этот дом, собирались игнорировать меня?

С тихим смешком я указала в конец коридора, и Дэйв подпрыгнув, щелкнул каблуками, а затем зашагал по коридору как раз в тот момент, когда появились Никки и Хэппи, держась за руки. Дейв едва удостоил Никки взглядом, погладив ее по голове, выдавив из нее возмущенный звук, а из Хэппи смешок. Дейв посмотрел в конец коридора, убедившись, что Эйджей скрылся из виду, а потом наклонился к Хэппи и прижался губами к губам другого мужчины.

Я старалась не смотреть, но это было трудно. Мне все еще казалось странным их соглашение, но каким-то образом они заставили его сработать.

Хэппи, Никки и Дэйв жили как семья, в которой Хэппи делили и Никки, и Дэйв. И, что удивительно, не Хэппи предложил это. А Никки.

Говоря о дьяволе, она счастливо наблюдала, как двое мужчин разделили сладостный момент.

Хэппи обхватил шею Дэйва сзади, погружая его глубже в поцелуй, прежде чем отстраниться и улыбнуться.

— Привет.

— Я скучал по тебе, — тихо произнес Дейв.

Хэппи вздохнул.

— Я тоже скучал по тебе. — Он притянул Никки к себе и хрипло произнес: — По вам двоим. Не могу дождаться, когда вернемся домой сегодня вечером, — я выгнула бровь.

Что-то подсказывало мне, что они не собираются играть в «Парчиси» (настольная игра).

Тьфу. Счастливчики.

Я скучала по сексу.

Это было самое трудное в том, чтобы быть матерью-одиночкой. Я не доверяла ни одному мужчине настолько, чтобы подпускать их к своему сыну, и мне не нравилась мысль о случайной интрижке. О, не поймите меня неправильно. Я ходила на свидания, и они были хорошими парнями.

Может быть, в этом и была проблема.

Похоже, хорошие парни больше меня не заводят. Отношения с Твитчем изменили меня и мои — *кхм* — предпочтения. Однажды Никки сказала мне, что встретила Дома, который мог бы мне понравиться, и я буквально бросилась через стол, чтобы закрыть ей рот рукой, одновременно отчаянно шикнув на нее.

Почему никто не понимал?

У меня он уже был, один на миллион. Я никогда больше не найду никого, похожего на него. И, честно говоря, мне этого не хотелось.

Был только один невыносимо властный, горячий, как ад, совершенно сводящий с ума

Твитч.

И это не было похоже на то, что я была полностью без секса. У меня все еще была рука и мои воспоминания, и на данный момент этого было достаточно. Я действительно скучала по этой физической связи и иногда жаждала, чтобы ко мне прикоснулись, но такова была жизнь.

Правда заключалась в том, что я жила, но вместе с тем, часть меня умерла. Я оплакиваю свою потерю до сих пор. Но двигаюсь ли дальше?

Да, разумеется.

Видит Бог, я пытаюсь.

Легкая, болезненная меланхолия наполнила меня.

Трудно было забыть кого-то, кто дал тебе так много воспоминаний.

В тот самый момент, когда зазвенела духовка, раздался звонок в дверь, и я крикнула:

— Иду! — когда я открыла ее, там стояли Юлий и Ана, и я распахнула дверь пошире, улыбаясь. — Привет, ребята. Заходите, заходите. Надеюсь, вы проголодались.

Ана вышла вперед, нежно обняв меня, и я была тронута тем, как счастливо она выглядела, увидев меня. Юлий весело похлопал себя по животу.

— Девочка, я когда-нибудь был не голоден?

Я изобразила на лице согласие, слегка кивнув.

— Действительно.

Он улыбнулся мне сверху вниз, прежде чем заключить меня в свои объятия, и я приняла всю любовь, которую он дал. По правде говоря, я была в некотором роде шлюхой на объятия. Всегда была такой. Всякий раз, когда кто-то нуждался в объятиях, я первой бросалась к нему. Иногда я задавалась вопросом, не слишком ли распускаю руки. Я знала, как ситуации могут быть неправильно истолкованы. Я очень осторожно прикасалась к мужчинам, но с Хэппи и Юлием я принимала все, что они давали, потому что у меня больше никого не было, и я их очень любила.

Всякий раз, когда у меня возникали домашние проблемы или мне нужно было немного набраться сил, они были первыми, кому я звонила.

Они были кем-то вроде моих «мужей на час».

Я была благодарна их партнерам за то, что они проявляли такое понимание в этом смысле. Казалось, я все время их одалживала.

Все сели за мой едва ли достаточно большой восьмиместный стол. Мы с Молли поставили еду в центр стола, и я с удовлетворением наблюдала, как все набросились на угощение.

Было приятно разделить трапезу с семьей и друзьями.

Никки зачерпнула немного спагетти для маленького монстра, и когда она подставила ему щеку, Эйджей запечатлел на ней поцелуй, прежде чем отправить в рот огромное количество макарон. Никки улыбнулась своему крестнику.

— Не за что, милый.

Хэппи стащил кусок чесночного хлеба с тарелки Аны, и я с удивлением наблюдала, как она свирепо смотрела на него, ударяя вилкой по костяшкам его пальцев. Он отстранился, выглядя обиженным и трясая рукой, как будто ему было больно. А Юлий усмехнулся, кладя фрикадельку на свою тарелку.

— Не кради у нее еду, чувак. Ей это не нравится. Только мне позволено это делать.

Ана кивнула, затем с обожанием улыбнулась своему мужу.

Молли протянула салат Дейву, и он взял его, подмигнув.

Совершенно неожиданно у меня перехватило дыхание от эмоций. Это — то, что происходило прямо здесь — было тем, что делало мою жизнь лучше. Меня окружали хорошие люди, которые составляли отличную компанию, а те, кто не мог заставить себя участвовать в разговоре, дарили улыбку тем, кто это делал.

В такие моменты, как этот, я считала себя счастливымчиком. Удачнее большинства.

Когда стало поздно, Эйджей обошел стол, обнял и поцеловал всех на ночь, прежде чем я проводила его в его комнату и уложила спать. Я наблюдала, как он укладывается, и мое сердце дрогнуло от того количества любви, которое вызвал его вид.

С легким вздохом я вернулась к столу, пока Молли раздавала торт с вишней и сливками, который я испекла накануне вечером. Она протянула мне кусочек, и я поблагодарила ее, сжав ее руку, прежде чем сесть.

— У меня есть проблема, о которой я хотела бы с вами поговорить.

Все замерли, глядя на меня, уделяя мне все свое внимание.

— В чем дело, детка? — осторожно спросила Никки, заговорив первой.

Я поковыряла кусочек торта на своей тарелке.

— Я не знаю. Скорее всего, это пустяки. — Я закатила глаза и преувеличенно громко выдохнула. — Эйджей много говорит о Твитче. И он говорит очень странные вещи.

— Какие? — спросил Юлий, его лицо сморщилось.

— Ну, во-первых, он говорит, что Твитч приходит навестить его по ночам, — сказала я им с легким смешком.

В этот момент Хэппи подавился своим тортом. Он кашлял и кашлял, пока слезы не выступили у него на глазах, и он не прохрипел:

— Что? — Никки протянула ему свой стакан с водой, он взял его и залпом осушил.

— Ладно, послушай, — сказала я печально. — Для ребенка не так уж и странно придумывать воображаемые сценарии, когда он проходит через потерю, чтобы справиться с этим. Я почти уверена, что все дело именно в этом. Но я спрашиваю себя, должна ли я оставить это или отвезти его к кому-нибудь, поговорить с кем-нибудь?

Юлий сказал:

— Я думаю, ему следует с кем-нибудь поговорить, — и в то же время Хэппи произнес:

— Это пройдет. Это свойственно детям.

Они внимательно посмотрели друг на друга, и когда стало неловко, я протянула:

— Я могла бы просто дать ему немного времени и посмотреть, как все пойдет. — Затем я пожала плечами и сказала. — Вероятно, это просто этап.

— Конечно, — сказала Никки.

— Да, — согласился Дейв с легким кивком.

Я была удивлена, когда Ана открыла рот и начала говорить, хотя и тихо.

— Я хотела спросить тебя кое о чем, Лекси. — Она держала руки под столом, чтобы никто не видел, как сильно они дрожали.

Она разговаривала со мной. Насколько это было здорово? Я не смогла удержаться от улыбки.

— В чем дело, Ана?

Ана посмотрела на Юлия, и он мгновение смотрел на меня, прежде чем снова повернуться к ней и кивнуть. Она долго смотрела на меня, и мы были терпеливы. Ей потребовалось некоторое время, чтобы произнести это, но в конце концов она это сделала.

— Моя подруга Аманда приезжает из Штатов, чтобы провести с нами пару недель, и она хочет познакомиться с тобой.

Вау, хорошо.

— Да, конечно. Я с удовольствием с ней познакомлюсь.

К сожалению, все выглядело так, будто Ана еще не все сказала, но у нее больше не было сил продолжить, потому что она посмотрела на своего мужа и скорчила гримасу чистого страдания. Юлий запечатлел легкий поцелуй на ее губах, прежде чем взять инициативу в свои руки.

— Она хочет познакомиться со всеми вами.

Почему это прозвучало так, словно надвигалось что-то плохое?

— Нет проблем. Приведи ее как-нибудь вечером на ужин, и тогда она сможет познакомиться со всеми нами.

Но Юлий покачал головой.

— Она хочет сначала познакомиться с тобой.

Конечно, это совсем не звучит злое.

Что здесь происходит?

— Хо-ро-шо, — протянула я, затем осторожно рассмеялась. — В чем проблема?

Юлий пристально посмотрел мне в глаза.

— Я кое-что скрывал от тебя, Лекс.

Вот дерьмо.

Секреты.

Не-а. Мне это не нравится.

Мои губы сжались, а брови нахмурились.

— Что именно ты скрывал?

Юлий долго смотрел на меня.

— Аманда — семья. А если конкретнее... — он облизнул нижнюю губу, — она тетя ЭйДжея.

Ладно. Официально здесь все запутано.

— Что ты имеешь в виду?

Все за столом смотрели на нас в полной тишине, прежде чем Юлий сказал:

— Аманда — биологическая сестра Твитча.

Мое дыхание со свистом покинуло меня.

— Она дочь Антонио Фалько-старшего, что делает ее тетей ЭйДжея. — Юлий принял мое молчание за отказ. Я знаю это, потому что он поднял руку и сказал: — Подожди секунду и подумай об этом. — Он продолжил. — Она действительно хорошая женщина. Врач, Лекс. По-настоящему уважаемый. На самом деле она чем-то напоминает тебя. Но она не хотела, чтобы мы рассказывали тебе о ней, по крайней мере, до сих пор. И ей бы очень хотелось познакомиться со своим племянником.

Мои легкие снова заработали, и я медленно сделала глубокий, обжигающий вдох, а затем ответила на выдохе:

— Я хочу встретиться с ней.

Юлий моргнул, глядя на меня.

— Да? — затем он улыбнулся. — Черт, Лекс. Она будет на седьмом небе от счастья. Она умирает от желания познакомиться.

Когда я посмотрела на Ану, та выглядела такой счастливой, но я не могла нормально

функционировать.

О Боже мой.

У Твитча была сестра.

Твитч

— Ты тупой сукин сын. — Хэппи уставился на меня, когда я открыл входную дверь.

— Повтори? — сказал я со смертельным спокойствием.

Этому засранцу нужно еще раз подумать, если он уверен, что может прийти в мой дом и так со мной разговаривать. Я имею в виду, мы были друзьями долгое время. И он должен уже хорошо меня знать. Я дам ему в челюсть быстрее, чем он успеет это предвидеть.

Хэппи вошел, и я закрыл за ним дверь. Он расхаживал взад и вперед, и пока он это делал, я заметил, что он держит в руках контейнер.

— Это для меня?

Губы Хэппи скривились, и он бросил контейнер в меня. Я взял его, открыл, и в животе у меня заурчало при виде спагетти и фрикаделек. Моя малышка чертовски хорошо умела готовить, и я любил итальянскую кухню. Не говоря больше ни слова, я подошел к раковине, взял вымытую вилку и принялся за дело. Я запихнул вилку в рот и издал низкий горловой звук, пережевывая, а затем пробормотал:

— Люблю ее фрикадельки.

Когда он перестал расхаживать, то повернулся ко мне и произнес:

— Ты что, с ума сошел или твоя миссия — быть пойманным? — когда я бросил на него мрачный взгляд, он указал на меня. — Не испытывай меня сегодня, ублюдок. Я только что вернулся домой после четырнадцатичасового перелета, и мне не сосали член целую чертову неделю. Ты думаешь, я хочу быть здесь с твоей угрюмой задницей? Нет, чувак. Я хочу быть дома, а не читать тебе нотации.

Что за херня была у него в заднице?

Я медленно прожевал, затем проглотил.

— Тогда, бл*дь, вали, сука. Мне все равно.

Но затем Хэппи упер руки в бока и пробормотал:

— Ты навещал Эйджея?

О.

Я перестал жевать.

Это.

В любом случае, какого хрена это было его дело? Я никому не причинял вреда.

Я выдержал его взгляд, и он провел рукой по своей лысой голове, а затем усмехнулся.

— Лекси хочет отвести его к психиатру, Твитч. Думает, что он страдает от горя, потому что, хоть убей, она не может понять, почему он вдруг повсюду видит тебя.

Ладно. Возможно, это было проблемой.

Хэппи спросил:

— Как долго? — но я не ответил.

С моим мальчиком все было в порядке. Ему не нужен был психиатр. Он нуждался в своем отце, и я работал над этим.

Я мысленно вздохнул, поковырялся в еде, а затем мрачно пробормотал:

— Я разберусь.

Хэппи секунду моргал, глядя на меня, прежде чем отмахнуться и уйти. Прежде чем

захлопнуть дверь, он сказал:

— Я тебе ни хрена не верю, чувак.

Я съел остаток своей еды в тишине, стараясь не обижаться на то, что моим друзьям сегодня досталось пообщаться с моей женщиной, пока я сидел в темноте, украдкой наблюдая за происходящим с другой стороны улицы.

Лекси

Я нервничала.

Наверное, мне не следовало этого делать, но я нервничала. Я имею в виду, из-за того, что знала, Аманда даже никогда не встречалась с Твитчем. Но у них были одни гены, и это заставляло меня нервничать.

Будет ли она похожа на него?

Будет ли такой же властной, как и он?

Я ничего о ней не знала, и Юлий подумал, что так будет лучше, если мои впечатления будут исходить от этой женщины, а не от рассказов о ней, и я должна была уважать это. Но когда я сидела перед туалетным столиком, нанося легкий макияж, то не могла не думать о ней.

Я быстро оделась в симпатичные джинсы в обтяжку и футболку, затем собрала волосы в высокий хвост. Посмотрев на себя в зеркало на туалетном столике, я удовлетворенно вздохнула. Это было так хорошо, как только могло быть. Я больше не утруждала себя переодеванием, не хотела из-за нервозности переусердствовать, боясь выглядеть идиоткой.

Итак, момент истины.

Когда попыталась выйти из своей спальни, мои глаза уловили вспышку розового цвета на моей тумбочке. Я нахмурилась, но ноги сами понесли меня к нему, и с мягкой, смущенной улыбкой я подняла маленькую циннию, которую явно сорвали с нашего переднего двора, поднесла ее к своим улыбающимся губам, вдыхая ее нежный, землистый аромат.

Мой сын был настолько чист сердцем, что иногда это убивало меня. Я делала все возможное, чтобы научить его приходящему в упадок искусству джентльмена. ЭйДжей ненавидел уроки танцев, которые я навязывала ему, но я поклялась, что он научится танцевать вальс, и по большей части мы веселились, занимаясь этим. Я старалась изо всех сил привить ему хорошие манеры, но, что ж, он был ребенком Твитча, так что я сделала с этим все, что могла.

Не знаю, как долго простояла на кухне, глядя в большое эркерное окно гостиной, но когда увидела подъехавший серебристый седан, мое сердце замерло. Я приложила руку к своему животу в слабой попытке остановить трепетание.

Мое сердце бешено заколотилось.

Что, если я ей не понравлюсь?

О, нет.

Что, если она мне не понравится?

Вот дерьмо.

Слишком поздно.

Миниатюрная рыжеволосая женщина, одетая в черные джинсы и белую блузку, уже пересекла половину лужайки перед моим домом. Из-за огромных солнцезащитных очков было трудно разглядеть ее черты. И тут раздался звонок в дверь.

Я сосчитала до семи, прежде чем открыть дверь, и молча стояла в проеме. Когда маленькая американка сняла солнцезащитные очки, обнажив поразительные голубые глаза и россыпь веснушек на носу, я была удивлена. Она совсем не была похожа на Твитча. Я ничего

не могла поделаться с внезапным иррациональным разочарованием, которое почувствовала.

Но потом она улыбнулась, и вот появился его проблеск.

— Лекси?

Я не хотела этого делать. Действительно не хотела. Я изо всех сил старалась остановить это, но не смогла.

Я приложила руку к дрожащим губам, мое зрение затуманилось, и я заплакала в полной тишине, кивая.

Лицо маленькой женщины исказилось, и она подошла ко мне, притянула к себе и долго обнимала. Когда она отстранилась, ее собственные ресницы были мокрыми, и я издала хриплый смешок.

— Привет.

Она вытерла щеки, прежде чем подавилась собственным смехом.

— Привет.

Сумев взять себя в руки, я глубоко вздохнула.

— Ну, все прошло не так, как я планировала. — Смущенный смешок вырвался из моего горла. — Пожалуйста, входи.

Каким-то образом неожиданный всплеск эмоций с обеих сторон установил связь между нами, и я сразу почувствовала себя непринужденно с этой женщиной. Я вошла на кухню, обернулась и спросила:

— Кофе?

Аманда бросила свою сумку на пол, выдвинула стул и села на него, этот домашний жест заставил меня проникнуться к ней еще больше.

— Ты просто ангел.

— Забавно. — Я усмехнулась и включила кофеварку. — Так обычно называл меня твой брат.

Как ни странно, она сказала:

— Знаю. — Но когда мой озадаченный взгляд остановился на ней, она немедленно исправилась: — Я имею в виду, слышала об этом.

Тогда ладно.

Пока кофеварка наполнялась, я чувствовала себя немного неловко.

— Мне очень жаль. Я не собиралась так знакомиться с тобой, расплакавшись. Наверное, была немного ошеломлена. — Я прикусила внутреннюю сторону щеки. — Ты не похожа на Твитча, но когда ты улыбнулась... — я пожала плечами. — На секунду я увидела его в твоей улыбке.

Лицо Аманды смягчилось.

— Ты, должно быть, очень его любила.

Я налила кофе и тихо сказала:

— До сих пор люблю. — Когда протянула ей кружку, добавив сахар и сливки, я продолжила: — Не знала, что у него есть сестра. Он никогда не упоминал о тебе.

Она выглядела немного смущенной.

— Он не знал. Уверена, что при сложившихся обстоятельствах, он все равно не захотел бы иметь с нами ничего общего.

Ого.

— Что ты имеешь в виду? — и что еще более важно: — И с кем, с нами?

Аманда натянуто улыбнулась, прежде чем объяснить:

— У меня есть брат по имени Джузеппе. Мы зовем его Зеп. — Она прикусила губу. — Он и Тони родились с разницей всего в несколько дней.

И все это имело смысл.

Я приподняла брови.

— О.

Аманда тихо рассмеялась.

— Да, именно. Итак, у нас с Зепом одна и та же мать, но маму Тони я никогда не встречала. В любом случае, слышала, что она была сукой, поэтому, когда узнала, что она умерла несколько лет назад, это было похоже на «скатертью дорога». — Она сделала паузу. — Зеп никогда не чувствовал необходимости искать нашего брата, но я искала. — Она выглядела удрученной. — Просто нашла его слишком поздно.

Это было печально. Мне было грустно за нее.

Мой голос был нежным.

— Мне очень жаль.

Она покачала головой, потягивая черный кофе.

— Спасибо, но все в порядке. — Она улыбнулась. — Я нашла тебя и... — она с надеждой посмотрела на меня, — моего племянника.

Как будто я собиралась удерживать Эйджея вдалеке от этой милой женщины.

— Он будет дома через час.

Аманда на мгновение выглядела ликующей.

— Я купила ему небольшой подарок. — Затем она, казалось, занервничала. — Надеюсь, что ему понравится.

— Уверена, понравится, — ответила я, но решила быть честной и сделала это осторожно. — Я не рассказала ему о тебе. Он будет удивлен.

Мы с Амандой немного поговорили. Она рассказала мне о своем муже, Эвандере Макдиармиде, и когда я спросила, почему она не взяла его фамилию, она ответила, что на этом настоял ее отец. Я не была уверена почему, но это показалось мне важным, поэтому я отбросила это. Когда я спросила об Антонио Фалько-старшем, лицо Аманды просветлело, заговорив об этом пожилом человеке.

— Он самый милый человек, которого ты когда-либо встретишь. Клянусь Богом. Он действительно хочет встретиться с тобой, но... — она слегка пожалала плечами, — он не знал, будут ли ему рады, поэтому я подумала, что приду одна и узнаю, как ты к этому относишься.

Встреча с отцом Твитча? О, ничего себе. Это было сильно.

Почему я так беспокоилась из-за этого?

— Я с удовольствием встречу с ним.

Аманда просияла, но сохранила мягкий тон.

— Я дам ему знать.

Не успела я опомниться, как прошел час, и мы были в нескольких минутах от того, когда Молли привезет Эйджея домой. Я почувствовала необходимость предупредить Аманду.

— Эйджей будет дома с минуты на минуту, вот почему я должна объяснить тебе, что Эйджей иногда говорит о Твитче в настоящем.

Когда на ее лице появилось выражение полного замешательства, она спросила:

— Как так?

Я провела пальцем по краю деревянного стола.

— Похоже, Эйджей вообразил, что его отец навещает его по ночам.

Лицо Аманда побледнело.

— Неужели?

Знаю. Это странно, но я не могла не защищать своего сына.

— Он скорбит, Аманда.

После моего короткого заявления выражение ее лица смягчилось.

— Конечно. Спасибо, что предупредила.

Я натянуто улыбнулась.

— Нет проблем.

Неловкий момент прошел, когда открылась входная дверь. Аманда встала, глядя в коридор, и мы услышали, как Молли сказала то же самое, что она говорила каждый учебный день.

— Ладно, малыш. Сними обувь и убери свою сумку. Я принесу тебе что-нибудь перекусить.

Даже не заглянув на кухню, Эйджей пробежал мимо так быстро, что казался размытым пятном.

— Привет, мам!

Брови Аманды поднялись, когда она повернулась ко мне, улыбаясь, и я покачала головой в ответ, ухмыляясь.

— Привет, милый. Ты можешь зайти сюда, когда закончишь?

Молли вошла в кухню, переводя взгляд с Аманды на меня, и когда я скорчила рожицу, напоминая ей не быть такой грубой, Молли вздохнула, шагнула вперед и осторожно посмотрела на женщину.

— Я — Молли.

Аманда улыбнулась.

— Аманда. Приятно познакомиться.

Молли оглядела Аманду с ног до головы.

— Я няня Эйджея, — вот что она сказала, но это звучало так: «Я из охраны Эйджея и не хочу, чтобы ты связывалась с ним».

Молли немного перебарщивает с защитой. Но я любила это в ней.

Когда маленький монстр проскользнул на кухню в носках, он улыбнулся мне за мгновение до того, как посмотрел на Аманду, его глаза открыто, настороженно блуждали по ней.

Ее улыбка стала шире, а голос стал задумчивым.

— Привет, Эйджей. — Когда он не ответил, она повернулась ко мне и заговорила тихим шепотом. — О Боже мой. Он выглядит точь-в-точь как он.

Знаю. Иногда это бывает невыносимо.

— Подойди сюда на секунду, — сказала я, и когда он медленно приблизился, наклонилась, положила руки ему на плечи и сказала: — Я хочу, чтобы ты познакомился с Амандой.

Вежливо, насколько мог, Эйджей произнес тихое застенчивое:

— Здравствуйте.

Аманда опустила перед ним на колени.

— Я так долго ждала встречи с тобой.

Эйджей в замешательстве покосился на нее.

— Правда?

Она мягко кивнула.

— Да. Видишь ли, я... — она облизнула губы, выглядя слегка неуверенной.

Когда стало казаться, что Аманда потерялась, я взяла верх.

— Помнишь, я говорила тебе, что у тебя нет родных тетей или дядей?

ЭйДжей кивнул.

Я приложила губы к его уху и прошептала:

— Я солгала.

ЭйДжей резко повернулся ко мне. Его брови поднялись так высоко, что почти касались линии роста волос, и он выглядел совершенно ошарашенным. Он прошептал в ответ:

— Ты солгала?

Тихий смешок покинул меня.

— Не нарочно, детка. Я не знала о твоей тете Аманде.

ЭйДжей повернулся к ней и недоверчиво пробормотал:

— Ты моя тетя?

Аманда с трудом сглотнула.

— Да. — Затем она мягко объяснила: — Я сестра твоего отца, — и голова ЭйДжея чуть не взорвалась.

Он стоял, уставившись на нее, не моргая. Он делал это довольно долго, и когда он не сделал ни малейшего движения, чтобы что-то сказать или сделать, у меня снова вырвался тихий смешок.

— Ты в порядке, приятель?

Он покачал головой, и когда я рассмеялась, Аманда добродушно улыбнулась.

— Я принесла тебе подарок.

Что ж, это вывело его из ступора.

Типично.

Оставив меня, ЭйДжей подошел к ней, и она вытащила носовой платок из своей сумки, аккуратно развернула его и вложила серебряные карманные часы в руки ЭйДжея.

Его глаза расширились, и он сказал приглушенное «вау».

Аманда нажала на верхнюю часть, открыв циферблат часов с замысловатой гравировкой.

— Это принадлежало моему отцу. Он отдал их мне. Это семейная реликвия. Видишь ли, ты моя семья, ЭйДжей, — она коснулась его щеки. — И теперь я отдаю их тебе.

То, что она сказала, было так трогательно, что я моргнула от внезапного чувства, охватившего меня.

ЭйДжей наклонился к ней.

— Что здесь написано? — он указал на внутреннюю гравировку.

Аманда объяснила:

— Здесь написано «Con Affetto». По-итальянски это означает — «я люблю тебя». — Она нежно взяла его за руку. — Мой отец, твой дедушка, хотел бы когда-нибудь встретиться с тобой. Ты не против?

И разум ЭйДжея снова был взорван. Медленно повернувшись, он посмотрел на Аманду и пробормотал:

— У меня есть дедушка?

Аманда откинула голову назад и рассмеялась. Я не могла сдержать улыбку. Он

действительно был очарователен.

— Да, — засмеялась она. — У тебя есть дедушка, милый. Хотя уверена, что он хотел бы, чтобы ты называл его Нонно Тони (в пер. с итал. — nonno — дедушка). — Заметив его удивление, она дотронулась пальцем до кончика его носа. — Что ты на это скажешь? Хочешь познакомиться со своим Нонно Тони?

ЭйДжей медленно кивнул, затем с большим энтузиазмом, пока, наконец, его губы не растянулись в милой улыбке.

Аманда провела некоторое время с ЭйДжеем, и я настояла, чтобы она осталась на ужин. Мы ели за столом всей семьей, и когда Аманда сказала ЭйДжею, что никогда не встречалась с его отцом, ЭйДжей ответил:

— Все в порядке. Ты можешь увидеться с ним в другой раз. — Затем он улыбнулся зубастой улыбкой. — Я скажу ему, что ты хочешь с ним встретиться.

Когда он говорил все это, мое сердце с каждым разом сжималось и умирало все сильнее.

ЭйДжею пора было ложиться спать, и после того, как я подоткнула ему одеяло, Аманда встала.

— Мне нужно идти. Боюсь злоупотребить гостеприимством.

Но я просто подошла к холодильнику и достала бутылку вина.

— Давай посидим на заднем крыльце. — Затем я улыбнулась своей новой сестре. — Я еще не готова попрощаться.

Она посмотрела на меня с такой беззастенчивой любовью в глазах, что я поняла — это только начало. Мы были маленькой семьей, жаждущей большего, и теперь, когда у меня это было, я оплакивала время, которое мы провели порознь. Она последовала за мной на улицу, и я села на верхнюю ступеньку, ведущую во двор.

Аманда присоединилась ко мне, протягивая свой бокал, и я наполнила его. Она отхлебнула ароматного белого вина и издала низкий горловой звук.

— Ничто не сравнится с австралийским вином. — Она подняла бокал к лунному свету, прежде чем поднести его к носу и вдохнуть фруктовый аромат. — Здесь нет никакого сравнения. Все остальное просто на вкус как помой, если их поставить рядом с вином «Баросса».

Я кивнула в знак согласия, потягивая из своего бокала.

Некоторое время мы сидели молча, прежде чем она сказала:

— Расскажи мне о нем. — Когда я посмотрела на нее, она уточнила. — Как это было, ваши отношения с моим братом?

Боже. Какой сложный вопрос.

— Сколько у тебя есть времени?

Она подавила смешок.

— Столько, сколько потребуется.

— Хорошо. — Я откинулась назад, опершись на локоть. — Ты сама напросилась на это.

И я рассказала ей все. Ну, почти все. Я спокойно скрыла тот факт, что добровольно принимала наркотики, чтобы доказать Твитчу, что отношусь к нему серьезно. Я также умолчала о том, чем Твитч наслаждался в спальне. К тому же я сама позволила ему это сделать. Все это.

Мой желудок сильно сжался.

Боже.

Я пропустила также то, что он вытворял со своим ремнем.

И к тому времени, когда я закончила, глаза Аманды были широко раскрыты, и она не моргала.

— Лекси, — тихо пробормотала она. — Это звучит ужасно.

Потягивая вино, я мягко рассмеялась.

— Знаю. — Так и было. Это звучало ужасно. — Трудно объяснить, почему я полюбила его. Он не был парнем мечты, Аманда. — Я покрутила свой бокал, наблюдая, как вино плещется в нем. — Но он был тем, в ком я нуждалась больше, чем в том, чтобы дышать.

— Но то, что он сделал... — она нахмурилась.

— Да, — согласилась я. — Довольно сильно облажался, верно?

— Я просто не понимаю.

И не поймет.

Никто этого не понимал.

Это не было тем, что можно объяснить; это было то, что нужно было пережить, чтобы понять.

— Он любил меня так сильно, что принял пулю за меня. — Я посмотрела на нее. — Что тут еще понимать?

При этих словах одна ее идеально ухоженная бровь приподнялась, а губы поджалась.

— Ну, если ты так ставишь вопрос. — Она подняла свой бокал. — За тех, кого мы любим.

Да. За это я выпью.

Я слегка коснулась своим бокалом ее бокала, улыбаясь и оглядывая двор, а затем тихо проговорила:

— За тех, кого мы любим.

Твитч

В ту секунду, когда я открыл дверь, моя сестра сердито посмотрела на меня.

— Ты сукин сын.

Я свирепо посмотрел на нее в ответ.

— Почему все продолжают называть меня так? Бл*дь.

— Эта женщина... — Аманда вошла в дом, — самый милый человек, которого я когда-либо встречала. — Она выглядела такой разочарованной. — И ты обращался с ней как с дерьмом. — Она подняла руки. — Нет. Хуже дерьма. — Ее глаза опасно сузились. — Ты был подлым. Ты был жестоким. Ты был отвратителен, Тони.

Что ж, кто-то уже мило поболтал, не так ли?

Я вздохнул, подходя к холодильнику.

— Чего-нибудь хочешь?

— Я хочу, чтобы ты держался от нее подальше.

Я медленно повернулся лицом к сестре, удерживая ее взгляд своим пристальным.

— Повтори?

Губы Аманды сжались.

— После того как я услышала, что ты с ней сделал, я не знаю, почему она все еще любит тебя, но это так. — Она понизила голос: — Так что тебе нужно держаться от нее подальше. Потому что она любит тебя настолько, что, возможно, когда-нибудь просто примет тебя обратно. — Она покачала головой. — А я не могу этого допустить.

Ее слова потрясли меня, но я не показал этого. Мой голос был спокойным, даже скучающим.

— Это не тебе решать, Мэнди.

Она ненавидела, когда я называл ее Мэнди.

— Я сидела сложа руки, пока моя лучшая подруга страдала от жестоких отношений. Я ничего не сделала, и Ана чуть не умерла из-за этого. Я больше не буду бездействовать. Никогда больше.

*О, бл*дь. Нет, она этого не сделала.*

Мои глаза вспыхнули.

— Ты сравниваешь меня с Дино Гамбино? — гнев клокотал у меня внутри, и я стиснул зубы. Мой тон стал опасным. — Я чертовски люблю эту женщину.

Глаза Аманды погрузнели, и она начала кивать.

— То же самое говорил и Дино, Тони. Убеждал, что любит Ану, и именно поэтому он делал то, что делал. Ни у кого не хватило смелости сказать ему, что он мерзкий кусок дерьма.

Только, бл*дь, не говорите мне, что эта сука только что назвала меня мерзким куском дерьма.

Гнев превратился в ярость, сжигающую изнутри, воспаляя вены и наполняя безумием сердце. Я говорил тихо, поворачиваясь и хватаясь за край стойки так сильно, что был удивлен, почему она не сломалась:

— Следи за своим гребаным языком.

— Пожалуйста, Тони. Не делай этого. Не возвращайся назад. Им и без тебя хорошо.

И вот оно.

Я закрыл глаза и тяжело сглотнул, пытаюсь дышать сквозь физическую боль от своего гнева. Воздух выходил из легких с трудом. Взяв стакан из раковины, я высоко поднял его, прежде чем со всей силы ударить им по столу. Громкий удар, а затем звон осколков никак не успокоили мой гнев.

Я развернулся, громко выкрикнув:

— Мне плохо без них! — и тело моей сестры дернулось, когда она вздрогнула.

Она понятия не имела, чего мне стоило быть здесь. Она ни хрена не знала.

Глубоко вздохнув, я попытался успокоиться, и когда заговорил, сделал это тихо.

— Ты можешь быть моей сестрой, но ты ничего не знаешь обо мне, Аманда. Не притворяйся, будто это не так.

Мы долго смотрели друг на друга, прежде чем моя сестра повернулась и вышла из моего дома, аккуратно закрыв за собой дверь, и эти невысказанные слова прозвучали громче, чем если бы она только что прокричала их мне.

Лекси

Я смотрела дневные новости в полной тишине.

«Фигура преступного мира Линг Нгуен, матриарх печально известной вьетнамской банды «Летающие драконы», приобрела в собственность скандально известный ночной клуб «Крест» в Дарлинг-Харбор», — сказал репортер.

Я держала руку на животе, а другую подняла к горлу, пока слушала дальше.

«Репутация «Креста» с годами испортилась, и теперь он известен как место встречи преступников и головорезов. В прошлом году там были убиты девять человек, в то время как ошеломляющее количество людей, а именно сто три человека, получили серьезные ранения на территории клуба, и полиция сбита с толку продажей».

На экране появился сержант полиции, который разговаривал с репортерами.

«Если мисс Нгуен здесь для того, чтобы вести законный бизнес, ей не о чем беспокоиться. Тем не менее мы будем проявлять особый интерес к происходящему в этом месте».

О Боже.

Это было нехорошо.

Мой телефон начал звонить. Я посмотрела на экран и сразу же ответила.

— Юлий, ты видел это?

— Смотрю прямо сейчас. — Он сделал паузу, затем произнес: — Я позабочусь об этом.

Не говори ни слова Ане.

Позаботится об этом.

Позаботится о Линг.

Мой желудок скрутился, а губы приоткрылись. Не имело значения, как далеко эти люди пытались уйти от своего прошлого, оно всегда преследовало их. Хотела бы я, чтобы им была дана мирная жизнь, о которой они мечтали. К сожалению, было пролито слишком много крови, и их мир работал иначе.

Не то чтобы она этого не заслуживала. Линг была причиной того, что Ана оказалась в руках сумасшедшего. Линг была причиной того, какой сломленной женщиной Ана стала сегодня.

Да, она заслуживала смерти, и я быстро решила, что меня это устраивает.

— Хорошо. — Я облизала губы, не отрывая глаз от телевизора. — Делай то, что тебе нужно сделать.

— Послушай, — тихо сказал он. — Не думаю, что она настолько глупа, чтобы делать что-то среди бела дня, но... — он колебался. — Я поговорю с Молли. И ты скажи ей, чтобы она была бдительна.

Я нахмурилась. Одной мысли о том, что Линг будет рядом с моим сыном, было достаточно, чтобы свести меня с ума от беспокойства. Этого было достаточно, чтобы сделать меня жестокой.

Пусть только попробует приблизиться к моему ребенку.

Она понятия не имела, на что способен человек, когда речь идет о безопасности его ребенка.

Юлий рассказал мне о неестественной одержимости Линг Эйджеем, о том, как она

открыто плакала из-за того, что я его мать, а она осталась без чего-либо от Твитча. Она была безумно ревнива, и это делало ее опасной — не то чтобы она не была такой раньше — и это было самой тревожной частью. Какой бы безумной она ни была, не было ничего, чего бы она не сделала, чтобы получить то, что хотела. Пока она была далеко-далеко, это не было проблемой. Но сейчас она была здесь, в Сиднее, а это означало неприятности.

Если бы мне пришлось выбирать между жизнью Линг и безопасностью моего сына, Линг каждый раз проигрывала бы. Это был простой факт.

Слова, которые я произнесла, были твердыми и непреклонными.

— Позаботься о ней, Юлий.

— Оставь это мне. Не волнуйся, — произнес он самоуверенно, а затем тихо вскипел: — Считай, эта сука уже покинула нас.

Он говорил так уверенно, прежде чем повесить трубку.

Так почему же я не почувствовала себя лучше?

Позже той же ночью я слышала шум.

Вздвогнув, я проснулась и, задыхаясь, побежала по коридору, чтобы найти Молли, которая держала Эйджея подальше от окна.

Открытое окно.

Эйджей боролся с хваткой Молли и, вытянув руки, сонно кричал:

— Папа, вернись!

Именно тогда я посмотрела вниз на руку Молли, руку, которая держала пистолет, и я вздрогнула, бросившись к окну. Задыхаясь от страха, я выглянула наружу, но ничего не увидела.

Не было никаких признаков чьего-либо присутствия. И я вдруг обрадовалась, что попросила Молли спать в комнате, смежной с комнатой моего сына.

Мы с Молли обменялись испуганными взглядами.

— Папа! — крикнул Эйджей на этот раз громче, и тревожной потребности в его голосе было достаточно, чтобы мои руки покрылись мурашками.

Но там никого не было.

Твитч

Было поздно, и я не должен был быть там, где был, но после ссоры с сестрой мне нужно было увидеть моего мальчика.

Мысли о том, что меня будут держать подальше от него, было достаточно, чтобы заставить меня потерять свой гребаный разум, и мне было все равно, что думает Аманда. Этого не будет.

Если бы я был честен с самим собой, то, возможно, признал бы, что был здесь, доказывая свою точку зрения.

Кому?

Хрен его знает. Думаю, по большей части себе самому.

Натянув капюшон на голову, я вышел на улицу в темноту ночи, засунул руки в карманы и совершил короткую прогулку к дому. Я положил руки на оконное стекло и медленно толкнул его, прислушиваясь к легкому скрежету, пока оно поднималось. Без единого звука я забрался внутрь, и в тот момент, когда я увидел его маленькую спящую фигурку, путы, стягивающие мою грудь, ослабли.

Ноги бесшумно понесли меня к сыну, и я опустился на колени у его кровати, наблюдая

за ним в лунном свете, нежно поглаживая его волосы. Он сонно моргнул, и я улыбнулся, прошептав:

— Привет, приятель.

— Папа. — Он зевнул, затем пробормотал: — Я скучал по тебе.

Он был моим сердцем.

— Я тоже скучал по тебе. Не мог дождаться, когда увижу тебя, поэтому решил навестить.

Именно тогда глаза Эйджея распахнулись.

— Папа, ты знал, что у тебя есть сестра?

Я шикнул на него, глядя в сторону двери.

— Тише, Эйджей.

— И у тебя тоже есть отец. Тетя Аманда сказала, что однажды я с ним встречу. И я должен называть его Нонно Тони, но...

Мое сердце забилося быстрее.

— Эйджей, приятель, мне нужно, чтобы ты говорил тише.

— ...я не знаю, что это значит. И она подарила мне часы. Не такие, как у тебя, другие, папа. — Он выдвинул ящик с нижним бельем и, ухмыляясь, вытащил их. — Видишь?

Черт меня побери, он слишком шумный.

Я приложил палец к его губам.

— Тихо, приятель, или папе придется уйти.

— Нет. — Его лицо вытянулось, а губы начали дрожать. — Ты всегда уходишь. — Он умоляюще посмотрел мне в глаза. — Останься со мной. Пожалуйста.

Это был скрип или мне что-то послышалось?

Прошептав, я встал и быстро побежал:

— Эйджей, мне нужно идти...

Мой маленький мальчик закричал:

— Нет, папа. — Затем его лицо сморщилось, когда он заплакал. — Ты всегда уходишь!

Бл.*

Мое сердце бешено колотилось.

— ...но я люблю тебя. — С этими словами я выпрыгнул из окна и побежал так быстро, как только мог.

Когда я бежал, то слышал его.

— Папа, вернись!

Затем тихое женское:

— Эйджей, что случилось? Поговори со мной.

Я сглотнул комок в горле.

Именно тогда я слышал его отчаянный крик.

— Папа! — и от этого, бл*дь, у меня мурашки побежали по коже.

Нет.

Это было плохо.

И когда все это превратилось в дерьмо, мне некого было винить, кроме себя.

Лекси

— Не похоже, что кто-то вломился, — произнес Хэппи, осматривая окрестности дома. Он обернулся и спросил: — Ты уверена, что Эйджей не трогал сетку от мух?

Уставшая и встревоженная, я обхватила себя руками.

— Я не знаю. Он расстроен. И не хочет со мной разговаривать.

— И ты сказала, что он звал Твитча?

Я устало кивнула, но Хэппи ничего не ответил.

Что за ночь.

Я так и не смогла снова заснуть после этого инцидента. И кто мог бы винить меня?

Панические крики Эйджея были предметом моих ночных кошмаров.

Когда Хэппи повернулся ко мне, он пожал плечами и сказал:

— Я не знаю, что тебе сказать, детка.

— У него... — я сморгнула внезапный прилив слез и попыталась снова, мой голос был грубее наждачной бумаги. — Думаю, у него галлюцинации, Хэппи.

— Нет. — Хэппи нахмурился, шагнул ко мне и положил руки мне на плечи. — Лекси, у него не галлюцинации. — Его лицо смягчилось, и он вздохнул. — Он просто так отчаянно нуждается в отце, что пытается создать собственные воспоминания о нем. Вот и все.

— Тебя там не было, — прошептала я. — Ты его не слышал. То, как он кричал. — Я закрыла глаза и задрожала. — Это было ужасно.

Когда Хэппи продолжил сочувственно растирать мои руки, я вздохнула и шагнула к нему, прижимаясь лбом к его груди, ища утешения. Он держал меня столько, сколько мне было нужно, потому что Хэппи был отличным другом.

Прошло долгое время, прежде чем я посмотрела на него, прямо глаза, и заявила:

— Я хочу, чтобы на его окне были решетки.

Без колебаний он заговорил:

— Я сделаю несколько звонков.

И вот так просто я снова смогла дышать.

Твитч

— Ты облажался, — сказал Хэппи, входя в дом.

Я ничего не сказал, потому что, по правде говоря, знал, что он прав.

Он стоял передо мной, закрыв глаза и вытягивая шею из стороны в сторону.

— Завтра я ставлю решетки на его окна.

Ублюдох.

У меня внутри все сжалось.

Проклятие. Я действительно все испортил. И это стоило мне времени, проводимого с моим сыном.

*Бл*дь. Ненавижу свою жизнь.*

Услышав мой долгий вздох, Хэппи поднял голову, чтобы посмотреть на меня.

— А чего ты ожидал? Тыходишь в ее гребаный дом, как будто он тебе принадлежит. Это был только вопрос времени, когда ты переступишь черту, как ты это делаешь, и вляпаешься в дерьмо. Но знаешь, что меня бесит? — я молча стоял, слушая, а он, прищурившись, смотрел на меня. — Ты не берешь на себя вину за это, и ты заслуживаешь того, что происходит. Вместо этого ты оставляешь гребаного пятилетнего ребенка брать на себя ответственность за твои испорченные игры.

Я не играю в игры. Я просто хочу быть со своим сыном.

Моя челюсть сжалась, но я ничего не сказал.

Хэппи накинулся на меня.

— Ты такой чертовски эгоистичный, и в результате твоему мальчику, вероятно, придется поговорить с психиатром. Ты знаешь, что произойдет, когда они не смогут найти причину его галлюцинаций? — его взгляд был пронизывающим. — Они будут лечить его лекарствами, потому что ни один здоровый мальчик не видит своего мертвого отца, разгуливающим по улице, Твитч.

Мой желудок скрутило.

*Моему мальчику никто не даст лекарств. Только, бл*дь, через мой труп.*

Неужели он не понимает?

ЭйДжей был моей новой зависимостью. Я нуждался в нем.

Я нуждался в своем сыне больше, чем в ком-либо другом. Он вдохнул в меня жизнь почти так же, как его мать, и если я не мог получить ее, я нуждался в нем.

— Тебе нечего сказать? — Хэппи ждал, но я ничего не говорил.

Какой в этом смысл?

Он не мог понять. Даже близко.

Хэппи кивнул.

— Хорошо. Что ж, я просто пришел сообщить тебе, что твои игры окончены. — Прежде чем уйти, он посмотрел мне прямо в глаза и пробормотал: — Держись от него подальше, Твитч. На данный момент, просто... — он сокрушенно выдохнул, — держись подальше.

Когда он ушел, и я остался наедине со своими мыслями, я задался вопросом, насколько сильно бы рискнул, чтобы увидеть своего сына.

Ответ вскоре стал ясен.

Я бы рискнул всем.

Лекси

Это был безмолвный день в нашем доме, что само по себе было редкостью.

Я не знала почему, но ЭйДжей был зол на меня. Или, по крайней мере, я так думала, пока не увидела ярко-красную циннию на своей тумбочке. С грустной улыбкой я подняла цветок и поднесла к губам, запечатлев легкий поцелуй на его мягких лепестках, прежде чем подойти к комнате моего ЭйДжея и остановиться в дверном проеме.

Я знаю, что он слышал, как я подошла, но он не посмотрел на меня, а просто продолжал смотреть в окно через решетку, которую установили.

Мое сердце болело, когда я видела его таким.

Что происходит с моим счастливым маленьким мальчиком?

С каждым днем мой сын становился все более и более взволнованным, и из-за невозможности точно определить причину я была несчастна.

— Спасибо за цветок.

Он даже не удостоил меня взглядом.

— Я не дарил тебе его.

Мои брови нахмурились, когда я осторожно покрутила циннию между пальцами.

— Тогда откуда он взялся, малыш?

Он колебался.

Беспокойство во мне возросло в десять раз.

— Детка?

Он неохотно, но заговорил, и когда заговорил, то это был тихий шепот.

— Папа оставил это для тебя.

Ладно, знаешь что?

Я была терпеливой женщиной, но с меня было достаточно.

Ритм моего сердца ускорился. Я уронила цветок, вошла в его комнату и опустилась перед ним на колени.

— ЭйДжей, папы больше нет.

Мой сын выглядел усталым.

— Нет, это не так.

Воздух вокруг меня сгустился, стало трудно дышать.

— Да, это так, детка. — Я взяла его лицо в свои руки и твердо сказала: — Он ушел, и он не вернется. Он не может.

И ЭйДжей улыбнулся так безмятежно, что волосы у меня на затылке встали дыбом.

— Папа не ушел навсегда, мамочка. Вот увидишь.

Это было уже слишком.

Мое дыхание стало тяжелым, я крепко сжала его маленькие ручки и повысила голос.

— Достаточно! С меня хватит. Я знаю, тебе грустно, но...

ЭйДжей выглядел смущенным.

— Я не грущу.

— ...это уже слишком. Прекрати. Больше никаких разговоров о папочке. — Мой голос дрогнул. — Он покинул нас.

Но сын просто улыбнулся и покачал головой.

Все мое тело было словно охвачено огнем. Я не могла дышать. Не могла видеть сквозь жгучую пелену в глазах.

Мое сердце разрывалось на части.

Именно тогда я нанесла последний удар. Дрожа, я слегка потрясла сына, сморгнула слезы и закричала:

— Папа мертв, ЭйДжей! Он мертв, и он никогда не вернется! — мой голос сорвался. — Никогда!

Видеть, как мой сын смотрит на меня так, как он смотрел, было ужасно, и в тот момент, когда я отпустила его, его губы начали дрожать. Его глаза наполнились слезами, и когда его лицо осунулось, я хотела умереть медленной, мучительной смертью, потому что это было то, что я заслужила. Он опустил подбородок, его плечи затряслись, и я прислушалась к его едва слышным крикам.

Я была чудовищем. Ужасным человеком. И в тот момент я почувствовала себя ниже самого мерзкого подонка.

Тихо плача, я наклонилась и подняла своего сына, прижимая его к себе, как спасательный круг, которым он и был. Его руки обвилились вокруг моей шеи, и все мое тело затряслось от тяжести нахлынувших эмоций. Я проводила его до своей комнаты и положила на кровать, скользнув рядом с ним.

Не знаю, как долго мы так лежали. Казалось, прошла целая вечность.

Он моргнул на меня сквозь мокрые ресницы и сказал:

— Не плачь, мамочка. — Его маленькие губы задрожали, когда он выдавил: — Мне очень жаль. — Он приложил маленькую ладонь к моей щеке, вытирая там влагу, и, делая это, прошептал: — Я больше не буду говорить о папочке.

ДА. Я действительно чудовище.

Мне потребовалось мгновение, но я тихо произнесла:

— Прости, что накричала. — Когда он перевернулся и прижался ко мне, я крепко обняла его, покрывая нежными поцелуями его затылок. — Ты можешь поговорить о папе. — Я была рада, что он не смотрел на меня; так он не мог видеть отчаяния, написанного на моем лице. — Говори о нем столько, сколько захочешь, малыш. — Оставив, еще несколько поцелуев на его сладко пахнущей яблоками макушке, я закрыла глаза и тихо прошептала: — Мне так жаль, что я накричала.

Он выпотрошил меня, но если бы это было то, что ЭйДжею было нужно прямо сейчас, я бы отдала ему нож.

Линг

— Если бы я не знал тебя лучше, то подумал бы, что ты вторгаешься на мою территорию. — Я подняла глаза от своего стола и увидела красивого турка, стоящего там, я ухмыльнулась, и он ответил той же улыбкой. — Повезло, что я знаю лучше, да? — подсказал он.

— Аслан. — Я откинулась на спинку кресла, позволяя своим глазам свободно блуждать по нему.

Трахни меня.

Мне не нравился Аслан, но он был великолепен.

Одетый в свой безупречно сшитый черный костюм, белую рубашку и шелковый черный галстук, он прислонился к дверному проему, внимательно наблюдая за мной. Мужчине было чуть за сорок, темные волосы коротко подстрижены «ежиком». Он высокий и загорелый, а его аккуратная борода вернула меня к воспоминаниям о том, как она чувствовалась, грубо царапая мою внутреннюю поверхность бедер. Высокие скулы, сильная челюсть, губы более полные, чем полагается мужчине. Тяжелые серебряные кольца украшали костяшки его пальцев, и с внезапным вздохом мне так сильно захотелось почувствовать прохладный металл на своей киске. Его темные глаза обрамлены густыми черными ресницами, из-за которых он выглядел гораздо невиннее, чем был на самом деле, и чему-то во мне нравилось, что я знала его настоящую сторону, грязную, грубую, жестокую сторону, которую никто другой не видел.

Это была большая честь для меня. Мне нравилась эта сторона Аслана Садыка.

Я бы сказала, что скучала по нему, но это было бы чертовой ложью. В последний раз, когда мы трахались, он ударил меня так сильно, что чуть не оставил со сломанной челюстью. К счастью для него, мне это нравилось. Я кончала больше раз, чем следовало бы.

Нет, я не скучала по Аслану. Я скучала по сексу с Асланом.

Мои соски затвердели, когда я беззвучно вздохнула.

— Что ты здесь делаешь, Садык?

Я все еще чувствовала его зубы на себе, кусающие меня, как бешеная собака, которой он и был.

Его глаза не отрывались от моих, пока он медленно шел в мой кабинет.

— Я скучал по тебе. — Он ухмыльнулся, и мы оба знали, что это была гребаная ложь, так что... *Да, попробуй еще раз.* Когда мои глаза сузились, он положил руки на спинку стула для гостей и наклонился к нему. — Я слышал, у тебя проблемы с твоими мальчиками.

У меня волосы встали дыбом.

В такие дни, как этот, я просто хотела отказаться от власти, которую по глупости взяла, чтобы стать неприкасаемой, и снова стать шлюхой, не заботясь ни о чем в мире.

Я моргнула, глядя на него, когда мои вишнево-красные губы широко растянулись в улыбке.

— Только не говори мне, что ты пришел сюда, чтобы дать свой совет, Аслан. — Мое лицо посуровело. — Побереги дыхание. — Я снова посмотрела на экран своего компьютера. — Или я позабочусь о том, чтобы у тебя больше не было шанса дышать.

Мысль об убийстве Аслана заставила мою киску сжаться. Я уже была мокрой.

Глаза Аслана немного потемнели.

— Заговори со мной так еще раз. Прояви неуважение ко мне. Только посмей, бл*дь, и ты пожалеешь. — Он придвинулся ближе, глядя на мои губы, прежде чем облизать свои. — Честно говоря, мне насрать, если у тебя проблемы с твоими парнями, но я здесь, чтобы сказать тебе, что, если ты настолько глупа, чтобы вторгнуться на мою территорию...

— То ты убьешь меня? — я уставилась на него.

При этих словах он глубоко вздохнул, обошел стол и опустился на колени прямо передо мной, заглядывая мне в лицо. Его голос был обманчиво спокоен, но в его красивых глазах была напряженность, которая мне не понравилась.

— Я не убью тебя, Линг. Это было бы слишком просто. — Его рука поднялась, чтобы схватить меня за подбородок, и он сжал его так сильно, что останется синяк. Он приблизил свое лицо к моему, и чем ближе он был, тем больше я начинала чувствовать себя собакой, загнанной в угол. Когда его губы оказались в миллиметре от моих, он тихо заговорил: — Я начну с убийства твоих людей. Всех. Включая твоих братьев. Никто из тех, кого ты любишь, не будет в безопасности. — Он нежно поцеловал меня в губы, и когда я попыталась отстраниться, его глаза вспыхнули. Впившись пальцами в мои щеки, он стиснул зубы и зашипел. — Я трахну тебя так сильно, что ты не сможешь стоять, не выходя кривоногой, моя маленькая гадюка. — Его лицо исказилось, и он прижался к моим губам болезненным поцелуем. — Я буду играть с тобой в игры разума каждый день твоей жалкой жизни. Ты никогда не узнаешь, когда я приду, но я приду. Я всегда буду в тени, пока не настанет день, когда... — он улыбнулся, и все его лицо преобразилось, став уже не злобным, а снова прекрасным, — ...я буду смотреть, как ты приставишь пистолет к своей голове, нажмешь на курок и размажешь свои мозги по гребаным стенам. — Он счастливо вздохнул. — И какое это будет прекрасное зрелище.

Все еще сильно сжимая мои щеки, он удерживал мой взгляд, медленно просунув руку между моих ног и сдвинув трусики в сторону. Когда он почувствовал там влагу, его глаза затрепетали, и Аслан немного успокоился.

— Ты сумасшедшая сука. — Он скользнул пальцем внутрь меня, и все мое тело немедленно прогнулось, подчиняясь ему. Когда мои глаза закатились, а губы приоткрылись, Аслан прикусил губу, а затем прошептал: — Я хочу трахнуть тебя так сильно.

Мой голос был твердым.

— В прошлый раз ты чуть не убил меня.

Его глаза опасно сверкнули, а затем он ухмыльнулся и пробормотал:

— Я хочу сделать это снова.

Одинокий палец внутри меня начал делать движение «иди сюда», и я прикусила внутреннюю сторону щеки.

Боже, это так чертовски приятно. Но мне нужно быть сильной.

— Сейчас все по-другому. Мы не можем.

Если мои люди узнают, с кем я трахаюсь, я потеряю всякое уважение, и, честно говоря, это было не то, чем я могла рисковать. Я чертовски хорошо справлялась с потерей их уважения и в одиночку. Мне не нужна была помощь.

— Знаю, что мы не должны, но... — Аслан усмехнулся мне в рот, — ...ты думаешь, что сможешь остановить меня, сука?

Мое естество сжалось при мысли о том, что он возьмет меня грубо, жестоко, и он почувствовал это. Я знаю это, потому что он усмехнулся мне в щеку.

Меня никогда не волновало, что люди думают обо мне. Всю свою жизнь я совершала плохие поступки без всяких извинений. Я делала то, что делала, когда хотела, потому что именно так действовала Линг Нгуен. И в этот момент я ненавидела себя за то, что я такая.

Потому что не могла сказать «нет».

У меня перехватило дыхание.

— Трахни меня.

Я должна была знать, что будет дальше.

Аслан ухмыльнулся, вытащил палец из моей киски и встал.

— Ты меня удивляешь, Линг. Я думал, что это будет сложнее. Все говорят о Королеве Драконов, как будто она какая-то гребаная богиня, и посмотри на себя сейчас. — Он поднес палец к носу и закрыл глаза, вдыхая мой запах глубоко в легкие. Аслан засосал этот палец в рот, облизал его дочиста, а затем жестоко усмехнулся. — Каково это, падать с вершины, ты, слабая сучка?

Вот дерьмо.

Я провела холодными пальцами по своим теперь ноющим щекам. Это было не очень приятно, уж точно.

Не говоря ни слова, я полезла под стол и вытащила пистолет, направив его на турка. Когда лицо Аслана потемнело, я улыбнулась в ответ. Я сделала это, потому что мы оба знали, что я жажду крови и без проблем застрелю его прямо на месте. В конце концов, он был в моем доме, и проявленное им неуважение было колоссальным.

Я опустила пистолет и внимательно посмотрела на него.

— Боже, ты прекрасен. — Когда его лицо немного смягчилось, я продолжила: — И ты прав. Спасибо за напоминание. — Мои губы приоткрылись, и я демонстративно оглядела его с ног до головы. — Конечно, я бы хотела, чтобы этот член был у меня во рту, — призналась я, мой голос стал хриплым, — душил меня, пока ты вонзаешься в меня по самые яйца. — Я медленно покачала головой и вздохнула, наблюдая за его внезапным сожалением. Я внутренне ухмыльнулся. — Ты мне всегда нравился, Аслан, и я буду скучать по тебе. Или лучше сказать... — я жестоко улыбнулась. — ...я буду скучать по тому, как ты трахаешь меня.

Аслан пристально посмотрел на меня.

— Я знаю, что ты делаешь. Это не работает.

— Поэтому твой член тверже, чем член священника в воскресной школе? — я ухмыльнулась, когда он нагло наклонился, чтобы поправить себя. Я поднесла ручку к губам. — Никому не нужно знать, — сказала я ему, глядя вниз на очертания его твердого члена. — Это будет нашим маленьким секретом. — Мое лицо лишилось всякого выражения. — Кстати, как поживает твоя жена?

Наверное, у меня было желание умереть. Это было единственное объяснение, почему я спросила о ней — его турецкой принцессе. И когда он бросился на меня, я не была готова. Или, может быть, была, но мне просто было все равно. Я не знаю.

В последнее время это было проблемой — моя невнимательность.

Первый удар был достаточно сильным, чтобы мое лицо дернулось в сторону, и, когда упала на пол, я почувствовала, как его сильное тело оседлало меня. Мое сердце бешено колотилось от чистого восторга, что мне причинили боль. Висок пульсировал, и мне это нравилось. Я чувствовала повсюду эту боль и наслаждалась ею. Второй удар поразил меня так же сильно, как и первый, и когда мне удалось сосредоточиться, Аслан навис надо мной,

его губы скривились, глаза были темнее, чем я когда-либо видела.

Он занес кулак, чтобы нанести еще один удар, и в этот момент я улыбнулась кровавой улыбкой.

— Ну и кто теперь слабый? — когда он понял, что я достала его так же сильно, как и он меня, я открыто и злобно рассмеялась.

Шах и мат.

Да, мудака. Хочешь поиграть?

Я выиграла этот раунд.

Аслан не понимал, что когда я играла, то соревновалась только потому, что намеревалась победить. Любой ценой.

Это заняло мгновение, но теперь уже тяжело дышащий турок сел на пятки, и я была удивлена, когда он устало пробормотал:

— Туше.

Сунув руку в нагрудный карман, он вытащил чистый белый носовой платок и протянул его мне. Приподнявшись на локтях, я взяла его и прижала к своей губе. Она кровоточила. Я знала это, потому что знакомый металлический привкус обволакивал мой язык, и в тот момент я ничего так не хотела, как чтобы Аслан перевернул меня, стянул с меня трусики и трахнул мою задницу так грубо, как только позволяло мое тело.

Может быть, даже так грубо, как не позволяло.

— Прекрати, — сказал он, откидываясь назад, прислоняясь к моему столу и качая головой в ответ на мое открытое желание. — Я не собираюсь трахать тебя, Линг. — Его брови нахмурились. — Ты так запуталась, детка.

Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю.

Убрав платок с лица, я улыбнулась, не обращая внимания на разбитую губу.

— Вот почему ты любишь меня.

Конечно, я пошутила. И то, что он сказал дальше, я не предвидела.

Аслан долго смотрел на меня, прежде чем нежно прикоснуться к моей щеке и прошептать:

— Вот почему я люблю тебя.

Мое сердце замерло.

Мне не понравилось то, что его заявление заставило меня почувствовать. Поэтому я изменила направление этой встречи.

Моя рука коснулась его руки на моей щеке, и я прижалась губами к кончику его большого пальца, нежно целуя, прежде чем взять в рот и пососать. Веки Аслана закрылись, и я глубоко втянула палец. Его губы приоткрылись, и он тяжело вздохнул.

Да. Это мне нравилось.

Признания в любви были для меня пустой тратой времени.

Никакой любви. Больше нет. Я узнала, что любовь причиняет слишком много боли, и та боль, которую она причиняла, не шла ни в какое сравнение с моей извращенностью. Даже близко нет.

Вот почему я с хлопком отпустила его большой палец и облизала губы, прежде чем остановиться на нем свой тяжелый взгляд.

— Убирайся отсюда, турок.

Мгновение он смотрел на меня, не моргая, прежде чем встал и одернул низ пиджака, выпрямляясь. Когда он протянул мне руку, я оттолкнула ее, вставая сама и разглаживая

платье спереди.

Аслан шагнул вперед, ближе, чем мне бы хотелось, и внимательно посмотрел на мое разбитое лицо.

— Я не хотел, чтобы эта встреча пошла в том направлении, в котором она пошла.

У меня болела грудь.

Я не могла справиться с нежностью, звучащей в его голосе. Мне не хотелось этого. Ему нужно было уйти.

Оглянувшись, я пожала плечами.

— Не беспокойся об этом. — Затем я одарила его улыбкой. — Я просто так влияю на людей.

Просто уходи.

Он выглядел разочарованным в себе.

— Ты приводишь меня в бешенство. — Он говорил тихо, сам с собой. — Какого черта я так сильно тебя хочу?

С легким вздохом я откинулась на спинку кресла.

— По той же причине, по которой все остальные мужчины, с которыми я трахалась, хотят меня, Садык. Я позволяю тебе быть тем, кем ты хочешь быть, тем, кто ты есть на самом деле. Я вызываю твоих демонов и тоже трахаю их, потому что мне приятно видеть, как мужчины теряют контроль над собой. Потому что мне нравится смотреть, как хороший человек становится плохим, и это так легко сделать. Потому что мне больше нравится, когда меня берут, чем ухаживают. От боли я становлюсь мокрой, и я знаю, что долбанутая. — Я глубоко вздохнула и тепло улыбнулась ему. — Но это то, кто я есть. Я не смогла бы измениться, даже если бы захотела. — Моя улыбка померкла. — Поверь мне. Я уже пыталась.

Разве он не видит, кто я на самом деле? Раковая опухоль в этом мире, поражающая каждого мужчину, которого встречала.

Я была заболеванием, передающимся половым путем, а Аслан был лишь одним из длинного списка инфицированных.

Печальный факт заключался в том, что мужчинам нравились безумные девушки. Я была тому доказательством.

Когда он подошел ко мне, взял мое лицо в свои руки и внимательно взглянул на меня, моя грудь сжалась от беспокойства в его глазах. Он приблизил свои полные губы к моим, нежно целуя, и я позволила ему, потому что была садисткой.

Мое сердце болезненно сжалось от того, что он сказал дальше.

— Я знаю, что твой отец сделал с тобой, — сказал он мне в губы, прежде чем отстраниться. — Зная то, что знаю сейчас, я бы убил его. — Он крепко держал мое лицо и смотрел на меня почти отчаянно. — Я бы убил его. Пытал его. Разрезал его на части, кусочек за кусочком и скормил собакам. — Он сумасшедший. Но почему мне это так понравилось? — Я бы сделал это для тебя.

По мне разлилось тепло. Я не должна была чувствовать то, что чувствовала.

— Мне не нужен мужчина, чтобы защищать меня, турок, — сказала я ему, отступая назад и наблюдая, как его руки опускаются. Мужчины подводили меня всю мою жизнь, и я бы никогда не поставила себя в такое положение, чтобы это повторилось снова. — Я спасаю себя сама. Всегда так было и всегда так будет.

Аслан вздохнул, но сделал это с улыбкой в глазах.

— Знаю. — Он уже повернулся, чтобы уйти, но остановился у двери. — Увидимся позже?

Господи, он раздражал.

Я закатила глаза.

— Ты не понимаешь намеки, не так ли?

Он послал мне воздушный поцелуй, широко улыбаясь, а потом я осталась одна.

На самом деле это было странное чувство. Впервые с тех пор, как Твитч умер... Я больше не хотела оставаться одна.

Пока я сидела за своим столом с пульсирующим ртом и ушибленным виском, мои губы сжались.

Почему это меня так разозлило?

Было около четырех утра, когда в мою дверь позвонили.

Выскользнув из кровати, одетая только в крошечную шелковую пижаму, я потянулась за «Глоком» в моей тумбочке. Когда он был у меня в руках, я посмотрела в глазок и нахмурилась, распахнув дверь и направив дуло пистолета ему в грудь.

— Что ты здесь делаешь, турок? — мой голос был хриплым ото сна.

Он на мгновение опустил взгляд на пистолет, прежде чем перевести свои улыбающиеся глаза на меня.

— Я скучал по тебе.

Да, точно.

— Почему ты на самом деле здесь?

Когда он потянулся назад, я шагнула вперед с суровым лицом и ткнула пистолетом ему в грудь.

— Черт возьми, только попробуй. — С дикими глазами я вдавила в него свой пистолет достаточно сильно, чтобы оставить синяк, и ухмыльнулась. — Дай мне повод.

Но Аслан Садык просто внимательно наблюдал за мной, прежде чем вытащить спрятанный предмет. Он протянул его мне, и мое сердце бешено заколотилось.

— Это что, какой-то трюк? — мои глаза сузились, глядя на него. — В какую игру ты играешь?

— Никакой игры, — сказал он, поднимая свободную руку в успокаивающем жесте. — Это просто напомнило мне о тебе. — Он провел большим пальцем по красной розе. — Красивая. — Он осторожно коснулся нескольких помятых лепестков. — Но немного повреждена.

Боже, он был слишком откровенен.

— Если ты пришел сюда потрахаться...

— На самом деле мне нужно идти. Моя жена, вероятно, ждет меня.

Когда я не сделала ни малейшего движения, чтобы принять розу, он взял мою свободную руку и поднес ее к своим губам, целуя костяшки пальцев, и я достаточно хорошо скрыла дрожь, которую это вызвало. К сожалению, я не могла скрыть мурашки, покрывшие мои руки, и когда Аслан заметил их, он улыбнулся, проводя по ним мягкими кончиками пальцев.

— Думаю, ты солгала.

— По поводу чего?

— Думаю, ты действительно хочешь, чтобы за тобой ухаживали. — В ответ на мою

недоверчивую усмешку он продолжил: — Я думаю, ты хочешь, чтобы кто-то был нежен с тобой, Линг. Ты просто не знаешь этого, потому что никогда не испытывала такого в руках мужчины. Они подвели тебя, включая меня, и я сожалею об этом, — мне захотелось разрядить в него свою обойму.

Как он смеет предполагать, что знает меня?

Как он смеет быть отчасти прав?

Но я ничего не сказала. Не могла.

Что он хотел, чтобы я ответила на это?

Он не сказал ни слова, когда вложил розу мне в руку. Я крепко держала ее, нуждаясь в том, чтобы почувствовать острое жало шипов в своих ладонях, чтобы преодолеть внутреннее смятение, которое чувствовала.

Аслан отступил назад, подальше от меня, а я хотела, чтобы он вернулся. Прежде чем уйти, он произнес:

— Ты прекрасно выглядишь в лунном свете.

Когда он ушел, я закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной. Я хотела быть невозмутимой, но никогда не была такой, не с Асланом. Мне было противно, что он каким-то образом это знал.

— Бл*дь. — Я посмотрела на красивую розу, и мое сердце дрогнуло.

Господи Иисусе, Линг.

Что ты делаешь?

О, нет.

Осознание этого обрушилось на меня как тонна кирпичей.

Я влюбилась.

Лекси

Было так приятно снова работать. Конечно, это была неоплачиваемая работа, но я все равно была увлечена ею, и если могла помочь хотя бы одному человеку, то все было не напрасно. По правде говоря, мне не нужны были деньги. У меня было больше, чем я знала, что с ними делать. Не отслеживаемые чеки по-прежнему приходили ежемесячно. Но мое время было тем, что я могла отдать людям, которые в нем нуждались.

Я была волонтером в некоммерческой организации, которая проводила домашние проверки людей, страдающих депрессией, психическими заболеваниями, суицидальными мыслями и рядом других психических расстройств.

Подойдя к двери, я постучала, и когда женщина открыла дверь, я улыбнулась.

— Здравствуйте. Я — Лекси Баллентайн. Мы говорили по телефону.

Женщина кивнула, но не двинулась с места, чтобы открыть дверь шире.

— Могу я войти? — когда она внимательно посмотрела на меня, я вежливо сказала: — Или я могу остаться здесь. Это тоже нормально. — Я посмотрела на свои записи. — Вы Джанна, не так ли?

Она кивнула, предпочитая молчать, и это тоже было нормально. Я могла вести беседу самостоятельно, мне не нужна была помощь.

Я мягко улыбнулась.

— Красивое имя. Вы итальянка?

На это она тихо заговорила.

— Мой отец итальянец. — Затем она спросила: — Вы американка?

Я завлекла ее.

Все, что было нужно, — это контакт, и она дала мне это, благослови ее Господь.

— Да. Я переехала сюда жить, когда мне было двадцать. Вы когда-нибудь раньше бывали в Италии?

Она покачала головой, и я не могла не заметить, какой изможденной она выглядела.

— Ничего, если я задам Вам несколько вопросов, Джанна?

Она не выглядела счастливой, но сказала:

— Хорошо.

Я постаралась говорить спокойным тоном. Мне не хотелось расстраивать ее больше, чем она явно была.

— Когда Вы в последний раз ели, дорогая?

Худощавая женщина облизнула губы.

— Вчера, я думаю.

«Я думаю».

— Я спрашиваю только потому, что у меня в багажнике есть кое-какие продукты. — Я бросила на нее сочувственный взгляд. — Знаю, как это может быть сложно ходить по магазинам, когда страдаешь от тревоги. — И я действительно знаю. Я провела первый год драгоценной жизни Эйджея, страдая от тревоги, и приступы у меня случались чаще, чем хотелось бы. — Вам что-нибудь нужно? У меня есть самое необходимое. Хлеб, молоко, хлопья, яйца.

Боже, она выглядела готовой разрыдаться, и когда заговорила, это был едва слышный

шепот:

— Да, пожалуйста.

— Сейчас вернусь.

Открыв багажник своей машины, я достала несколько сумок. Когда я принесла их к дому, то была приятно удивлена, когда Джанна полностью открыла дверь. Я приняла ее невысказанное приглашение и направилась внутрь. В тот момент, когда вошла, я поняла, почему она не хотела, чтобы я была в ее доме.

Там был полный бардак.

Не обращая внимания на беспорядок, я прошла на кухню и сказала:

— Сюда, да?

Запах был отвратительный.

Когда Джанна последовала за мной на кухню, она смотрела, как я выгружаю продукты, обхватив себя руками, отчего казалась еще меньше, чем была на самом деле.

— Я как раз собиралась прибраться.

Конечно, она собиралась. Но для человека с тревогой, это было легче сказать, чем сделать.

Не спрашивая, я подошла к куче посуды у раковины и включила горячую воду. Кастрюли на плите выглядели заплесневелыми.

Джанна выглядела оскорбленной.

— Вы не должны этого делать.

— Почему бы Вам не присесть и не съесть что-нибудь, пока мы поболтаем. — Я натянула перчатки и позволила горячей воде замочить тарелки на минуту, прежде чем взяла губку и начала мыть.

Зная, что я сделаю то, что собираюсь, Джанна нерешительно приготовила себе миску хлопьев, а затем села за стол, пока я мыла посуду.

— Благодарю Вас.

Вот и все. Это было все, что мне было нужно. Это делало все это стоящим того.

Я повернулась к ней и улыбнулась.

— Всегда пожалуйста.

Мы немного поговорили, прежде чем я рассказала ей о бесплатном сеансе терапии, на который она имела право. Джанна вежливо отказалась, но я все равно оставила ей листовки. Мы продолжали разговаривать, пока я убирала все пустые коробки в доме, и когда я начала собирать одежду с пола, Джанна присоединилась.

Я загрузила для нее белье и осталась до тех пор, пока не закончилась стирка, зная, что его, скорее всего, не вынут из машины, если я не вытащу его сама.

Это была не лень. Это было просто состояние, от которого она страдала.

Пару часов спустя я оставила ее в чистоте и сказала, что вернусь через несколько дней, чтобы проверить, все ли в порядке. Джанна отмахнулась от меня, но у меня было чувство, что в следующий раз, когда я приду, она впустит меня.

Да.

Моя работа была тяжелой, но, безусловно, полезной.

Печальная мысль посетила меня, когда я отъезжала.

Я помогала людям, но все еще не могла понять, как помочь своему сыну.

Как это угнетает.

Твитч

Прошло уже несколько дней с тех пор, как я видел своего сына, и у меня началась ломка. Я был раздражителен, иррационально зол и на грани срыва. Если не считать проникновения в дом и украденных нескольких минут с ним, все, что я мог сделать, это наблюдать издали, как маленькая мисс-гот водила его гулять, в школу и из школы, в парк на спектакль, за продуктами, где ЭйДжей стаскивал в тележку все, до чего дотягивался, а маленькая женщина притворялась, что не замечает этого.

Я не знал, кто она такая, эта няня, но не мог игнорировать пушку, которую она носила под курткой.

Кем бы она ни была, она была там, чтобы охранять моего сына, поэтому я решил, что с ней все в порядке. Она выглядела не очень, и, по правде говоря, я мог бы убрать ее в мгновение ока, но Лекси доверяла ей нашего мальчика, и это было все, что мне нужно было увидеть.

Женщина развернула мороженое для ЭйДжея и, прежде чем отдать его ему, присела перед ним на корточки и начала говорить. Я не мог слышать, что она говорила, но она привлекла внимание ЭйДжея, и ее лицо смягчилось так, как я никогда не видел, наблюдая за ней. ЭйДжей бросился в ее объятия, и она крепко обняла его, поглаживая его растрепанные темные волосы и целуя его в лоб, как это сделала бы мать.

ЭйДжей взял у нее мороженое, и женщина с любовью улыбнулась ему сверху вниз.

Да.

Думаю, с ней все было в порядке.

Когда группа крупных мужчин приблизилась, я подошел ближе, нахмурившись. Но маленькая женщина улыбнулась им, смеясь, прежде чем по очереди обнять каждого из них. Я не узнал никого из них, но узнал куртки, которые они носили.

«Н.Д.С.» — Наркотики, Деньги, Секс.

Это была банда Маори, и, похоже, няня ЭйДжея хорошо их знала. Это заставило меня задуматься, кем именно была эта женщина и откуда она взялась.

Все крупные мужчины по очереди пожимали руку ЭйДжея, когда женщина с гордостью представила его им, а я молча кипел от злости.

Кто, черт возьми, она такая, чтобы знакомить моего сына с членами новозеландской банды, как будто это ничего не значит?

Если бы я официально был жив, то поговорил бы с Лекси.

Но это было неприемлемо.

Мне нужно было поговорить с Хэппи.

Молли

Такому человеку, как я, было трудно иметь привязанности.

Моя жизнь была мрачной, и по большей части я чувствовала, что не заслуживаю той нежности, которую получала от маленького монстра, пробравшегося в мое сердце.

Я потягивала кофе, наблюдая за мальчиком, которого полюбила, поверх края моей ярко-желтой кружки с покемонами. Его раздраженное выражение лица было очевидным. Конечно, Лекси тоже это заметила, но ЭйДжей уже некоторое время был угрюмым, и она не знала почему.

Я заметила, что она изучает его лицо с хорошо скрытым беспокойством. Она отчаянно пыталась найти причину раздражительности ЭйДжея.

Но я знала причину. Во всяком случае, частично.

Зои «Дрянь» Брэмор.

Маленькая засранка, которая дразнила Эйджея, подначивая его тем, что должно было быть под запретом. Она дразнила его тем, что у него нет отца.

Это объяснило бы, почему Эйджей начал встречаться со своим отцом по ночам. Это также объяснило бы внезапную тревогу, которую он испытывал по утрам перед школой.

Что-то подсказывало мне, что отделать пятилетнего ребенка — дурной тон, но что я об этом знала?

В конце концов, я была бандиткой.

Признаюсь в своем невежестве.

Стул закрипел, когда я откинулась на него, подняв ногу, чтобы положить лодыжку на колено. Я подождала немного, наслаждаясь уютной тишиной, прежде чем посмотреть на Лекси и заявить:

— Итак, я собираюсь забрать Эйджея из школы сегодня.

Лекси оторвала взгляд от газеты, и ее хорошенький лоб слегка нахмурился.

— Что? — она отложила газету. — Это твой выходной. Тебе не нужно этого делать. Что молодежь делает для развлечения в наши дни? Побалууй себя. Иди и сделай маникюр.

Я взглянула на свои обломанные черные ногти, прежде чем снова посмотреть на нее.

Когда она увидела мое лицо, то закатила глаза.

— Хорошо, не маникюр. — Она ободряюще улыбнулась. — Сделай что-нибудь безрассудное и веселое. Наслаждайся жизнью, Молли.

Мой мальчик был чертовски близок к гипервентиляции. Эйджей уставился в свой тост, чувствуя на себе мой взгляд.

— Не-а. — Я отхлебнула кофе. — У меня есть планы на моего крошку Бу. — Лекси хотела возразить, но прежде чем она успела, я спросила Эйджея: — Приятель, хочешь прокатиться со мной на «Биг Реде»?

Глаза расширились, пальцы ослабли, и кусок тоста, который он держал в руке, с глухим шлепком упал на стол.

— Правда?

Я не часто улыбалась, но когда улыбалась, то это было только для этого ребенка. Этого прекрасного, чистого мальчика, который носил свое сердце нараспашку. Он был слишком хорош для этого мира, и каким-то образом, по воле судьбы, я была счастливой сукой, которая проводила с ним почти каждый день.

Направляя его. Присматривая за ним. Защищая его.

Это была не та работа, к которой я относилась легкомысленно.

Может быть, мне было всего двадцать два года, но я повидала всякое дерьмо. Это дерьмо немного состарило меня. Это также многому научило меня в жизни, в том числе тому, кому не следует доверять. Я была хороша в том, что делала, и хотя были дни, когда я жалела, что вообще родилась, я бы снова и снова проживала каждый неудачный день, если бы это означало, что я окажусь именно там, где сейчас нахожусь.

Мои полные губы казались неудобно растянутыми.

— Черт возьми, да. — Я сделала паузу на секунду. — До тех пор пока твоя мама не против.

Она была напряженно сосредоточена на мне. Ее голос однако оставался тихим.

— Что происходит?

Лекси не была глупой женщиной. Вы бы никогда не догадались об этом, глядя на нее, но то дерьмо, которое я видела? Она тоже это видела. Мы просто носили его по-другому.

Я открыто носила свои боевые раны.

Она носила их как глубокие шрамы.

Когда она скрестила руки на груди, я протянула руку и украла кусочек тоста Эйджея, ухмыляясь тому, как он задохнулся от возмущения. Я медленно прожевала, и мне потребовалось некоторое время, чтобы ответить:

— Ничего.

Лекси посмотрела на Эйджея, беспокойство отразилось на ее лице. Она была хорошей мамой. Эту женщину невозможно было не любить. Хотела бы я, чтобы кто-то вроде нее был на моей стороне, когда я была ребенком, делающим вещи, которые ребенок не должен делать. Может быть, если бы я не видела этого сама, я бы никогда не поверила, что такой человек, как она, может существовать.

Она бы боролась за меня.

Она бы боролась за меня так, как будто я была ее собственным ребенком.

В душе она мама-медведица.

— Пожалуйста, мам? — он пошел с козырей, очаровательно надув губы. Когда он поднял руки, крепко сжав их под подбородком в молитве, я поняла, что она сдалась.

Ее плечи опустились, и я улыбнулась в край кружки.

Улыбка Лекси погасла.

— Ты уверена, Молли?

Я отмахнулась от нее, вставая, чтобы отнести свою уже пустую кружку в раковину.

— Я положу кресло-бустер в багажник, прежде чем уеду сегодня. Не волнуйся. Я буду ехать ниже восьмидесяти.

Ее лицо слегка смягчилось.

— Я знаю, что так и будет.

Она не сказала это резко. Это не было угрозой или предупреждением.

Алекса Баллентайн полностью верила в меня.

Тогда мне захотелось обнять ее. То есть я бы никогда этого не сделала. Я не из тех, кто обнимается. Но я хотела этого.

Она никогда не поймет, что дала мне в тот день, когда взяла меня в свой дом, доверив мне своего ребенка. Лекси и ее странная банда друзей исцеляли что-то внутри меня, что было давно сломано и забыто.

Вместо того чтобы показать шквал непонятных эмоций, охвативших меня, я повернулась к ней спиной и сделала вид, что мою свою кружку. Не глядя на нее, я произнесла:

— Верну маленького монстра к половине пятого.

Лекси обратилась к своему сыну:

— Иди обуйся и возьми свою школьную сумку, приятель.

Когда я слышала, как она подошла ко мне сзади, и когда она появилась в поле зрения, прислонившись бедром к раковине лицом ко мне, я подняла глаза, чтобы встретиться с ней взглядом. Она почти прошептала:

— Он обожает тебя, ты же знаешь.

Она могла сказать все что угодно. Не знаю, почему она решила сказать мне это, а не спрашивать о подозрительном изменении планов на вечер, но я была благодарна за это.

Благодарна за нее.

— Это чувство взаимно, Лекс.

Ее рука опустилась на мое плечо, и она слегка сжала его, прежде чем уйти. Она дошла до коридора, когда снова заговорила:

— Я знаю.

Что-то теплое и густое шевельнулось у меня в груди, и я не была уверена почему, но мне захотелось заплакать.

Я сполоснула свою кружку и поставила ее сушиться.

Зои Брэмор предстояло узнать, что, хотя у Эйджея и не было отца, у него была семья, которая любила его. И не все семьи связаны кровным родством.

Моя машина заскрипела, когда я припарковалась прямо перед школой Эйджея. Это было едва слышно из-за громкого урчания двигателя «Биг Реда», но я услышала это и нахмурилась.

Я сделала мысленную пометку проверить тормозные колодки, когда мы вернемся домой.

Подкрепление еще не прибыло, но он сказал, что будет там, и я знала, что он будет.

Я понимала, почему он оказывает мне эту услугу.

Это было из-за Эйджея.

Этот ребенок, этот милый, наивный ребенок, понятия не имел, какие у него связи в преступном мире или какое наследие он получил. Сын Антонио «Твитча» Фалько, вполне возможно самого опасного человека в мире в свое время. Крестник Юлия «Закона» Картера, человека, который был судьей, присяжным и палачом преступного мира. Мальчик называл Фариду «Хэппи» Ахмади, сына персидского бандита Омида Ахмади, своим дядей.

Вместе эти люди были святой троицей подполья.

Если ты добивался их расположения, ты становился неприкасаемым. На всю жизнь.

Без Юлия я бы никогда не встретила Лекси. Никогда бы не встретила Эйджея, и моя жизнь была бы от этого беднее.

Я была в долгу перед Юлием. В большом долгу перед ним.

Он знал это. И я знала это.

Понятия не имела, как отплатить ему, и я чертовски ненавидела быть в долгу.

Ты разберешься.

Что ж, мне, черт возьми, придется это сделать.

Подъехал черный «Хаммер», и хотя я не могла видеть, кто был внутри, я отогнала «Биг Ред», мою «Холден Торана» SL5000 — 74-го года выпуска с наддувом. Она была красавицей и всем, что у меня осталось от матери. Огромная фигура вышла из машины. Он был пугающим — я бы отдала ему должное.

Хеми заговорил, и его новозеландский акцент всегда заставлял меня смеяться.

— Привет, Молли, любимая.

На самом деле это звучало так: «Балет, Молли невозмутимая».

— Хеми. — Моя губа дернулась. — Спасибо, что пришел.

Он был чуть выше шести футов и весил около четырехсот сорока фунтов (выше 182 сантиметров и около 200 килограмм). Он внушал страх. С его бритой головой, открывающей татуированный скальп, он был совершенно пугающим. Именно поэтому я выбрала его для этой задачи.

— Дети. — Он покачал головой, выглядя слегка взволнованным. — Не стоит копаться в

этой хулиганской херне.

Пузырь смеха попытался прорваться к моему горлу, но я проглотила его. Забавно, что человек, который регулярно выбивал дерьмо из людей, не любил хулиганов.

Понимал ли Хеми, что он хулиган?

Я бы сказала «нет», потому что Хеми был не самым острым инструментом в сарае, если вы понимаете, о чем я.

Когда я услышала, как дверь «Хаммера» открылась, а затем снова закрылась, я выглянула из-за Хеми, чтобы посмотреть, кого он привел с собой. Мне пришлось пристально посмотреть на второго парня, но когда он подошел достаточно близко, мой рот приоткрылся от удивления.

О нет, Хеми, ты некомпетентный ублюдок.

— Тама. — Его имя вышло хриплым и сдавленным.

— Молли, — это было все, что он произнес, грубо и коротко.

Мое сердце начало бешено колотиться.

Ему не нужно было больше ничего говорить. Я имею в виду, действительно, что еще он мог сказать?

Его незаинтересованность говорила сама за себя.

Если Хеми был пугающим, то Тама был прямо-таки ужасающим.

— О, дерьмо, — пробормотал Хеми, но на самом деле получилось: «О, сумо». Он почесал в затылке. — Думаю, что, возможно, Тама был не лучшим человеком, которого я мог взять с собой сегодня, Молл.

Мои глаза переместились на новое дополнение на лице Тамы. Его нос, подбородок и шея были татуированы в традиционном стиле Маори.

Интересно, что он сделал, чтобы заслужить это?

Когда-то давным-давно я бы имела честь спросить. Как бы то ни было, я потеряла это право. Потеряла его некоторое время назад.

Я моргнула, глядя на Хеми, сарказм сочился из моего заявления.

— Думаешь?

Не уловив этого сарказма, он кивнул один раз, прежде чем перейти к бессмысленной полуразоблачительной речи.

— Ну да, из-за истории твоих парней и всего такого, понимаешь? Например, когда ты...

Я прервала его, говоря слишком быстро и почти выкрикивая свой ответ:

— Знаю, Хеми. Я была там.

Тама был красивым мужчиной. Он носил свои длинные черные волосы традиционно, собранными высоко в узел на макушке. Однажды, целую жизнь назад, он сказал мне, что этот стиль называется «Тики».

Моя этническая принадлежность была частично Маори, частично аборигенской. В детстве я думала, что у меня будет лучшее из обоих миров, но грубое пробуждение заключалось в том, что ни одна группа не хотела видеть меня своей. Когда я спросила, почему, мне сказали, что с возрастом моя лояльность будет искажена. Чего они не знали, так это того, что, не принимая меня, они — по определению — были против меня. И я никогда этого не забуду.

Если кто-то и заставлял меня хотеть забыть о своем уязвленном эго, так это Тама.

Тама, который принял меня в свой дом, в свою постель и в свое сердце. Он поручился за меня, сражался за меня, а я предала его.

У каждого был человек, который научил их никогда не доверять своему сердцу. У Тама это была я. Слышала, что он никогда не был прежним после того, как я ушла.

Черт возьми, ты просто идиотка.

Я была. Даже не стоит этого отрицать.

У меня вырвался долгий вздох, и я провела рукой по лицу, прежде чем признать мужчину передо мной.

— Тама, ты не обязан оставаться...

Он прервал меня лающим смехом. Когда он остановился, то наклонился к моему лицу и сказал тихо и злобно:

— Я здесь не ради тебя.

Конечно, не ради меня.

Но почему это заявление причинило мне такую боль?

— Я знаю это, — сказала я, стараясь не показывать своего хмурого взгляда. Быстро взглянув на часы, я сказала им обоим: — У нас есть восемь минут до звонка.

Между нами повисло неловкое молчание. Хеми, конечно, совершенно не обращал на это внимания, играя в игру на своем телефоне. Прошло несколько минут, прежде чем Тама утратил свое холодное безразличие.

— От головореза до няни. — Тама ухмыльнулся, и он хотел, чтобы это было так подло, как показалось. — Как падают могучие, а?

Секундная пауза.

— Если бы ты знал этого маленького мальчика... — мое сердце сжалось.

Мудак.

Мне не нужно объясняться с ним.

Мои глаза опустились к земле, и я задержала их там. У меня не хватало смелости взглянуть на Тама, чьи глаза сверлили во мне дыры. Эти лазерные лучи готовились ослепить меня неистовой яростью. Я была недостаточно сильна, чтобы бороться с ним или с тем влиянием, которое он оказывал на меня, поэтому, как последняя трусиха, я притворилась, что игнорирую его.

После самых долгих восьми минут в моей жизни прозвучал звонок, и мы заняли свои позиции. Тама выпрямился, скрестив руки на груди, и Хеми повторил его движение. Я встала между двумя гигантами, сняла солнцезащитные очки со лба и прислонилась плечом к массивной фигуре Хеми.

Мы представляли собой тревожное зрелище. Было почти стыдно тратить такой вид на кучку пятилетних детей.

От моего внимания не ускользнуло, что Эйджей первым покинул свой класс, опустив голову, с серьезным лицом устремившись к воротам, которые мы занимали.

О, милый. Что она с тобой сделала?

Я не побегу к нему. Не стану утешать его, пока мы не скроемся из вида для всех остальных. Я здесь не для того, чтобы играть. Это было серьезное дерьмо.

Он поднял глаза на секунду, затем перевел взгляд на нас. Он стоял так довольно долго, достаточно долго, чтобы его одноклассники собрались и замерли на месте, открыто уставившись на нас. У некоторых ребят отвисла челюсть. Я заметила, что Зои Брэмор была одной из таких детей.

Глаза Эйджея комично расширились, и его реакция на этих пугающе выглядящих парней, окружающих меня, была бесценной.

Он улыбнулся.

Маленький засранец.

Боже, я любила его. Он был бесстрашен там, где это имело значение. Воин в душе.

Набирая темп, он побежал к нам, его школьная сумка резко хлопала его по спине при каждом шаге. Когда он подошел к нам, я протянула ему руку, но была грубо прервана, когда Тама схватил моего подопечного, высоко поднял его и прижал к себе, уставившись на него.

В этом не было ничего личного. Тама просто ненавидел всех. И все же, несмотря на то, что я знала это, моя внутренняя мама заставила меня защищать. Я знала, что Тама никогда не причинил бы вреда ребенку, но когда дело дошло до этого ребенка, я бы никогда никому не дала такого шанса.

ЭйДжей перестал улыбаться и уставился на Таму. Во мне вспыхнуло яростное желание защитить, еще более дикое, чем раньше, и как раз в тот момент, когда я пошла предупредить Таму, чтобы он опустил его или потерял конечность, ЭйДжей протянул маленькие ручки и коснулся своими крошечными кончиками пальцев татуированного носа Тамы. Он заговорил, и у меня защемило сердце.

— У моего папы тоже есть татуировки. Их много. Но только не на лице. Когда я стану старше, у меня тоже будут такие, как у него. — Он без страха погладил лицо Тамы, внимательно рассматривая рисунок. — Это было больно?

Я наблюдала, как лед тает в глазах Тамы. Суровость на его лице, однако, осталась неизменной.

— Да.

Хеми стоял неподвижно. Не глядя на ЭйДжея, он громко сказал:

— Эй, ЭйДжей, знаешь, что я ненавижу?

ЭйДжей повернул туловище, чтобы оглянуться на Хеми. Он покачал головой.

— Нет.

— Хулиганов. — Рот Хеми скривился. — Ненавижу хулиганов, братан.

М-да, ладно.

Мне потребовались все мои силы, чтобы не рассмеяться.

Я планировала быть сдержанной, но Хеми даже не знал, как пишется это слово, не говоря уже о том, чтобы изобразить его.

Глаза Зои расширились, когда она попыталась пройти мимо. Я положила руку на ее маленькое плечо, останавливая на полпути. Наклонившись к ее милому личику, я нежно провела рукой по ее завивающимся косичкам. Я заговорила, но это было не для Зои.

— Это она, ЭйДжей? Твоя подруга Зои?

Она посмотрела на Таму и Хеми, прежде чем вернуть взгляд ко мне.

Зои Брэмор выглядела готовой осудить свое собственное имя.

— Это Зои. — Я не оглядывалась на моего мальчика, но слышала, как он скривил губы. — Но мы не друзья.

— Ты можешь мне помочь, Зои? — маленькая девочка медленно кивнула, широко раскрыв глаза. Я наклонилась и посмотрела слева направо, прежде чем подойти ближе, как будто услуга, о которой я собиралась попросить, была каким-то большим секретом. — Кузены ЭйДжея слышали, что кто-то здесь его расстраивает.

Я посмотрела на Таму. А он в свою очередь хмуро смотрел на маленькую дряннь.

— Как ты можешь видеть, — продолжила я, — когда ЭйДжей расстроен, его двоюродные братья тоже расстраиваются. — Я понизила голос. — Ты можешь сделать мне

одолжение?

Она кивнула, не задавая вопросов.

Хорошая девочка.

— Я хочу, чтобы ты присматривала за Эйджеем и говорила мне, если увидишь, что кто-то к нему пристаёт. — Я выпрямилась и посмотрела на Хеми, прежде чем снова посмотреть на Зою. — Хеми, вон там... Он ненавидит хулиганов. Не так ли, Хеми?

Хеми многозначительно повернул голову и кивнул. Он не отрывал взгляда от маленького ребенка, и я увидела, как вся краска отхлынула от лица Зою.

Мой выстрел только что достиг своей цели.

В яблочко.

И моя работа здесь была закончена.

Я широко улыбнулась, но улыбка не коснулась моих глаз. Должно быть, это было не слишком утешительно, потому что Зою сделала небольшой шаг назад.

— Я знала, что могу на тебя рассчитывать. Спасибо, Зою. Хорошего тебе дня. — Когда она уходила, я помахала ей рукой, бормоча себе под нос: — Страйк, маленькая сучка.

В половине четвертого все дети были разобраны родителями, и почти все разошлись. Все, кроме нас. Как только мы остались одни, позиция Хеми ослабла, и он встал перед Тамой, который не отпускал Эйджея.

Пухлая рука Хеми протянулась, и Эйджей встретил его на полпути. Они пожали друг другу руки, и Хеми представился.

— Меня зовут Хеми, маленький брат. — Он дернул подбородком в сторону угрюмого мужчины, державшего его. — А это Тама.

Лицо Эйджея стало задумчивым. И то, что он сказал дальше, убило меня.

— Молли знала человека по имени Тама.

В моей голове раздаётся медленный, протяжный призыв.

Нет, Эйджей. Не-е-ет.

— Сказала, что он был страшным. Очень страшный человек. — Эйджей посмотрел на Хеми. — Она любила его. — Он посмотрел на меня. — Не так ли, Молли? — затем он повернулся к Таме с мрачным выражением лица. — Но он умер. И это огорчило Молли.

Желчь подступила к моему горлу, а в груди появилось сильное жжение.

Эйджей, не понимая, что он только что сделал, потянулся ко мне. Онемев до глубины души, я без вопросов заключила его в свои объятия. Он прижался щекой к моему плечу и слишком крепко обнял меня за шею.

— Мне не нравится, когда Молли грустит.

Хеми перевел взгляд с меня на Таму, потом снова на меня и, к счастью, совершенно не в его характере, не сказал, что у него на уме, прежде чем вернуться к «Хаммеру».

Тама, с другой стороны, крепко сжал челюсти. Он не сводил с меня глаз. Надеюсь, что он увидел извинения, которые я держала в себе.

Уверена, что он увидел, потому что после долгой паузы Тама заговорил. Его голос был обманчиво спокоен.

— Ты любишь мисс Молли, а?

Эйджей кивнул в мое плечо.

Тама перевел взгляд на меня и заговорил без эмоций:

— Малыш плохо разбирается в людях.

Тихим голосом я согласилась:

— Знаю.

Потому что он был прав. Я не заслуживала того, что дал мне ЭйДжей. Не заслуживала того, что Лекси доверила мне.

Я была ужасным человеком, и однажды получу свое.

Твитч

Когда Аманда вошла в мой дом, она выглядела уставшей.

— Нам нужно поговорить.

Да.

Это назревало слишком долго. Нам нужно было разобраться с этим дерьмом. Это уже было чертовски неловко. Мне не нужно было, чтобы это крутилось у меня в голове.

Она подошла, чтобы сесть на маленький диванчик, и я последовал за ней в комнату, прислонившись к стене, когда она начала.

— Я кое-что слышала о тебе. Плохие вещи. И решила выяснить все сама, увидеть, кем ты был, прежде чем судить. Итак, брат мой, — сказала она, — кто ты такой на самом деле?

Это был трудный вопрос.

Я действительно больше не знал этого.

Я прищелкнул языком и осторожно помассировал висок.

— Мэнди, пожалуйста. Дай мне передохнуть. Это была дерьмовая пара дней. Кроме того, мы уже проходили через это. — Я многозначительно посмотрел на нее. — Думаешь, Эвандер гребаный святой?

На мои слова она покачала головой.

— Я знаю своего мужа, большое тебе спасибо, но он никогда не пытался заставить меня поверить, что он был кем-то, кем не был. И ты причинил боль этой девушке. — Она выглядела разочарованной. — Эвандер — самый милый человек на свете. — На мою открытую насмешку она добавила: — Для меня он такой и есть. Он никогда не был сознательно груб со мной. Он всегда открыто любил меня. И никогда не поднимал на меня руку, потому что знает, что я бы его бросила.

Она не собиралась оставлять это так. Сестра была постоянной занозой в моей заднице с того дня, как я встретил ее, вовлекаясь, вмешиваясь в мою жизнь, когда это было возможно, и даже несмотря на то, что она чаще всего обливала меня дерьмом, было приятно иметь кого-то, кому не все равно.

Я подтащил стул от обеденного стола, развернул его и сел на него задом наперед.

— Знаешь, кем я был тогда? — под ее многозначительным взглядом я пробормотал: — Конечно, знаешь. — Я провел языком по зубам. — Ты встречалась с Лекси, так что знаешь, что ее сорт сладости редок, гребаное сокровище. — Когда она кивнула, я продолжил. — Я хотел посмотреть, как далеко могу зайти, прежде чем сломаю ее.

— Зачем?

Моя сестра не была впечатлена, а мне было на это наплевать. Я просто хотел, чтобы она поняла.

— Потому что я хотел, чтобы она была рядом со мной, Аманда, бл*дь, всегда. — Боже, я начинал злиться. — Думаешь, я мог позволить кому-то вроде нее стать моей королевой? Она совсем не похожа на тебя, детка. Ты видела дерьмо всю свою жизнь, будь оно от твоего папаши...

Она вмешалась:

— Он и твой отец тоже.

Неважно.

Он был для меня никем.

— Или брехня твоего брата, и теперь ты снова имеешь с этим дело через Эвандера. Ты знаешь эту жизнь, что все это влечет за собой. Лекси не такая. Она не знала. Я хотел посмотреть, есть ли у нее все необходимое, чтобы справиться, потому что последнее, что мне было нужно, это чтобы моя гребаная женщина сбежала от меня, сказав, что это слишком. Поэтому я давил и давил изо всех сил.

Я увидел, что Аманда неохотно, но начинает понимать.

— Она та самая, Мэнди. Без дерьма. В ту секунду, когда она стала моей, я почувствовал, как в меня ударила сраная молния с такой силой, что мой труп ожил. — Думать о моей женщине было испытанием. Лекси была жизнью. — Я был грешником, и она была моей единственной молитвой. Божеством. Единственная богиня, которой я поклонялся. — Я выдержал небольшую паузу. — До сих пор поклоняюсь.

И, клянусь Богом, это была гребаная правда.

Я увидел, как лицо моей сестры смягчилось, и закатил глаза.

— Итак, хорошая новость в том, что я именно тот, за кого себя выдаю.

Аманда нахмурилась.

— А плохая новость?

— Плохая новость в том, что... — я усмехнулся. — ...я именно тот, за кого себя выдаю.

Виновен по всем пунктам обвинения.

И моя сестра подавила смешок.

— Господи, иногда ты ведешь себя как придурок.

Так и есть.

Но я бы не стал извиняться за это.

— У нас все хорошо? — спросил я, рассеянно почесывая щетину на подбородке, потому что мне бы не хотелось потерять сестру так скоро после того, как я ее нашел, но я бы отпустил ее в мгновение ока, если бы это стоило мне Лекси.

Моя сестра долго смотрела на меня, прежде чем вздохнуть.

— Думаю да, но клянусь Богом, Тони, если ты снова причинишь ей боль... — она замолчала.

Я встретил встревоженный взгляд моей сестры.

— Не могу обещать, что не сделаю этого. Все это ново для меня — быть привязанным к одной женщине, быть отцом. Я обязательно облажаюсь раз или два. — *Или десять.* Я устало выдохнул. — Но я постараюсь этого не делать.

Это было лучшее, что я мог дать.

— Хорошо, — сказала она, вставая. — Обними меня. Мне нужно встретиться с моим племянником на игровом свидании.

Привязанность была тем, над чем я работал. Для меня это было не естественно, но для Аманды наоборот, так что я бы отдал ей должное за то, что она терпела мою грубую задницу. Выпрямившись во весь рост, я протянул к ней руки, согнув пальцы в жесте «иди сюда», и она улыбнулась мне, шагнув в мои объятия.

Я крепко обнял свою младшую сестру, и она обняла меня в ответ. Когда мне показалось, что это уже слишком, я отпустил ее, но она крепко держалась за меня. Не зная, что делать, я неловко поднял руку и начал похлопывать ее по плечу, и она рассмеялась мне в грудь.

— Скажи, что ты не гладишь меня, как собаку, парень.

Я громко вздохнул, улыбка тронула мои губы.

*Бл*дь, эта засранка вызвала у меня смущение.*

Ей повезло, что я начинал любить ее.

Игриво оттолкнув ее, я наблюдал, как она спотыкается и смеется надо мной, и указал на дверь.

— Убирайся нахрен отсюда. — Это только заставило мою сестру смеяться еще сильнее, но она все-таки ушла.

Ну что за гадина.

Линг

Аслан отстранился от меня. Он был обеспокоен, и я не знала почему, но он заставлял меня также нервничать. В тот момент, когда его губы оторвались от моих, я сердито посмотрела на него.

— Что с тобой сегодня не так?

Он долго смотрел на меня, прежде чем усадил к себе на колени, обвивая руками мое тело и прижимая меня к себе. Его лицо было совсем близко, и хотя вся эта история с теплом была для меня в новинку, мне это вроде как нравилось.

— Что мы здесь делаем, детка?

Мы вели себя глупо. В значительной степени гарантируя, что ненависть наших семей будет продолжаться. Это было почти так, как если бы мы хотели, чтобы мир узнал, какими эгоистичными и глупыми мы были на самом деле, потому что, несмотря на то, что мы прятались, мы не использовали все возможности на этом фронте.

Это была наша третья встреча в городской квартире, которую я специально сняла, чтобы встречаться с ним. Я была идиоткой и уверена, что меня поймают, но когда дело дошло до Аслана, я действительно не думала о последствиях, и мне было все равно. Кроме того, до сих пор он отказывался трахать меня, так что в действительности, что мы делали? Не так уж много.

Но, по правде говоря, если бы мои братья узнали, они бы убили меня. В буквальном смысле.

Я остановилась на честности.

— Мы крупно облажались.

Когда он тихо рассмеялся, глядя на меня так, как всегда смотрел, с привязанностью в глазах, которая была направлена на меня, я почувствовала, как часть льда вокруг моего сердца треснула, медленно оттаивая.

— Пойдем со мной в постель, — я наклонилась и проговорила ему в губы, впиваясь в его твердый член.

Но он покачал головой, нежно улыбаясь.

— Нет.

Он убивал меня. Я была так чертовски возбуждена, что была готова трахнуть его ногу, если бы он только позволил мне.

О Боже мой. Послушай себя.

Если бы он позволил мне?

Кем я стала и что, черт возьми, случилось с Королевой Драконов?

Мне не нравился тот человек, которым я была, когда была с этим мужчиной. Он заставил меня почувствовать себя слабой, а это никуда не годилось. Я была сама по себе. Я ни на кого не полагалась, ни в ком не нуждалась. Я была счастлива, что не связана узами

брака.

Пошел он.

— Прекрасно. Думаю, я просто пойду и найду хороший молодой член, чтобы отсосать. — Когда его глаза вспыхнули, я продолжила: — Может быть, я позволю ему немного поласкать мою киску, и когда он заставит меня кончить... — я прижалась к нему своими сиськами, — ...я покажу ему благодарность, назвав его папочкой. Им это нравится, знаешь? — Когда я попыталась встать, Аслан схватил меня за запястье так сильно, что останется синяк, и я ухмыльнулась, понимая, к чему все идет. — Ты передумал, Ас?

Он быстро встал, и я рухнула на пол бесформенной кучей.

— Ублюдок, — кипела я.

— Не знаю, почему я, черт возьми, беспокоюсь о тебе, — сказал он, отходя от меня.

И вдруг мне стало плохо из-за его потери.

Святое дерьмо.

Это было что-то новенькое. Не знаю, понравилось ли мне это.

Как раз перед тем, как он подошел к выходу, я крикнула:

— Подожди. — И, к моему шоку, он послушался, остановившись у двери.

Ага. Подумав об этом. Мне это совсем не понравилось.

Глядя так, как будто он хотел ударить суку, я удивилась, почему он просто не ударил. Он знал, что я готова к этому. На самом деле ничто не сделало бы меня счастливее, чем если бы он просто трахнул меня до потери пульса.

Я не могла поверить, что собиралась сказать то, что сказала.

— Это ново для меня, Ас. Ты должен дать мне передышку, когда я буду давить, потому что я не знаю ничего лучшего. — *Ты киска.* Я вздохнула, униженная тем фактом, что поставила себя в такое положение. — Мне не нравится расстраивать тебя.

Внезапно он повернулся и свирепо посмотрел на меня.

— У меня дома есть жена, Линг, и хочешь — верь, хочешь — нет, она меня чертовски обожает. Мне не нужна эта детская чушь, в которую ты любишь играть, эта чушь про ревность. Ты сводишь меня с ума. — Когда он покачал головой и положил руки на бедра, как будто размышляя о тяжести мира, мои внутренности сжались, потому что я знала, что будет дальше. — Не думаю, что мы должны делать это снова.

И поскольку я понятия не имела, как справиться с внезапно нахлынувшей на меня печалью, я сердито посмотрела в ответ.

— Нет проблем. — Мой голос был низким. — Тебе пора уходить.

В конце концов, я унаследовала мамино самообладание и характер отца.

Красивый турок какое-то мгновение сражался сам с собой, а потом оглядел меня с ног до головы, махнул рукой в мою сторону и поджал губы.

— Знаешь что? К черту все это. Я ухожу.

Мысль о том, что Аслан Садык оставит меня, чтобы вернуться домой к жене, которая его обожала, привела меня в такое бешенство, что я высказала свое мнение. Бросившись к своей сумочке, я вытащила пистолет 22-го калибра, положила палец на спусковой крючок и выстрелила.

Бах.

Звук эхом разнесся по пентхаусу, и когда все его тело дернулось от шока, я упивалась этим. Он моргнул, увидев дыру в стене рядом со своей головой, и снова повернулся ко мне, широко раскрыв глаза.

— Ты сумасшедшая сука.

Да. И тебе лучше не забывать об этом.

— Никогда не возвращайся, Ас. Ты официально исчерпал мое гостеприимство.

Его темные глаза пристально наблюдали за мной долгое время, прежде чем он повернулся и оставил меня наедине с моими мыслями.

И это было не самое приятное место, чтобы оставить сумасшедшую суку.

Лекси

— И они оба были огромными! — взволнованно сказал Эйджей, рассказывая мне с встрече с двумя дружелюбными гигантами.

Нет, не гигантами. Кузенами. Эйджей назвал их своими кузенами.

— Они были, да? — я посмотрела на Молли, моргая, подняв брови до линии роста волос.

У Молли хватило такта выглядеть застенчивой.

— Они были просто старыми друзьями.

Старые друзья, которые просто случайно оказались поблизости от школы во время сбора, в тот же день, когда Молли просто случайно предложила забрать Эйджея в свой выходной день и взять красную машину в придачу.

М-м-м. Звучало вполне правдоподобно.

Попробуй еще раз, Молли.

— О, хорошо.

Губы Молли дернулись от моего явного недоверия.

— Ты бы поверила, что они просто пришли поздороваться?

Я не смогла удержаться от смешка.

— Нет. Не поверила бы.

Она выглядела раздраженной.

— Черт. Знала, что ты умнее.

Когда для Эйджея пришло время идти в ванну, я слегка шлепнула его по попе.

— Время купания! — затем я наклонилась к Молли. — Мы еще не закончили говорить об этом.

И она громко вздохнула.

Как только Эйджей был в ванной, играя со своей заводной лягушкой, я поманила пальцем Молли, и она встретила меня в коридоре, где я могла наблюдать за Эйджеем, но при этом говорить наедине. В тот момент, когда она подошла, я не сводила глаз с моего сына, но заговорила с ней.

— Я доверяю тебе, правда доверяю, но это звучало как то, о чем я должна знать, Молли. Так что выкладывай.

Нелепо полные губы Молли сморщились, и она скрестила руки на груди, заглядывая в ванную, прежде чем отстраниться и тихо произнести:

— Только не волнуйся.

Мои глаза расширились.

— Не волноваться?

Черт. Это было хуже, чем я думала.

И как я могла не волноваться после этого?

Молли шикнула на меня.

— Он тебя услышит!

Когда мы обе заглянули в ванную, Эйджей с любопытством наблюдал за нами, и мы обе широко улыбнулись. Эйджей улыбнулся в ответ, но это было настороженно, что было достаточно справедливо, потому что мы с Молли выглядели сумасшедшими, болтаясь в коридоре, перешептываясь и тому подобное.

Мы отстранились, и Молли начала:

— Я заметила, что Эйджей уходит из школы так быстро, как только может, поэтому вернулась на перемене и в обед, чтобы посмотреть, что происходит. Не потребовалось много времени, чтобы узнать, что маленькая девчонка, Зои, дразнила Эйджея.

О, нет.

— По поводу чего?

Челюсть Молли сжалась.

— Что у него нет отца.

Боже.

Внезапно все обрело смысл. Отчаянная потребность Эйджея увидеть своего отца, пусть даже только во сне, его внезапное горе, то, как он неожиданно привязался ко всему, что связано с Твитчем.

Я приложила руку ко лбу и потерла его.

Почему я не подумала, что это может быть связано со школой?

Я была дурой, что пропустила это.

— Послушай, все хорошо. Я позаботилась об этом. — Я слышала гнев в ее тоне. — Маленькая дрянь Зои больше не будет беспокоить Эйджея. Это уж точно.

И тут меня осенило.

Опустив руку, я моргнула, глядя на нее.

— Ты угрожала пятилетнему ребенку членами банды? — когда ее глаза заметались по сторонам, я наклонилась и прошипела: — Ты с ума сошла?

Ее глаза округлились.

— Они не сказали ни слова, Лекс. Все, что они делали, это стояли там и выглядели сурово, пока мы с Зои немного поболтали об издевательствах. Клянусь. Я не сделала ничего такого, что могло бы навлечь неприятности на тебя или Эйджея. Я бы никогда так с тобой не поступила. — Молли заглянула в ванную, посмотрела на маленького монстра, прежде чем отстранилась с несчастным видом. — Она дразнила его, Лекс.

Да, дети могут быть жестокими.

Я знала это по личному опыту. Но это не означало, что Молли нужно было вмешиваться.

— Ты должна была поговорить со мной.

— Знаю, — мрачно пробормотала она. Она не смотрела на меня, когда прошептала: — Извини.

Я понимала, что Молли хотела только лучшего для Эйджея. Никто никогда не обвинил бы Молли в том, что она несерьезно относится к своей работе.

— Спасибо, что заступилась за него.

Ее губа слегка приподнялась. Лишь слегка.

— Я люблю свою маленькую личинку.

Именно тогда Эйджей крикнул:

— Вы говорите обо мне?

Мы с Молли усмехнулись и ответили:

— Нет.

ЭйДжей открутил пробку, и я вошла в ванную, обернуть и вытереть его полотенцем.

— Знаешь что? Я хочу побольше узнать о твоих новых кузенах.

— О Боже, мам! — ЭйДжей повернулся с широко раскрытыми глазами. — Хеми такой большой. — Он сделал руками округление живота, и полотенце упало, оставив его голым. Я не смогла удержаться от смеха, взяла полотенце и снова накрыла его. — И Тама был немного злым, но Молли сказала мне, что он всегда злой. — Когда я снова посмотрела на Молли, я заметила, как она делает знаки рукой ЭйДжею, и в ту же секунду, как увидела меня, она выдавила фальшивую улыбку. — У Тамы татуировки по всему лицу. На носу, на подбородке. Повсюду.

Услышав долгий, протяжный вздох Молли и покачав головой, я подавила смех и произнесла:

— Может быть, Молли могла бы пригласить твоих новых кузенов, чтобы я могла с ними познакомиться.

ЭйДжей ахнул.

— Да!

Молли усмехнулась.

— Ни за что.

— Почему нет? — спросила я, изображая вежливость. — Звучит, как будто они настоящие джентльмены. — Молли уставилась на меня, ей не нравилось мое поддразнивание. — Не понимаю, почему ты держишь этих парней при себе. И, кроме того... — я перевела на нее свои улыбающиеся глаза, — ...я хочу познакомиться с этим твоим Тамой.

— Он не мой. — Лицо Молли вытянулось, и она посмотрела себе под ноги. — Больше нет.

Она выглядела такой печальной, что я понизила голос.

— И ничего нельзя сделать, чтобы исправить это?

Молли покачала головой.

— Нет. Я все испортила. — Она внезапно выпрямилась. — Думаю, я просто пойду посмотрю телевизор в своей комнате.

Прежде чем я успела возразить, она исчезла.

И я должна была задаться вопросом, что же такого сделала с Тамой эта милая девушка, почему она чувствовала, что не заслуживает прощения.

Оказывается, мне было лучше ничего не знать.

Твитч

Я едва мог дышать.

— Если ты решил меня наеб*ть, Блэк...

Итан грубо усмехнулся.

— К несчастью для населения Австралии, я на сто процентов серьезен. Завтра я пришлю к тебе кое-кого с твоими документами. Его зовут Габриэль Бланко. Впусти его и, ради всего святого, будь милым.

— Трахни меня, — выдохнул я, пытаюсь успокоить учащенное сердцебиение.

Веселье Итана сошло на нет.

— Ты долго ждал, Твитч, и твоё терпение окупилось. — Он понизил голос. — Я горжусь тобой, сынок.

Я не очень хорошо воспринимал комплименты. Особенно от мужчин.

— Эй, Итан. Заплетем друг другу косички и обсудим это, бро? — услышав его внезапный шквал проклятий, я издал тихий смешок. — Шучу, чувак. Остынь. Я... — мне было трудно в этом признаться. Мне потребовалось некоторое время, чтобы вытащить из себя это. — Я благодарен. За все.

Он хмыкнул.

— Почему у меня такое чувство, будто я только что выпустил льва в ничего не подозревающее сообщество?

На это я усмехнулся.

— Потому что ты меня знаешь.

Когда он выдал очередную порцию ругательств, я тихо рассмеялся и впервые за пять лет снова смог дышать.

Я открыл дверь и осторожно посмотрел на мужчину в костюме.

— Имя?

— Гейб Бланко, — представился мужчина средних лет с австралийским акцентом. — Меня послал Итан Блэк.

Когда я не сделал ни малейшего движения, чтобы впустить его, Гейб пожал плечами.

— Могу забрать все это дерьмо обратно, если Вы этого не хотите.

Не говоря ни слова, я открыл дверь и отступил назад, позволяя ему войти, но я внимательно наблюдал за ним.

У меня были проблемы с доверием. Так что подайте на меня в суд. Если бы в вас стреляли столько раз, сколько стреляли в меня, у вас бы они тоже были.

Гейб Бланко вошел внутрь, подошел к стойке и потянулся к большому желтому конверту. Он заговорил, вытаскивая вещи.

— Вот Ваше удостоверение личности, — он бросил на стойку маленькую пластиковую карточку. — Ваш паспорт. — Он осторожно отложил маленькую синюю книжечку. — Номера социального страхования и налоговых документов. — Рядом с паспортом был положен маленький белый листок бумаги. — Вот Ваша банковская карта, данные счета и карта «Медикэр» (национальная программа медицинского страхования в США), — карточки лежали в отдельном пластиковом конверте. — И, наконец, Ваше австралийское

гражданство. — Причудливый сертификат был грязно-белого цвета с изображением эму и кенгуру, держащих герб. — Кстати, это фальшивка. Просто для вида.

Я ничего не мог поделаться с тем, как дернулась моя губа.

Спасибо, Итан Блэк.

Я мог бы поцеловать его тогда.

— Это все? — спросил я мужчину.

Гейб не колебался.

— Не совсем. Меня попросили передать сообщение.

Почему это звучало не очень хорошо?

— Какое сообщение?

— Следи за собой, потому что мы будем наблюдать за тобой, — произнес Гейб механическим тоном. Когда мое лицо немного потемнело, он поднял руки в успокаивающем жесте. — Не стреляйте в гонца. Просто передаю это.

Мне это не понравилось.

— От кого?

— Главные шишки из А.Ф.П.

Дерьмо.

Последнее, в чем я нуждался, так это в постоянном наблюдении австралийской федеральной полиции.

Отлично. Просто великолепно.

— Принято к сведению. А теперь, если это все...

— Да. — Гейб ухмыльнулся. — Добро пожаловать обратно в страну живых, Антонио Фалько.

Когда он протянул мне руку, я неохотно взял ее, пожав один раз, прежде чем опустить. Я проводил Гейба Бланко и засунул все свои документы обратно в желтый конверт, сделав это с легкой улыбкой.

Да.

Я вернулся, суки.

С учетом того, где я был, казалось, что мое беспокойство должно было возрасти, но этого не произошло.

Я был спокоен, безмятежен и терпеливо ждал, когда она найдет меня.

Лекси

Я рассмеялась, увидев выражение дискомфорта на лице Аны.

— Знаю, это звучит ужасно, но на самом деле они такие удобные и выглядят мило. Я купила три из них онлайн у La Perla. — Я отошла от женского стола, мужчины сидели на веранде, курили сигары и пили виски. — Я принесу их, чтобы ты могла увидеть сама.

Войдя в свою комнату, не включая свет, я подошла к комоду напротив кровати и вытащила три бюстгальтера с бретельками, слегка задвинув ящики, прежде чем взглянуть в зеркало.

Мой желудок опустился.

Вздрагнув, я уронила бюстгальтеры, когда увидела одинокую фигуру на моей кровати, прислонившуюся к изголовью.

Мое сердце бешено заколотилось. Закрыв глаза, я сосредоточилась на своем дыхании.

О, черт.

Вот это и случилось.

У меня поехала крыша. И это было неудивительно, учитывая эмоциональную взбучку, которую я получила от своего сына за последние несколько недель. Очевидно, постоянное напоминание о его отце что-то со мной сделало. Мой разум был хрупким и не мог выдержать так много. Возможно, все разговоры о том, что ЭйДжей встречается с Твитчем, пробудили во мне своего рода ревность.

Тяжело дыша, я проглотила комок в горле.

— Прекрати, — прошептала я себе, прежде чем открыть глаза, и увидела, как лунный свет падает на нижнюю половину фигуры в капюшоне.

Иисус Христос.

Его там нет. На самом деле его там нет. Все это лишь у меня в голове.

Но это не делало ситуацию менее печальной, и то, как колотилось мое сердце, заставило меня внезапно почувствовать головокружение.

Мои руки затряслись, и я сжала их в кулаки, впившись ногтями в ладони.

— Лекси, — предупредила я себя. — Прекрати.

Мозг был забавной штукой. Почти как жесткий диск. Это могло вызвать воспоминания в мгновение ока, какими бы болезненными они ни были. И прямо сейчас я причиняла себе боль.

Почему я продолжала причинять себе боль?

Когда я открыла глаза, а он все еще был там, я начала по-настоящему переживать. Прерывисто дыша, я приложила руку ко лбу и умоляла себя как можно тише:

— Остановись. Пожалуйста.

Мой желудок сжался, когда я услышала шорох с другого конца комнаты.

Стоп.

Он что, только что переместился?

Нет. Он не мог этого сделать.

Но он это сделал.

Так оно и было.

Молча он наклонился вперед и сделал то, чего я хотела целую вечность.

Он опустил капюшон. И в тот момент, когда я увидела эти мягкие карие, прикрытые веками глаза, все мое тело похолодело.

Это не был Твитч из моих навязчивых снов.

Я не могла дышать.

Это всего лишь сон. Не так ли?

Да, должно быть так и есть.

— Ангел. — Этот ровный, хриловатый голос был едва слышен.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от моего лица. Быстро отступив к комоду, я ахнула, когда ударилась о край и потеряла равновесие. На пол упал флакон духов, за которым последовал пронзительный звук бьющегося стекла. Мое сердце бешено заколотилось в груди. Широко раскрыв глаза и сбитая с толку, я поднесла руки к своему дрожащему рту.

И вот тогда-то весь ад и вырвался на свободу.

Твитч

— Ангел.

Что еще я мог сказать? Она выглядела прекрасно в облегающих джинсах и белом свитере с закатанными рукавами.

Большие голубые глаза Лекси наполнились слезами, когда она отступила к комоду, и когда она потеряла равновесие, я шагнул вперед, протягивая ей руку. Все ее тело затряслось, и когда она прикрыла рот, задыхаясь, я нахмурился.

Дерьмо.

Может быть, мне следовало сделать это по-другому.

Моя малышка выглядит так, словно вот-вот упадет в обморок.

В дверном проеме появилась тень маленького мальчика.

— Можно мне немного мороженого? — он включил свет и в замешательстве посмотрел на позу своей матери за секунду до того, как заметил меня.

Мой мальчик.

Он не мог сдержать своего волнения.

— Папа!

Он подлетел ко мне, и я поймал его в воздухе, обняв так крепко, как только мог, не причинив ему боли.

Мое сердце забилося быстрее. Это было оно.

Больше никаких прятков.

Мои глаза наблюдали за ее реакцией. Я продолжал обнимать его, пристально наблюдая за Лекси, когда до нее дошло, что то, что происходило, было не в ее голове. Проявилась смесь эмоций.

Во-первых, шок. Затем замешательство. И, наконец, боль.

Ее лицо вытянулось, она медленно покачала головой в знак отрицания и с глухим стуком прислонилась спиной к стене, ее тело сильно затряслось, когда она начала плакать. Ее рот открылся, и она попыталась заговорить, но моя малышка не могла из-за слез, сотрясавших ее тело.

ЭйДжей отстранился, чтобы посмотреть на свою мать.

— Видишь? Говорил же тебе.

Лекси прижалась спиной к стене, тихо всхлипывая, не моргая, с затравленным выражением в ее красивых глазах. Взгляд, полный боли и предательства, был больше, чем я мог вынести. Я хотел подойти к ней и планировал это сделать, но маленькая мисс-гот вошла в комнату, направив на меня свой 22-й калибр. Она переместилась, чтобы встать перед Лекси, защищая ее, прежде чем уставиться на меня, не моргая.

— Кто ты, черт возьми, такой?

Я уже собирался ответить, когда вошел Хэппи.

— Что, черт возьми, здесь происходит? — когда его взгляд остановился на мне, его лицо осунулось, тело обмякло, и он пробормотал: — Ты мудака. — Он закрыл глаза, прежде чем с трудом сглотнуть. — Ты гребаный мудака.

Да, так и есть.

Он придвинулся ближе ко мне, потянувшись к ЭйДжею, и я отступил назад, бросив на него мрачный взгляд.

Только попробуй.

Он мог вырвать моего сына только из моих холодных, мертвых пальцев.

— Твитч, у нас здесь полный дом. Не делай этого. Отдай мне своего сына.

В этот момент Лекси долго переводила взгляд с моего брата на меня, пока до нее

наконец не дошло. Когда она заговорила, у нее перехватило дыхание. Ее голос звучал оскорбленно. Ранено.

— Ты знал? — мы оба повернулись на этот опустошенный вопрос. Ее залитое слезами лицо обратилось к Хэппи. Она повторила снова, более высоким тоном и на этот раз более отчаянно. — Ты знал? — ее дыхание участилось, и она захныкала, прежде чем закричать во всю силу своих легких: — Ты знал?

Низкий пронзительный крик, вырвавшийся у нее после этого, был душераздирающим. Выплакивая все свое сердце, она рыдала до тех пор, пока в ее теле не осталось воздуха, и когда она сделала резкий вдох и подняла голову, она открыто завывала, схватившись за горло, как будто она задыхалась от того, что чувствовала, и это сокрушило самую мою душу.

Комната была заполнена людьми, молчаливыми людьми, и я едва удостоил взглядом тех, кто смотрел на меня в шоке. Но когда Юлий заполнил дверной проем и его широко раскрытые глаза остановились на мне, медленно моргая, я никогда не чувствовал себя большим куском дерьма, чем когда наблюдал, как мой брат ломается, потому что до этого он был нерушимым.

Да, я предал его. И да, он сразу это понял.

Юлий стоял там, пока Лекси плакала. Его губы приоткрылись, и он медленно моргнул, сокрушенно прижимая руки к голове, как будто испытывал самую сильную мигрень в своей жизни.

— Нет. — Он покачал головой, а затем внезапно вышел из состояния шока. Теперь он был зол и прорычал: — Нет.

Да.

— Брат, — тихо произнес я и увидел, как его лицо стало грозным.

Я наблюдал, как он боролся с собой на каждом шагу. Он шагнул вперед, затем назад и снова вперед, как будто не знал, что с собой делать, его кулак сжимался и разжимался снова и снова. Ему потребовалось некоторое время, чтобы взять под контроль свои эмоции, но когда он это сделал, он прорычал:

— На улицу. Сейчас же.

Я знал, что это произойдет. Я бы сделал то же самое. Со вздохом я опустил своего мальчика на пол и последовал за Юлием к входной двери, бросив короткий взгляд на мою плачущую женщину.

То, как она выглядела сейчас, подавленная и опустошенная.

Я никогда не хотел видеть это снова.

Она была не в том состоянии, чтобы смотреть, как разворачивается это дерьмо. Я пробормотал Хэппи:

— Держи их внутри.

В коридоре я прошел мимо изумленных Никки, Дейва и Аны, направлявшихся к выходу, в то время как Аманда просто разочарованно покачала головой.

Это было нормально. С этим я мог справиться.

Я привык быть разочарованием.

Еще до того, как вышел за дверь, я расстегнул свою толстовку и сбросил ее, разминая плечи, пока Юлий расхаживал по лужайке перед домом, выглядя как одержимый. Когда он поймал мой пристальный взгляд, его лицо сморщилось, а глаза стали дикими, и он покачал головой.

— Ты не мог этого сделать. Не со мной. — Он указал дрожащей рукой в сторону

дома. — Не с ней.

Проклятье.

Он воспринял это хуже, чем я ожидал.

Мой голос был грубым.

— Пришлось, брат.

Ему было трудно говорить.

— Пять лет. — Его дыхание стало тяжелым. — Где, черт возьми, ты был? — его губы скривились, но слова, которые он выплевывал, были хриплыми, убитыми горем. — Я нуждался в тебе.

Знаю.

Вот почему ему нужно было поверить, что я ушел.

Если бы Юлий не поверил в это, никто другой не поверил бы.

— Потрачу остаток своей жизни на то, чтобы загладить вину перед тобой, — примирительно предложил я. И я бы так и сделал. Мне было ненавистно, что причинил ему боль, но это было необходимо.

Юлий замер, и его голубые глаза вспыхнули.

— Иди на хрен, Твитч.

И когда он бросился на меня, я позволил ему.

Похожие на камни кулаки врезались мне в щеку, белые пятна вспыхнули перед глазами, и я упал навзничь на росистую траву. Грубо он оседлал мои бедра и снова ударил меня, на этот раз сильнее. И я увидел звезды. Он снова ударил меня, и я почувствовал, как мой нос хрустнул под его кулаком. Снова и снова он бил меня, а я поднимал руки в слабой попытке отразить удары, потому что он был достаточно зол, чтобы нанести какой-то реальный ущерб, и Юлий не проявлял ни малейшего желания замедлиться.

Он отталкивал мои руки в сторону, но я вскидывал их вверх, снова и снова.

Сильный удар пришелся мне в плечо, и я зашипел от боли. Юлий громко и торопливо сказал сквозь стиснутые зубы:

— Где ты был? — следующий удар пришелся мне в грудь, заставив вздрогнуть, и он проревел: — Ты был мне нужен, ублюдок! — удары замедлились, а затем, наконец, прекратились совсем. Я почувствовал, как тело моего брата содрогнулось, когда он выкрикнул сквозь слезы: — Ты был мне нужен. — Он всхлипнул сквозь стиснутые зубы: — Ты кусок дерьма. Ты был мне нужен.

Дыша, как мог, через сломанный нос, я наблюдал за тем, как он плачет, и потянулся, чтобы схватить его за плечо, но он яростно отмахнулся от меня, вставая так быстро, как только мог.

— Отвали от меня! — прежде чем я успел осознать, что происходит, он подошел к своей жене, взял ее за руку и потащил к их машине.

— Аманда, — рывкнул Юлий.

Когда Аманда подбежала и села на заднее сиденье, машина с визгом тронулась с места.

Приподнявшись на локтях, я увидел, как Никки и Дейв уходят с моим сыном. Мое сердце сжалось, и я встал, готовый возразить, но когда Никки повернулась к Хэппи, выглядя совершенно убитой горем, и выдавила: «На твоём месте я бы не приходила сегодня домой», — я понял, что, вероятно, для Эйджея было лучше не присутствовать при хаосе, который последует.

— Папа? — неуверенно позвал Эйджей, странно глядя на мое положение на траве.

— Все в порядке, приятель, — сказал я ему, тяжело дыша. — Я очень скоро увижу тебя.

Хэппи стоял, уперев руки в бедра, и медленно выдыхал. Он опустил подбородок, глядя себе под ноги, затем тихо проговорил:

— Мог бы предупредить меня.

Я мог бы, но мне надоело ждать.

Уж извините.

Мое молчание было единственным извинением, которое он получит, и он знал это, потому что покачал головой и вошел внутрь. Прошло много времени, прежде чем я последовал за ним, но если Хэппи вышел на задний двор, то я свернул туда, где жаждала быть моя душа.

В ее комнате.

Я встал в проеме открытой двери и смотрел, как сломленная женщина прислонилась к стене, абсолютно замороженная, не моргающая. Она выглядела как оболочка человека. Все, что я хотел сделать, это подойти, взять ее на руки и подержать некоторое время.

Когда всего этого стало слишком много и дискомфорт сильно ударил по мне, я почесал подбородок и покачал головой, потому что хотел извиниться, но это было нелепо.

Поэтому я смотрел ей в глаза и молился, чтобы она услышала невысказанные слова.

Внезапно она посмотрела на меня с другого конца комнаты, и случайная слеза проскользнула мимо ее щита. Я почувствовал ее прошептаные слова глубоко в своей душе.

— Ненавижу тебя.

И в этот момент она действительно ненавидела.

Печаль, о которой я даже не подозревал, что могу чувствовать, легла на мои плечи.

Хотя все было в порядке.

Она никогда не смогла бы ненавидеть меня так сильно, как я ненавидел себя.

Я вышел из ее комнаты и оставил в покое. Я и так причинил достаточно вреда сегодня вечером. Утром мы начнем все сначала.

Выйдя на задний двор, Хэппи зашагал вглубь двора, а маленькая гот наблюдала за мной.

— Так ты — это он, — сказала она, переводя на меня скучающий взгляд. — Не ожидала, что ты так молод. Я имею в виду, тебе нужно подстричься и побриться, но я удивлена. — Она наклонила голову. — Сколько тебе лет?

Мне был сорок один год.

— Достаточно взрослый, чтобы быть умнее. — Приложив палец к ноздре, я выдул кровь из носа на крыльцо. — Достаточно молод, чтобы было на все пох*р.

— Это нужно восстановить. Иди сюда. — Когда я не сделал попытки пошевелиться, она закатила глаза. — Или не делай этого. Неважно. Ты похож на тролля. Но мне все равно.

Это действительно нужно было исправить. Я сделал несколько шагов и сел в кресло.

— Ты когда-нибудь делала это раньше?

Она приложила большие пальцы к моему носу и прижалась руками к моим щекам, выглядя беззаботной.

— Раз или два. — За мгновение до того, как зажать мне нос, она произнесла: — Я Молли.

Треск.

— О, бл*дь, — простонал я, когда мои глаза неудержимо наполнились слезами, а из носа снова пошла кровь. Когда она протянула мне салфетки, я выхватил их у нее из рук и поднял голову, чтобы остановить кровь.

Не мог не заметить, как невозможно она себя вела, и должен был что-то сказать по этому поводу.

— Ты, кажется, не очень удивлена, увидев меня.

Повернувшись ко мне спиной, она продолжила наблюдать за Хэппи и, пожав плечами, ответила:

— Была, но теперь нет. — Она повернулась, оглядываясь на меня. — Твой сын не лжец. — Когда она перевела взгляд на все еще расхаживающего Хэппи, то испустила долгий, протяжный вздох. — Я должна была догадаться. — Прошло некоторое время, и мы сидели в непринужденной тишине. В ночной тишине Молли произнесла слова, которые я боялся услышать. — Она никогда тебя не простит.

Может, и нет.

Но я планировал заставить ее снова полюбить меня или умереть, пытаясь это сделать.

— Ты живешь здесь, да? — Молли кивнула, и я продолжил: — Завтра мы с тобой поговорим о том, как легко я смог войти и выйти из этого дома и сделать это незамеченным.

Она нахмурилась, но снова кивнула.

Хорошо.

Мы разберемся с этим завтра.

Сегодня вечером я буду думать о том, как исправить все, что испортил.

Твитч

Прошло двадцать четыре часа, а Лекси все еще не выходила из своей спальни, вот почему я зашел. Мне нужно было убедиться, что с ней все в порядке.

Моего сына все это время не было дома, но Молли заверила меня, что он вернется завтра.

Ради всеобщего блага, лучше бы так и было. Если этого не произойдет, я пойду за ним, и я сказал ей об этом. Никто не удержит меня от него.

Было уже за полночь, и когда я лег рядом с ангелом, который украл мое сердце, я заговорил тихо, чтобы не спугнуть ее.

— Лекси, — произнес я, наблюдая, как напряглась ее спина. — Ангел. — Я протянул руку, чтобы прикоснуться к ней, но остановился на полпути, сжав руку в кулак, прежде чем отстраниться. — Нам нужно поговорить.

Я смотрел, как она обнимает себя. Ее тело было напряжено, она оставалась в таком положении долгое время. Ее голос был слабым, и тихо произнесенные слова ранили меня.

— Уходи.

Ладно.

У меня было все время в мире.

Я действительно надеялся, что она это поняла, потому что я никуда не собирался уходить.

Не без нее.

Я поехал с Молли, чтобы забрать своего сына из школы. Когда она наотрез отказалась взять меня с собой, я сказал ей, что все равно последую за ней, и, должно быть, выглядел достаточно убедительно, потому что она довольно быстро сдалась. Я остался в машине, терпеливо ожидая, пока она заберет его.

В ту секунду, когда он увидел меня на заднем сиденье, его лицо расплылось в широкой ухмылке.

— Папа! — но потом он сосредоточился на моем распухшем носу и фиолетовых синяках под глазами, и его лицо вытянулось. — Папочка?

— У меня был небольшой несчастный случай, приятель, но все в порядке. — Я протянул к нему руки, и он забрался ко мне на заднее сиденье, упав на меня. Я обнимал его так долго, как только мог, прежде чем пристегнуть. Пока мы ехали, я объяснил: — Твоя мама плохо себя чувствует, так что мы дадим ей передышку. Я зайду ненадолго, хорошо?

Лицо моего сына просияло.

— Ты остаешься?

Улыбаться было больно, но для него я справился с небольшой улыбкой.

— Черт возьми, да, я остаюсь.

Впервые в своей жизни я стал отцом своему сыну и не знаю, кто был больше взволнован этим, я или он.

Когда мы вернулись в дом, я вошел на кухню и потер руки друг о друга.

— Итак... — я посмотрел вниз на маленькую и более худую версию меня, — ...что ты ешь?

Молли издала сдавленный смешок, и я развернулся к ней, сверкая глазами. Увидев силу

моего хмурого взгляда, она подняла руки в знак капитуляции и стерла ухмылку со своего лица, что было хорошо, потому что у меня не было никаких проблем с тем, чтобы надрать ей задницу.

ЭйДжей посмотрел на девушку.

— Молли готовит мне перекусить после школы.

— Сегодня я готовлю тебе, приятель, — сказал я ему, незаметно отмахиваясь от Молли, когда она усмехнулась преданности моего сына ей. — Что ты обычно ешь?

— Яблочный сэндвич с миндальным маслом, — сказал ЭйДжей, а я моргнул.

— Повтори?

Что это за херня такая?

Молли вмешалась:

— Я действительно могу это сделать. Это не проблема. Это вроде как моя работа.

Я повернулся, прикусив внутреннюю сторону щеки.

Я, бл*дь, могу сделать это. Если она может это сделать, и ей было — сколько? — тринадцать, тогда и я могу приготовить своему чертову сыну дерьмовую закуску.

Дерьмо.

Мое сердце бешено колотилось. Мне нужно было успокоиться.

Закрыв глаза, я глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— Я сделаю. Просто покажи мне, где все лежит.

Девушка, должно быть, почувствовала во мне раздражение, потому что сделала, как я просил, и принесла мне яблоко, нож и какую-то дрянь под названием миндальное масло.

— Все, что тебе нужно сделать, это разрезать яблоко вдоль, вырезать семена и намазать их толстым слоем миндального масла, прежде чем положить сверху еще один кусочек яблока. Видишь? Яблочные сэндвичи с миндальным маслом.

Да, я понял.

Казалось, это было достаточно просто.

Я начал резать яблоко, и Молли издала горловой звук.

— Не так. Вдоль. — Она держала яблоко на боку.

Мое раздражение поднялось на целый уровень.

— Неужели так важно, каким способом я разрежу это дурацкое яблоко?

— Да, — сказала эта всезнайка, какой она и была. — Если ты не хочешь, чтобы ЭйДжей ел яблочные семечки с мышьяком. — Когда я нахмурил брови, она тихо произнесла: — Ты этого не хочешь.

Ладно. Дерьмо.

Здесь было жарко?

Чертовски взволнованный, я почесал челюсть.

Кто знал, что приготовить закуску будет так сложно?

После того как я покончил с дурацкими фруктовыми сэндвичами, я положил их на тарелку и протянул ЭйДжею, и взгляд, который он бросил на меня, полный чистого восторга, заставил все беспокойство исчезнуть.

— Они выглядят точно так же, как у Молли. — Затем он пристально посмотрел на меня, спрашивая: — Могу я увидеть маму?

Я начал:

— Не думаю, что...

Но Молли прервала меня.

— Конечно, приятель. Просто помни, она плохо себя чувствует, хорошо? Так что используй свой внутренний голос.

И он ушел, тихо открыв дверь и войдя внутрь, прежде чем так же тихо закрыть ее за собой.

Когда я посмотрел на Молли, она произнесла:

— Она не будет возражать, поверь мне. Он всегда рядом с ней. Всегда так было.

Конечно.

Это было потому, что она была замечательной мамой. Ничего похожего на мою, ничего похожего на ее, такая, какой я знал, что она будет.

И это дало мне надежду, что, может быть, даже такой человек, как я, мог бы стать хорошим отцом, если бы приложил к этому все усилия. С помощью Лекси я бы научился.

Лекси

Я была раздавлена, совершенно опустошена осознанием двуличия последних пяти лет. Я не справлялась. Совсем нет. Каждый раз, когда я думала об этом, у меня перехватывало дыхание и падало больше слез, чем я даже подозревала, что скрывала.

Что еще хуже, мой сын пытался сказать мне об этом снова и снова, но я не только не верила ему, но и заставила его почувствовать, что он больше не может говорить со мной об этом.

Крепко зажмурившись, я обхватила себя руками под одеялом, когда от чувства вины у меня скрутило живот.

Я ужасная мать.

Дверь в мою спальню скрипнула, открываясь, но я отказалась открывать глаза. Я была трусихой, но смотреть в мягкие карие глаза мужчины, которого я любила, было больше, чем я могла вынести. Это было напоминанием о лжи и обмане, о том огромном горе, которое я испытывала тогда и сейчас, и я не знала, хватит ли у меня сил справиться с этим в этот самый момент.

Но потом я услышала его нежный голос.

— Мамочка, ты в порядке?

Не говоря ни слова, я подняла одеяло, и он скользнул под него. Что-то холодное коснулось моей руки, и я прищурилась сквозь горячие, опухшие глаза.

— Что у тебя там?

ЭйДжей взял сэндвич с яблоком и откусил.

— Папа приготовил мне перекусить.

Мое хрупкое сердце треснуло еще немного сильнее. Еще одна трещина, и оно наверняка разлетится на тысячу осколков.

— О, он это сделал, да? — я старалась, чтобы мой голос звучал непринужденно, но это было труднее, чем казалось. — А Молли тоже где-то там?

— Ага, — сказал он, откусывая от закуски, и часть моего напряжения спала.

Молли ни за что не позволила бы ЭйДжею куда-либо пойти без нее. Я знала, что она рискнет почти всем, чтобы уберечь его. Даже от его отца.

Понизив голос, ЭйДжей спросил:

— Ничего, если папа останется ненадолго?

Я подумала об этом и решила, что лучше пока оставить Твитча счастливым, потому что это не продлится долго, а несчастный Твитч — это не то, к чему стоит относиться

легкомысленно. Я видела его расстроенным. Воспоминания все еще мучили меня.

— Хорошо, детка, но только на эту ночь, — я уступлю сегодня, но завтра... — Мне нужно поговорить с Молли, дорогой. Ты можешь позвать ее для меня?

— Хорошо. Поправляйся. — Он поцеловал меня липкими губами, и я любила его за то, что он знал, как сильно я в этом нуждалась. В тот момент, когда Молли вошла в спальню и закрыла дверь, я прошептала: — Если он попытается похитить Эйджея, я хочу, чтобы ты застрелила его.

Она не колебалась.

— Нет проблем.

Хорошая девочка.

Она оставила меня, и я нашла убежище в глубине своих одеял.

А теперь вернемся к моей депрессии, потому что завтра я снова оживу.

Твитч

Было чуть больше девяти, когда я вошел в свой дом и обнаружил Хэппи, сидящего за столом с Юлием и Аной. Я замешкался на секунду, переводя взгляд с брата на брата, прежде чем войти, слегка прикрыв за собой дверь.

— Ты пришел извиниться? — обратился я непосредственно к Юлию, и когда он сердито посмотрел на меня, я усмехнулся. — Посмотри, что ты сделал с моим лицом, брат. Я выгляжу как потрепанный мешок с дерьмом.

Да, я не знал, как с этим справиться, поэтому сделал то, что делал всегда, — начал умничать.

Но встала именно Ана. Она была такой маленькой, но то, как она держалась, делало ее еще меньше. В ее позе не было никакой уверенности, и я ненавидел это, потому что в какой-то момент она стала другим человеком. Ее руки заметно дрожали, когда она открыла рот, чтобы заговорить. К сожалению, ничего не вышло, и с того места, где я стоял, мне показалось, что на ее лбу выступили капельки пота, когда она пыталась сосредоточиться на дыхании.

Мои глаза встретились с глазами Юлия.

— Что с ней не так?

Я не пытался быть грубым, я просто спрашивал.

Юлий на мгновение посмотрел на меня, затем опустил взгляд на стол.

— У Аны посттравматический синдром. — Он не смотрел на меня. — Не знаю, почему мы здесь, но она хотела повидаться с тобой, так что мы здесь.

Он казался взбешенным, но он был здесь. Это немного сказало мне о том, как сильно он любил своего маленького воробушка.

Интересно.

Не спрашивая, я двинулся вперед, ближе к женщине, и посмотрел ей в лицо, не обращая внимания на поврежденный глаз и шрамы.

— Что случилось?

Юлий внимательно наблюдал за мной, готовый наброситься. Вот тогда-то я и услышал ее.

— «Твитч, сосредоточься и держи ее неподвижно».

Я нахмурился, глядя на нее сверху вниз, и пробормотал:

— А?

Что за хрень она несла?

— Иногда я слышу это в своей голове. — Ее голос был вялым, тихим. — Аманда сказала это той ночью. Ты был там. — Она сделала резкий вдох, прежде чем неуверенно выдохнуть. — Я знаю, что ты был. Я уже собиралась умереть, а ты меня отговорил.

О. Понимаю. Она вспомнила.

Моя челюсть напряглась.

Я взглянул на Юлия, который теперь с любопытством смотрел на меня, затем облизнул губы и также тихо заговорил, отводя глаза.

— Рад, что с тобой, Ана, все в порядке.

Со своего места в центре комнаты я видел, как Юлий перешел от замешательства к осознанию, и когда он закрыл глаза и вздохнул, я увидел, что он все понял.

— Это был ты. — *Да, так оно и было.* — Ты звонил мне той ночью. — *Виновен, брат.*

— Ты убил его, — выдохнула маленькая женщина, потому что слова были слишком тяжелыми, чтобы произносить их громко.

Я так и сделал. Я убил Максима Никулина.

Не обращая внимания на Юлия, я обратился к ней, прямо к ней, потому что ей нужно было это услышать.

— Бл*дь, да, я это сделал. И сделал бы это снова в мгновение ока. Ублюдох жестко прошелся по твоему окровавленному лицу, девочка. — Мои губы скривились. — Он легко отделался. Жаль, что у меня не было времени дать ему то, чего он действительно заслуживал. Печально, потому что я бы с удовольствием его помучил.

Она с трудом сглотнула, а затем тихо произнесла:

— Я знала, что это ты. Но думала, что схожу с ума, — она мягко улыбнулась.

Я покачал головой, поджав губы, потирая затылок и избегая зрительного контакта.

Она не была сумасшедшей, но должна была быть, пройдя через то, что она прошла. Я бы не стал судить, если бы так оно и было.

— Я хотела умереть. — Эти слова повисли в воздухе.

Я не винил ее. Часть меня хотела избавить ее от страданий той ночью. Она выглядела слишком поврежденной, чтобы ее можно было вылечить.

— Да, понимаю. Прости, что я не мог этого допустить.

Мягкая улыбка Аны преобразила все ее лицо. Она была хорошенькой, на самом деле красивой. Я имею в виду, не красавица Лекси, но в ней было что-то особенное.

— Благодарю тебя за это.

— Не упоминай об этом.

Серьезно. Не упоминай об этом. Никогда больше.

Мне было неловко от похвалы, которой я не заслужил, а устранение Максима Никулина не было поводом для восхищения. Я должен был сделать это много лет назад, еще до того, как он добрался до нее. А теперь она выглядела так, как выглядела, не в состоянии говорить не дрожа, как чертов осиновый лист.

Нет. Она не должна благодарить меня.

Прошла минута неловкого молчания, прежде чем Юлий встал, подошел к своей жене, взял ее за руку и направился к двери. Прежде чем они ушли, я крикнул:

— Мы когда-нибудь поговорим об этом?

Прежде чем закрыть дверь, он ответил:

— Да, когда я не захочу убивать тебя, придурок.

Я внутренне усмехнулся. Это был хороший знак.

Вздыхнув, я повернулся к Хэппи, который выглядел чертовски мрачным.

— Ты связался со своими Ромео и Джульеттой?

Он медленно покачал головой и пробормотал:

— Не-а.

— Оставайся здесь столько, сколько тебе нужно, братан.

Лицо Хэппи медленно повернулось, и он нахмурился.

— Чертовски верно, я останусь здесь столько, сколько мне нужно. Ты — причина, по которой я вляпался в это дерьмо, ты сумасбродный ублюдок. — Он встал, прошел на кухню и открыл холодильник. — Я мог бы быть дома, проводить тихую спокойную ночь, трахая свою девушку или получая отсос от своего парня, но нет. — Он открыл пиво и сделал глоток. — Твитч решает, что пришло время, и, клянусь Богом, это охренительно не подходящее время. Но к черту всех остальных и любой хаос, который это вызовет, потому что у тебя есть свобода действий, как у зажженной динамитной шашки.

Мой сердитый взгляд был сильным. Я поднял указательный палец.

— Ты получил только один шанс вылить на меня дерьмо, и все. Запомни это.

Он вошел в спальню для гостей, махнув на меня рукой.

Придурок.

Не знаю, сколько было времени, когда я залез через окно, но мне просто нужно было быть рядом с ней.

Лекси знала, что я был там. Я знаю это, потому что, когда кровать прогнулась под моим весом, ее тело напряглось, и она на секунду перестала дышать. И хотя она была ко мне спиной, я чувствовал себя спокойнее, находясь на расстоянии вытянутой руки от моей женщины, независимо от того, что она чувствовала ко мне.

Я мог бы со многим справиться. Мог справиться с печалью. Мог справиться с гневом. Но это игнорирование, этого я не понимал.

Тишина начинала меня раздражать. Я решил сделать заявление, хотя и негромкое.

— Я сказал тебе, что вернусь за тобой. За вами обоими.

Тишину нарушило внезапное прерывистое дыхание, а затем кровать затряслась от силы ее беззвучных криков. Мне хотелось обнять ее, поцеловать и утешить. Я хотел напомнить ей о том, как хорошо мы подходим друг другу, но сейчас было не время. Когда Лекси придет ко мне, она сделает это добровольно. Я больше ничего не возьму от этой женщины, не тогда, когда она уже дала мне так много.

Когда ей удалось взять себя в руки, она вытерла нос рукавом, прежде чем шмыгнуть:

— Убирайся.

И я это сделал.

Не потому, что мне этого хотелось, а потому, что я был ей многим обязан.

Лекси

Почему?

Я ничего не понимала.

Почему, черт возьми?

Когда я принимала душ, моя печаль, казалось, отступила, соскользнув в канализацию у моих ног вместе с пеной водой. Моя внешняя оболочка треснула, сломалась, широко и зияюще открылась, а внутренняя часть меня была не лучше. Моя душа была разбита вдребезги, мой дух был разбит, и я ненавидела его за это.

Я медленно и тщательно вымыла голову, находя утешение в покое, который приносили мне струйки теплой воды. Но это продолжалось недолго.

О Боже мой.

Мое сердце бешено заколотилось.

Как он мог?

В груди жгло, а горло сжалось от гнева, ярости и негодования.

Как он мог?

Я закрыла глаза и подставила лицо брызгам, тщетно пытаюсь выровнять дыхание.

Иисус Христос.

Я едва могла сделать полный вдох. Я была вне себя. Стиснув зубы, я выключила воду и вышла, вытирая полотенцем тело, а затем волосы.

Со своего места перед зеркалом в ванной, я слышала его, и все мое существо замерло.

— Доброе утро, приятель. Готов к школе?

Так по-домашнему. Так знакомо. Как будто он принадлежал этому месту.

Мои губы скривились.

Как он смеет?

Мои зубы заскрежетали, когда я скользнула в трусики и лифчик. Натянув черные спортивные штаны и обтягивающую серую майку на тонких бретельках, я провела пальцами по мокрым волосам и распахнула дверь ванной, выходя в коридор босиком и видя Твитча, помогающего ЭйДжею надеть рюкзак.

Когда эти мягкие карие глаза встретились с моими, он секунду смотрел на меня, прежде чем легонько хлопнуть ЭйДжея по плечу и сжать.

— Думаю, мама чувствует себя лучше, приятель.

Нет, не чувствует, ты гребаный мудака.

Молли внимательно наблюдала за мной, и когда я встретила ее усталый взгляд, грубо прошептала:

— Уведи его отсюда, — она взяла ЭйДжея за руку, прежде чем перевести взгляд между двумя взрослыми в комнате, один из которых просто стоял там, сжав губы в тонкую линию, в то время как другой был на грани убийства.

Когда мой сын проходил мимо меня, я опустилась на колени и обняла его со всей силой, которая у меня была, прежде чем выдавить из себя улыбку.

— Хорошего дня, дорогой. Люблю тебя.

Но ЭйДжей был умным ребенком, и он поколебался, прежде чем неохотно спросить:

— Ты злишься на папу?

Я не хотела лгать ему. У меня никогда не было такого раньше, поэтому я подняла глаза на Твитча, посмотрела ему прямо в его прекрасные глаза, те же глаза, которые годами преследовали мои сны, и холодно заявила:

— Да, злюсь. И мы с папой... — слово было кислым на моем языке и заставило мой желудок перевернуться от нескрываемого ужаса, — собираемся поговорить об этом.

Молли вывела озабоченного Эйджея из дома, и в тот момент, когда дверь закрылась, я запнулась, не зная, что сказать, не зная, что делать.

Твитч стоял в широком кухонном проходе, глядя себе под ноги, его челюсть была сжата, и я воспользовалась этим моментом, чтобы осмотреть его.

Почему?

Почему годы разлуки были так добры к нему, когда он этого не заслуживал? Почему он должен был выглядеть так, как выглядел?

Он был одет в темные джинсы, которые облегли его длинные ноги, обтягивающую черную футболку с длинными рукавами, которая подчеркивала его широкую грудь и плечи, рукава были закатаны до локтей, обнажая его жилистые, татуированные предплечья. Мое горло сжалось так, что перекрыло доступ воздуха.

Это было так жестоко. Мысленно я тысячу раз представляла его таким, каким он был сейчас, только в своих мечтах я была счастлива видеть его. Это было далеко от того, что я чувствовала в настоящее время.

Проведя рукой по своим слишком длинным волосам, он остановился, чтобы почесать слишком длинную щетину на своей острой челюсти, и посмотрел на меня. Его нос распух, а фиолетовые круги под глазами сказали мне, что Юлий не сдерживался, когда набросился на него, и это меня порадовало. Он нервно провел языком по своей полной нижней губе, его руки то сжимались, то разжимались в движении, которое подсказало мне, что он, возможно, был встревожен, но я не знала наверняка. Этот человек всегда хорошо умел скрывать свои истинные эмоции.

Если он еще не волновался, то скоро начнет.

Когда он заговорил, мне захотелось убить его.

— Я скучал по тебе.

Сильная ярость загорелась во мне.

Мой голос был тихим, излучая ложное спокойствие.

— Ты скучал по мне?

О нет, он этого не сделал. Он не сказал это только что.

Еще один шаг ближе — и совершенно новый уровень ярости.

— Ты скучал по мне? — еще один шаг, еще один внутренний кризис. С диким взглядом, я прошептала: — Это то, что ты только что сказал? Ты скучал по мне?

Мое сердце билось так быстро, что я подумала, будто у меня сердечный приступ. Меня бы это не удивило, учитывая обстоятельства.

Твитч посмотрел мне прямо в глаза, этот мягкий голос плыл надо мной, пока я кипела.

— Именно это я и сказал, детка.

Моя шея начала гореть от дикой ярости. Руки дрожали, и когда сделала последний шаг к нему, я посмотрела на него и моргнула от наглости этого человека.

Когда я подняла руку, отступила назад и изо всех сил ударила его по щеке, звук эхом разнесся по окружающему нас открытому пространству. Он едва заметно вздрогнул, и это только разозлило меня еще больше. Тяжело дыша, я стиснула зубы, подняла руку и вложила в

нее столько силы, сколько могла. Когда раздался громкий треск, моя душа отпраздновала то, как он поморщился от удара.

Мои ладони пульсировали и покалывали от явной силы пощечин. Боль была долгожданным изменением по сравнению с тем, что я чувствовала последнюю пару дней. Было приятно чувствовать что-то еще, кроме оцепенения.

Внезапно его сломанный нос снова начал кровоточить, и я опять попятилась назад, скривив губы и широко раскрыв глаза, но прежде чем я смогла ударить его еще раз, он поймал мое запястье, крепко сжимая его в своей хватке, пристально глядя на меня.

— Мне очень жаль. — Он нежно провел большим пальцем по моему бьющемуся пульсу и смягчил свой тон. — Мне очень жаль, Ангел.

Мои глаза вспыхнули, а голос задрожал, но не от печали, а от незапятнанного гнева.

— Ты не можешь извиняться за это. Ты меня слышишь? — мои вдохи стали переходить в короткие и учащенные. — Ты извиняешься за то, что случайно наступил кому-то на ногу. — Подняв руку, я шлепнула его по руке. — Ты извиняешься за то, что купил шампунь не той марки. — Шлепок. Более сильный удар. Мой голос поднялся на октаву. — Ты извиняешься за то, что поздно пришел домой, Тони. — Шлепок. Мои глаза защипало от слез, и я задрожала всем телом. — Ты не извиняешься за то, что вообще не вернулся домой. — Шлепок.

Слезы скатились с моих ресниц и потекли по щекам, и я даже не могла найти в себе сил смутиться из-за того, как у меня потекло из носа.

Тело Твитча напрягалось с каждым моим ударом, но все, что он делал, это отступал на кухню, его челюсть была твердой, брови сдвинуты, пока он принимал то, что мне нужно было выплеснуть. Он отходил, а я следовала за ним в нетрадиционном танце, которого я даже не знала.

Каждый удар, который я наносила, казался мне наказанием самой себе.

Это была не та Лекси, которой я была. Таким человеком он меня сделал. И я ненавидела его за это.

Удары наносились все быстрее и быстрее, а он двигался медленно, его тело было твердым и непреклонным, позволяя мне прижимать его спиной к кухонной стойке. Мои трясущиеся руки размахивали во все стороны, не заботясь о том, куда попадут удары, только о том, что они попадут.

Страдальческое хныканье покинуло меня.

— Как ты мог это сделать? — удар. Слова были грубыми. — Как ты мог так поступить со мной? — глухой удар. Мой голос дрогнул. — С ним? — Шлепок. Мое тело сотрясалось, пока я плакала, и мои удары ослабли, когда горе истощило меня, как батарейку сотового телефона. — Я любила тебя, придурок. — Удар. Когда его глаза закрылись, и он тяжело сглотнул, я подняла руку, готовая ударить снова, но удержала ее в воздухе. Мой голос был слабым, и я сосредоточилась на быстром биении своего сердца, делая медленный, дрожащий вдох. — Ты не можешь извиняться за это. — Я опустила руку, ничего не чувствуя. Абсолютно ничего. — Убирайся к чертовой матери из моего дома, Твитч.

Возвращаясь в свою комнату с горячими и пульсирующими ладонями, я нанесла прощальный удар.

— Ты должен был оставаться мертвым.

Я не слышала, как он уходил.

На самом деле, я даже не была уверена, что он это сделал.

Мое окно, задрезжавшее глубокой ночью, разбудило меня.

Я знала, что он придет.

Оно продолжало греметь, пока он боролся с ним.

Именно поэтому я закрыла его на засов.

Это было в среду, через два дня после того, как я в последний раз видела отца моего сына, — я провожала Эйджея на улицу к машине и увидела, что он ждет, прислонившись к огромному дереву на углу квартала.

Мое сердце замерло, но я притворилась равнодушной.

Конечно. Безразличие к Твитчу.

Да, точно.

Я была не очень хорошей лгуньей, даже самой себе.

В тот момент, когда наш сын заметил его, он бросился бежать, а у меня просто не хватило духу огорчать своего сына этим утром, поэтому я ничего не сказала. Наблюдать, как Твитч улыбается той кривой улыбкой, которую я так нежно любила, было почти чересчур. Тот факт, что это было направлено на нашего сына, официально сделало это слишком тяжелым, чтобы вынести.

Годы.

Он добровольно пропустил годы Эйджея, и это было больно.

Я не была душой. Я поняла это. Тогда мы ему были не нужны. Вероятно, последние несколько лет он валял дурака и сеял свое семя, и теперь, когда ему, вероятно, наскучила такая жизнь, он решил попробовать себя в роли папочки и посмотреть, что из этого выйдет. И после того, как Эйджей станет милым и привязанным к своему папочке, а я видела, что он уже был таким, Твитч бросил бы его, и мне пришлось бы собирать следы разрушений, которые он оставил.

Я не позволю этому случиться.

Я умирала медленной, мучительной смертью, когда шла к ним, надевая солнцезащитные очки, и изо всех сил стараясь игнорировать человека, которого я когда-то считала Богом.

— Эйджей, нам нужно идти, дорогой. Не хочу, чтобы ты опоздал в школу.

Эйджей посмотрел на меня, сияя.

— Смотри! — он указал на дом через дорогу. — Там живет папа.

Меня охватило неприятное чувство. Мои брови нахмурились.

Если я правильно запомнила...

— Этот дом был выставлен на продажу шесть месяцев назад.

*Не смей, бл*дь, мне это говорить.*

Не-а. Не делай этого.

Эти мягкие карие глаза встретились с моими. Он произнес:

— Пять месяцев назад.

Ах ты, ублюдок.

Прекратятся ли когда-нибудь удары?

Он был здесь уже несколько месяцев. Месяцев.

Мой разум едва мог осознать этот факт, и мое сердцебиение ускорилося.

Обман был глубок, слишком глубок, чтобы следовать за ним, потому что я наверняка погибну, пытаюсь проложить путь.

Твитч прижал к себе нашего сына, и это было хорошо, потому что я была готова ко второму раунду. Говнюк улыбнулся мне, делая вид, что блуждает по моему телу своими вечно прикрытыми глазами.

— Хорошо выглядишь, детка.

Пошел ты...

Вот что я подумала на это.

Но сказала:

— Нам нужно идти.

— Могу я увидеть папу после школы? — вежливо спросил Эйджей, затем добавил: — Пожалуйста? — для пушей убедительности.

Шагнув вперед, я протянула руки, и Эйджей охотно подошел ко мне, но во время передачи сына рука Твитча коснулась моей, оставив на кончиках пальцев теплый след. И я ненавидела то, что простого прикосновения было достаточно, чтобы воспламенить мое тело. Когда сын был надежно в моих руках, я покачала головой.

— Я так не думаю. — Он нахмурился, и как только начал спорить, я бросила на него твердый взгляд. — Не сегодня.

Твитч наблюдал, изучая лицо своего сына, стиснув зубы от разочарования, которое он там увидел.

— В следующий раз, приятель. Кроме того, ты знаешь, где я живу. — Затем он посмотрел на меня, прямо на меня, и когда заговорил, я услышала в них угрозу. — Я никуда не собираюсь уходить.

Не-а.

Мне это не понравилось.

В этом последнем заявлении определенно содержалось предупреждение, и, к сожалению, Твитч никогда не играл честно. К несчастью для него, он больше не знал меня. И я готова была пойти на все, чтобы уберечь своего мальчика, даже от его отца.

Особенно от его отца.

Избегать Твитча оказалось проще, чем я думала. Прошло несколько дней с тех пор, как я позволила Эйджею побыть с его отцом, и после того первого утра Твитч не выходил проводить сына в школу.

Я подумала, что с его стороны было умно держаться от меня подальше после событий этой недели. Я жила своими буднями, как и на прошлой неделе, но была на автопилоте, почти не думая о том, что происходит вокруг меня, и когда Никки позвонила в сотый раз, я ответила.

— Эй, — тихо сказала я.

Она тут же разрыдалась.

— Я не знала, клянусь.

Ее рыдания зывали к моим, но я не позволила им освободиться, особенно в офисе.

— Знаю.

— Тогда почему ты не разговариваешь со мной? — она шмыгнула носом. — Думаешь, ты единственная запутавшаяся, Лекс? — пронзительный писк вырвался у нее, прежде чем она открыто заистерила. — Я здесь теряю свой гребанный разум.

О, милая.

Мое сердце болело за нее.

— Ты не говорила с Хэппи?

— Ты издеваешься надо мной? — она захныкала. — Черт возьми, нет, — произнесла она так твердо, как только могла. — На хрен его, — в этот раз ее голос сорвался, и когда она продолжила, я едва могла ее понять из-за рыданий. — Ненавижу его.

Я мягко улыбнулась.

— Нет, не ненавидишь.

На этом плотина прорвалась. Никки взвыла:

— Не ненавижу. — Она продолжала всхлипывать: — Но хочу. — Послышался всхлип. — Почему не могу?

Я откинулась на спинку кресла.

— Потому что ты знаешь так же хорошо, как и я, что бы это ни было, это не на Хэппи нужно обижаться. Во всем виноват Твитч. — Я была зла на Хэппи. Я была чертовски зла, но знала Твитча, и знать его — означало знать, что он сделал бы все, что хотел, с помощью своих друзей или без них. Но это не означало, что я была готова поговорить с Хэппи. Так что, возможно, у меня были свои эгоистичные причины предложить следующее: — Думаю, ты должна позвонить ему, дорогая. — Потому что мысль о том, что Твитч и Хэппи живут через дорогу от меня, заставляла меня чувствовать себя загнанной в чертов угол.

— Правда? — выдохнула она, и в этот момент я поняла, что это было то, что ей нужно было услышать, то, что она молилась услышать от меня. Если бы я сказала ей, что никогда не хотела слышать, как произносят его имя, Никки удалила бы номер Хэппи и притворилась, что последних пяти лет ее жизни никогда не было. Однако я не была такой жестокой. Это была моя проблема, с которой нужно было разбираться, а не ее.

— Да, детка. — И именно это я имела в виду. — Но я бы не стала облегчать ему задачу. — Когда она издала смешок, я улыбнулась. Эта улыбка исчезла, когда последовало неловкое молчание. — Поговори с ним, Никки. Все в порядке. Я хочу, чтобы ты это сделала.

Моя лучшая подруга долго молчала, но когда она заговорила, я почувствовала эти слова глубоко в своей душе.

— Я люблю тебя, Лекси.

— Я тоже люблю тебя, Ник. — Я глубоко вздохнула, приложив руку ко лбу, когда мои глаза закрылись. — И как только я узнаю, что, черт возьми, происходит, мы поговорим, хорошо? — прежде чем повесить трубку, я спросила: — Как Дэйв? — от ее насмешки мое лицо сморщилось. — Это хорошо, да?

Она колебалась.

— Он... э-э-э... расстроен.

Я не смогла сдержать тихий смех, который клокотал у меня в горле. Зная Дэйва, расстроиться было самым большим преуменьшением века, и когда я услышала ответный смех Никки, веселье усилилось. Это была такая невероятная ситуация. Вот что делало это еще более комичным.

Было приятно смеяться в лицо отчаянию. Я была почти уверена, что нахожусь на тонкой грани между здравомыслием и истерикой.

Когда мы, наконец, взяли себя в руки, я сказала.

— Ну, а теперь я пойду и постараюсь не думать о том факте, что мой бывший только что восстал из мертвых, живет через дорогу от меня и пытается вернуться в мою жизнь.

Никки громко ахнула.

— Он живет через дорогу?

Тьфу. Я говорила не об этом.

— Хорошо, пока.

— Подожди! — крикнула она, но я уже держала палец на кнопке завершения вызова.

У меня не было сил справиться с этим. Не сегодня.

Лекси

— Могу я войти?

Мой холодный взгляд блуждал по маленькой женщине, и тогда Аманда примирительно подняла руки и быстро произнесла:

— Я узнала случайно. Мне никогда не суждено было узнать. Клянусь. — Она глубоко вдохнула и продолжила на выдохе: — Даже наш отец еще не знает. — Ее лицо сморщилось при этой мысли. — И, черт возьми, он будет зол на меня.

Я изучала ее мгновение. Старые привычки умирают с трудом, а любопытство всегда было моим недостатком. Я имею в виду, посмотрите, к чему это привело меня с Твитчем. Беременная от преступника и одинокая в этом мире — вот куда.

По правде говоря, я хотела знать факты, и мне нужно было поговорить с кем-то, кто знал, что, черт возьми, здесь происходит. Аманда как раз может быть таким человеком. Господь свидетель, я не хотела, чтобы Твитч находился рядом со мной сейчас.

Не говоря ни слова, я отступила в сторону, и с натянутой улыбкой она прошла мимо меня в дом. Я осторожно закрыла за нами дверь и последовала за ней на кухню. Когда Аманда увидела Эйджея, ее улыбка засияла.

— Привет. — Но Эйджей едва удостоил улыбкой свою тетю, прежде чем пойти в свою комнату, и Аманда нахмурилась. — С ним все в порядке?

Нет.

Я скрестила руки на груди.

— Он хочет своего папочку.

Аманда понимающе кивнула, и я была благодарна ей за то, что она не предложила свой совет в этой неудобной ситуации.

Молли встала из-за кухонного стола, посмотрела Аманде в глаза, прежде чем посмотреть на меня.

— Я подготовлю его ко сну.

— Спасибо, Молли. — Она действительно была находкой. Направляясь к холодильнику, я по пути заговорила: — Я так понимаю, ты здесь, чтобы поговорить.

По крайней мере, у нее хватило такта выглядеть смущенной.

— Да. Подумала, что мне следует прийти и восполнить пробелы.

Я достала бутылку белого вина и держала ее в руке.

— Думаю, нам это понадобится. — Но прежде чем отойти от холодильника, я повернулась к ней и спросила: — Насколько все плохо? — увидев ее явную гримасу, я со вздохом полезла в холодильник и достала вторую бутылку, бормоча при этом: — Рок-н-ролл. — Захлопнув дверцу холодильника задницей, я дернула подбородком в сторону шкафа слева, попутно надевая свои тапочки с Пикачу. — Прихвати пару бокалов, ладно? Посидим на крыльце.

Когда мы обе сели, я открыла вино и наполнила наши бокалы.

Аманда начала:

— Что ж...

Но я оборвала, щелкнув языком. Глубоко вдохнув, я тихо произнесла:

— Дай мне подготовиться, — и, подняв бокал, поднесла его к губам, опрокинула и

глотала снова и снова, пока его содержимое не закончилось. Глаза Аманды расширились от моей неподобающей леди икоты, и я налила еще. — Еще один. — Я опустошила второй бокал и улыбнулась. — Хорошо, я готова. Выкладывай.

— С чего ты хочешь, чтобы я начала?

Что за вопрос.

— С самого начала, конечно.

— Боюсь, я не смогу вернуться так далеко, — сказала она с грустной улыбкой. — Как уже говорила, я случайно узнала, что мой брат жив, и могу рассказать тебе только то, что знаю. Так, как насчет того, чтобы я начала с небольшой предыстории нашей семьи?

Конечно, почему бы и нет?

— Приступай.

Была ли я уже навеселе? Похоже на то.

— Хорошо, — начала Аманда. — Что ж, давай начнем с самого старшего члена семьи Фалько, Антонио Фалько-старшего, или папы Тони, как его называют на улицах.

— На улицах? — я моргнула. Под ее пустым взглядом мои плечи поникли. *Ах, черт возьми.* — Твой отец — мафиози?

Губы Аманды поджалась, прежде чем она указала на бутылку и изобразила улыбку.

— Пей до дна.

Хорошо.

Похоже, мне это понадобится. Последовав ее совету, я отпила из своего бокала, и она снова наполнила его, не осуждая, и в этот момент я полюбила свою золотку.

— Папа Тони всю свою жизнь стремился к высоким должностям, прокладывая себе путь с нуля. Он работал в фирме под названием «Окки Бьянки», как и его отец, и отец его отца до него. — Она отпила вина. — Мой отец был молод, когда женился на моей матери, Анджеле Росси, и, как и в большинстве браков по договоренности, ни один из них не был доволен сложившейся ситуацией. — Она пожала плечами. — Короче говоря, мои братья родились с разницей в несколько дней в одной и той же больнице. Мама знала, что папа облажался, и ей было все равно, пока не родился Зеп. Не знаю, что с ней случилось, но что-то изменилось, и она попросила моего отца быть верным ей, чтобы они могли показать своим детям, какой любящей семья может быть. — Глаза Аманды остановились на мне. — Ты должна знать, что мой отец любил мать Тони. Он очень любил ее. Но он был женат, и хотя уважал желание своей жены хранить верность, он дал свое имя незаконнорожденному сыну. Конечно, он больше никогда не видел мальчика.

Как грустно.

Я внимательно слушала.

Аманда продолжила.

— Когда родилась я, мой отец отказался дать мне свое имя.

Мои брови нахмурились.

Что за дерьмо?

— Потому что ты девушка?

— Нет. Он сделал это, чтобы защитить меня, — осторожно сказала она. — Он дал мне имя моей матери и отправил меня жить к ее сестре. Я выросла в другом штате, вдали от своих родителей, и это было сделано потому, что статус моего отца значительно повысился за короткий период. Все хотели быть связаны с Антонио Фалько, даже если это означало женитьбу на его детях. Мой отец не хотел этого для меня. Он знал, что однажды Зеп, скорее

всего, женится ради союза, и хотел, чтобы хотя бы один из его детей женился по любви. К сожалению, — продолжила она с улыбкой, — по ужасному стечению обстоятельств, даже живя вдали от грязного преступного мира, в который был вовлечен мой отец, я была похищена парочкой головорезов, когда работала в позднюю смену в отделении неотложной помощи в Чикаго. Те самые головорезы, от которых мой отец отчаянно пытался уберечь меня.

Приложив руку ко рту, я громко ахнула.

— Не может быть. Как они узнали, кто ты такая?

Она усмехнулась, качая головой.

— Они не знали. Это была чистая глупая удача, что они выбрали меня, и когда я прибыла в особняк, меня затащили в комнату с сильно истекающим кровью мужчиной. У него были множественные огнестрельные ранения. У меня не было ни инструментов, ни оборудования. Черт возьми, у меня даже бинтов не было.

Она отпила вина, затем слегка наклонила голову.

— Именно тогда мне сказали, что если этот человек умрет, я тоже умру.

— О Боже мой. — Я была совершенно заморожена ее рассказом и наклонилась к ней. — И что ты сделала?

— Я делала все, что могла, чтобы сохранить ему жизнь, — сказала она мне. — Он потерял много крови, и хотя я извлекла пули, которые смогла найти, и заклеила раны, я не увидела улучшения, на которое надеялась. После долгих препирательств мне удалось уговорить одного из головорезов позволить мне вернуться в больницу за припасами. К тому времени, как мы вернулись, состояние мужчины ухудшилось, и я думала, что потеряю его, в свою очередь потеряв свою собственную жизнь. Поэтому я сделала единственное, что могла.

Я наклонилась, широко раскрыв глаза.

— Что?

— Я сказала ему, что если он умрет у меня на руках, я верну его обратно и буду убивать снова и снова.

Я моргнула на нее за мгновение до того, как шокированный смех покинул меня.

Что за дикая история.

— Бесчисленное количество капельниц и дней спустя этот человек пришел в сознание, и когда он посмотрел мне в глаза, со мной что-то случилось. Это было похоже на искру — слабую, но она была там. — Аманда мягко улыбнулась. — Я провела несколько недель в том особняке, присматривая за угрюмым человеком. День за днем он проклинал меня за то, что я заботилась о нем, и я не могла дождаться, когда выберусь оттуда. Только в тот день, когда мне наконец разрешили уйти... — она меланхолично посмотрела на меня, — ... я не захотела этого делать.

— Ух. — Я прижала руку к сердцу. — Ты влюбилась? — когда она медленно, удрученно кивнула, я спросила: — И что было дальше?

Тогда Аманда ухмыльнулась, протягивая левую руку.

— Вышла за него замуж, конечно.

Я посмотрела на блестящее платиновое кольцо, затем снова перевела взгляд на саму женщину. Мои брови нахмурились.

— Ты не в своем уме.

— Знаю, — сказала она, сияя. — Но правильный мужчина делает это с разумной женщиной.

Тьфу. Разве я этого не знала?

Проповедуй, милая.

— Итак, я стала миссис Эвандер Макдиармид. Мой муж — дон «Горной стали», и-и-и, — протянула она, — он такой чертовски горячий. Клянусь Богом, все, что ему нужно сделать, это заговорить с этим шотландским акцентом, и я срываю с себя чертову одежду.

Ее признание было настолько неожиданным, что я громко рассмеялась, прикрыв рот рукой.

— Аманда.

Грязная девчонка.

Мне нравилась эта женщина. Она была чертовски крута.

Она ухмыльнулась, и я увидела в этом столько от Твитча, что у меня екнуло сердце.

— Извини. Прошло уже несколько недель, и я скучаю по нему.

Недели?

Сучка, я тебя умоляю.

Я усмехнулась.

— Попробуй шесть лет. — Когда она в шоке моргнула, мои брови изогнулись, и я подняла свой бокал в приветствии, прежде чем осушить содержимое одним глотком.

Да-да.

— Ты никогда?.. — она замолчала.

Я покачала головой и тихо сказала:

— Нет.

— Почему нет? — ее брови вопросительно нахмурились.

Потому что я так сильно любила твоего брата, что это все еще причиняет боль.

Потому что, когда я потеряла его, я потеряла себя.

Потому что, когда он сказал мне, что я никогда не захочу никого другого, я подумала, что он просто ведет себя высокомерно.

К сожалению, это было не так.

— Не знаю, — солгала я достаточно легко. — Думаю, что материнство просто занимало меня.

Мы посидели на свежем воздухе в уютной тишине, а потом Аманда заговорила, и сделала она это мягко.

— Ты должна поговорить с ним, Лекси. — Когда я взглянула на нее, она добавила: — Хотя бы для того, чтобы покончить с этим.

Я молчала, потягивая вино, но через некоторое время ответила:

— Знаю. Я просто еще не готова.

Не прошло и секунды, как она произнесла:

— Знаешь, он спас Ане жизнь. — На мой смущенный взгляд она кивнула. — Я была там. — Ее глаза стали мрачными. — Она умирала, и Тони спас ее.

Подождите.

Ана жила в моем доме несколько месяцев. Но никогда не упоминала об этом.

— Она знала?

— Нет. — Аманда покачала головой. — Теперь она знает. И благодарна. Юлий — тем более, хотя и не хочет этого признавать. — Она оглянулась. — Это только вопрос времени, когда его примут обратно в лоно его братьев. — *Почему это прозвучало так злое?* — Я не знаю своего брата так, как должна знать сестра, но я приближаюсь к этому, и из того

немногого, что я знаю, могу тебе кое-что гарантировать, Лекси. — Выражение ее лица было мрачным. — Он не собирается отказываться от своего сына.

Знаешь что? Нет.

Я выпрямилась, моя спина напряглась.

— У него нет выбора на этом фронте.

Аманда повернулась ко мне всем телом, ее глаза умоляли.

— Прислушайся к себе. Ты хоть понимаешь, о ком ты здесь говоришь? Мы не говорим об обычном парне, пытающемся получить частичную опеку над своим ребенком. Мы говорим об Антонио «Твитче» Фалько. Если ты не дашь ему то, что он хочет... — Она тихо вздохнула, — ... я обеспокоена тем, что он возьмет это без спроса.

Ладно. Может быть, она действительно немного знала своего брата.

— Я разберусь с этим.

Вскоре после этого Аманда ушла, и, пока я сидела одна в своей спальне, мое беспокойство нарастало, когда я размышляла о том, сколько времени у меня будет, прежде чем Твитч начнет действовать без спроса.

Не знаю, который был час, когда раздался стук в дверь, но на улице было еще темно. Я проснулась от этого, мое сердце бешено заколотилось, а стук раздался снова, на этот раз громче, чем в прошлый раз.

Выскользнув из кровати, я надела тапочки с Пикачу и накинула шелковое кимоно, после чего вышла из своей комнаты и направилась по коридору. Я услышала, как сзади подошла Молли, и, выглянув в заиндевшее боковое окно, вздохнула при виде знакомой тени в капюшоне, прежде чем открыть дверь.

— Уход... — заявление замерло у меня на губах.

— Ты что-то потеряла? — Сонно спросил Твитч, держа ЭйДжея на руках.

Мое сердце остановилось.

Я моргнула в замешательстве, мои губы приоткрылись, и когда я потянулась к нему, Твитч отстранился.

Прежде чем успела подумать, я прошипела:

— Отдай мне моего сына.

Его лицо потемнело, и он, баюкая нашего спящего сына на руках, тихо проговорил:

— Знаю, что ты злишься на меня, и я это заслужил, так что пропущу мимо ушей, как ты только что бросила мне обвинение. Я знаю, что ты злишься, и именно поэтому не собираюсь упоминать, что мой сын каким-то образом посреди ночи выбрался из своей комнаты, из безопасности своего гребаного дома с двумя взрослыми женщинами внутри, которые должны охранять его. И также не собираюсь упоминать, как он переходил улицу в темноте, где его могла сбить машина или его могли схватить и увезти без гребаных следов. — Черт. Он выглядел разъяренным. Я ненавидела то, что он имел на это право. Без колебаний он передал мне моего сына, и я крепко прижала его к себе, закрыв глаза и вдыхая его запах, пока гладила его по голове и укачивала. И Твитч внимательно наблюдал за мной. — Знаю, что ты расстроена, и именно поэтому не собираюсь упоминать об этом дерьме сегодня вечером. — Он сделал шаг назад, подальше от меня, но его глаза говорили о многом. — Но завтра мы поговорим.

Он повернулся и зашагал обратно через улицу босиком, одетый только в боксеры и толстовку с капюшоном, и все мое существо гудело от страха, потому что выхода из этого не было.

«Завтра мы поговорим».

Страх доводил меня до крайности, и я была уверена, что это была единственная причина, по которой я сделала то, что сделала в тот день.

Возвращаясь домой с работы, я с нетерпением ждала встречи со своим маленьким мужчиной после сурового разговора, который я ему устроила тем утром. Просыпаться так, как я проснулась прошлой ночью, было самым страшным, что я когда-либо испытывала в своей жизни. Проснуться и обнаружить, что мой ребенок встал с постели, зная, что он выскользнул через заднюю дверь и обошел дом, чтобы найти своего отца посреди ночи, было ужасающей мыслью.

Все, что могло с ним случиться, снова и снова прокручивалось в моей голове, и я была готова говорить. По крайней мере, я так думала.

Поэтому, когда вернулась в пустой дом, я начала паниковать. Мои ноги несли меня из комнаты в комнату и нашли школьную сумку Эйджея у его кровати. Мое сердце ускорило ритм. Молли всегда давала мне знать, если они куда-то собирались, и после вчерашнего я окаменела при мысли о том, где может быть мой сын.

Я полезла в сумку, достала сотовый и набрала номер Молли.

Моя бровь опустилась, когда я услышала, как он зазвонил на кухне.

О Боже.

Моя паника возросла четырехкратно.

Где они?

Мои руки дрожали, когда я еще раз обыскала дом, включая задний двор, и ничего не нашла. К тому времени, как я закончила, меня съел леденящий душу ужас. Взяв ключи в трясущиеся руки, я побежала по коридору и вышла из дома как раз в тот момент, когда Эйджей и Молли вышли из дома напротив. Не знаю, что они делали и почему оказались там, но я сразу же разозлилась.

Они заметили меня, и Молли помахала рукой, в то время как Твитч внимательно следил за мной.

Мой гнев рос с каждым шагом, и к тому времени, как я добралась до них, я вырвала руку моего сына из руки Молли и крепко сжала ее в своей, а затем посмотрела во встревоженное лицо его отца.

— Я скажу тебе это только один раз, Твитч. Держись от нас подальше. От меня. От Эйджея. — Мой голос повысился. — Держись подальше.

Мое сердце колотилось так сильно, что я едва слышала себя из-за непрекращающегося стука. Не дав ему возможности ответить, я едва не волоком потащила своего сына обратно домой, и когда он заплакал, у меня защемило сердце.

— Нет, мамочка. Нет! — мое сердце бешено заколотилось, когда Эйджей закричал: — Папа, не уходи снова. Я хочу быть с тобой! — когда он закричал «папа» во всю силу своих легких, я едва могла дышать.

Я затащила сына в дом, и когда дверь за нами закрылась, я повернулась к Молли.

— Где ты была? Я звонила, а твой телефон на чертовой кухне. Какой дерьмовый, безответственный поступок, Молли!

Молли в шоке моргнула. Я никогда раньше так с ней не разговаривала.

— Мы были там в течение пяти минут, Лекс. Эйджей приготовил кое-что для своего отца в школе и не мог дождаться, чтобы отдать это. — Она нахмурила брови, и ее голос стал тихим. — Не думала, что ты будешь возражать.

Я заговорила, перекрывая пронзительные крики Эйджея.

— Ну, я возражаю! Господи, Молли. Вы напугали меня до чертиков. — Моя бравада начала угасать. — Знаешь, каково было вернуться домой и ничего не обнаружить, даже записки, не иметь возможности позвонить тебе после прошлой ночи? — мой голос дрогнул. — Я была в ужасе.

Тут до нее дошло, и лицо Молли вытянулось.

— Мне так жаль. Я не подумала.

— Да, не подумала, — заявила я, провожая Эйджея в его комнату. Затем я опустилась перед ним на колени, схватила за плечи и тихо заговорила:

— Дорогой, ты не можешь этого делать. Ты не можешь просто уйти, когда захочешь. Ты должен спросить маму.

Эйджей заговорил сквозь слезы:

— Я хочу к папе.

Я закрыла глаза, проглатывая боль, которую причинило его болезненное заявление.

— У тебя не может быть папы. У тебя есть я. Я твоя мама, и то, что я говорю, — закон.

Он боролся в моих объятиях, его дыхание прерывалось, когда он плакал.

— Я не хочу тебя. Я хочу папу.

*Бл*дь.*

Я разразилась слезами.

— Он тебе не нужен. У тебя есть я.

Я не видела, как был нанесен удар, и это потрясло меня.

Короткий вздох вырвался у меня, когда моя щека запульсировала.

Эйджей стиснул зубы, рыча от ярости, поднял свои маленькие ручки над головой и снова опустил их на мое лицо, крича:

— Я не хочу тебя. Ты глупая!

Никогда еще мне не было так больно, как тогда. Все, что Твитч когда-либо делал со мной, сошло на нет после того, как меня ударил мой собственный ребенок.

Я хотела умереть.

Молли вошла в комнату как раз в тот момент, когда Эйджей снова ударил меня.

— Ты глупая! — она бросилась вперед, когда он снова ударил меня, визжа: — Ты глупая!

Когда Молли добралась до Эйджея, он упал на нее, рыдая, а я упала навзничь на задницу, тихо плача.

Выбравшись оттуда, я добралась до своей комнаты, закрыв за собой дверь, прежде чем прикрыть рот руками и издать низкий, пронзительный крик. Я соскользнула по двери на пол и некоторое время сидела там, задаваясь вопросом, как, черт возьми, мы добрались сюда.

Несколько часов спустя я сидела в постели при включенном свете, читая слова на странице романа, но на самом деле ничего не понимая. Краем глаза я увидела, как он пошевелился.

Сняв очки для чтения, я отложила роман, чтобы посмотреть на маленького мальчика, выглядывающего из-за дверного косяка.

Я заговорила тихо:

— Милый?

Это было все, что потребовалось.

Он вбежал в комнату, и в ту секунду, когда бросился на меня, обхватив своими

неуклюжими ручками почти слишком крепко, я закрыла глаза и прижала его к себе, поглаживая по волосам. Прошло много времени, прежде чем он заговорил, а когда заговорил, я не смогла сдержаться.

Его голос был мягким, успокаивающим.

— Ты не глупая, мамочка. Ты умная.

О господи, неужели я плакала?

— Мне очень жаль, мамочка. — Мой сын отстранился и той же рукой, которая ударила меня ранее, вытер мои слезы, и он утешал меня, борясь со своей собственной печалью. — Я люблю тебя.

— Я люблю тебя больше, малыш, — сказала я ему сквозь всхлип.

ЭйДжей спал со мной той ночью, и когда я прижимала его к себе, вдыхая аромат его волос, пахнувших сладким яблоком, я знала, что нужно что-то делать.

ДА. Что-то было не так в нашем обычно гармоничном доме.

И это что-то звали Твитч.

Твитч

Я не сводил глаз с дома через дорогу. Я не видел своего сына уже несколько дней. Лекси не очень-то справлялась с моим присутствием, поэтому я держался в стороне. С момента моего возвращения она немного изменилась, и мне было неприятно видеть ее такой. Больше не веселая, любящая мать, за которой я приходил наблюдать издали, теперь она была взволнованной, ее лицо было напряженным, глаза мрачными, и осознание того, что я был причиной, выводило меня из себя.

Поэтому я сдерживался, продолжая наблюдать и сохраняя дистанцию. Я не знал, как долго мне это удастся, но я буду держаться так долго, как смогу. У меня вспотели ладони. Я ненавидел чувствовать, что теряю контроль, всегда ненавидел, и все, что происходило прямо сейчас, было вне моего контроля.

Тоска пронзила меня при мысли о том, что меня скрывают от моего сына.

Как долго это будет продолжаться?

Целую неделю я проверял окно Лекси по ночам, и когда обнаруживал, что оно заперто, уходил, лишь вздохнув. Все, чего я хотел, это поговорить с ней, быть рядом с ней, и меня убивало то, что я не мог силой влезть в ее жизнь, как мне действительно хотелось. Я мог бы пробраться туда тайком, если бы действительно захотел этого. Я мог бы сломать задвижку, оставив ее комнату навсегда открытой для меня, но мне нужно было, чтобы она хотела меня. Чтобы она показала мне, что хочет меня.

Вчера утром, в тишине моего дома, я услышал, как Хэппи разговаривал со своей женщиной. Он долго говорил с ней, рассыпаясь в извинениях, беря на себя ответственность за то, что сделал, и спустя, как мне показалось, несколько часов вышел из моей гостевой комнаты со своей сумкой.

Я пристально посмотрел на него, прежде чем снова отвернуться и уставиться в открытое окно.

— Уходишь?

— Да, — пробормотал он, стоя в открытом дверном проеме. — Поговорил с Никки. Она хочет, чтобы я вернулся домой.

— А Дэйв? — я знал, как сильно он любил этого чувака.

Хэппи вздохнул, протягивая руку, чтобы потереть свою лысую голову.

— Он может ударить меня, но мне все равно. Я оставлю это без внимания. В любом случае, нет ничего такого, чего бы я не заслужил.

До того как мы попали в эту переделку, мы знали, что будут последствия. Однако цена была невелика за то, что было достигнуто. Я бы сделал это снова и снова. Я задавался вопросом, сделал бы Хэппи то же самое.

Хэппи приблизился, и я повернулся, протягивая ему руку. Он схватил меня за предплечье, а потом мы обнялись, хлопая друг друга по спине. Он не сказал ни слова. Все, что я смог выдать, было:

— Я твой должник.

Мне не нужно было этого говорить. Это было данностью. Но Хэппи терпел меня последние пять лет, держал меня в курсе событий, присылал мне фотографии моего сына, моей женщины, был моими глазами и ушами, когда я был далеко отсюда. Он справлялся с

моим темпераментом, яростью, депрессией и делал это без жалоб.

Да.

Я был у него в долгу.

Когда он ушел, я продолжил смотреть в окно, думая о своем сыне и о том, как сильно я хотел, чтобы он был со мной.

Лекси

Неделя тянулась медленно, мучительно медленно. У меня было это время, чтобы подумать о своей реакции на то, что Твитч хочет провести время с нашим сыном. Мои мысли блуждали там, где их не должно было быть. Понятно, что мне все еще было очень больно, но когда я вернулась назад и посмотрела на эту ситуацию в целом, я пришла к пониманию, что, скрывая Эйджея от Твитча, я не просто причиняла Твитчу боль. Я причиняла боль своему сыну.

Вот почему я проглотила свою гордость и перешла улицу.

Прежде чем я даже добралась до дома, входная дверь открылась, и Твитч вышел на улицу, его карие глаза были настороженными, вероятно, дожидаясь нового нападения, и он был прав, ожидая его. Я прикусила внутреннюю сторону щеки, чтобы удержаться от словесного выпада в его адрес.

Одетый в темно-синие облегающие джинсы, обтягивающую черную кофту и потертые белые кроссовки «Адидас», он провел рукой по своим слишком длинным волосам. С щетиной на подбородке он выглядел как влажная мечта. Нет, это было слишком мягкое заявление. Он выглядел как очень горячая, влажная мечта.

Боже.

Его плечи слегка приподнялись, когда он сунул руки в карманы джинсов, и когда он заговорил, его грубый голос окутал меня.

— Привет, Ангел.

Два слова. Это было все, что потребовалось, чтобы мои соски превратились в твердые шарики.

Боже. Я была жалкой.

Уходя от его напряженного взгляда, я тихо произнесла:

— Могу я войти? Мне нужно с тобой поговорить.

Без колебаний он протянул:

— Ты всегда желанный гость здесь.

Мое сердце болело так, что мне захотелось плакать. Я бы не стала. Но я хотела.

Я последовала за ним внутрь и была удивлена, обнаружив, как по-домашнему здесь уютно. Входная дверь открывалась в просторное помещение, и со своего места я увидела чистую кухню и столовую, а также небольшой диван и телевизор с большим экраном. Моя любопытная задница уставилась в конец коридора в сторону спален, но я быстро отвернулась.

Твитч, который никогда ничего не пропускал, произнес:

— Хочешь экскурсию? — я хотела покачать головой, но он добавил: — Ничего особенного. Я имею в виду, это не особняк в Дарлинг-Пойнт, но... — его губы дернулись, — ... это место, где я могу отдохнуть и прочистить голову. Кроме того... — он рассеянно почесал шрам на горле, — ... я пытаюсь залечь на дно.

Особняк в Дарлинг-Пойнт. Ох уж эти воспоминания. Я проводила там большую часть

своих ночей. Это было то место, где я забеременела. То самое место, где я чуть не умерла после ночи, накачанная наркотиками. Этот особняк был моим домом в такой же степени, как и его. Иногда мне этого не хватало. Иногда я ездила туда просто для того, чтобы ненадолго погрузиться в свои мысли.

Сохраняя дистанцию, я медленно кивнула, затем слегка вздохнула.

— Конечно.

Я бы солгала, если бы сказала, что мне не было любопытно.

Пока он вел меня по дому, я держалась на два шага позади, нуждаясь в этом пространстве между нами. Он распахнул дверь в ванную и включил свет.

— Ванная. — Затем дверь рядом с ней. — Прачечная. — Дальше по коридору он открыл комнату с двуспальной кроватью. — Комната для гостей. — Комната рядом с ней была открыта. В ней была односпальная кровать с простынями «Щенячьего патруля», книжный шкаф с детскими книгами и коробка с игрушками. Прежде чем он это сказал, я знала, что это. — Комната Эйджея.

Мое беспокойство достигло апогея, и я повернулась к нему, спрашивая:

— Что ты делаешь, Твитч? Почему ты здесь? — и наконец. — Чего ты хочешь от нас?

Но красивый задумчивый мужчина закинул большой палец за спину, и когда он заговорил, то сделал это тихо, с намеком.

— Хочешь посмотреть мою комнату?

Тяжело сглотнув, я покачала головой и возненавидела то, как покраснела.

— Я хочу, чтобы ты ответил на мои вопросы.

Он сделал глубокий вдох, прежде чем выпустить его через нос.

— Не люблю требований, детка. Ты же знаешь это.

Мой желудок перевернулся.

— Прекрати называть меня деткой.

Прислонившись к дверному косяку, эти полные губы поджались, а в уголках глаз появились морщинки. Он не спеша прошелся взглядом по моему телу, и когда произнес единственное слово, я поняла, что совершила огромную ошибку, придя сюда.

— Никогда.

Скажи то, из-за чего пришла, и уходи, Алекса.

— Эйджей несчастен, — сказала я ему и была очарована тем, как он выпрямился и уделил мне свое пристальное внимание. — Поэтому мне нужно знать, каковы твои планы.

Беспокойство Твитча оставалось очевидным, но он облизнул губы и пробормотал:

— Мой план состоит в том, чтобы быть отцом для своего сына. — Он осторожно добавил: — Если его мама мне позволит.

Ладно.

— Он не игрушка, Твитч. — Его глаза сузились, но я продолжила: — Он не тот, с кем можно поиграть и вернуть обратно, когда он тебе надоест. Он маленький мальчик, впечатлительный маленький мальчик, который по какой-то причине любит тебя. — При этом заявлении тело Твитча немного расслабилось. — Итак, что происходит? Ты остаешься или уходишь? — мне потребовалось все, что у меня было, чтобы набраться смелости и сказать то, что я сказала. — Потому что, хотя мне неприятно видеть тебя, я справлюсь с этим, если это то, что ему нужно. — Мой голос затих. — Но ты не можешь уйти. Не так, как ты бросил меня. — Потому что я не думаю, что Эйджей переживет это.

Без колебаний.

— Я никуда не уйду.

Легкая усмешка покинула меня.

— Прости мне мое недоверие. — Мой рот сжался в мрачную линию. — Было время, когда ты сказал мне, что сделаешь для меня все, и посмотри, чем это обернулось.

Его глаза сверлили меня, как лазерные лучи, приводя в замешательство.

— Откуда ты знаешь, что я этого не сделал? — прежде чем я успела подумать об этом, он сказал: — Я никуда не уйду. Я вернулся навсегда. И... — он заколебался, — ... хочу быть хорошим отцом. — Он уклонился от моего жесткого взгляда, выглядя немного неловко, когда добавил: — Так что, может быть, ты сможешь мне с этим помочь.

Он казался искренним.

Почему это меня так беспокоит?

Мое сердце забилося быстрее. Это было оно. Теперь пути назад нет.

— Ты можешь начать с того, что заберешь его сегодня из школы.

Голова Твитча вскинулась, его глаза вопросительно смотрели, как будто он думал, что это шутка.

Это было нелегкое решение. К сожалению, я знала этого человека, поэтому уступила ему дюйм, прежде он отхватит милю, оставляя путь разрушения вокруг всех, кого я любила.

Когда мне удалось найти в себе смелость заглянуть ему в глаза, его брови опустились, но он произнес:

— Да, конечно. — Когда он продолжил, то сделал это осторожно. — Мне привезти его сюда, или?..

— Нет, привези его домой. — *Ко мне домой.* — Если ты хочешь пообщаться со своим сыном, ты можешь сделать это там. — *Под моим бдительным оком.*

Невысказанные слова повисли в воздухе.

Я тебе не доверяю.

Но уголки губ Твитча приподнялись.

— Хорошо. Он выходит в три, верно?

— Да. Ты помнишь, где это находится?

Он как-то странно кивнул мне.

— Да. — Через мгновение он сказал: — Когда мы поговорим? Действительно поговорим.

Я была трусихой, поэтому посмотрела на часы.

— В другой раз. Мне нужно идти.

— Да. — Его губы сжались. — Йога.

Что он только что сказал?

Мои брови медленно поднялись, а челюсть отвисла.

— Ты следил за мной?

Он издал сдавленный смешок и покачал головой, как будто я была смешной.

— Детка. — Это было все, что он сказал, как бы спрашивая: «Ты меня вообще знаешь?»

Я мысленно вздохнула.

Конечно, он следил за мной. Это же Твитч. Он, наверное, знал мое еженедельное расписание наизусть. Черт. Он, наверное, знал, в какое время я принимаю душ каждый вечер.

С глубоким вздохом я покачала головой и произнесла:

— М-да. Я даже не собираюсь туда сегодня, — и была вознаграждена самой красивой

кривой улыбкой, известной человеку. И эта улыбка поразила меня так, что я поняла, мне нужно убираться отсюда и делать это быстро.

Твитч проводил меня, и когда я уходила, он окликнул меня. Когда я повернулась к нему, его челюсть была плотно сжата и он сказал:

— Чувак с йоги, твой учитель или кто он там, черт возьми.

Мои брови нахмурились.

— А что насчет него?

— Скажи ему, чтобы он держал свои лапы при себе... — он выпрямился, глаза немного потемнели, — ... или я вырву их с корнем.

Мои внутренности пылали жарче, чем солнце.

Тьфу.

Дверь закрылась прежде, чем я успела отреагировать, и я не должна была чувствовать то, что чувствовала в тот момент.

Иисус Христос.

Нет.

Определенно нет.

Когда вошла в парадную дверь, я услышала его.

— Ты можешь, я не знаю, отвалить?

Я нахмурилась и замедлила шаг. Именно тогда я услышала нежный голос Молли.

— Нет, но спасибо за предложение.

Твитч громко вздохнул, и когда я прошла через холл, он посмотрел на меня совершенно взволнованно, его брови нахмурились от раздражения.

— Ангел, скажи ей, что она может оставить меня наедине с моим сыном.

Я перевела взгляд с Молли на Твитча, затем посмотрела на Эйджея, который, ничего не замечая, сидел на диване, поедая свой послеобеденный перекус. Я медленно покачала головой.

— Молли идет туда, куда идет Эйджей.

Он моргнул на меня, невероятно раздраженный, и когда Молли наградила его широкой победной улыбкой, шагнул ко мне.

— Господи, Лекс. Я, бл*дь, не собираюсь его красть.

— Разве?

Когда он посмотрел на меня с абсолютным отвращением, мне почти стало стыдно за себя.

Почти.

Я наблюдала, как его горло дернулось, когда он сглотнул от гнева. Но после он заговорил, и это было чуть громче шепота.

— Я бы никогда не забрал его у тебя. — Его губы сжались, а брови опасно опустились при этой мысли. — Никогда.

Приятно это знать, но не потому, что я настолько глупа, чтобы доверять тебе.

Прежде чем мы вступили в спор, я скинула сумку с плеча на пол.

— Останешься на ужин?

— Не знаю. — Он все еще казался оскорбленным моим обвинением. — Что у нас в меню?

— Баклажаны с пармезаном.

На его лице отразился чистый восторг.

— Бл*дь, да, я остаюсь.

Я покачала головой, сдерживая улыбку от его странно знакомой реакции. Он любил итальянскую кухню, и когда я готовила для него, ему нравилась приготовленные мной итальянские блюда. Когда он последовал на кухню, я тихо произнесла:

— Тебе нужно перестать ругаться при нем.

Твитч усмехнулся.

— Он все это уже слышал раньше. Он знает, что нельзя говорить такое дерьмо. — Я издала низкий горловой звук, и он крикнул: — ЭйДжей, скажи маме, что папа сказал тебе о ругательствах.

Из другой комнаты ЭйДжей заговорил достаточно громко, чтобы мы оба услышали.

— Я могу это слушать, но не могу сказать. — Затем он добавил: — Пока не стану старше.

Я нахмурилась и крикнула в ответ:

— Никогда, — Твитч на это улыбнулся так сильно, что я почувствовала это в своей вагине.

Во время ужина мы сели за стол, и пока Твитч доедал уже вторую порцию моих баклажанов с пармезаном, ЭйДжей уставился в свою тарелку.

— Мне это не нравится.

— Ты либо ешь, либо ложишься спать. Это твой выбор, дорогой, — сказала я ему. У нас никогда не возникало проблем, пока еда не состояла исключительно из овощей. Я осознавала — ему было пять лет; но в тоже время он был мальчиком, и мой сын был плотоядным.

Он скрестил руки на груди.

— Ты не ешь то, что тебе не нравится. Почему ты заставляешь меня есть то, что не нравится мне?

Выражение чистого сочувствия промелькнуло у меня. Я наклонилась, нежно положила руку ему на плечо и сжала.

— Потому что я твоя мать, и твои страдания очень важны для меня.

Твитч подавил смешок, и когда ЭйДжей посмотрел на него умоляющими глазами, Твитч поднял руки.

— Не смотри на меня, приятель. Мама устанавливает здесь правила.

Признаю, было приятно иметь поддержку, и, неудивительно, что после того, как Твитч сказал это, ЭйДжей начал ковыряться в своей еде.

Вскоре ЭйДжею пришло время принимать ванну, и Твитч пожелал спокойной ночи своей крошечной версии, и после того, как он ушел, мне пришлось серьезно задуматься о том, почему дом казался таким пустым без него.

Лекси

— Привет. — Твитч трусцой бежал с другой стороны улицы. — Я заберу его сегодня?

Прошлый вечер казался слишком знакомым, слишком естественным, и я потратила половину времени на размышления о том, почему была так расстроена этим. По правде говоря, это было все, о чем я мечтала. Дом с моим сыном и его отцом, домашняя обстановка. Это было то, от чего у меня болела душа.

С моей стороны было не очень хорошей идеей с головой погружаться в фантазии. Не стоит заикливаться на прошлом. Мне нужно было подумать о настоящем моменте. И это происходило довольно быстро. Мне нужно было замедлить это.

Нет. Мне нужно было, чтобы это полностью остановилось.

Покачивая головой, я сделала шаг ближе к нему и сказала:

— Маленькими шагами.

Его лицо изменилось, и хотя он не выглядел сердитым, определенно был раздражен и долго смотрел на меня сквозь нахмуренные брови, прежде чем пробормотать:

— Сегодня четверг.

Да. Я тоже ходила в детский сад. И тоже знаю дни недели.

— Я в курсе.

— Если ты не против, я бы хотел прийти на его урок плавания.

Я колебалась. Одно дело держать Твитча у себя дома, где я могла контролировать обстановку. Мне не нравилась мысль о том, чтобы гулять с ним всей семьей.

— Послушай, я не знаю. — Но Твитч просто уставился на меня, и я быстро все поняла, слегка закатив глаза. — Ты уже решил, что приедешь, не так ли?

Он посмотрел на меня сверху вниз, его глаза были полны веселья.

— Моя просьба была скорее вежливостью.

Легкий вздох покинул меня.

Конечно, так оно и было.

Загружая свои вещи в машину, я произнесла:

— Думаю, тогда мы увидимся позже.

Но он не ушел. Вместо этого он сделал один шаг ближе, потом другой, и когда оказался в моем личном пространстве, посмотрел вниз на мое платье.

— На днях, ты носила платье со всеми этими оборками. — Он сделал паузу, внимательно наблюдая за мной. — Мне понравилось. Тебе очень шло.

Я надела его не для тебя.

Ему всегда нравилось, когда я была в платьях.

Что касается комплиментов, то для Твитча это был максимум. Я избегала его взгляда и ответила механическим голосом:

— Спасибо.

— Мы поговорим сегодня вечером? — его бок задел мой, и все мое тело загорелось. Когда я не сделала ни малейшего движения, чтобы ответить, он прищелкнул языком. — Нам нужно поговорить, Алекса.

О-о-о.

Он называл меня Алексой только перед тем, как отшлепать.

Вот дерьмо.

Мне нравилось, когда меня шлепали.

Не-а.

Нет. Мне нравилось, когда Твитч шлепал меня.

ТЬфу. Дерьмо.

Внезапные вспышки образов прошлого затопили мой разум, и когда я изо всех сил пыталась дышать, мои пальцы ослабли, и я уронила ключи. Когда Твитч присел на корточки, чтобы поднять их, эти образы усилились. Широко раскрыв глаза, я смотрела на него, не моргая, он в свою очередь понимающе посмотрел на меня, а затем взглянул на мою промежность, и мое естество сжалось под его пристальным взглядом. Он провел языком по нижней губе, мои колени ослабли, и мне пришлось сжать их вместе, чтобы удержаться на ногах, ошеломленная тем, что он, очевидно, думал о том же, что и я.

Когда он тихо заговорил, воздух со свистом покинул меня.

— У меня такое чувство, что мы уже были здесь раньше.

Я выхватила ключи из его руки, и единственными звуками, которые можно было услышать на улице, был стук моих каблучков, когда я почти побежала к водительской двери.

Черт возьми.

Сексуальное напряжение нарастало. Он позаботился об этом. И я попадала в его липкую паутину.

— Да! Давай, ЭйДжей! — встал и крикнул Твитч, прежде чем сесть обратно, глядя на меня широко раскрытыми глазами. — Посмотри, как он плывет.

— Он хорош. — Он был так взволнован, так горд, что я не могла не улыбнуться. — Он плавает с двух лет.

— Он не просто хорош, Лекс. — Твитч покачал головой. — Он гребаный вундеркинд. Я имею в виду... — он махнул рукой, — ... никто из других детей не такой быстрый. — Он поймал взгляд матери, пристально смотрящей на него. — Без обид, леди.

О Боже мой.

Я наклонилась к нему голову и прошептала:

— Может, хватит? — конечно, он не ошибся. ЭйДжей был отличным пловцом. Это было так, как если бы я увидела своего сына свежим взглядом. — Но ты прав. — Когда почувствовала на себе его взгляд, я продолжила смотреть на нашего сына. — Он потрясающий.

Некоторое время мы молчали, прежде чем он заговорил.

— Ты сделала это. — Я посмотрела на него. — Это все ты, детка. — Его пристальный взгляд держал меня в плену. Я не могла отвести взгляд. — Ты, бл*дь, отличная мама. — Когда он снова повернулся, чтобы посмотреть на нашего сына, он произнес: — Я знал, что так и будет.

Но было ли это на самом деле так?

Я думала, у меня все в порядке. Но в последнее время мне казалось, что это не так.

В течение последних нескольких недель, с каждым прошедшим днем, я чувствовала, что подводила его. Как мать, как защитник, как образец для подражания, все, чему я его учила, я делала наоборот с его отцом. Неудивительно, что в последнее время его поведение было таким странным. Он, наверное, смотрел на меня и удивлялся, почему ему нужно следовать правилам, когда его мать не может.

Я поклялась стараться изо всех сил ради моего сына. Я бы не стала проявлять неуважение к его отцу в его присутствии. Я бы не позволила своему гневу управлять моими эмоциями. И, ради нашего счастья, я бы поговорила с Твитчем и попыталась выяснить, как сделать так, чтобы это сработало для всех нас.

Наша семья была маленькой. Наша семья была раздроблена. Но это не означало, что мы все не могли поладить.

Счастье Эйджея значило для меня больше, чем мое собственное удовлетворение, поэтому, ради общего блага, я улыбалась, несмотря на свой дискомфорт.

Когда мы вернулись домой, Твитч остановился на лужайке, и когда впустила Эйджея в дом, я придержала дверь открытой в молчаливом приглашении, внимательно наблюдая за ним.

В тот момент, когда его ноги двинулись, я повернулась, прошла по длинному коридору на кухню, прежде чем опуститься на колени перед сонным маленьким монстром.

— Готовься ко сну.

Но Эйджей, каким бы сонным он ни был, посмотрел на своего отца.

— Можно мне не ложиться спать?

— Нет, — ответила я за нас обоих. — Тебе нужно надеть пижаму, милый.

С выражением явного раздражения на лице Эйджей положил руки мне на плечи и слегка надавил.

— Это нечестно.

И в этот момент Твитч издал невеселый смешок.

— Эй, парень. — Когда Эйджей посмотрел на него, Твитч бросил на него тяжелый взгляд. — Я знаю, что ты не просто положил руки на свою мать. — Не спрашивая, он помог мне встать и занял мое место, опустившись на колени перед нашим драгоценным мальчиком. — Мы не бьем женщин. Не в гневе. Никогда. Ты слышал меня?

Стыд Эйджея был очевиден, и хотя Твитч заставил его немного поволноваться, он нежно коснулся рукой растрепанных волос своего сына.

— Ты устал, не так ли, приятель? — Эйджей кивнул, не в силах посмотреть отцу в глаза. — Пожелай спокойной ночи своей маме. Я зайду, почитаю тебе сказку.

Bay.

Он довольно хорошо справлялся со всем этим «быть отцом».

Это сбивало с толку. Часть меня болела за него, часть надеялась, что он потерпит неудачу, а какая-то маленькая частичка моей уязвленной гордости желала, чтобы он нашел эту работу слишком тяжелой и снова исчез. Тот же самый маленький осколок вызвал у меня неизмеримые опасения.

Не говоря ни слова, Эйджей подошел и обнял меня в молчаливом извинении. Я обняла его так крепко, как только могла, не перекрывая ему доступ воздуха, потому что я знала, каково это — получать выговор от Твитча, и это было не очень приятно.

Дав Молли выходной на ночь, я наблюдала, как Твитч ведет свою уменьшенную копию по коридору в детскую, а затем приступила к мытью посуды. Вскоре после этого я услышала тихие шаги, а затем он спросил:

— Это часто случается?

Я знала, о чем он спрашивал.

— Нет. Только с момента твоего приезда.

— Вот дерьмо, — сказал он, подходя и становясь рядом со мной, пока я продолжала

мыть посуду. — Я поговорю с ним.

Я нахмурила брови, но на моих губах появилась легкая улыбка.

— Думаю, это мне следует поговорить с ним о том, что «мы не бьем женщин».

В нескольких словах было сделано смелое утверждение. Он был лицемером. Как мог такой человек, как он, которому явно нравилось доминировать над женщинами, говорить своему сыну о том, чтобы он не делал того, что ему так нравилось?

Между нами повисла минута молчания.

— Как ты думаешь, что я должен был ему сказать, детка? — его голос был гладким, как шелк, и когда он подошел и встал позади меня, мои легкие перестали функционировать. Сильные руки легли на мою талию, и я медленно моргнула, опьяненная его близостью. Когда он прижался передней частью к моей спине, мой желудок сжался, и у меня перехватило дыхание. — Что я не бью женщин... — его губы коснулись раковины моего уха, и мои соски напряглись, — ... нет, если только они не будут умолять меня очень, очень вежливо?

О, черт.

Куда делся весь воздух?

В тот момент, когда я почувствовала его мощную эрекцию, мой рот приоткрылся в тихом стоне. Он на мгновение отстранился, а затем его член оказался между моими ягодицами, обтянутыми штанами для йоги. Он легонько толкнулся раз, другой... пока мои глаза, вздрогнув, не открылись.

О Боже, мне было физически больно говорить это, но это нужно было сказать.

— Прекрати.

Но Твитч не проникся моим «стоп». На самом деле он почувствовал, что это был настолько слабый протест, что просто опустил лицо к моей шее, легонько прикусывая нежную кожу, на что все мое тело дернулось.

— Прекрати. — На этот раз громче, но хриплый тон, которым я сказала, говорил о чем-то другом.

— Нет. — Твитч прижался ко мне, посасывая чувствительную область, где соединялись моя шея и плечо. Одна рука скользнула вверх, по моим ребрам, и остановилась прямо под моей ноющей грудью. И я умерла.

Господи, девочка. Ты же не всерьез думаешь о том, чтобы пройти через это, не так ли? Неужели ты так ничего и не узнала о контроле над импульсами? Я знаю, этот парень сводит тебя с ума всем своим сексуальным вуду, но, черт возьми, он заставил тебя быть безрассудной сукой, которую ты оставила позади.

Этой мысли было достаточно, чтобы вызвать рефлекторную реакцию, и, не говоря ни слова, я оттолкнулась задом достаточно сильно, чтобы застать его врасплох. Когда он отступил на шаг, я развернулась, протягивая руку. Мое лицо покраснело, и я почти задышалась:

— Остановись, — и на этот раз я не шутила.

Твитч нахмурился, глядя на меня сверху вниз, выглядя слегка раздраженным, но он закрыл глаза, делая глубокий вдох. Когда он наклонился и обхватил пальцами свой обтянутый джинсовой тканью член, крепко сжимая его, я подумала, что упаду на колени и буду умолять его накормить меня.

К счастью, я запыхалась и на мгновение потеряла дар речи.

Мои глаза были прикованы к этим ловким пальцам, массирующим его твердую длину.

Следующие слова, которые он произнес, были предупреждением.

— Если ты продолжишь смотреть на меня, как на закуску, я поставлю тебя на колени. — Когда я подняла голову, его пристальный взгляд из-под прикрытых век поймал меня в ловушку. — И когда я скажу тебе отсосать мой член, ты будешь делать то, что тебе говорят, Ангел.

Он бросил тебя.

Он оставил своего сына.

Он эгоистичен, социопат, который не знает, как любить. Он поврежден, и он оставил тебя сломленной. Никогда не забывай об этом.

Мой взгляд был твердым, я встретила его взгляд и сказала ему:

— Я не принадлежу тебе. — Я покачала головой. — Больше нет.

Он даже не вздрогнул.

— Да, ты принадлежишь. — Его высокомерие сводило с ума. — Тот факт, что ты почувствовала необходимость озвучить это, говорит мне о том, насколько сильно я владею тобой. Я знаю, что ты хочешь меня, но ты злишься, и это справедливо, поэтому ты не позволяешь себе получить то, чего действительно хочешь. И ты можешь бороться со мной, детка. Ты же знаешь, что мне это нравится. Но когда всего этого станет слишком много и ты будешь нуждаться во мне так же сильно, как я нуждаюсь в тебе, ты просто должна сделать одну вещь. — Он отступил назад, подальше от меня, и я сразу почувствовала потерю. — Оставь свет включенным.

Я нахмурила брови.

Оставить включенным свет?

Твитч сделал еще один шаг назад, и мне потребовалась каждая унция силы, чтобы не последовать за ним.

— Мы возродим то, что потеряли, и все пойдет хорошо, а потом мы поговорим... — эти мягкие карие глаза остановились на моих сиськах, и, клянусь, они на мгновение вспыхнули, — ... о твоих красивых лифчиках и для кого ты их носишь.

И я смотрела, открыв рот, как Твитч прошел по коридору и вышел из моего дома.

Линг

Встреча прошла так хорошо, как только могла, учитывая, что в этой самой комнате у меня было бесчисленное количество врагов. В любой момент любой из этих ублюдков может поднять свой пистолет и пристрелить меня. Беспокоило ли меня это?

Нет.

На самом деле, чувствуя то, что я ощущала сейчас, глядя через всю комнату на красивого турка, все, чего я желала, это чтобы кто-нибудь сделал это и освободил несчастную суку.

Аслан Садык был болезнью, и я заразилась, сильно. У меня были все симптомы. Недостаток сна, почти отсутствие аппетита, раздражительность и тяжесть в груди.

Я скривила губы, наблюдая, как он смеется во время разговора с Титусом Окойе, недавно приехавшим либерийским торговцем оружием.

Я чертовски ненавидела его.

Поэтому, когда Элиас Муньос, слишком-молодой-чтобы-выглядеть-так-будто-он-может-быть-лидером, американо-аргентинский босс «Лос-Гатос Негрос» подошел, чтобы сесть рядом со мной, я моргнула, глядя на него.

— Ты что, заблудился?

Элиас ухмыльнулся моему отношению.

— Мне показалось, что тебе нужна компания.

Я преувеличенно усмехнулась.

— Элиас, у меня никогда не бывает недостатка в компании, когда я этого хочу. — Мои глаза тлели на его промежности, и я демонстративно облизала свои вишнево-красные губы, прежде чем наклониться. — Здесь где-нибудь есть ванная, куда мы могли бы ускользнуть?

Элиас был нейтрален. Траханье с ним не причинило бы мне никакого вреда, потому что мы не имели ничего общего друг с другом. Наши границы не соприкасались, и наши мужчины редко вступали в контакт, но когда они это делали, никаких проблем не возникало. И хотя он выглядел искушенным, он протянул руку, чтобы провести большим пальцем по моей челюсти, и сказал:

— Я слышал о тебе, Линг, о том, что тебе нравится. — Он покачал головой, двигаясь, чтобы отстраниться. — Я этим не увлекаюсь.

Прежде чем он успел убежать от меня, я взяла эту большую руку и держала ее в своей, играя с его длинными пальцами.

— Мои вкусы разнообразны, Элиас. Я в некотором роде хамелеон. Могу быть тем, кем ты захочешь, чтобы я была. — Я игриво улыбнулась. — Мне просто нужно, чтобы ты ударил меня по губам, чтобы я могла кончить, вот и все.

Элиас долго смотрел на меня, моргая, прежде чем его губа дернулась. Затем, когда он откинул голову назад и громко рассмеялся, я поняла, что достигла своей цели. Боковым зрением я видела, что турок наблюдает за мной, и мне потребовались все силы, чтобы не смотреть на него, открыто насмехаясь над ним.

Пошел ты, Ас. Думаешь, ты особенный? Ты мне не нужен.

Я не слышала, как подошел Лука Павлович, но когда он навис надо мной, он выглядел разъяренным.

— Я знаю, что ты сделала, курва.

Мои глаза сузились, глядя на него.

— Прошу прощения?

Его губы скривились.

— Мы все знаем, что ты сделала, драконья шляха. С Юлием. С его женой. — Когда он наклонился к моему лицу, моей первой реакцией было выцарапать ему глаза. Но я сохранила видимость спокойствия. — Если бы это не была нейтральная территория, я бы прикончил тебя прямо здесь, где ты сидишь. — Он сделал вид, что оглядывает меня с ног до головы. — У тебя нет друга во всем этом мире, Линг, особенно в этой комнате, так почему бы тебе просто не взять свою тощую маленькую задницу и не сброситься с обрыва?

Лука был уважаемым человеком. Так называемый Король в этих краях. Хорват твердо выдержал мой взгляд, и осязаемая тишина наполнила комнату. Дурное предчувствие, которое я испытывала, придавило меня к этому месту, и когда я оглянулась на окружающих меня мужчин, то обнаружила, что ни один из них не желает выйти вперед и встать рядом со мной. Даже прекрасный турок.

Это был мой сигнал для того, чтобы уйти.

Хотя мое сердце бешено колотилось, я повернулась к Элиасу.

— Хочешь пойти со мной домой? Обещаю, что буду нежна.

Но, как я и предполагала, Элиас медленно покачал головой.

— Нет, спасибо.

Я недовольно поджала губы.

— А как насчет тебя, Лука? — я сделала шаг вперед и осторожно коснулась его галстука. — Я позволю тебе наказать меня.

Выражение лица Луки стало раздраженным. Его голос был низким, он говорил сквозь стиснутые зубы.

— Я никогда раньше не бил женщину, но для тебя сегодня я мог бы сделать гребаное исключение. Ты вызываешь у меня отвращение.

От его безудержного гнева мои глаза вспыхнули.

— О, Лука. Не дразни меня, детка. Я уже промокла насквозь. — Я взяла его руку и поднесла к подолу своего платья. — Хочешь пощупать?

Когда он отдернул руку, я звонко рассмеялась, а затем оглядела все лица, окружавшие меня.

— Даже не пытайтесь это сделать. Каждый из вас устранял проблемы, если они появлялись, даже Юлий, мой старый друг. Так что набрасывайтесь на меня, если вам это нужно, но не выставьте себя святошами. Я сделала то, что должна была, чтобы стать той, кем являюсь сегодня, и должна сказать... — мои глаза сузились, — ... вид совсем не такой, как было обещано в брошюре.

Пристально глядя на каждого из них, я встала со своего места и, поддерживая зрительный контакт, вышла из комнаты. Когда я выходила, мой взгляд остановился на Аслане, и когда он отвернулся, я победно ухмыльнулась. Но когда скрылась из виду, я достала свой сотовый и набрала номер, на ходу прижимая телефон к уху.

Напряжение росло, и мне нужно было взять себя в руки.

Лекси

Мне было грустно. Прощаться с Аmandой оказалось труднее, чем я думала, учитывая, что мы только что встретились. Мы провели ужасно много времени обнимаясь, и она сказала, что скоро вернется, может быть, со своим отцом. Я пообещала поддерживать с ней связь и присылать ей последние новости о ее племяннике. А она обещала прислать мне видео, где ее муж говорит со своим сексуальным акцентом.

Мы были двумя женщинами, случайно сведенными вместе, разделенными расстоянием, и я ненавидела то, что теперь она была через океан от меня. Я действительно чувствовала, что она была моим самым большим союзником на данный момент.

Каждый раз, когда я разговаривала с Никки, она постоянно спрашивала о том, как идут дела с Твитчем, когда дела совсем не шли. Всякий раз, когда мне удавалось поймать Дэйва, он прямо спрашивал, когда Твитч снова уйдет, и это почти ломало меня, потому что в действительности он спрашивал только о том, о чем я на самом деле думала сама. Когда я разговаривала с Юлием, он вообще отказывался говорить о Твитче, а Ана вряд ли была хорошей собеседницей. Мне еще предстояло поговорить с Хэппи, и чем больше времени проходило, тем больше это походило на растущую стену между нами.

Вряд ли было справедливо постоянно контактировать с Твитчем, в то время как я не могла найти ни слова для человека, которого я назвала бы своей опорой, когда все пошло наперекосяк.

Я решила, что пришло время возобновить старые традиции.

Сегодня вечером мы поужинаем вместе, всей семьей. Только сегодня вечером мы бы установили дополнительное правило и постарались, чтобы никто не получил серьезных травм.

ДА. Это определенно было нашей целью. Чтобы никто не ушел, истекая кровью.

Я проверила духовку, и запах, доносившийся из нее, был божественным. С улыбкой я принялась за приготовление ньокки. Это было нетрудно, когда ты знал, что делаешь, и я научилась готовить это много лет назад, больше не нуждаясь в рецепте. Я все еще готовила, когда раздался звонок в дверь, и когда я открыла ее, высокий светловолосый мужчина, стоявший там, улыбнулся мне почти печально.

Положив руки на бедра, я сказала:

— Дэвид Аллен, иди сюда прямо сейчас.

Дэйву не нужно было повторять дважды. Он обнял меня, и я закрыла глаза, до этого момента не осознавая, как сильно я скучала по своему другу. Когда он отстранился, вид у него был мрачный.

— Мне жаль, что я не был на связи.

Я закатила глаза.

— Не начинай. Я знаю, что это было нелегко для тебя.

Дейв нахмурился.

— Не делай этого, Лекс. Не оправдывайся передо мной. Да, я испытал шок, но твой шок был намного сильнее моего, а я потерял фокус. Мне очень жаль.

Я не сказала ему, что мне на самом деле было проще, когда никто не вмешивался в мои дела. Вместо этого я улыбнулась и заявила:

— Извинения приняты. — Я повернулась и направилась обратно на кухню, а он последовал за мной. — Итак, расскажи мне, что происходит. Как обстоят дела с Хэппи?

— Не очень хорошо. Но мы, э-э... — Дейв издал горловой звук. — Разговариваем.

Я бегло говорила на языке Дейва. Они не разговаривали. Они трахались.

Мою усмешку было трудно скрыть.

— Что ж, это хорошо. Не так ли?

Дэйв пододвинул стул, когда я принялась за ньокки.

— Наверное. Мне нелегко с этим смириться, Лекс. — Он глубоко и низко вздохнул. —

У меня уже есть проблемы с доверием. Это просто потрясло меня.

Я знаю, что он имел в виду.

— Да. Я это понимаю.

Услышав мой мрачный ответ, Дейв сосредоточился на мне.

— Как у тебя дела?

— Я делаю все, что в моих силах в данных обстоятельствах. — Я бросила на него взгляд широко раскрытых глаз. — Не думаю, что соответствую требованиям по росту для этих эмоциональных американских горок.

— Ну, все, что я могу сказать, это то, что надеюсь, ты чему-то научилась из всего этого, потому что...

Входная дверь открылась, и вошла Молли, а за ней Эйджей.

Твитч плелся следом.

В ту же секунду, как Дейв увидел Твитча, он встал с выражением чистого недоверия.

— Ты серьезно, Лекс? — пробормотал он: — Черт возьми, ты сейчас не можешь быть серьезной. — Его руки дрожали. — Неужели ты ничему не научилась? Разве ты не видишь, что он делает? — Моя шея начала краснеть, и я была рада, что Молли была достаточно умна, чтобы прочитать знаки и отвести Эйджея в его комнату, пока Дэйв выходил из себя. — Достаточно того, что он живет через дорогу. — Его лицо было напряженным. — Я в шоке от тебя. Не думал, что ты настолько глупа, чтобы впустить его в свой дом!

Я точно видела момент, когда Твитч перешел от легкой взвинченности к чистой ярости. Он сделал угрожающий шаг вперед.

— Какого хрена ты только что сказал? — потом еще один шаг. — Уверен, что ты только что не назвал мою женщину глупой, Дейв.

Но Дэйв чувствовал себя храбрым.

— Твою женщину. — Он невесело рассмеялся, затем посмотрел на меня. — Его женщину? Это было быстро, Лекс. Мило.

О, нет.

Мои планы быстро летели коту под хвост. Кто-то пострадает, если я ничего не сделаю.

— Ты кусок дерьма, — сказал Твитч тихо. — Ты собираешься уйти и сделаешь это сейчас. — Его глаза потемнели. — Прежде чем я, бл*дь, заставлю тебя.

— Прекратите. — Мой голос дрожал.

Дэйв усмехнулся.

— Ты собираешься заставить меня? — после минутного молчания он прогремел: — Кто ты, черт возьми, такой, чтобы приходить в этот дом и угрожать? Ты причинил боль Лекси. Ты причинил ей непоправимую боль. В отличие от тебя я люблю эту женщину. Видишь, Твитч, это то, что ты делаешь, когда любишь кого-то. Ты говоришь им то, что они не хотят слышать, потому что это правильно. Ты обращаешься с ними так, как они того заслуживают.

Ты остаешься здесь.

Мое сердце бешено заколотилось. Напряжение было достаточно сильным, чтобы его можно было разрезать ножом.

При виде убийственного выражения лица Твитча все мое тело замерло.

— Думаешь, я не хотел быть здесь с моей девочкой и моим гребаным сыном? — Твитч говорил тихо. — Думаешь, я хотел провести последние пять лет, спя под мостами, на вокзалах, без единого гребаного цента на свое имя, потому что я больше не мог претендовать на это имя? — он сделал еще один шаг, и у меня внутри все сжалось от его слов. — Что? Думаешь, я трахался, развлекался, отдыхал на Ибице? Позволь мне кое-что сказать тебе, дружище. Телкам не нравятся бездомные парни. — Его губы сжались. — О, да. Гламурная жизнь. У тебя есть мой номер, Дейв.

У меня заныло сердце.

О, как это было больно.

Услышав все это, что-то произошло со мной, с моей душой. Маленький осколок моего разбитого сердца начал восстанавливаться.

Мое сердце бросило на меня серьезный взгляд: *«Я же говорило тебе, что он не сделал бы то, что сделал, без причины»*.

Мой мозг закатил глаза: *«Если ты ему веришь, то ты тупица. Не позволяй одной и той же змее укусить тебя дважды»*.

Находясь в состоянии войны с самой собой, я приняла решение. Избежать этого было невозможно. Нам с Твитчем давно пора было поговорить.

Дэйв немного потерял самообладание, но его челюсть была плотно сжата, когда он произнес:

— Ты задолжал нам объяснения. Где ты был все это время?

При этих словах Твитч потерял самообладание. Его глаза вспыхнули.

— Я ни хрена тебе не должен, ублюдок. — Затем его брови опустились. — Единственный человек, с которым мне нужно поговорить об этом, это Ангел, стоящая прямо там. — Он дернул подбородком в мою сторону. — И она не готова к этому, поэтому я делаю то, что делаю редко. — Он многозначительно посмотрел на меня. — Я жду.

Твитч не был терпеливым человеком. Он был навязчивым и имел проблемы с контролем. Тот факт, что он проявлял сдержанность... это было монументально.

Кто был этот человек и что он сделал с опрометчивым, эгоистичным и беспечным человеком, которого я знала давным-давно?

Твитч произнес эти слова так, словно это был его дом и он имел на это право.

— У тебя есть два варианта, Дэйв. Ты можешь уйти, поджав хвост и засунув мою ногу себе в задницу, — предложил он. — Или ты можешь заткнуться, извиниться и съесть еду, которую готовит моя девочка. — Он оглядел Дейва с ног до головы, оценивая его. — На твоём месте я бы выбрал второй вариант. Прошло много времени, и я жажду драки.

Не дожидаясь ответа, Твитч пошел по коридору в поисках своего сына.

Прошло много времени, прежде чем Дейв заговорил снова, прочистив горло.

— Я не имел в виду то, что сказал. — Небольшая пауза. — Ты не глупая, Лекс.

Но разве это не так?

Мой сын назвал меня глупой. Мои друзья теперь называли меня глупой. В последнее время это было распространенной темой, и если кого-то называли как-то неоднократно, скорее всего, этот человек и был тем, кем его называли.

Внезапно я была ошеломлена, и мое горло сжалось от эмоций. Я говорила тихо, смаргивая слезы.

— Не беспокойся об этом. Здесь было немного безумно.

— Да. — Низкий тон Дейва соответствовал моему. — Я это вижу. Последнее, что тебе нужно, это чтобы твои друзья отвернулись от тебя. — Он положил руку мне на плечо. — Мне так жаль.

Внезапно впад в депрессию, я почувствовала необходимость объяснить свои действия.

— Просто ЭйДжей был несчастен без него, и чем больше я скрываю его от отца, тем больше он расстраивается.

— О, милая.

Мое сердце бешено заколотилось.

— Я не знала, что делать, и хотя мне было тяжело, я подумала, что если просто позволю ему увидеть Твитча, он будет счастливее.

— Конечно.

Было трудно дышать из-за напряжения, витавшего в воздухе.

— Ты, наверное, не можешь понять ситуацию, в которой я нахожусь. Мне крышка, если я это сделаю, мне крышка, если я этого не сделаю. Я пытаюсь быть умной в этой ситуации, Дэйв. Просто пытаюсь выбрать дорогу с наименьшим количеством мин, заложенных на ней.

Он выглядел совершенно подавленным.

— Я знаю.

— И Твитч был на удивление хорош все это время, — неохотно призналась я. — Как будто... Я не знаю. Он изменился, Дэйв. Не знаю, где он был и что делал, но время, проведенное вдали от дома, что-то с ним сделало. — Мои глаза умоляли, я произнесла: — Этот человек будет рядом. Мне бы хотелось, чтобы мы все поладили. Если ты не можешь сделать это для меня, пожалуйста, сделай это для ЭйДжея, потому что он любит своего отца.

— А как насчет тебя, Лекс? — он выдержал мой взгляд. — Ты любишь его?

До последнего вдоха.

— Я его даже больше не знаю.

Дэйв, казалось, был умеренно удовлетворен моим ответом, потому что он оставил все как есть. Он также присоединился к нам за ужином, и когда люди начали прибывать, их беспокойство по поводу присутствия Твитча было так ясно написано на их лицах, что им не нужно было говорить об этом ни слова.

К счастью, никто ничего не сказал об этом, и, честно говоря, я бы тоже этого не сделала, учитывая дерзкие взгляды, которые бросал Твитч. Какое-то время было неловко, но когда Ана заговорила с Твитчем, стол ожил от разговоров. Конечно, Твитч не был сильно вовлечен, но он остался, а Юлий оставался вежливым, наблюдая за своим старым другом, своим братом, с огоньком в глазах, который я не могла точно прочитать.

Что это было? Задумчивость? Гнев? Печаль? Я не могла понять, в чем дело. Возможно всего понемногу.

Когда Хэппи вошел в дверь вместе с Никки, мне было трудно смотреть на него, и когда он приблизился ко мне осторожно, как к испуганному оленю, я посмотрела на своего друга и увидела, как он ломается. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но ничего не смог произнести. Он посмотрел на настороженного Твитча, прежде чем его губы сжались, а глаза закрылись, когда он пробормотал:

— Лекс, я... Мне так жаль.

Когда я сделала три шага вперед и обхватила его руками за талию, он обнял меня так крепко, что я задохнулась. Я почувствовала его извинения, почувствовала его печаль от того, что он разочаровал меня, почувствовала его сожаление в этих крепких объятиях. Я ничего не сказала. Не могла. Поэтому просто протянула руку и взяла его лицо в свои руки, нежно поцеловав в щеку.

Это не было прощением, не совсем так. Это была маленькая милость, которую я оказала ему, потому что любила его, моего дорогого друга.

Вскоре после того, как десерт был съеден, все собрались уходить, а Твитч как раз попрощался с ЭйДжеем. Я не хотела подслушивать, но когда я подошла, вопрос моего сына захватил меня в плен.

— Дядя Дейв сказал, что ты сделал маме больно. — Он на мгновение замолчал. — Так вот почему она злится на тебя?

— Да, приятель, — это было все, что сказал Твитч.

— Ты сказал «извини»?

— Нет, я этого не делал. — Он колебался. — Я не могу извиниться за то, что сделал.

— Иногда, когда я расстраиваю маму, ей нужно, чтобы ее обняли. — Мое сердце подпрыгнуло. — Может быть, тебе стоит обнять ее.

Твитч издал легкий смешок.

— Я мог бы попробовать это. Спасибо за совет.

ЭйДжей казался довольным собой.

— Всегда пожалуйста.

Я не смогла сдержать улыбку, возвращаясь на кухню.

По правде говоря, после месяца, который у меня был, мне не помешали бы объятия.

Лекси

Твитч провел день с Эйджеем после того, как забрал его из школы, и когда я пришла домой с работы с головной болью и в плохом настроении, он загнал меня в угол в коридоре, на выходе из моей комнаты.

Его внимательный взгляд блуждал по моему лицу.

— Ты в порядке?

Какое тебе дело?

Тьфу. Непроизвольная реакция. Мне действительно нужно покончить с этим.

Я вздрогнула, затем посмотрела на него прищуренными глазами и тихо проговорила:

— Да. Просто нужно немного обезболивающих таблеток, и я буду в порядке.

Когда он прошел на кухню и открыл шкафчики, мне потребовалось мгновение, но я последовала за ним, и когда он наполнил стакан водой и подошел, держа таблетки в одной руке, а стакан с водой в другой, я стояла, задумчиво поджав губы.

— Что ты делаешь?

Он нахмурился, глядя на таблетки, затем снова посмотрел на меня, не говоря ни слова.

Я колебалась.

Твитч вздохнул, взял стакан и поставил его на край кухонного стола; таблетки последовали за ним. Он долго и пристально смотрел на меня, прежде чем произнести:

— Упрямая женщина, — затем вышел из комнаты, чтобы сесть с Эйджеем на диван, смотреть фильм «Лего».

Я не привыкла к этому, к тому, чтобы Твитч был активным участником моей жизни. Даже когда мы встречались, у нас были странные отношения. Это было что-то вроде «давай и бери».

Я отдавала, в то время как Твитч брал, иногда больше, чем я могла отдать.

Так что подайте на меня в суд за нерешительность. Я не привыкла, чтобы за мной присматривал мужчина, который однажды сказал мне, что сломает меня.

Слегка вздохнув, я проглотила таблетки, запив их большим глотком воды, затем вошла в гостиную и посмотрела на Молли.

— Мне нужно несколько минут, чтобы таблетки подействовали.

Она кивнула.

— Нет проблем. Я позабочусь об ужине.

Я бросила на нее взгляд, полный чистой благодарности.

— Ты замечательная. — Когда мой взгляд остановился на двух переплетенных телах на диване, мое сердце растаяло. Твитч лежал на спине, закинув руки за голову, отчего его бицепсы выпирали так, что это было почти греховно. Маленький мальчик, скрестивший ноги в носках, обнял своего отца обеими руками, как будто боялся, что его у него отнимут, и мое тающее сердце болезненно сжалось. Когда Эйджей залез в карман толстовки Твитча и достал пару шоколадных конфеток цвета радуги, бросив их в рот, нахлынули воспоминания о давно прошедшем времени.

Эти милые карие глаза сфокусировались на мне.

— Ты в порядке, мамочка?

Я улыбнулась своему сыну.

— Прекрасно, дорогой. Спасибо, что спросил. — Я бросила украдкой взгляд на Твитча, который оказался не такой уж и украдкой, потому что упомянутый мужчина смотрел прямо на меня, и в его взгляде был знакомый жар.

Моя последняя мысль перед тем, как я вернулась в свою комнату, была мрачной.

Если ты сделаешь ему больно, я сама убью тебя.

И если до этого дойдет, я была уверена, что так и сделаю.

— Привет, мама-медведица.

Я потянулась под одеялом и моргнула, прогоняя сонливость. Длинная тень, лежащая рядом со мной, снова заговорила.

— Твой малыш спрашивает о тебе.

Сбитая с толку и моргая сквозь дремоту, я грубо спросила:

— Который час?

— Семь тридцать.

Мои глаза резко открылись.

— Что? — я села в постели, и одеяло упало до пояса. Лениво потянувшись, я проговорила сквозь зевок: — Почему меня никто не разбудил?

Твитч приподнялся, положив голову на поднятую руку.

— Потому что я сказал всем заткнуться и дать тебе поспать.

Я глубоко вздохнула.

— Тебе не нужно было этого делать.

— Знаю, но я сделал. — Его глаза остановились на моей шее, а затем опустились вниз. — Тебе нужно следить за собой, детка. — Я вдруг поняла, что на мне крошечная майка без лифчика, и когда я попыталась незаметно прикрыть грудь, уголки его губ приподнялись. — Ничего такого, чего бы я раньше не видел. — Вставая, он сказал: — И только вопрос времени, когда я увижу все это снова.

Шокированный смех покинул меня.

— Ты полон дерьма.

— Нет. — Его голос звучал слегка оскорбленно.

— О, но это так, — настаивала я, затем отпустила небрежную ухмылку. Ему не нужно было знать, что я сгораю от желания снова быть с ним. — Что заставляет тебя думать, что я все еще хочу тебя, Твитч?

Затем он наклонился ко мне, и я отстранилась от интимности этого небольшого движения. И когда он заговорил, слова поразили меня с силой тысячи оргазмов.

— Потому что я твой гребаный король, а ты моя прекрасная королева. Так что будь умницей, склонись передо мной... — его голос понизился, — ... и позволь мне любить тебя. — Он соскользнул с одеяла, оставив меня чувствовать себя опустошенной и одинокой. Он выпрямился, и атмосфера дерзости вокруг него возросла на целый уровень. Он медленно двинулся к двери. — Иди пожелай спокойной ночи нашему сыну, чтобы я мог вернуть тебя в постель и показать тебе, как сильно я скучал по тебе.

Воздух горел в моих легких.

— Ты чертовски сумасшедший.

Тогда он ухмыльнулся.

— Виноват, детка.

Если бы хаос и ярость когда-нибудь соединились, Твитч был бы ребенком, родившимся в результате этого соединения. И каким сумасшедшим, прекрасным ураганом он был.

Моя решимость колебалась с пугающей быстротой. Я не могла отрицать, что хотела его. Вопрос был в том, была ли я настолько глупа, чтобы впустить его обратно?

Позже тем же вечером потребовалось некоторое убеждение, но Твитч наконец ушел, и когда он это сделал, покачал головой и вздохнул. Было уже одиннадцать, когда я встала, чтобы взять стакан воды, и когда я поднесла стакан к губам, мое сердце замерло при виде тени, сидящей на заднем крыльце.

Мои брови нахмурились, и я пробормотала себе под нос:

— Что, черт возьми, он делает?

Почему он там прячется?

Как только эта мысль пришла мне в голову, я осознала ошибку в своем предположении.

Он вовсе не прячется. Он ждет, что я найду его.

Взяв стакан с водой, я открыла раздвижную дверь и вышла наружу. Не говоря ни слова, я подошла и села на верхнюю ступеньку, обернув кимоно вокруг ног. Твитч сидел на нижней ступеньке, и когда он что-то поднес к губам, и мягкое оранжевое свечение ярко засияло в темноте, я сердито уставилась в темноту.

— Ты серьезно?

Он глубоко вдохнул косяк, а когда выдохнул его, сказал:

— Это от моей глаукомы.

Мои брови поднялись, и когда он сделал еще один вдох, я наклонилась вперед и смягчила свой тон.

— У тебя глаукома?

Он подавился смехом, дым валил изо рта при каждом покашливании, и от унижения мне стало жарко.

О Боже мой. Я идиотка.

Грубый смех Твитча продолжался и продолжался, и чем дольше он продолжался, тем больше улыбка появлялась на моих губах, и вскоре после этого я посмеивалась над собственной глупостью.

— О, заткнись. Я просто устала.

Когда его смех затих, он пробормотал:

— Бл*дь, я скучал по тебе.

— Ты не должен был скучать по мне. — Я ничего не могла с собой поделать. Мне было больно. — Ты мог просто остаться.

— Думаешь, если бы был такой вариант, я бы не остался?

Я пожала плечами.

— Не знаю.

Когда я посмотрела на него, он на мгновение поймал мой взгляд, прежде чем грубо произнести:

— Не смотри на меня так.

— Как?

Интенсивность его взгляда пронзила меня.

— Как будто ненавидишь меня.

Неужели?

А разве не должна?

Я опустила свой обиженный взгляд и вздохнула.

Время настало.

— Давай поговорим.

Твитч сделал еще одну затяжку косяка, прежде чем предложить его мне. Я колебалась, и он произнес:

— Это помогает заснуть.

Я покачала головой, но мне сильно хотелось этого, чтобы справиться с предстоящим разговором. Но, сжав руки в кулаки, я вежливо отказалась.

— Я больше этим не занимаюсь. — Воспоминания о том, как Твитч прижал свои губы к моим и слегка выдул едкий дым мне в рот, как я вдыхала смесь наркотиков и самого мужчины, опьяняли меня.

Моя грудь болела от необходимости пережить это снова. Но я твердо стояла на своем, отрицая эту потребность.

— Почему ты это сделал? — заговорила я в безмолвную ночь.

Он долго молчал, и я задалась вопросом, будет ли он на самом деле говорить. Но потом он начал, и хотя это, возможно, было не то объяснение, которого я хотела, тем не менее это было объяснение.

— Я никогда не планировал, что все пойдет так, как пошло. Никогда не планировал хотеть тебя так, как я хотел. И как только ты стала наркотиком, текущим по моим венам, я понял, что сделаю для тебя все, что угодно. Даже исчезну, если это потребуется.

Мое молчание было приглашением продолжать, и он продолжил.

— Я принял несколько неправильных решений в свое время на посту короля. Нажил врагов, и мне было все равно, потому что я никогда не планировал дожить до сорока. — Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. — Но это изменилось, и я знал, что если заявлю на тебя открыто, то поставлю мишень на твою голову. — Он посмотрел на меня. — Мне нужно, чтобы ты знала, я никогда не планировал умирать у тебя на руках, но когда ты сообщила мне, что беременна, и этот мудака выстрелил в меня, это была возможность, которую я не мог упустить.

Я была сбита с толку.

— Не понимаю. Какая возможность?

— Я потратил много времени на поиски людей, очищая свои улицы от угроз. — Он бросил на меня взгляд. — Очищение от зла и доведение себя до такого положения, когда возвращение означало бы, что никто не коснется моего мальчика.

О Боже мой.

Это прозвучало так, как будто он говорил мне, что провел последние пять лет, выслеживая людей и... убивая их.

— Почему ты мне это рассказываешь?

— Ты и я теперь открытая книга. — Его глаза удерживали меня. — Я надеюсь, ты справишься с этим, детка, потому что кое-что из дерьма, которое я собираюсь тебе рассказать, это п*здец, даже для меня.

Мое сердце подпрыгнуло.

Была ли я готова к этому?

Не знаю.

— Я сдался копам.

— Что? — спросила я, совершенно ошеломленная.

Он подавил смешок.

— Знаю. Я, работающий с властями. Какого хрена, верно? Некоторое время работал в

ФБР. И если я выполню то, что обещал, то получу полную неприкосновенность и вернусь к вам — таков был уговор. — Он сделал паузу. — Я не думал, что это займет так много времени. Я был самонадеян, думая, что покончу с этим дерьмом в течение года. — Он усмехнулся. — Первый год был самым тяжелым. Я быстро ничего не добился. Ни зацепок, ни ресурсов. Единственные два человека, которые знали, что я жив, были двумя людьми, которые помогли мне стать мертвым. Я спал на улице, воровал то, что мне было нужно, и в какой-то момент жил за счет мусора. Иногда я выходил из себя и сдавался, планируя остаться мертвым. Но... — он закрыл глаза, затем устало посмотрел на меня, — я эгоист, детка. Мне нужно было быть со своим сыном. Мне нужно было вернуться домой, к тебе.

Он откинулся на ступеньку, опираясь на локти и глядя во двор.

— Никто не заберет твою корону. Не в мою смену. Я выковал тебе трон, Ангел, и я сделал его из окровавленных, изуродованных трупов каждого ублюдка, который встал у меня на пути, оставив тебя красиво сидеть в луже крови, надев терновый венец. — Он ухмыльнулся, затем его голос наполнился благоговением. — Моя королева.

Мой желудок сжался. Это не должно было разжечь во мне огонь.

Господи Иисусе, я гребаный фрик.

— Никто не доберется до тебя и моего мальчика. Я буду щитом. Вскроют ли меня. Буду ли я истекать кровью. — Он медленно покачал головой. — Никто не доберется.

У меня было так много вопросов. Не знаю, почему я выбрала именно этот.

— Что случилось с твоей татуировкой?

Мне не нужно было уточнять. Знаковая 13, которую я полюбила, больше не украшала его щеки. На ее месте был шрам. Шрам, который я видела, как он получил в восемь лет, когда мы были детьми, которых свели вместе на одну короткую ночь, которым суждено было снова встретиться как любовникам, и хотя в то время я этого не знала, он был мне нужен.

Он был таким горячим огнем, что его пламя стало голубым. И я хотела, чтобы меня сжигали снова и снова, улыбаясь сквозь боль и умоляя о большем.

Я явно была мазохисткой, но иногда тебе нужно было пролить кровь, чтобы напомнить, что ты все еще жива. А Твитч заставлял меня истекать кровью, источая красное тепло, пока мое сердце не останавливалось, и каждый раз, когда он убивал меня, я оживала от одного лишь поцелуя.

Его любовь была смертельной, но я не хотела противоядия.

Твитч долго смотрел на меня.

— Немного отдавать, немного брать. Ты же знаешь, как это работает, детка. Я дал немного, так что теперь твоя очередь. Ты дашь мне то, что я хочу, и я отвечу на твои вопросы.

Сразу почувствовав усталость, я тихо спросила:

— Чего ты хочешь?

Голос у него был грубый, когда он сказал:

— Я хочу, чтобы ты прикоснулась ко мне.

Когда я закатила глаза и попыталась встать, его теплая рука сомкнулась на моем запястье, притягивая меня обратно.

— Не так. Я имею в виду, где угодно. Куда захочешь. Просто... — его голос был низким, грубым, — ... прикоснись ко мне, детка.

Это звучало так невинно, но я знала Твитча, и в нем не было ничего невинного. Верить, что он способен на что-то столь чистое, было глупо. Но я хотела прикоснуться к нему.

Я мысленно вздохнула. Ненавидела то, что жила ради любви. Такая простая вещь, как невинное прикосновение, была так важна для меня. Это могло передавать невыразимые сообщения, и прямо сейчас потребность, которую Твитч носил на своем усталом лице, сказала мне, что он нуждался в этом.

Он терпеливо ждал, пока я подняла правую руку и поднесла ее к его лицу, нежно обхватив его щеку. В тот момент, когда мои пальцы соприкоснулись с его теплой кожей, его глаза закрылись сами по себе, и я наблюдала, как он сделал глубокий вдох, медленно выдыхая, наслаждаясь моим прикосновением.

Воздействие, которое я оказывала на него, наполняло меня внезапной силой, и я наслаждалась его расслабленным состоянием.

Положив другую руку ему на шею, я провела ногтями по его неподстриженному затылку, радуясь тому, что на его лице появилось выражение чистого восторга, и тихо сказала:

— Расскажи мне.

Он издал низкий горловой звук.

— Это был слишком очевидный признак. ФБР заставило меня свести ее лазером. — Он тихо застонал, когда моя рука скользнула к его плечу, слегка разминая узел, который я обнаружила, и он сказал на выдохе: — Думал о тебе каждую секунду, каждого дня.

Мне хотелось забраться к нему на колени и умолять об одном-единственном поцелуе.

— Куда мы пойдем дальше? — затем, еще тише: — Как нам двигаться дальше?

Его прищуренный взгляд остановился на мне, и его ответ был настолько мягким, насколько позволял его голос:

— Чертовски медленно.

Я заглянула в эти мягкие карие глаза и нежно провела пальцами по линии его подбородка. Мой голос был чуть громче шепота.

— Не знаю, смогу ли я когда-нибудь простить тебя.

Его ответ был в духе Твитча.

— Никогда не просил об этом, Ангел.

Высокомерный осел.

Глядя ему в лицо, я наблюдала за ним так же, как он наблюдал за мной, и быть с ним, прямо здесь, на моем заднем крыльце, было так хорошо, что я нахмурилась, разочарованная в себе.

Думаю, в этом и была проблема. Когда вы смотрели на кого-то через розовые очки, все красные флажки... они были просто... ну... флажки. Непритязательные. Безопасные.

Но я знала лучше.

Запустив руки в его слишком длинные волосы, я усилила хватку, оттягивая назад, заставляя его поднять голову и наслаждаясь тем, как его губы скривились от дискомфорта. Я приблизила свое лицо к его, медленно, многозначительно, и когда наши губы оказались на расстоянии волоска, я тихо заговорила.

— Тебе нужно подстричься.

Быстро отпустив его, я встала и направилась к раздвижной двери, остановившись только тогда, когда он озадаченно произнес:

— Это все? Это все, что ты можешь мне сказать?

Я задумчиво поджала губы, слегка наклонив голову, а затем кивнула.

— Ага.

Мои глаза встретились с его, когда я заперла дверь и выключила свет на кухне, оставив его в темноте. И сказать, что я гордилась собой, было бы огромным преуменьшением.

ДА.

Я была сильнее, чем сама считала.

Твитч

Удивленный смех покинул меня, пока я сидел один на крыльце в темноте.

Я поправил штаны, и моя губа дернулась.

Она сводила меня с ума. Все, что я хотел сделать, это догнать ее, наклонить и оказаться дома, погружаясь в ее сладкую киску, пока не разряжусь внутри нее.

Но я подожду. И это ожидание сделает все еще более сладким.

Линг

В «Кресте» была хорошая ночь. Музыка гремела, пока я наблюдала за происходящим с закрытого балкона, и в ту секунду, когда я увидела его, мои брови нахмурились.

Какого хрена он здесь делает?

Я огляделась вокруг него, насторожившись. Он был один, или, по крайней мере, так казалось. Спускаясь вниз, я держала ухо остро, ожидая нападения, которое, как я предполагала, должно было произойти. Но когда я увидела его, сидящего в одиночестве за стойкой бара, любопытство подтолкнуло меня вперед.

Мои ребята были рядом, наблюдали, но держались на расстоянии, и когда один из них шагнул вперед, я бросила на него тяжелый взгляд. Тот немедленно отступил, и я подошла, встав позади *него*, и произнесла:

— Что ты здесь делаешь, Ас?

Он развернул свое длинное тело, пока вставал. Его глаза улыбались, и мне захотелось выколоть их.

— Я скучал по тебе.

Пошел он.

— Тебе нужно уйти, — твердо сказала я. — Тебе здесь не рады.

Аслан сделал шаг ближе, но замер, когда я вытащила пистолет и направила его на его член. Он поднял руки в знак капитуляции.

— Я просто пришел посмотреть, как идут дела. Знаю, что тебе доставили посылку. Пришел узнать, не хочешь ли ты зарыть топор войны. Я мог бы помочь тебе, Линг.

Он сделал еще один шаг, и у меня заболел живот. Он вторгался, и я не хотела причинять ему боль, но сделала бы это, если бы понадобилось.

— Отвали, Ас.

— Нет, — это было все, что он сказал, когда сделал еще один маленький шаг ко мне. Еще один шаг, и мы оказались бы вплотную друг к другу.

Он вторгся на чужую территорию, нарушил кодекс, и мои люди знали об этом. Я чувствовала на себе их взгляды, оценивающие мой следующий шаг. Позволю ли я Аслану Садыку войти в мой дом и проявить ко мне неуважение, как это делает он?

Нет, не позволю.

Не могу.

Мне не хотелось делать этого, но я бы сделала пример из моего прекрасного турка.

Прицелившись влево, я нажала на спусковой крючок, и выстрел прогремел поверх музыки. Все тело Аслана дернулось, и, приложив руку к боку, он издал потрясенный смешок.

— Ты выстрелила в меня. — Он поднял руку, чтобы посмотреть на красную влагу там, и, задыхаясь, сказал: — Ты, бл*дь, выстрелила в меня. — Его широко раскрытые глаза встретились с моими, и когда они это сделали, его губа дернулась. — Ты сумасшедшая сука.

О, пожалуйста.

Это была поверхностная рана. Если бы я хотела, чтобы он умер, он бы умер, и он это знал.

Один из моих людей вышел вперед, нацелив пистолет на Аслана, и я отступила назад, подальше от женатого мужчины, которого не могла заполучить.

— Проводите мистера Садыка к его людям. Если они доставят неприятности... — я повернулась и пошла прочь, — ... окрасьте город в красный цвет.

Сидя в одиночестве в городской квартире, обхватив голову руками, я, казалось, не могла контролировать свое быстро бьющееся сердце. Я не плакала уже много лет, с тех пор как умер Твитч, и если бы у меня все еще была такая возможность, я была уверена, что сделала бы это. Но я уже давно иссякла.

Когда входная дверь открылась, я вздохнула с облегчением. Что-то подсказывало мне, что он придет, и в тот момент, когда он появился в поле зрения, качая мне головой, я грустно улыбнулась.

Ас потянулся, чтобы положить руки на бедра, но когда коснулся своей раны, он поморщился, а затем посмотрел на меня.

— Не могу поверить, что ты выстрелила в меня.

— Ты сам напросился, — ответила я, потому что он заслужил то, что получил, и ему повезло, что у меня не было намерения убить его.

— Ты сумасшедшая сука, — сказал он еще раз, пересекая комнату. В тот момент, когда он оказался достаточно близко, он обнял меня за талию и наклонил свое лицо к моему, оставляя мягкие поцелуи на моих губах, и мне нравилось, как он заставлял меня чувствовать себя пьяной. Его лосьон после бритья пах так хорошо, что мне захотелось лизнуть линию от его шеи до самого члена. Я положила руки ему на грудь, мне нравилось, как он заставляет меня чувствовать себя такой маленькой. Он издал низкий горловой звук, а затем заговорил между поцелуями:

— Моя сумасшедшая сука.

Я закрыла глаза, прижимаясь к нему.

— Я не хотела этого делать.

— Знаю, — сказал он. — Я мог видеть, что ты этого не хотела. Прошу прощения за то, что надавил. Я просто, — он вздохнул, — действительно чертовски скучал по тебе, детка. — Его глаза впились в меня. — Скажи мне, что любишь меня.

Нет.

Я покачала головой, мои глаза были печальны. Он не мог просить меня об этом. Я не могла дать ему этого. Он не был моим. И никогда не будет. Мы были глупы, пытаюсь сделать то, что никогда не могло сработать, но я никогда никого не хотела так, как хотела этого мужчину. Я любила его больше, чем это было разумно.

Поэтому я надавила. Проведя ногтями по его груди, я посмотрела ему в глаза и пробормотала:

— Пойдем со мной в постель.

Я не ожидала такого ответа, который получила.

— Хорошо, — ответил он, и когда улыбнулся своей улыбкой на миллиард долларов, я не могла не ответить ему тем же. Боже, он был всем. Он не мог оторваться от меня достаточно надолго, чтобы пройти короткое расстояние, а я рассмеялась, когда мы, спотыкаясь, вошли в спальню, улыбаясь поцелуям этого красивого мужчины. Ловкие пальцы расстегнули мое платье, и когда оно соскользнуло на пол, я переступила через него, совершив короткую прогулку к кровати и забравшись на нее с улыбкой. Как только я приняла позу на четвереньках, задрав задницу вверх, опустив голову на одеяло и покорно заложив руки за спину, я выдохнула:

— Трахни меня, детка.

Прошло много времени, и когда я поняла, что он не двигается, я села, оглядываясь на него через плечо. Я видела, как он уставился в потолок с выражением чистого разочарования на лице.

У меня упало сердце.

— Что случилось?

Он отвел взгляд.

— Это было не то, что я имел в виду. — Его губы сжались. — Я не хочу этого.

Гордость терзала меня изнутри.

— Ты не хочешь меня?

— Хочу, — заверил он меня. — Больше всего на свете. Но не так, Линг. — Его глаза выдавали его несчастье. — Не так.

Что? Как мы тогда должны были трахаться?

Я села на край кровати в нижнем белье и озадаченно посмотрела на него.

— Мы можем сделать это так, как ты хочешь, Ас. Как ты хочешь меня видеть? В наручниках? Связанную? С завязанными глазами? У меня где-то здесь есть школьная форма. Я могу называть тебя папочкой. Что приносит тебе удовольствие? — когда он крепко зажмурился и выругался, я начала злиться. — Мне нужно, чтобы ты поговорил со мной, детка. Что здесь происходит? Потому что я чертовски запуталась. — Мои брови нахмурились. — Я думала, ты этого хочешь.

— Иди сюда, — было все, что он сказал, ущипнув себя за переносицу, и когда я осторожно приблизилась, он посмотрел на меня сверху вниз и произнес: — Ты хоть представляешь, как сильно я тебя хочу? — я посмотрела на его натянутые джинсы, но он тихо рассмеялся. — Нет. Я не об этом. — Он приложил мою руку к своей груди, прямо над сердцем. — Вот. Вот где я хочу тебя. — Он поднес мои пальцы к своим губам. — Ты мне тоже нужна здесь. — Когда притянул мою руку к своему виску, турок пристально посмотрел мне в глаза и объяснил: — Я хочу поделиться с тобой всем. Моим телом, моим сердцем, моим разумом — я хочу отдать все это тебе. Только тебе. Но... — его брови опустились, когда его осенила мысль, — ... не думаю, что ты знаешь, как делиться таким образом, не так ли, детка?

То, о чем он просил меня, я не могла дать. Не потому, что я этого не хотела, а потому, что у меня этого никогда не было с самого начала. Я была лишена чувствительности. Мои чувства онемели. Они были вытраханы из меня в очень юном возрасте. Но если бы у меня были эти вещи, если бы я могла отдать их кому-нибудь, я бы отдала их Аслану Садыку.

— Я не могу, — сказала я ему с несчастным видом, так сильно желая быть тем, в ком он нуждался.

И впервые в своей взрослой жизни я почувствовала себя ужасно неполноценной и совершенно ущербной.

Какое странное, гнетущее чувство.

Он взял мою руку и прижался губами к костяшкам пальцев, наблюдая за мной из-под опущенных век. Когда он заговорил, то сделал это мягко.

— Ты достаточно доверяешь мне, чтобы попытаться?

Доверяла ли?

Говорить было трудно. Аслан заставил меня хотеть того, чего я никогда раньше не хотела.

Какая пугающая мысль.

— Конечно. — Но я бросила на него жесткий взгляд. — Но если не кончу, я буду в бешенстве.

Его тихий смех под моими пальцами был мягким и сладким, и красивым, о существовании которого я и не подозревала.

— Обещаю, что оставлю тебя полностью удовлетворенной.

Внезапная боль пронзила мою грудь, потому что он бросит меня, чтобы вернуться домой к своей жене. Той самой жене, которая его обожала.

Аслан заставил меня почувствовать себя человеком в мире, где все считали меня чудовищем. Часть меня любила его за это. Другая часть ненавидела за то, что он показал мне, каково это, когда я могла быть счастливо наивной до конца своих дней.

Теперь я знала. Знала, чего мне не хватало, и было невозможно не скорбеть о годах, которые я потеряла из-за своих обстоятельств.

Когда Ас нагнулся, его полные губы коснулись моей щеки.

— Обними меня. Обними меня, Линг. Как будто ты никогда не хочешь меня отпустить.

Я не хотела. Поэтому сделала, как он просил, и обвила его руками, заботясь о его ране. На самом деле это было забавно; месяц назад мысль о том, чтобы ранить мужчин, приводила меня в восторг. Но когда дело дошло до этого мужчины, мысль о том, чтобы причинить ему боль, заставила мой желудок перевернуться.

Что со мной происходит?

Мое сердцебиение замедлилось, когда я посмотрела в его полуночные глаза. Он был похож на ангела в лунном свете, и когда он поцеловал меня, я увидела звезды. Он нежно занимался любовью с моим ртом, языком встречаясь с моим, лаская его своим, и он был восхитительным на вкус, как бурбон и мята. Мы стояли там, казалось, часами, и впервые в моей жизни мои распухшие губы не имели никакого отношения к тому, что меня ударили или укусили.

Его нежные поцелуи в сочетании с легкими прикосновениями заставили меня затрепетать от предвкушения. Опять же, это было не то, к чему я привыкла. Мой вид секса был грубым, рвущим одежду, и Ас еще не прикасался ко мне везде, где я нуждалась в прикосновении. Мои соски напряглись под кружевным лифчиком, как будто они тянулись к его прикосновению. Моя киска болела так, как никогда не болела. Одно мое нетерпение заставляло мой чувствительный клитор жаждать прикосновения его кончиков пальцев.

И все из-за того, что меня поцеловали.

Ас повел меня назад, все еще обнимая руками, пока мои ноги не коснулись изножья кровати, и я предположила, что это все. Это было место, где он поворачивал меня, наклонял и жестко трахал. Но этого не произошло. Нет. Вместо этого он слегка шлепнул меня по заднице.

— Забирайся на кровать, детка.

Что, прямо так, как я была? Никакого сосания члена? Без снятия моей одежды? Без снятия его одежды? Никаких требований? Какого хрена?

Я забралась в центр кровати и зачарованно наблюдала, как он скользнул на одеяло рядом со мной, притягивая меня к своему телу. Когда я почувствовала его твердость у своего бедра, я потянулась, чтобы потереть его, но рука Аслана перехватила мою.

— Позволь мне сделать так, чтобы тебе было хорошо. Тогда ты сможешь прикоснуться ко мне.

Когда его губы коснулись моих, я вздохнула ему в рот. Ничто и никогда не было так приятно, как губы этого мужчины. Он провел рукой вниз по моему боку, его большой палец слегка ласкал кожу над линией трусиков, а затем его губы проложили цепочку поцелуев от моего подбородка к шее и еще ниже. Ас слегка толкнул меня на спину, и когда его рот оставил дорожку поцелуев вниз по центру моего тела к ложбинке груди, я выгнула спину, желая большего, чем он давал. И судя по тому, как он усмехнулся, он это знал.

Ас прижался губами к области чуть ниже моего пупка, и мой желудок сжался, зная, что сейчас произойдет. Он раздвинул мои ноги и поцеловал меня поверх трусиков. И мою киску затопило.

Срань господня. Как это заводит. Мужчина, который не торопится. Кто знал?

Это было нереальное ощущение. Это было почти чересчур, но и недостаточно. Я приподняла бедра навстречу его рту, желая большего, и была вознаграждена, когда он сильнее надавил на мою прикрытую трусиками сердцевину, нежно покусывая и облизывая меня через тонкий материал. Низкий стон вырвался у меня. Я была в восторге от того, что он делал со мной, и когда он убрал свой рот с того места, где я нуждалась в этом, я подняла голову, чтобы посмотреть на него, полностью разочарованная.

Ас улыбнулся мне, вставая, прежде чем медленно раздеться. Когда он оставил свои боксеры, я чуть не надулась. Я хотела этот член.

Он забрался сверху, возвышаясь надо мной, пока его положение не стало правильным, и когда он опустился, опираясь большей частью своего веса на руки, и твердый контур его члена остановился на моих уже промокших трусиках, я вздохнула, откидывая голову назад. Когда он начал двигаться, прижимаясь ко мне, я начала слегка задыхаться.

Это было потрясающе, а мы даже не соприкасались кожа к коже. Я была совершенно ошеломлена.

Дотянувшись до моей груди, он дернул одну чашечку вниз, обнажив напряженный, нуждающийся сосок. Он взглянул на меня на мгновение, прежде чем опустить голову и захватить твердую вершину губами, нежно посасывая, и я чуть не слетела с кровати. Я чувствовала каждое движение его рта, как будто он сосал мой клитор. Его рука переместилась с моего бедра, скользнув вниз, чтобы нежно потереть меня поверх трусиков, и, нахмутив брови, я издала низкий стон.

Да. Прямой контакт.

Он едва прикоснулся ко мне, кончиками пальцев проводя мягкие круги по моему покрытому кружевом клитору, и как раз в тот момент, когда моя киска сильно сжалась, Ас спросил:

— Ты чиста, детка?

Что?

Мои глаза распахнулись.

Я моргнула, глядя на него, и слова были произнесены тихо.

— Не знаю. — Потому что я понятия не имела. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я проходила тестирование.

Но в тоне Аслана не было осуждения.

— Хорошо. — Он достал презерватив из-за пояса своих боксеров и разорвал его, прежде чем снять их и надеть его. Он быстро справился с моими трусиками, а затем лег между моих раздвинутых ног.

Я не могла удержаться от недоверчивого вопроса:

— Миссионерская?

— Да. — Он ухмыльнулся мне сверху вниз. — Я хочу целовать тебя, детка. Это нормально?

Это было нормально?

— Да.

Думаю, это нормально.

Он на мгновение отстранился, взял свой член в руку и направил его ко мне. В тот момент, когда я почувствовала, как его кончик ласкает мое отверстие, мои губы приоткрылись. Не думала, что в моей жизни было время, когда я была более любопытно возбуждена, чем сейчас. Конечно, секс, который у меня был раньше, заводил меня в основном из-за шоковой ценности. Но это было по-настоящему. Это был не просто секс. Аслан Садык осыпал меня любовью, и я это чувствовала.

Ас толкался медленно, и мое сердце колотилось в груди от того, как он нежно входил в меня, пока я не была полностью наполнена. А потом он начал двигаться, и я поняла, что уже никогда не буду прежней. Не сводя с меня глаз, он отстранился, а затем снова вошел, задавая ритм. Вскоре я вся вспыхнула, и когда он поцеловал меня, я застонала ему в губы, жадно отвечая на поцелуй.

Я чувствовала, что это приближается, но на этот раз все было по-другому. Обычно, когда я кончала, это происходило жестко, быстро и выбивало из меня все чувства. Это в свою очередь было медленным сгоранием. Подъемом.

Мое влагалище сжалось вокруг него, и его брови нахмурились, рот приоткрылся.

— О, да, детка. Моя прекрасная девочка. Ты собираешься кончить для меня, Линг?

Его тихо произнесенные слова что-то сделали со мной. Я почувствовала, как мурашки пробежали по моему позвоночнику, и когда моя сердцевина болезненно запульсировала, мой живот сжался, рот округлился, а глаза распахнулись, совершенно расфокусировавшись.

Не прошло и мгновения, как все мое тело запульсировало, и я распалась на части, доя его член, когда нашла свое освобождение.

— Черт, Линг, — простонал Ас, целуя мои расслабленные губы. — О, черт, — выдохнул он, закрывая глаза. — Детка, да.

Пока я все еще сходила с ума, Ас входил в меня, его бедра беспорядочно двигались, пока он не погрузился так глубоко, как только мог, и удержался там, внутри меня, найдя свое освобождение. Он долго и низко стонал, прежде чем упал на меня, держась за мою грудь и пытаясь выровнять дыхание. Я чувствовала его учащенное сердцебиение через яремную вену на шее, и по какой-то причине это заставило меня улыбнуться.

Но эта улыбка была недолгой.

Внезапно мысль о том, чтобы потерять это, потерять этого мужчину, была сокрушительной. Меня захлестнула внезапная тревога, которую я почувствовала.

Унизительно, но мое тело затряслось, когда я начала рыдать. И когда Аслан поднял голову, чтобы посмотреть на меня, я закрыла глаза руками.

— Детка. — В его голосе звучала милая забота. — Что случилось?

Мне нужно было сказать ему.

Убрав руки от лица, я провела им по щекам, вытирая слезы. Мои губы задрожали, когда я мрачно произнесла:

— Я влюблена в тебя, но не хочу.

Удивительно, но Аслан не обиделся на мое признание. Вместо этого он выглядел вне

себя от радости.

— Как раз, бл*дь вовремя ты уступила.

— Не смейся надо мной. Это серьезно. — Оскалилась я.

Ас нежно посмотрел на меня сверху вниз.

— Это серьезно. — Он нежно чмокнул меня в губы. — Я тоже люблю тебя, Линг.

Слова были тихими, и даже когда я произносила их, я знала, что это бесполезная мольба.

— Тогда будь со мной.

Выбери меня.

Будь со мной.

Приди ко мне домой.

Но он покачал головой.

— Детка, ты знала, как все будет, я никогда не оставлю свою жену. Она хорошая женщина. — Когда я закатила глаза, он мягко сделал мне выговор. — Не делай этого. Ты ее не знаешь. Дерьмо, от которого она меня прикрывала, дерьмо, через которое она прошла со мной, я многим ей обязан. — Он взгляделся в мое лицо. — У нее мое имя, но это ты, Линг. Все остальное достается тебе. Я обещаю, детка. — Он внимательно посмотрел на меня и спросил: — Ты можешь с этим справиться?

Прошло некоторое время, прежде чем я ответила.

— Да, — солгала я.

Потому что, если Аслан занимался любовью со своей женой так, как он занимался любовью со мной, неудивительно, почему она его обожала.

И я ненавидела ее.

Лекси

Была суббота, и хотя Молли обычно брала Эйджея с собой по утрам, давая мне время на пробежку по выходным, я сказала ей, что она может взять выходной. Мне нужно было купить моему маленькому монстру новую одежду. Мой сын, казалось, за ночь вырос, и все его штаны стали похожи на бриджи.

Он сидел за столом во время завтрака, ел хлопья, и когда я сказала ему, что мы идем за покупками, он сразу же спросил:

— А папа тоже может пойти?

Я колебалась всего мгновение, следя за тем, чтобы моя улыбка оставалась широкой, а затем ответила:

— Не думаю, дорогой. Он, наверное, сегодня занят.

По правде говоря, понятия не имею, что Твитч делал сегодня. Я просто хотела провести день со своим сыном, без помех и в одиночестве.

После того как я собрала Эйджея, убедившись, что взяла его маленький рюкзак, наполненный закусками и бутылкой воды, мы вышли на улицу.

— Привет, папочка! — Эйджей с энтузиазмом помахал рукой, окликая Твитча, который как раз возвращался в свой дом.

Я вздохнула и прошептала себе под нос:

— Ты всегда рядом, когда я не хочу, чтобы ты был, хитрый ублюдок. — Как будто он знал каждый раз, когда открывалась наша входная дверь. Я бы не стала исключать то, что он установил датчики на этой чертовой двери.

Я нахмурила брови.

Обязательно проверю дверь на наличие датчиков, когда мы вернемся домой.

Твитч, одетый в синие джинсы, обтягивающие его длинные ноги, черную футболку, из-за которой его руки выглядели так, что их хотелось покусать, и потертые кроссовки «Адидас», выглянул из-под черной кепки, которую носил.

— Привет, приятель. Как дела?

Когда Эйджей побежал по подъездной дорожке, мое сердце перестало биться. Оно сделало это потому, что не было похоже, что малыш собирается останавливаться, когда доберется до дороги. Я закричала ему:

— Эйджей, остановись!

В то же самое время на лице Твитча отразилась паника, и он бросился бежать.

— Стой!

Эйджей остановился прямо на линии улицы, и когда Твитч поравнялся с ним, он приложил руку к груди и глубоко выдохнул.

— Господи, дружище. — Он тяжело дышал. — Ты довел меня до гребаного сердечного приступа. — Затем его лицо потемнело, но он заговорил так мягко, как только мог. — Мы уже говорили об этом. Ты не можешь просто перебежать улицу. Машины постоянно ездят туда-обратно и иногда они не останавливаются.

Лицо Эйджея вытянулось.

— Мне очень жаль.

Мое сердце бешено колотилось, и в ту секунду, когда я снова смогла дышать, я

произнесла с фальшивым спокойствием:

— Попрощайся с папой, а потом иди посиди в машине, милый.

ЭйДжей, зная, что не стоит испытывать судьбу, обнял отца, еще раз извинился, открыл дверцу машины, а затем закрыл ее за собой. Как только я поняла, что он не может слышать, о чем мы говорим, я наклонилась к Твитчу и прошептала:

— У меня никогда не было проблем с подобными вещами, пока ты не появился. За то время, что ты вернулся, мой сын стал таким чертовски безрассудным, и мне плохо от этого. — Когда его челюсть напряглась, я вздохнула и задала деликатный вопрос, который собиралась задать. — Ты не думал о том, чтобы переехать куда-нибудь еще? — Твитч нахмурил брови, и я объяснила: — Думаю, было бы лучше, если бы вы не были так близко. Таким образом, он будет знать, что не сможет видеть тебя всякий раз, когда возникнет импульс.

Но его лицо стало стоическим.

— Я никуда не собираюсь уходить. Мне здесь нравится. Я хочу быть рядом с ним. — Он сделал обоснованное замечание, и я возненавидела его за это. — Спроси себя, что произойдет, если я перееду, а он решит пойти за мной? Он уйдет еще дальше отсюда, перейдет еще более широкие дороги, и меня не будет рядом, чтобы вмешаться, когда это будет необходимо. — Услышав мое молчание, он посмотрел на мой наряд. — Разве ты не должна бегать трусцой?

Мои глаза расширились.

— Ты все еще следишь за мной?

Его слова были тихими, раздраженными.

— Я бы последовал за тобой куда угодно.

Тогда мое сердце замерло по другой причине.

— Неважно, — пробормотала я, качая головой. — Мне нужно идти.

Но Твитч последовал за мной.

— Куда вы едете?

— В торговый центр, — произнесла я, садясь в машину и закрывая за собой дверь, но опуская стекло.

Именно тогда мое дорогое дитя крикнуло:

— Мама сказала, что ты слишком занят, чтобы пойти с нами.

Ах! Черт возьми. Твою же мамочку.

Твитч просто понимающе посмотрел на меня.

— О, она так сказала? — я опустила взгляд, потому что знала, что за этим последует. — Что ж, как оказалось, сегодня я свободен как птица.

Ага. К этому все и идет.

— Да! — закричал ЭйДжей, и я совершенно невозмутимо произнесла:

— О, ура, так захватывающе.

Твитч обошел машину и открыл пассажирскую дверь, садясь рядом со мной и пристегивая ремень, прежде чем повернуться обратно к своему сыну.

— У нас будет отличный день. — Затем он посмотрел на меня, словно провоцируя что-то сказать. — Семейный день. — Когда я посмотрела на него, уголки его губ приподнялись, и он снял кепку, проведя рукой по волосам, которые теперь были достаточно длинными, чтобы завиваться за ушами. Это выглядело не так уж плохо. Напротив, не думала, что Твитч мог бы выглядеть плохо, даже если бы попытался. Просто это было совсем не то, что я

помнила. — Что? — спросил он на мое очевидное разочарование. — Очевидно, некоторые люди думают, что мне нужно подстричься, так что мне все равно нужно в торговый центр.

Я поехала, не сказав ни слова, потому что все слова, которые я хотела сказать, были слишком грубыми, чтобы произносить их в присутствии моего пятилетнего ребенка. Вместо этого я промолчала, и когда добрались до торгового центра, мы все вышли из машины. Твитч взял Эйджея за руку, как будто это была самая естественная вещь в мире, и пошел рядом со мной. В тот момент, когда мы переступили порог, Твитч обнял меня одной рукой.

Когда я нахмурилась, пытаясь стряхнуть его с себя, он притянул меня ближе к себе, крепко обнял и заговорил прямо мне в ухо, его дыхание согревало мою кожу.

— Борись со мной. Я бросаю тебе вызов, детка.

Это прозвучало как угроза.

Восхитительная угроза.

Я старалась не обращать внимания на то, каково это — чувствовать его руку вокруг себя. Это было так давно, я думала, что вообразила, что это заставило меня чувствовать. К сожалению, это было не так.

От него хорошо пахнет.

Тьфу.

Почему от него должно было так хорошо пахнуть?

Засраец.

Глубоко вдохнув, я задержала его запах в своих легких так долго, как только могла, прежде чем заговорить на выдохе.

— Хорошо, первая остановка — парикмахерская. — Я оглядела Твитча и обратилась к Эйджею: — Ты тоже хочешь подстричься, дорогой?

Эйджей перевел взгляд с меня на своего отца, и Твитч посмотрел на него сверху вниз, улыбаясь.

— Тебе решать, малыш.

— Да, пожалуйста. — Я никогда не забуду, каким сладким был его голосок.

Мы зашли в первую попавшуюся парикмахерскую, и пока я помогала усадить Эйджея, я услышала, как один из парикмахеров спросил Твитча, чего он хочет. Я чуть не рассмеялась, когда он ответил:

— Я, бл*дь, понятия не имею, чувак. Что-нибудь аккуратное, я думаю. Что сейчас в тренде?

Прежде чем я подумала о том, что делаю, я сказала парикмахеру:

— Сделайте ему модельную стрижку, бока покороче, а верх оставьте немного длиннее. — Я задумчиво склонила голову набок. — Не брейте его начисто. Просто подравняйте и приведите в порядок. Ему также понадобятся кое-какие средства для волос, чтобы забрать их домой.

Когда парикмахер в подтверждение посмотрел на Твитча, в уголках его глаз появились морщинки, и он поднял руки.

— Она босс. Счастливая жена — счастливая жизнь.

Мой желудок сжался, а на сердце потеплело.

Прекрати это, сердце.

Мне не нравилось, каково это — когда Твитч называет меня своей женой.

Мое тело было чертовым предателем.

Другой парикмахер подошел представиться Эйджею и пожал ему руку.

— Итак, ты хочешь то, что будет у твоего отца?

Конечно, они знали, что Твитч был его отцом. Наш сын был точной копией человека, сидевшего рядом с ним. Твитч выглядел довольным, что его называли отцом Эйджея. Он открыто показывал свою гордость.

Эйджей радостно кивнул, и мое сердце бешено заколотилось.

Все, что угодно, лишь бы быть похожим на своего отца.

Парикмахер нежно взял Эйджея за подбородок.

— О, да посмотри на весь этот пушок. — Он посмотрел на моего сына. — Когда ты в последний раз брился, парень?

Эйджей захихикал.

— Никогда.

— Никогда, — торжественно повторил парикмахер. — Ну, в этом твоя проблема. Вот почему ты в таком беспорядке. — Парикмахер пару раз крутанул кресло Эйджея, и я не могла удержаться от смеха вместе с ним, пока он изо всех сил держался за подлокотники.

— Эй, мама, — произнес парикмахер. — Как насчет того, чтобы хорошенько побрить его?

Я нахмурилась, но продолжала улыбаться.

— Что?

Парикмахер наклонился и тихо заговорил:

— Это просто небольшое развлечение. На самом деле мы не вставляем лезвие в бритву.

О, это было так мило. Эйджей был бы в восторге.

Я посмотрела вниз на своего сына, мои глаза были полны веселья.

— Да, почему бы и нет? Он начинает выглядеть неопрятно.

Глаза Эйджея расширились от восторга, и мне пришлось прикрыть рот, чтобы удержаться от громкого смеха. Когда я увидела, что Твитч пристально наблюдает за мной, мои брови поднялись в немом вопросе.

Его глаза продолжали блуждать по мне, и когда он, наконец, вернулся к моему лицу, он послал мне воздушный поцелуй, и я усмехнулась. Он так наседал на меня, что трудно было устоять.

Я бы никогда не призналась в этом, но мне нравилась эта его игривая сторона. Это была та сторона, которую я редко видела сто лет назад, но опять же, тогда мы оба были другими людьми. Господь свидетель, я уже не была тем человеком, каким была пять лет назад. Черт возьми, я уже не тот человек, каким была вчера.

После того, как оба моих мужчины выглядели свежими и...

Ого. Что?

Мое сердце подпрыгнуло.

Откуда это взялось?

У меня заныло в груди от того, как легко было называть Твитча моим.

Это причиняло боль на очень многих уровнях, потому что такой человек, как Твитч, был настолько диким, что его никогда не посадили бы в клетку. Ни я, ни кто-либо еще.

Когда мы выходили из парикмахерской, Твитч взял Эйджея за руку и потянулся ко мне, но я отстранилась, нуждаясь в пространстве. Я почувствовала на себе его взгляд, когда обхватила себя руками и самостоятельно отошла в сторону. Прочитав меня достаточно хорошо, он дал мне дистанцию, которой я жаждала.

Мы шли молча, пока тоненький голос не позвал меня:

— Мамочка. — ЭйДжей крепко сжал ноги и скорчил недовольную гримасу. — Мне нужно в туалет.

Когда я шагнула к нему, Твитч остановил меня:

— Я отведу его.

Прежде чем я успела сказать хоть слово, Твитч повел нашего сына в туалет торгового центра. Прошло совсем немного времени, прежде чем они оба вышли из туалета, и в то время как Твитч выглядел несколько покрасневшим, ЭйДжей посмотрел на своего отца с выражением чистого страдания.

— Все в порядке?

Что происходит?

Твитч нежно прикрыл рот ЭйДжея рукой и тихо заговорил:

— Все в порядке, малыш. Мы поговорим об этом позже, хорошо?

Ладно. Что, черт возьми, здесь происходит?

— Мамочка, можно мне покататься? — взмолился ЭйДжей, и я выудила монетку, наблюдая, как он мчится к детскому аттракциону. Как только он оказался вне пределов слышимости, я тихо спросила:

— Что случилось?

Твитч выглядел подавленным.

— Думаю, что у нас здесь может возникнуть ситуация. — Он выглядел таким расстроенным, что моя паника усилилась, и когда он начал объяснять, я внимательно слушала. — Пользуется он, значит, писсуаром, а мне тоже нужно было помочиться. — Он понизил голос. — Итак, я достаю его и начинаю... — он закрыл глаза и прошептал: — Он смотрит и видит это.

У моего сына был пенис. Он знал, что такое пенис. В чем здесь была проблема?

— Хо-ро-шо, — протянула я.

Но Твитч многозначительно смотрит на меня.

— Он видит это, Лекс. — Когда я не поняла, он медленно заговорил: — Пирсинг, детка.

Узнавание озарило мое лицо.

— Он все еще у тебя есть?

Он проигнорировал мой вопрос.

— Я имею в виду, он смотрит на это, потом смотрит на меня и спрашивает, что случилось.

— И что ты ему сказал?

— Первое, что пришло в голову. Я сказал ему, что это был несчастный случай.

Я сузила глаза, глядя на него.

— Ты сказал ему, что это был несчастный случай? — мой рот слегка приоткрылся. — Зачем ты так сказал?

— Я запаниковал, — прошипел он. — Дай мне гребаный перерыв. — Он нахмурился. — Что он вообще делает, разглядывая барахло других мужиков? Ты должна поговорить с ним о том, чтобы он держал свои глаза при себе.

Прошу прощения?

— Он и твой сын тоже, и он никогда раньше не был в мужском туалете. Обычно он приходит в дамскую комнату вместе со мной. Предполагаю, что ему было просто любопытно. Он не знает этикета в мужском туалете, а ты, раз хочешь быть папочкой, Твитч, поговори с ним об этом. — Я скрестила руки на груди и уставилась на него. — Вот что

значит быть родителем, Тони. Это ответы на вопросы. Неудобные вопросы. — От его явного замешательства пузырь веселья поднялся к моему горлу, и я рассмеялась. — Не могу поверить, что ты сказал ему, что это был несчастный случай. — Мой смех усилился. — О чем ты только думал? Он, вероятно, задается вопросом, как собирается провести свою жизнь, избегая такого несчастного случая. — Я едва могла удержаться на ногах, продолжая хихикать. — Боже мой. У него будет к тебе несколько вопросов, папочка. Надеюсь, ты готов ответить на них.

Он долго смотрел, как я смеюсь, прежде чем его губы дернулись. Это слово было произнесено тихо, и в нем не было ни намека на злобу.

— Сучка.

Веселье началось снова, и когда Эйджей вернулся с аттракциона, мне наконец удалось успокоиться настолько, чтобы отвести его в магазин одежды. После инцидента в мужском туалете все казалось более легким, и я даже послала Твитчу несколько слабых улыбок молчаливой поддержки. Ему это понадобится для предстоящего разговора.

После того как я выбрала новую одежду для Эйджея, мы прошлись по магазину, и я поискала новую блузку для себя. Тем не менее каждая, какую я брала в руки, получала невпечатляющий звук, издаваемый взрослым мужчиной, следовавшим за мной.

— Что? — спросила я, держа в руках простую белую блузку. — Она милая.

— Да, — произнес Твитч. — Милая. Если ты старая дева, живущая одна со своими сорока кошками.

— Мне нравятся кошки, — пробормотала я, возвращая практичную блузку на место.

— Что насчет этого... — он поднял обтягивающее белое мини-платье с глубоким вырезом, прежде чем посмотреть на меня. — Выглядит горячо. — Он протянул его мне. — Возьми его.

Я усмехнулась.

— Нет, я его не куплю. — Я уставилась на него. — Это неуместно. Я мама.

Твитч кивнул.

— Да, ты мама. Но ты не мертва, Ангел. — Он оглядел меня с ног до головы с жаром в глазах. — Ты горячая штучка. Пользуйся этим.

Эйджей побежал в мужскую зону, и я последовала за ним, избегая этого разговора на уровне эксперта. Когда Твитч взял пару парадных брюк, я не сводила глаз с Эйджея и сказала:

— Ты больше не носишь костюмы.

Это не вопрос, просто наблюдение.

Он усмехнулся, глядя на меня сверху вниз.

— Я всегда нравился тебе в костюме, не так ли, детка?

Боже, он приводил меня в бешенство. Я тоже могу быть сухой.

— Ты мне нравился живым.

Когда я уходила, его рука вытянулась вперед, крепко сжала мою руку, потянув меня назад, и когда я была рядом, он пробормотал, держа в руках черный костюм:

— Я имею в виду, я мог бы взять его, но куда, бл*дь, буду его надевать?

— Ты мог бы надеть его на свои похороны, — пробормотала я скучающим тоном.

И он моргнул, глядя на меня сверху вниз.

— А я думал, ты волонтер.

Это было не по теме. Мои брови поднялись в недоумении.

— Так и есть.

— Не-а. — Он медленно покачал головой. — Ты гребаный комик. — Когда удивленный смех покинул меня, он продолжил: — Это твоя подработка? — я засмеялась сильнее, и его губы дернулись. — Когда у тебя следующее шоу? Достань мне место в первом ряду. — Я не могла дышать от такого сильного смеха, и он слегка шлепнул меня по заднице. — Чертова всезнайка. Тебе лучше следить за своим ртом, а то мне придется его чем-нибудь наполнить.

У меня открылся рот, и я сама себе не могла поверить.

— Чем?

Он посмотрел на мою ухмылку и провел языком по нижней губе. Его голос был низким и хриплым.

— Чем-нибудь твердым.

Я посмотрела вниз, прямо на его промежность, чувствуя себя смелой.

— Я голодна.

Боже мой. Остановись.

Глаза Твитча вспыхнули, и когда он двинулся, чтобы схватить меня, я умело уклонилась от его цепких рук, пробираясь к нашему сыну.

— Хорошо, дорогой. Думаю, мы готовы идти.

ЭйДжей выглядел слегка опустошенным.

— Но ты всегда позволяешь мне ходить на игровую площадку.

— Мы уже пробыли здесь некоторое время. Папе, наверное, становится скучно.

— Папе, — раздалось у меня за спиной, — никогда не бывает скучно, когда он со своей семьей. — Когда я закатила глаза, он произнес: — Ты хочешь пойти на игровую площадку, приятель? Давай сделаем это.

Мы вышли из торгового центра на послеполуденное солнце. В ту секунду, когда я дала ЭйДжею отмашку, он выбежал на открытую игровую площадку, вбежал в толпу других детей и помчался вверх по лестнице на вершину горки, махая нам и сияя. Когда отец, которого я регулярно видела, помахал мне рукой, я улыбнулась и помахала в ответ. И именно в этот момент твердое тело прижалось к моей спине.

Я повернулась к нему лицом и тихо спросила:

— Что ты делаешь? — его лицо было совсем близко, и все, что я хотела сделать, это слегка провести ногтями по этой острой линии подбородка. Одна сильная рука обхватила меня за спину, в то время как другая приземлилась со шлепком на мою задницу, и я вскрикнула от удивления. — Твитч!

Он посмотрел на меня сверху вниз, бросая мне вызов сразиться с ним.

— Похоже, ты знаешь некоторых папаш в этих краях.

О Боже. Он ревнует?

Он был смешон, и когда большая рука на моей ягодице сжалась, я с трудом сглотнула.

— ЭйДжей иногда играет с его дочерью. — *О Боже, это так приятно, но...* — Отпусти меня.

Эти мягкие карие глаза прикрылись.

— Или я держусь за тебя, или, — он говорил опасно тихо, — я держусь за его шею. — Мои губы приоткрылись, и он сосредоточился на них. — Тебе решать, детка.

Я думала об этом. Часть меня знала, что он никогда не устроит сцену. Во всяком случае, не здесь, и никогда перед ЭйДжеем. Другая часть — не хотела рисковать тем, что мне больше никогда не разрешат вернуться в торговый центр.

Прошло много времени, прежде чем я позволила себе прижаться к нему, и когда я это сделала, то была вознаграждена еще одним крепким сжатием, прежде чем он скользнул рукой в карман моих джинсов, прижимая меня к себе.

И Твитч был прав. У нас был отличный день.

Как у семьи.

К тому времени, как мы покинули торговый центр, Твитч нес своего сына одной рукой и прижимал меня к себе другой. Мы были его аксессуарами, и он носил нас с удовольствием, выпячивая грудь с самодовольством, которого я никогда у него не видела. И это было приятно.

Все шло хорошо. Так было до тех пор, пока мы не пошли обратно к машине, и он заколебался, сосредоточившись на мужчине, идущем к нам. Я нахмурилась, когда мужчина замер на месте, глядя на Твитча так, будто он только что увидел привидение.

Мне знакомо это чувство.

Колебание Твитча длилось всего секунду, прежде чем мы снова пошли, и когда мы прошли мимо высокого мужчины с оливковой кожей, темными глазами и густыми бровями, Твитч дернул подбородком в его сторону, но не остановился.

— Как дела, Садык?

Мы оставили мужчину в шоке, с широко раскрытыми глазами и открытым ртом, и когда мы благополучно сели в машину, я повернулась к Твитчу и тихо произнесла:

— Кто это был?

Твитч ответил также тихо:

— Это был человек, который собирается сообщить каждому ублюдку в Сиднее, что король вернулся.

О, черт.

— Давай, Ангел. — Он почесал подбородок, глядя в окно. — Поехали домой.

Аслан

В тот момент, когда она ответила на звонок, я быстро заявил:

— Нам нужно поговорить.

— Что случилось? — спросила она.

— Детка, — начал я, все еще в шоке. — Почти уверен, что только что видел привидение.

Линг

— Это невозможно. — Я ходила взад и вперед, не в силах сделать полный вдох, но остановилась, чтобы посмотреть на Аслана. — Это был не он.

Ас сидел на диване, положив локти на колени и прикрыв рот пальцами. Заметив мою нерешительность, он выпрямился.

— Это он, Линг. — Когда я не была убеждена, он встал. — Я видел его своими глазами, детка. — Но меня это все равно не поколебало. Он положил руку на здоровое бедро и закрыл глаза, пощипывая переносицу. — Я знаю, что, бл*дь, видел. Это был он. Он даже остановился на секунду и спросил: «Как дела, Садык?»

Не знаю, кого видел Аслан, но это был не Твитч. Этого не могло быть. Он был мертв. Я была на этих гребаных похоронах. Я провела месяцы в трауре, пока Юлий не сжалился надо мной и не дал мне работу, дом и новую жизнь.

Нет.

Это был не Твитч.

Ас перепутал.

Да, так оно и было.

Он перепутал, или, по крайней мере, я так думала, пока он не продолжил.

— Клянусь Богом, Линг. Это был Твитч. — Его глаза умоляли, и он невесело рассмеялся. — Я не сумасшедший. Он был с женщиной примерно такого роста. — Он поднял руку на определенную высоту. — Симпатичная в каком-то смысле, а-ля девушка по соседству. У нее были длинные, волнистые каштановые волосы, большие голубые глаза, немного соблазнительное тело с красивой грудью.

Мое сердце подпрыгнуло.

Описание похоже на Алексу Баллентайн.

Но то, что он сказал дальше, подтвердило, что мой прекрасный турок не был таким сумасшедшим, как я надеялась.

— И он держал на руках маленького мальчика, — искренне заявил он. — Маленького мальчика, который был очень похож на него.

Нет.

Я покачала головой, и Аслан вздохнул, закатив глаза.

— Детка. Я знаю, что видел. — Он терпеливо умолял: — Линг, пожалуйста. Стал бы я тебе лгать?

Не думала, что он это сделает, но близкие мне люди предавали меня раньше, так что я бы не стала сбрасывать со счетов эту идею.

Был только один способ выяснить это.

Мой желудок сжался.

Я выслежу Лекси.

Лекси

Я нервничала.

Боже, как же я нервничала.

Оставшись одна в доме, я села на край кровати и посмотрела на выключатель. Прошло

мгновение, и я выдохнула, вставая, затем двигаясь к нему, но запнулась в темноте, отвернулась и прикрыла рот дрожащими руками.

Действительно ли это хорошая идея?

Я на секунду задумалась об этом.

«Нет», — сказала мое сердце. Мой мозг согласился, покачав головой.

Мне не следовало этого делать, но я очень, очень этого хотела. Это было слишком давно. Я так сильно нуждалась в этом, что пренебрегла всеми здравыми мыслями, которые у меня были, и зашагала через комнату.

И когда я сделала то, что сделала, я села на туалетный столик в своем шелковом кимоно и стала ждать.

Твитч

Проходя мимо окна, я моргнул, посмотрел на дом и нахмурился.

И нахмурился еще сильнее, когда поднял запястье, чтобы посмотреть на часы.

23:51.

Я оглянулся на дом, продолжая хмуриться, но затем легкая улыбка прорезала темноту.

Мой голос был низким.

— Будь я проклят.

Она оставила свет включенным.

Лекси

Окно с грохотом открылось, и когда он забрался внутрь, закрыв его за собой, он стоял во весь рост, внимательно наблюдая за мной своими постоянно прикрытыми глазами. Он хорошо выглядел в черных джинсах, темно-серой кофте и кроссовках.

Мне было стыдно за то, что я хотела этого, хотела его так сильно, что оставила себя открытой для новой боли. Но это был Твитч, и мне всегда казалось, что я совершаю безответственные, безумные поступки, когда дело касается этого человека.

Что однажды сказала Аманда?

Вот что правильный мужчина сделает с разумной женщиной.

Прямо сейчас я чувствовала это своими гребаными костями.

Поэтому, когда я встала на дрожащие ноги и сделала несколько шагов босиком, я протянула ему предмет, который держала в руках, и он озадаченно посмотрел вниз, взяв его без единого слова. Когда он развернул его, я увидела, как забрезжило узнавание, и он моргнул, глядя на меня, в замешательстве опустив брови.

— Ты сохранила его?

Да.

Я сохранила ремень. Тот же ремень, который он использовал на мне так давно. Теперь окровавленное напоминание о его смерти.

Я сохранила его.

На мгновение он выглядел ошеломленным, но хорошо это скрывал. Он сделал глубокий вдох, прежде чем медленно, неуверенно выдохнуть, а затем перевел взгляд на меня.

— Ты готова к этому?

Сняв с запястья резинку для волос, я собрала волосы в низкий хвост и закрепила. Затем кивнула и прошептала:

— Да.

Твитч угрожающе шагнул ко мне.

— Ты должна быть уверена.

— Да. — Настолько уверена, насколько это возможно.

Еще один угрожающий шаг.

— Я не остановлюсь, детка.

— Знаю. — Я рассчитывала на это.

Пока, наконец, он не встал передо мной, протягивая руку, чтобы нежно обхватить мою щеку, его тон был низким, грубым.

— Выключи свет. Как только ты это сделаешь, все начнется.

Мои соски напряглись.

Повернувшись, я добралась до выключателя и подняла руку, но заколебалась, задавая вопрос, на который боялась услышать ответ.

— Ты чист?

Он нахмурил брови.

— Конечно.

Я кивнула, прочищая горло.

— Я не принимаю противозачаточные средства. — Конечно же, не принимаю. В этом не было необходимости. Я не спала со всеми подряд. Большую часть ночей я вообще не спала.

И когда Твитч услышал мое тихое заявление, его глаза загорелись от удовольствия.

— Принято к сведению. — Он коротко вздохнул. — Ты помнишь, как это происходит?

— Да. — Мой голос был хриплым.

Как я могла забыть?

Говори только тогда, когда к тебе обращаются. Проси и будешь вознаграждена. Ослушаешься и заплатишь.

Его глаза встретились с моими, и, не сказав ни слова, я нажала на выключатель, погрузив комнату в темноту, оставив нас обоих купаться в нежном лунном свете, льющемся через окно. И хотя я больше не могла видеть его лица, я слышала напряженность в его голосе, и все мои фантазии за последние шесть лет воплотились в жизнь.

— Сделай меня твердым.

Тихо, на негнущихся ногах, я сделала шаг к нему.

Боже мой.

Потом еще один.

Святое дерьмо.

Чем ближе я подходила к нему, тем сильнее билось мое сердце. Мой желудок сжался, когда я добралась до него. Я встала на колени и сделала это медленно. Оказавшись на коленях, я протянула руку, расстегнула пуговицу на его джинсах и неторопливо потянула молнию. Раскрыв их, я посмотрела ему в глаза, когда провела легким движением пальцев по выступающей твердости, напрягающейся под его боксерами. Мои глаза, привыкшие к темноте, видели, как он наблюдал за мной с приоткрытыми губами, и в тот момент, когда я обхватила рукой его обтянутый материалом член, он закрыл глаза и запрокинул голову к потолку, резко выдохнув.

Его реакция заставила меня почувствовать себя смелой. Храброй.

Скользнув руками вниз по эластичному поясу, я обхватила пальцами его гладкий, твердый жар и вытащила его на свободу.

Как только мой взгляд упал на его толстый, длинный член, у меня потекли слюнки.

Мое дыхание стало прерывистым, когда я держалась за него дрожащей рукой и смотрела на пирсинг, за который я когда-то убила бы, чтобы иметь внутри себя. Очевидно, время меня не изменило. Я подняла его член и тихо вздохнула, осматривая серебряный шарик. Не в силах ничего с собой поделаться, я провела по нему большим пальцем и наблюдала, как его член дергается в моих руках.

Он все еще производил впечатление.

Черт бы его побрал.

Он все еще был самым большим членом, который я имела удовольствие трахать, и, Господи, как мне нужно было снова почувствовать сильный жар внутри меня.

Мои глаза затрепетали от этой мысли, и тихое:

— Проклятье, — вырвалось у меня.

Он тут же упрекнул меня.

— Я велел тебе говорить?

Его голос был резким. Моя киска задрожала. Но я не ответила, просто покачав головой. И когда он нежно положил руку на мою макушку, мягко поглаживая мои волосы, я подалась навстречу его прикосновению в несколько кошачьем жесте, жаждая больше его одобрения.

И он дал его мне.

— Хорошая девочка.

О, раньше я сделала бы все, что угодно, чтобы услышать, как он говорит мне это.

Я подумала об этом и покраснела.

Кажется, я все еще сделала бы все, чтобы услышать, как он произносит эти мягкие, полные любви слова.

Крепче обхватив его, я погладила его одной рукой, наблюдая сквозь опущенные ресницы, как он стал невероятно твердым в моей руке. Наклонившись, я посмотрела на него и запечатлела нежный поцелуй на его кончике, чувствуя соленую влагу на своих губах. Высунув язык, я облизала его дочиста, и внезапный вздох, который это вызвало у Твитча, был восхитителен. Настолько восхитительный, что мне пришлось сделать это снова.

Я ласкала его медленно, снова и снова, и когда он, тяжело дыша, сказал:

— Хватит, — мне следовало остановиться.

Но я этого не сделала.

Не могла.

Его теплый, чистый вкус вызывал привыкание. Всегда так было. Мне не хотелось отпускать его. Я слишком сильно скучала по нему.

Поэтому, когда он наклонился и крепко сжал мои щеки, заставляя мой рот открыться, у меня вырвался тихий всхлип. И он прищелкнул языком.

— Я говорю «хватит» — ты останавливаешься. — Он отпустил меня, и я уставилась на него, выпуская его член и потирая свои воспаленные щеки. И этот засранец запустил руку в мое кимоно, скользнул рукой в мой черный бюстгальтер на бретельках и нашел один тугий пик, слегка ущипнув его.

Моя голова откинулась назад, и из меня вырвался тихий стон. И когда он ущипнул меня во второй раз, я уже не могла мыслить здраво. Опустив руку под шелковый халат, я схватила свой влажный холмик через атлас и кружева и умоляюще посмотрела на него. Мой голос был мягким, как шепот.

— Пожалуйста. Пожалуйста. О, пожалуйста.

Мне нужно было кончить больше, чем мне нужен был мой следующий вдох.

Но Твитч схватил меня за предплечье и отдернул, заставляя остановиться. И как раз в тот момент, когда я думала, что взорвусь злобной тирадой, он схватил свой член и медленно погладил его, гипнотизируя меня. Именно тогда он приказал:

— Открой.

Я была сбита с толку всего на мгновение, прежде чем слегка приоткрыла рот. Но Твитч издал горловой звук.

— Еще. — Немного шире. Но Твитч просто держал свой член, держал его подальше от меня, медленно поглаживая, и я получила его безмолвное сообщение. Я открыла рот настолько, насколько это было возможно.

Он вводил в меня свою длину постепенно, медленно, и я чуть не подавилась, когда он осторожно вошел в мой рот, но после того, как он сделал это пару раз, я снова привыкла к его размеру. Мне казалось естественным держать член этого мужчины у себя во рту, хотя ничего подобного я не должна была чувствовать.

Я держала рот открытым для него, пока мои щеки не заплыли, и когда мокрые струйки слюны просочились из уголков моего рта, вниз по подбородку, а затем еще дальше, капая в ложбинку между грудями, его ноздри раздулись.

Резким рывком он дернул меня за халат.

— Сними это. Покажи то, чего мне не хватает.

Мой желудок сильно сжался.

Черт.

Мне нравилось, когда он говорил так неумолимо. Это так возбудило и взволновало меня, что я подумала, что кончу прямо там.

Ватными пальцами я сбросила кимоно, и оно упало в кучу позади меня, оставив меня одетой в атласно-кружевные трусики и подходящий к ним бюстгальтер на бретельках. Когда я двинулась, чтобы опустить бретельку лифчика, его рука поймала мою, и он тихо сказал:

— Оставь его.

Почему-то я знала, что ему понравится это белье. В ту же секунду, как я увидела его, подумала о Твитче. Лифчик был удивительно нежным, с прозрачными кружевными чашечками и толстыми черными бретельками, перекрещивающимися повсюду, заставляющими меня выглядеть связанной, как подарок, которым я и была. Это показалось мне мечтой доминирующего мужчины, и я была внутренне рада, что на него это подействовало.

Я имею в виду, что точно помню, как он однажды сказал мне, что ему нравятся его женщины в шелках и всякой хрени с оборками, потому что они — подарки, которые нужно разворачивать.

Что ж, счастливого Рождества, Твитч.

Как будто он услышал мои внутренние мысли, его глаза блуждали по моему телу, и он пробормотал:

— Красиво. — Затем его хмурый взгляд вернулся. — Встань.

Было трудно подняться, когда этот придурок не протянул мне руку, но мне удалось встать так грациозно, как только могла, и когда я повернулась к нему лицом, то поймала, что он смотрит на мои сиськи своими прикрытыми глазами. Он с трудом сглотнул, затем протянул руку за спину, чтобы схватиться кофту и стащить ее.

И это тело.

Какое откровение.

Мои внутренности были в полном беспорядке. Мне хотелось плакать от чистой красоты его формы. Он был восхитителен, и я надеялась, что он даст мне разрешение провести языком по всей мускулистой плоскости его живота. Может быть, еще ниже, к впадинке, которая располагалась прямо под этим животом. Еще дальше, чтобы пролизать свой путь по этой вдавленной V, той самой V, которая указывала, как стрела, на то место, которое я хотела сосать так сильно, что оно подарит мне соленую сладость своего семени.

Черт. Хочу, чтобы он кончил мне в рот.

Он легко справился со своими ботинками и носками, стянул джинсы с ног и снял их. Конечно, он не снял свои боксеры, но то, как его твердый член выпрыгивал из-за приспущенного пояса, было чертовски горячо. После стольких лет я не была разочарована. И когда он подвинулся, чтобы сесть на край кровати, он широко расставил ноги и похлопал себя по коленям.

— Сядь.

Это было что-то новенькое. Я была немного смущена, но пошла охотно, и в тот момент, когда я села ему на бедро, глядя вперед, я поняла, почему он это делает.

Мы были прямо перед зеркалом на туалетном столике.

Его рука обхватила меня за талию и притянула назад, вплотную к нему, и ощущение члена, упирающегося в мою задницу, было почти невыносимым. Зная, что это навлечет на меня неприятности, и нисколько не заботясь об этом, я посмотрела в отражение, прямо в его глаза, и подняла руку к своей груди, вздыхая, пока перекатывала соски между пальцами.

Удивительно, но он дал мне мгновение, прежде чем его другая рука обхватила меня, сжимая так крепко, что я едва могла двигаться. И когда он прикоснулся губами к моей щеке, а затем, слегка прикусив, спросил смертельно тихо:

— Кто несет ответственность за твой оргазм?

Я раздраженно выдохнула и заработала еще один укус.

Я опустила глаза, но он положил суровую руку мне на подбородок и повернул меня лицом к себе, и когда я подняла глаза на его напряженный, пылающий взгляд, он был так мрачно красив, что я могла умереть.

— Ты, — прошептала я почти с любовью. И он это услышал.

Нежный поцелуй в челюсть был моей наградой.

Когда он дернул подбородком в сторону зеркала, я повернулась, чтобы снова посмотреть на наше отражение, как раз в тот момент, когда Твитч провел рукой по моему боку к бедру, чтобы сжать мой горячий холмик.

Жгучее желание, которое он вызвал, воспламенило меня. Мое сердце тлело, и когда он отпустил меня, чтобы обернуть мои волосы вокруг своей руки, я знала, что сделаю все для этого человека добровольно, просто чтобы доставить ему удовольствие.

Его грубые пальцы начали тереться об меня, и хотя я чувствовала, что теряю себя, я знала, чего он хотел от меня, и выдержала его взгляд. Он начал тереть сильнее, сохраняя свой медленный темп, и я сделала прерывистый вдох. Когда он схватил меня за бедро и перекинул мою ногу через свою, делая меня открытой для него, мое сердце бешено заколотилось. Я была так близко. И когда он большим пальцем сдвинул мои трусики в сторону, я закрыла глаза, благодарная, что он наконец-то прикоснется ко мне кожа к коже. У меня защипало кожу головы, когда он нежно дернул меня за волосы, заставив вздрогнуть, и я открыла глаза, чтобы посмотреть, как он водит средним пальцем вверх и вниз по моей щели,

неторопливо, как будто у него было все время в мире.

Ну, а у меня нет. Я умирала здесь.

— Пожалуйста.

Еще один быстрый рывок, и я зашипела на выдохе. Пока я размышляла, в каком дерьме окажусь, если поддамся его прикосновениям, он тихо и нежно спросил:

— Это то, что тебе нужно, Ангел?

Прежде чем я смогла ответить, он ввел в меня средний палец. Мои губы приоткрылись, глаза расширились, и я тяжело вздохнула. Я нетерпеливо кивнула отражению, и он отпустил мои волосы, провел рукой по моей спине, прежде чем обхватить меня и ущипнуть за один нуждающийся сосок.

Стон вырвался у меня сквозь стиснутые зубы. И Твитч внимательно наблюдал, как мои бедра выгибались от его прикосновений. Его глаза потемнели, и он убрал от меня палец.

Черт возьми!

— Думаю, ты забыла свое место, Алекса.

Боже мой. Он назвал тебя Алексой. Это может означать только одно.

Молниеносным движением он перекинул меня через колени, и, прежде чем я успела пискнуть от возбуждения, его рука жестко и быстро опустилась на мою задницу.

Удар.

Мое лицо вспыхнуло от смеси удовольствия и боли. Я почувствовала, как мое сердце сжалось.

Я не смотрела в зеркало, но знала, что это произойдет.

Удар.

Это было так приятно. Это было похоже на освобождение, более сильное, чем оргазм, которого я жаждала.

Это была нирвана.

Удар.

Все мое тело затряслось, когда я начала плакать. Не от боли или унижения из-за того, что я так чертовски сильно этого хочу, а от облегчения.

Удар.

Последний удар, самый тяжелый удар, потряс меня до глубины души, и Твитч провел своей сильной рукой по моей пылающей заднице в теплой, обожающей манере, которая заставила меня дрожать от сдерживаемых эмоций. И когда он переместил меня, чтобы я встала перед ним, я шмыгнула носом, избегая его взгляда.

Слова, которые он произнес, были настолько неуместны, что я обожала его за это. Он провел обеими руками по моим красным, опухшим ягодицам и нежно поцеловал мой живот, прежде чем посмотреть на меня.

— Такая красивая, когда ты плачешь, грустная девочка.

Иисус Христос.

У него были рога демона, глаза ангела и уста бога.

Мне повезло.

Он с беспокойством наблюдал за мной, пока я вытирала щеки, и обхватил талию, его пальцы скользили по моей плоти.

— Мы все еще занимаемся этим?

Это было не в его характере.

Я быстро заморгала.

— Да.

Он некоторое время изучал мое лицо, прежде чем его глаза потемнели, и он продолжил.

— Ложись на кровать. На четвереньки, прямо у края.

Я рванула туда, где он нуждался во мне, и когда я повернулась назад, оглядываясь через плечо, то увидела, как Твитч, наконец, спустил свои боксеры, оставив его полностью обнаженным для меня, и я приподняла свою задницу выше в приглашении.

Он сделал два шага к кровати и посмотрел на мою приподнятую задницу, прежде чем схватиться за одну ягодицу достаточно сильно, чтобы она заболела, слегка встряхивая.

— Прикоснись к себе. Покажи мне, что ты этого хочешь.

Не колеблясь, я протянула руку между ног и провела рукой по своей прикрытой трусиками киске.

Но Твитч прищелкнул языком.

— Не так. Ты знаешь, чего я хочу.

Чувствуя себя смелой и чертовски возбужденной, я протянула руку между ног и показала ему средний палец, потирая вдоль своей щели.

Я услышала его веселье.

— Это было не очень приятно, — промурлыкал он, прежде чем мое тело дернулось, когда его рука коснулась моей задницы. Мой рот округлился, когда звук эхом разнесся по всей комнате. — Нахальные девчонки не кончают. — Еще один шлепок, на этот раз более легкий. — Только ангелы могут кончить.

Он двинулся вперед, зацепив пальцами пояс моих трусиков, затем стянул их до колен. Прохладный ветерок над моей разгоряченной плотью был приятным, и еще приятнее, когда Твитч наклонился и слегка подул на мой жар.

— Я собираюсь трахнуть тебя прямо сейчас. — Еще одно легкое дуновение на моей горячей коже. — Собираюсь показать тебе, как сильно я скучал по своей малышке.

Когда он уперся в мою задницу, наклонившись надо мной, я знала, что будет дальше, и приподнялась, подставляя свою шею в полном подчинении. Толстая кожа слегка стесняла движения, когда Твитч вставил металлический штырь в самое тугое отверстие, и, надежно закрепив ремень вокруг моего горла, Твитч обхватил рукой кожу по всей длине, заставляя меня чувствовать себя домашним животным. Его питомцем.

Моя киска пульсировала в предвкушении.

Я не ненавидела это — это точно. Все, о чем я могла думать, это о том, как сильно я этого хотела. Нуждалась в этом. Нуждалась в нем.

В Твитче.

Все сводилось к нему. Всегда так было. И я бы не стала думать о завтрашнем дне. Я могла жить только настоящим, потому что с Твитчем завтра может никогда не наступить. Я усвоила свой урок. С ним это было не «шаг за шагом», а «живи настоящим, потому что будущее не гарантировано».

Взяв себя в руки, он провел своим членом вверх и вниз по моей влажной щели и с шипением выдохнул.

— Кому принадлежит эта горячая маленькая киска? — он шлепнул мою киску своим членом, и раздался влажный шлепок. — Чья она?

Этого нельзя было отрицать.

— Твоя. — Выдохнула я: — Это твое.

Он продолжал водить своей гладкой головкой по моему влажному теплу. Его голос был

резким, мрачным.

— Никогда никого не хотела так, как ты хочешь меня. — Еще один удар его члена, и на этот раз он зацепил мой клитор своим пирсингом. — Разве это не так, Ангел?

Когда мой клитор запульсировал, я издала долгий стон, и когда он предупреждающе дернул за ремень, моя киска сжалась.

— Да, — выдохнула я. — Ты был прав.

Ты был прав, придурок, и иногда я ненавижу тебя за это.

Комната сотряслась от его самодовольного смешка, и он медленно вошел в мою нуждающуюся дырочку. Его головка скользнула в меня, и когда я почувствовала, как шарик его пирсинга скользнул по моей внутренней плоти, легкий вздох покинул меня, и мои глаза закрылись.

Вот тогда-то он и заговорил.

— Видишь? — многозначительно произнес он, все глубже входя в меня. — Созданы друг для друга.

Он не останавливался, пока я не была полностью насажена на его пульсирующий ствол. Или, может быть, это я пульсировала, я на самом деле не знаю. Что я точно знаю, так это то, что ему нужно было двигаться.

Например, сейчас.

Я была наполнена. Совсем забыла, какой он толстый. Моя киска, казалось, горела огнем, когда его стальной жар наполнил меня. Я была перегружена самым лучшим из возможных способов. Все мое тело покалывало от этого ощущения.

И Твитч проворчал:

— Как, черт возьми, ты все еще такая тугая? — он отстранился, затем снова вошел в меня почти сердито. — Бл*дь.

Мои глаза закатились.

— Ке... — я попыталась произнести это. Облизнув губы, я попробовала еще раз. — Кесарево сечение.

Ага. Этого было бы достаточно. Надеюсь, он понял, потому что я не могла сейчас думать, не говоря уже о том, чтобы говорить об этом.

Он начал медленно толкаться в меня, и, судя по тому, как он пробормотал:

— Да. Так красиво, — я знала, что он смотрит шоу. Когда я приподняла свою задницу еще немного, чтобы усилить удовольствие с обеих сторон, это небольшое движение вырвало у Твитча стон.

Это был экстаз.

Чистый сексуальный напалм.

Изменчивый. Взрывоопасный.

Я почувствовала в ту же секунду, когда он отпустил ремень. Как? Потому что длина ремня упала мне на бок, но когда он запутался рукой в моих волосах и слегка потянул, у меня сжалось сердце. Он сильно потянул, заставляя меня следовать за ним, а затем я встала на колени, моя спина выгнулась почти болезненно, пока Твитч, обхватывая свободной рукой мое горло, продолжал свое медленное наступление. Я тяжело дышала с каждым толчком, и когда Твитч приблизил свой рот к уголку моих губ, глубоко целуя меня в щеку, я почти кончила.

И он это почувствовал.

Отпустив мою шею, он слегка схватил меня за подбородок и прорычал:

— Не кончай.

А потом я сделала кое-что глупое. Суперглупость. Я высунула язык и облизала его пальцы.

Я почувствовала заминку в толчках, когда он сделал глубокий вдох.

Я сделала это снова, и он проворчал мне в ухо:

— Если ты не хочешь, чтобы я «внес депозит», то тебе нужно остановиться.

Но я не могла остановиться. Я нуждалась в нем.

Когда мой язык высунулся в третий раз, его лицо было близко к моему, он наблюдал за мной, и когда я меньше всего этого ожидала, он сильно схватил меня за подбородок и засунул мне два пальца.

Боже мой.

Аллилуйя!

Я втянула их в рот, отчаянно посасывая, и Твитч на мгновение перестал дышать, его бедра судорожно дернулись в меня.

Он отпустил мои волосы так внезапно, что я чуть не рванулась вперед, но, к счастью, он поддержал меня, и когда я восстановила равновесие, его рука скользнула вниз между моих ног. Неожиданно он ущипнул меня за клитор, и я закричала. Он замедлил свои толчки и сделал это снова, слегка похлопывая мою киску между щипками. Время замедлилось, и мое тело расслабилось, когда знакомые мурашки покрыли всю мою спину. Мои глаза закрылись, когда цветные огни заплясали за закрытыми веками, и я застонала, когда Твитч спросил:

— Ты собираешься кончить на мой член, Ангел?

Я попыталась кивнуть, но не смогла. Вся моя энергия уходила на мой оргазм.

В тот момент, когда моя скользкая киска сжалась вокруг его члена, он издал стон и прижался лицом к моей шее.

— Бл*дь. Кончай для меня, детка. — Мое дыхание сбилось, когда я почувствовала первый спазм, и тогда Твитч произнес сквозь стиснутые зубы: — Да. Вот так. Выдои меня, — я была потеряна.

Я развалилась на части, и пока мое тело неудержимо вздрагивало, я не хотела, чтобы меня снова когда-либо собрали обратно.

Не сейчас. Никогда.

Твитч отпустил меня, и я упала вперед на кровать, тяжело дыша и ослабев от своего освобождения. Он сжал мои бедра так крепко, что останутся синяки, и притянул меня обратно к своим яростным толчкам. Закусив губу, я вцепилась в одеяло и застонала, звуки соприкосновения наших тел отражались от стен.

А затем, с низким рычанием, Твитч резко прижал меня к своему телу, опускаясь и накрывая мою спину, прижимая меня к себе.

Я почувствовала это.

Его пульсирующий член. Влажное тепло внутри меня.

Я почувствовала его освобождение. И интенсивность этого была одновременно пугающей и в то же время божественной. Удивительной.

Его низкий стон заполнил комнату, он тяжело дышал мне в ухо, я чувствовала, что он все еще внутри меня. Утешало ощущение того, что я окружена им, наполнена им. Меня успокаивало одно его присутствие. Этот человек никогда по-настоящему не поймет, как много он для меня значил, и этот простой факт разбил мое сердце так же быстро, как я думала, что оно могло начать заживать.

Твитч удивил меня, как это часто с ним случалось. Когда он вышел из меня, я почувствовала, как наша совместная разрядка заскользила по моим ногам. Долю секунды спустя он упал на кровать на спину и потянул меня на себя, взяв свой уже размякший член и вставив его обратно в меня, и мне это безумно понравилось. Думаю, мы оба нуждались в близости.

Моя голова лежала у него на груди, а палец нежно пробегал по его плоскому соску, вопрос вибрировал во мне, когда он нежно провел руками по моей спине, чтобы остановиться на моей заднице.

— Ты в порядке?

— Да, — солгала я.

И он тихо засмеялся.

— Нет, это не так.

Да, это не так.

Я сморгнула слезы. Было так много вещей, которые я хотела сказать, спросить.

Я скучала по тебе.

Где ты был? Я нуждалась в тебе.

Как ты смеешь возвращаться спустя столько времени и заставляешь меня снова любить тебя, жестокий ублюдок?

Ты мне больше не нужен, придурок. Я провела без тебя пять лет. И могла бы провести целую вечность.

Но в основном:

Никогда больше не покидай меня. Ты нужен мне больше, чем дыхание.

Я была смущена, и когда положила подбородок ему на грудь, обнаружила, что он смотрит на меня. Одинокая слеза скатилась по моей щеке, и я мрачно произнесла:

— Тебе нужно уйти.

Но его глаза удерживали мои.

— Что я тебе говорил? — он провел рукой по моим растрепанным волосам нежным, любящим жестом, посмотрел мне глубоко в глаза, а затем поклялся: — Я никогда больше не покину тебя.

И из-за того, как он это сказал, искренне и так убежденно, я ему поверила.

Я поверила ему.

Лекси

Меня разбудил стук в дверь, и когда он повторился, я сонно заморгала от утреннего солнца. В этот момент его руки сжались вокруг меня.

— Скажи им, чтобы отвалили, Лекс.

О, черт.

Мои глаза резко открылись, и я моргнула, глядя на красивого мужчину в моей постели. Я быстро села.

— Вот дерьмо!

При этих словах он прищурился на меня, быстро моргая, прогоняя сонливость.

— Что?..

Я была в панике.

— Думала, что сказала тебе уйти!

При этих словах его глаза распахнулись, а брови нахмурились.

— А я сказал тебе, что никуда не собираюсь уходить.

Стук продолжался, и я выбралась из кровати.

— Тебе нужно идти. Например, сейчас. — Я подошла к окну и открыла его, надеясь, что он поймет намек. — Пожалуйста, Твитч. Просто уходи.

— В чем проблема? — он лежал в моей постели, заложив руку за голову, используя ее как подушку.

Тьфу.

Было тревожно, как великолепно он выглядел по утрам.

Снова стук, и я высунула голову в коридор и крикнула:

— Минутку! Иду! — прежде чем снова повернуться к нему и прошептать: — Я не хочу, чтобы Эйджей нашел тебя здесь, в моей постели.

На это сонный Твитч хмыкнул.

— Ну и что? Он знает, что я люблю тебя. Я говорил ему об этом сто раз.

Оу. Мое сердце.

И все же... Нет.

Я натянула пижамные штаны и накинула свитер, все время умоляя:

— Пожалуйста, Твитч. Мне это не нужно прямо сейчас. И мне определенно не нужно, чтобы он тешил себя надеждами. Он уже немного обнадежил себя. Я не хочу, чтобы это усилилось, когда он поймет, что папа не переезжает.

Брови Твитча опустились, и слова вышли неторопливыми.

— Папа не переезжает?

Сильный стук, а затем:

— Мамочка, мне нужно зайти!

— Иду, — крикнула я, прежде чем прошептать гигантскому ребенку в кровати: — Нет! Папа, конечно же, не переезжает к нам! — Я усмехнулась. — Мы потрахались, и это было здорово, Тони, но на этом все.

Ложь. Но ему не нужно было этого знать.

Он выглядел немного подавленным, когда выскользнул из постели, с поджатыми губами и нахмуренными бровями.

— Прекрасно. Я уйду. Но... — его обнаженное тело было так великолепно отвлекающим. — Это еще не конец, Ангел.

Я оставила его одеваться в спальне, закрыв дверь, а сама бросилась по коридору и распахнула дверь. Маленький монстр бросил свою сумку у двери и поспешил мимо меня.

— Мне нужно в туалет!

И когда Юлий и Ана с подозрением посмотрели на меня, я, запинаясь, произнесла свое неубедительное объяснение.

— Эй, я действительно сожалею об этом. В моей спальне был огромный таракан, и он... — Черт. — Я имею в виду, что это просто не позволило мне выйти из моей комнаты. — Я выдавила смешок. — Я была, как бы загнана в угол. — Хлопнув себя рукой по плечу, я улыбнулась слишком широко. — Извините.

Но Юлий прищурился, глядя на меня.

— Таракан, да? — он почесал нос. — Да, они определенно большие в наши дни. — Его взгляд скользнул в сторону дома как раз в тот момент, когда Твитч появился в поле зрения, и я, бл*дь, умерла тысячью смертей.

Мой бесчувственный ночной гость просто шел через двор, ухмыляясь, как дурак, которм он и был, натягивая кофту, а потом крикнул:

— Всем доброе утро.

Юлий тихо рассмеялся, качая головой, прежде чем повернуться ко мне, его глаза улыбались.

— Ага. Определенно есть проблема с тараканами.

Я была подавлена. Мои щеки вспыхнули флуоресцентно-розовым, и когда Ана наклонилась ближе, глядя на мое горло, ее глаза расширились. Ее слова были тихими, как шепот.

— Это что, засос?

У меня перехватило дыхание, когда я хлопнула себя рукой по шее и прохрипела:

— Нет!

Глаза Аны улыбнулись, и она медленно кивнула.

О Боже мой. Он поставил мне засос. Сколько ему лет, семнадцать?

Мое настроение омрачилось. Я должна была догадаться. Он всегда любил делать бесспорные заявления.

— Мудак, — пробормотала я, затем раздраженно вздохнула. — Ну, не стойте просто так. Заходите, заходите.

Как только я прошла по коридору, ЭйДжей бросился ко мне в объятия, и я засмеялась, поднимая его.

— Привет. Ты хорошо провел время?

Он кивнул, ухмыляясь.

— Это было так весело! Ана приготовила попкорн, и мы смотрели... — он поднял три крошечных пальца, — ... три фильма. Я сидел допоздна. И сегодня утром дядя Юлий приготовил мне завтрак, и я снова хочу остаться с ночевкой.

Я тихо усмехнулась.

— Конечно, приятель, но не в ближайшее время.

Его лицо вытянулось.

— Почему?

Я крепко сжала его в объятиях.

— Потому что я скучала по тебе. Мне нравится, когда ты дома, со мной. — Я отстранилась, проводя рукой по его аккуратно подстриженным волосам. — Я всегда скучаю по тебе, когда ты уходишь.

Он улыбнулся зубастой улыбкой за секунду до того, как его брови нахмурились, совсем как у его отца.

— Почему папа ходил вокруг дома этим утром?

У меня внутри все сжалось.

О, к черту мою жизнь.

— Он был... — *Ах, черт.* Я не могла думать. У меня вспотели ладони. — Он проверял, нет ли пауков.

— О, — сказал Эйджей, как будто полностью понял.

Если он действительно понял, я надеялась, что он объяснит мне это, потому что я понятия не имела, о чем говорю.

Юлий подавился смешком.

— Настоящая проблема с вредителями в этом доме.

Я нахмурилась, глядя на его ухмыляющееся лицо.

— Так и есть.

Эйджей совершенно не обращал внимания на все намеки, которые отпускал его дядя Юлий.

— Могу я сейчас посмотреть телевизор?

О Боже, да.

— Конечно, милый. Дерзай.

Когда мой ребенок скрылся из виду, я повернулась к своим так называемым друзьям и увидела, как они широко улыбаются в мою сторону. Ворча, я подошла к кофеварке и включила ее. Когда я это сделала, легкая улыбка тронула мои губы.

— Ох, заткнитесь.

Позже в тот же день, приняв душ и замазав маленький засос на шее, я отправилась в магазин, оставив Эйджея на попечение Молли. Когда я вернулась, неудивительно, что Твитч был на полу в моей гостиной, играя в «Угадай, кто» со своим сыном.

— Привет, — крикнула я, проходя по коридору с пакетом продуктов в каждой руке.

— Привет, мамочка, — сказал Эйджей, глядя на игру.

Твитч дернул подбородком в мою сторону.

— Нужна помощь?

Я вежливо улыбнулась.

— Я в порядке.

Пока распаковывала продукты, я услышала, как Твитч разговаривал со своим сыном.

— Приятель, мне нужно секунду поговорить с твоей мамой. Почему бы тебе не пойти и не найти Молли?

Как только он вошел на кухню, я закинула таблетки в рот и, запив их водой, проглотила. Он посмотрел на пакет. Прекрасно; я этого не скрывала. Не от него.

Он поднял коробку.

— Что это такое?

Я слегка пожала плечами.

— План Б. — Он нахмурился, поэтому я продолжила: — Экстренная контрацепция. — Он нахмурился еще сильнее, и я тихо произнесла: — Я не принимаю противозачаточные,

Тони, а ты... — *Как он это сформулировал?* —... внес депозит. Это гарантирует, что ребенок не будет зачат.

Его лицо стало бесстрастным, пока он обдумывал то, что я сказала.

— Итак, — начал он, — больше никаких детей?

Это был вопрос, заданный таким образом, который подразумевал, что он предполагал, что мы хотим еще детей.

Мое сердце остановилось, а затем снова забилося.

Я осторожно задала этот вопрос.

— Ты хочешь еще детей?

Твитч повернулся, чтобы заглянуть в гостиную, где Эйджей сейчас сражался с Молли в игре «Угадай, кто». То, что он сказал, заставило меня растаять.

— Посмотри на него. Посмотри, какой он совершенный. — Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. — Я мог бы завести еще десять таких. — Он повернулся ко мне. — Мы не становимся моложе, детка. Возможно, это наша единственная возможность.

Мне так понравилось, как это прозвучало, что я иррационально разозлилась. И поскольку я была зла, мне нужно было на ком-то выместить это.

— Ну да, Твитч. Я бы хотела иметь больше детей, но я не готова делать это в одиночку. — Мой рот опустился в хмурую гримасу. — Даже не знаю, как я прошла через это в первый раз. Все было как в тумане. Я была в трауре и принимала лекарства, и была не в том состоянии, чтобы родить этого прекрасного мальчика. — Мое сердце бешено заколотилось. — Я была в таком плохом состоянии, что у меня отняли мои собственные желания. Я не могла родить естественным путем, потому что была слишком слаба, умственно и физически. Не могла кормить грудью, потому что у меня не пришло молоко. Я хотела эти вещи... — Я нахмурилась на него, — ... а ты забрал их у меня.

Его челюсть напряглась. Но он ничего не сказал.

— Ну что? — спросила я. — Какой у нас план? Ты просто собираешься возвращаться каждые пять лет и делать мне ребенка? Это все? — мое сердце бешено колотилось. — Пропустить все самое сложное и вернуться, чтобы насладиться своими детьми, когда они веселые? — Я покачала головой. — Как я уже сказала, да, я хочу еще детей, и, может быть, когда-нибудь они у меня будут. — Мне не следовало говорить следующее: — Но не с тобой.

Молли, почувствовав напряжение на кухне, встала и сказала Эйджею:

— Малыш, иди посмотри на птичье гнездо, которое я нашла. — Маленький монстр последовал за ней на задний двор, оставив меня наедине с человеком, который разбил мне сердце.

Твитч выглядел усталым.

— Что, черт возьми, я должен сделать, чтобы убедить тебя, что я никуда не уйду? — он сделал шаг ближе, его глаза умоляли. — Скажи мне, что мне нужно сделать, и я это сделаю.

Я медленно покачала головой.

— Нет, ты не можешь этого сделать. — Мои глаза остановились на его. — Ты не можешь расстраиваться, когда человек, который отдал бы свою чертову жизнь за тебя, больше не доверяет тебе. Здесь виноват ты, не я.

Он повернулся ко мне спиной, и я знала, что он изо всех сил пытается контролировать себя.

Мой голос прозвучал устало.

— Я была бы твоей до самой смерти, Тони. Я бы сделала для тебя все, что угодно. А ты

бросил меня. — Моя душа все еще болела. — Ты оставил меня с разбитым сердцем, ребенком и гребаным надгробием. — Я издала невеселый смешок. — Да еще и заставил меня поверить, что ты мой герой, что ты спас меня. — Это было не то, что я просто могла пережить. — Это так запутанно.

Когда он снова повернулся ко мне, его лицо было осунувшимся.

— Если бы я мог вернуться...

Я закатила глаза.

— Ты бы никогда этого не сделал. Я знаю.

Но он покачал головой. Его тон был мрачным.

— То делал бы это снова и снова. — Я нахмурилась, когда он продолжил. — Чтобы обезопасить тебя, обезопасить моего сына, я бы пожертвовал всем. Даже моей собственной жизнью. — Мое лицо стало пассивным, когда он нанес свой прощальный удар. — Ты, черт возьми, не понимаешь, не так ли, Ангел? — он выглядел несчастным. — Несколько часов, которые я провожу с тобой, стоят тысячи, которые я провел без тебя.

Мое сердце сжалось от его нехарактерно открытого признания.

Он долго смотрел на меня, прежде чем опустил взгляд и отошел. Я смотрела, как он идет по коридору и выходит за дверь.

Может быть, я была слишком строга к нему.

К сожалению, у меня просто не было сил заботиться об этом.

Ностальгия заставила меня прокатиться. К сожалению, то, что должно было стать обнадеживающей и успокаивающей поездкой, оказалось травмирующей во многих отношениях, я едва могла функционировать.

Я вернулась домой, рыдая, и когда припарковала свою машину, то перешла дорогу и ударила кулаком по его двери.

В ту же секунду, как он ответил, он посмотрел на мое красное, покрытое пятнами лицо, и его глаза расширились в панике.

— Что случилось? — он схватил меня за руки и тихо заговорил: — Где Эйджей?

— Эйджей в порядке. — Я шмыгнула носом. — Он с Молли. — Потекли новые слезы, и я убрала руку, ударив кулаком ему в грудь, и выдавила: — Скажи им, чтобы вернули его обратно!

Он схватил мои руки в свои, крепко держа их, и нахмурил брови.

— Что? Кого обратно?

Но я была не в настроении.

— Ты знаешь, о чем я говорю. — Я подавилась рыданием. — Я хочу его вернуть. Сейчас же.

Он держал мои руки в своих, нежно потирая их.

— Мне нужно, чтобы ты поговорила со мной, Ангел. Объясни мне.

Мой жалкий всхлип был едва слышен.

— Надгробие. — Я моргнула сквозь слезы. — Скажи им, чтобы они положили его обратно. Это было не их право забирать его.

И как будто над его головой зажглась лампочка, его тело обмякло, и он тихо вздохнул.

— Они, наконец, убрали его.

Мой голос был грубым.

— Там ничего не осталось. Они его откопали. Оно исчезло.

Вся могила исчезла, как будто последних шести лет и не было. Как будто мой траур был

только у меня в голове, и он не был оправдан. В моих мыслях был полный беспорядок.

Как они смеют?

Этот надгробный камень что-то значил для меня, а они не могли его оставить.

— Детка. — Он нахмурился, продолжая ласкать мои руки. — Почему ты так расстроена из-за этого?

— Потому что, — начала я, вытирая щеки, — потому что, когда ты снова покинешь нас, это все, что останется у ЭйДжея. — Мое тело сотрясалось от силы моих душераздирающих криков. — Потому что это все, что у меня осталось от тебя. — Я тяжело дышала, вырывая свою руку из его и снова ударяя его в грудь. — Это мое. Я хочу его обратно!

Лицо Твитча вытянулось, и когда я выплеснула свой гнев на его твердую, неподатливую грудь, он обхватил меня руками, притягивая к своему сильному телу, пока я разваливалась на части. Я плакала сильно, без стыда, и когда я сделала прерывистый вдох, то сокрушенно выдохнула:

— Не оставляй нас. Только не снова.

Я имела в виду: «Не оставляй меня».

Он должен был понимать, что я не переживу этого. Во второй раз — нет.

То, что он сказал, меня не успокоило. Это не было обещанием. И вряд ли это можно было назвать клятвой.

— Клянусь тебе, что никогда не оставлю тебя. — Он прижался губами к моему виску. — Не по своей воле.

И я знала, почему он не мог дать мне больше, чем это.

Это было потому, что он был Антонио «Твитч» Фалько, человеком, который когда-то был королем в этом городе. И теперь, когда распространился слух о его возвращении, найдутся те, кто пойдет так далеко, чтобы убедиться, что он никогда больше не бросит вызов трону.

Это было потому, что пули говорили громче слов.

Лекси

ЭйДжей готовился к школе, когда Твитч вошел в дом так, словно это место принадлежало ему. Из своей комнаты ЭйДжей позвал:

— Папа?

Несмотря на очевидную усталость, он улыбнулся, подходя к кофейнику и наливая две кружки.

— Я здесь, приятель.

В последнее время это было частью нашей рутины. Твитч отвозил ЭйДжея в школу и забирал его, и он делал это почти каждый день, без Молли. Молли, конечно, было что сказать по этому поводу мужчине. Она обвинила его в том, что он соперничает за ее работу, и я не могла не рассмеяться над ее язвительным обвинением. Она действительно была очаровательна. Как будто я когда-нибудь отпущу ее. Она была больше, чем просто сотрудницей. Молли была членом семьи.

Было так трудно дать Твитчу хотя бы толику моего доверия, но я знала, что если мы хотим, чтобы это сработало, в конце концов, мне придется доверить своего сына Твитчу. И если честно, после того как я увидела, как он общался с нашим маленьким монстром, я не думала, что он когда-нибудь сделает что-нибудь, чтобы причинить ему боль. Когда дело касалось нашего сына, Твитч, казалось, всегда ставил его на первое место, что было большим облегчением.

Когда мужчина, о котором идет речь, проходил мимо меня на кухне, он прижался своим длинным, крепким телом к моей спине и наклонил голову, чтобы поцеловать меня в щеку.

— Доброе утро, Ангел. — Он поставил вторую кружку кофе на стойку передо мной, как подношение алтарю богини.

Мое сердце трепетало.

Придурок.

Я была не в настроении. Мои губы сжались, и я повернулась к нему, но когда увидела, как это движение расположило нас, сразу же пожалела об этом. Мы были близко. Немного слишком близко. Твитч держался за стойку, блокируя меня, и когда мои глаза в панике забегали по сторонам, в уголках его глаз появились морщинки, зная, что я в клетке.

Мой голос был тихим, но раздраженным, а глаза сузились, глядя на него.

— Почему ты так добр ко мне? Ты никогда не был так мил со мной. Я могла бы умолять тебя быть со мной поласковее, а ты все равно не стал бы. — Я выглянула сбоку из-за его большой фигуры, чтобы убедиться, что никто не приближается. — Так почему?

Неужели я напрашивалась на драку? Да.

Собирался ли Твитч дать это мне? Нет.

Обняв меня одной рукой за спину, он нежно потянул меня за косу, заставляя поднять голову, и когда он заговорил, моя сдержанность разлетелась вдребезги.

— Я провел шесть лет без тебя. Шесть лет я думал обо всем, что должен был сделать, когда у меня был шанс. Шесть лет чувства вины. Шесть лет сожалений. Я ушел одним путем, а вернулся другим. Я изменившийся человек.

Я нахмурилась и прошептала:

— Но тебе все еще нравится то, что мы делали накануне.

Очевидно, его вкусы в спальне не изменились.

Я многозначительно произнесла это, и его глаза засмеялись.

— Я сказал, что изменился, детка, а не то, что я гребаный святой.

Мои губы приоткрылись, и я посмотрела на его красивые полные губы, а он сделал крошечный шаг ближе, придвигая наши тела невозможно близко, и тихо сказал:

— Не думай, что я не заметил, что ты избегаешь моего рта.

Вот дерьмо. Думала, что веду себя осторожно.

Я запнулась со своим ответом.

— Прошлой ночью ты... — я с трудом сглотнула, — ... ты мог бы потребовать поцелуя, и я... — я бы так и сделала. Я бы отдала ему все, что угодно.

Но Твитч медленно и многозначительно покачал головой.

— Никогда не был склонен принуждать женщин. Это меня не заводит. А принуждать тебя? — его челюсть сжалась. — Я бы предпочел покончить с собой. — Он поднял обе руки, чтобы с обожанием обхватить мое лицо. — Я всегда хочу, чтобы ты желала этого. Хочу, чтобы ты хотела меня так сильно, что это было бы чертовски больно. — *Это уже происходит.* — Хочу, чтобы ты все время думала обо мне. — *Я редко думаю о чем-то, кроме тебя.* — Хочу играть главную роль в твоих мечтах. — *Каждую ночь, детка.* Он провел большим пальцем по моим мягким губам. — Я хочу, чтобы ты дала мне этот рот больше всего на свете, потому что — трахни меня — я не думал ни о чем другом, кроме этих улыбающихся ангельских губ на моих. — Он отпустил меня, отступив назад. — Но я хочу, чтобы ты тоже этого хотела.

Я хочу.

Я хочу! Вернись!

Молли вошла в кухню, остановившись, когда увидела, как близко мы стояли, глядя друг другу в глаза. Ее брови изогнулись, и она указала большим пальцем через плечо.

— Если вам нужна минутка, я могу вернуться позже.

— Нет, все хорошо, — произнес Твитч, прежде чем повернуться к маленькой женщине, глядя на нее сверху вниз понимающим взглядом. — Слышал, что какая-то маленькая дрянь беспокоила моего мальчика. — Его глаза сузились, глядя на нее. — Эйджей сказал мне, что однажды ты привела нескольких своих друзей, чтобы забрать его. Больших друзей. С татуировками на лицах. — Он выпрямился в полный рост, скрестив руки на груди, выглядя скорее мстительным богом, чем человеком. — Уверен, что ты не привела членов Н.Д.С. в школу моего сына, чтобы избить маленькую девочку.

Молли побледнела, что было странно, потому что она была довольно темнокожей.

— Я не просила их избивать ее. Черт, ей всего пять. Я просто хотела, чтобы они немного напугали ее. Они просто стояли там, клянусь. — Ее лицо стало торжественным достаточно быстро. — Кроме того... — ее губы скривились, — ... она это заслужила.

Но глаза Твитча продолжали наблюдать за ней долгое мгновение, прежде чем уголки его губ приподнялись.

— Хладнокровная сучка. — Он одарил ее кривой улыбкой, и я позавидовала этому. Он указал на нее, махнув пальцем в ее сторону. — Я знал, что ты мне понравишься, Молли.

Когда Молли расслабилась, я закатила глаза.

— Не поощряй ее. Это был безответственный шаг.

Но Твитч встал рядом с ней — полагаю, в знак поддержки.

— Нет. Это был смелый шаг, и если она так сильно заботится о нашем сыне, я не могу

винить ее. Я бы сделал то же самое.

И впервые с момента его приезда Молли с благоговением посмотрела на него.

Черт.

Он покори́л ее.

Отлично. Просто великолепно.

На моем выступе становилось немного одиноко, в то время как Твитч продолжал приглашать людей внутрь. У меня начало складываться ощущение, что почти все были не против его возвращения. Мне нужно было поговорить с единомышленниками, и, к счастью, я собиралась встретиться с ними за ужином.

— Привет. — Я улыбнулась, входя в индийский ресторан.

Никки грустно улыбнулась и крепко обняла меня.

— Привет, девочка. Как у тебя дела?

Дэйв встал и тоже обнял меня, нежно поцеловав в макушку.

— Мы беспокоились о тебе, но не хотели давить. — Он сочувственно посмотрел на меня сверху вниз. — Знаю, что это была борьба.

Борьба. Какое преуменьшение.

С тяжелым вздохом я села за стол и отмахнулась от друга.

— Даже не беспокойся об этом. Это было... — я поискала слово. — ... сумбурно. — Да. Это слово подходило. Но, прежде чем мы начали, я взяла со стола стакан воды и отхлебнула из него. — Как у вас дела, ребята? — они мгновение смотрели друг на друга, прежде чем опустить свои одинаково печальные взгляды. У меня внутри все сжалось. — Как Хэппи?

Никки заставила себя улыбнуться.

— Все в порядке. Он хорошо.

— Все не в порядке. — Дэйв даже не мог взглянуть на меня. — Он съехал.

— Что? — я наклонилась, потрясенная. У меня отвисла челюсть. — Что случилось?

Никки пожала плечами, но сохранила на лице свою слишком широкую улыбку.

— Я действительно не знаю.

Дэйв вздохнул, ущипнув себя за переносицу.

— Я попросил его съехать. — Когда он посмотрел на меня, его глаза были печальными. — Я плохо справляюсь.

Улыбка Никки погасла. Она выглядела опустошенной, когда положила руку на плечо Дейва в знак поддержки.

— Это было тяжело для всех нас.

Он пристально посмотрел на нее и, положив свою руку на ее руку, прошептал:

— Мне очень жаль.

Она покачала головой, и грустная улыбка украсила ее губы. Она заговорила так же тихо:

— Все в порядке.

Мое сердце разрывалось из-за них. Я знаю, что Хэппи поступил неправильно. Он лгал нам и делал это в течение пяти лет. Но они не знали, в какое опасное положение поставил его Твитч. Они не знали неписанных правил преступного мира. Они не понимали, насколько было важно для Хэппи продолжать эту игру. И они, скорее всего, никогда не поймут.

Они никогда не поймут, что три непохожих брата никогда по-настоящему не выйдут из подполья. Это было то, что ты либо принимал, либо не принимал. Я почувствовала необходимость рассказать об этом вслух.

Удрученно вздохнув, я произнесла:

— В том мире, в котором они живут, корни уходят глубоко. — Когда они оба посмотрели на меня, я взяла соломинку и размешала ледяную воду, продолжая говорить. — Это течет глубоко в их венах. Это скорее часть их самих, нежели обычная жизнь, — пояснила я. — Нормальная жизнь для Твитча, Юлия и Хэппи — это просто как настройка режима на стиральной машине. — Я невесело рассмеялась, и мои губы опустились в хмурую гримасу. — Это не для них. — Я посмотрела на своих лучших друзей, надеясь, что они поймут, что я здесь говорю. — Они пытаются почувствовать вкус такой жизни, но это сложно. У них всегда будут мишени на головах. Иногда они будут лгать ради того, что считают высшим благом. Так будет всегда, и если ты не можешь с этим справиться, тебе нужно порвать с этим.

Дэйв задумался над моими словами. Выражение его лица сменилось с слегка ошарашенного на испуганное, а затем, наконец, остановилось на раздраженном.

— Конечно, это совсем не страшно. — Он взял свое пиво и сделал глоток, прежде чем подать знак принести еще. — Спасибо, Лекси. — Он покачал головой, его губы сжались. — Большое спасибо.

Принесли бокал вина, который я заказала, когда Никки недоверчиво спросила:

— И ты смирилась с тем, что тебе лгут?

Я подняла свой бокал в приветствии.

— Не спрашивай, не говори. — Я пресекла это, показывая, насколько я не в порядке.

Дэйв усмехнулся, когда я деликатно вытерла каплю вина, которая стекала по моему подбородку.

— Ладно, хватит о нас. — Он взгляделся в мое лицо. — Как у тебя дела?

Мои брови нахмурились, и я медленно заговорила:

— Мой покойный бывший парень из мафии воскрес из мертвых, живет через дорогу и теперь находится в моем доме, в моем пространстве, по крайней мере, восемь часов каждый день. — Мои брови нахмурились еще сильнее. — Он постоянно делает сексуальные намеки и говорит мне, что очень любит меня. Он... — я судорожно вздохнула. — Он милый и забавный, и выглядит так чертовски хорошо, что половину времени я представляю себя с ним в постели. — Мой голос стал тихим, когда на моих губах появилась легкая улыбка. — И в этот самый момент он разбивает лагерь в моей гостиной, крепость из одеял, которую он сделал со своим сыном, сыном, который любит его больше всего на свете. — Я заставила себя улыбнуться, но мой голос дрогнул. — Ну, думаю, ты понимаешь.

Глаза Никки сузились, глядя на меня.

— Боже мой, — прошептала она.

Мои брови изогнулись от ее недоверчивого тона.

— Что?

Ее глаза оставались широко раскрытыми, когда она наклонилась.

— Ты трахалась с ним.

Дэйв ахнул, приложив руку к груди, на его лице был чистый шок, и, как невероятно умный человек, которым я была, я просто зашипела от изумления.

— Откуда ты всегда знаешь?

Никки откинулась назад, ухмыляясь, положив руку на спинку стула Дейва. Ее плечо дернулось в легком пожатии.

— Это дар. — Она улыбнулась шире, выглядя чрезвычайно довольной собой.

Почему мои друзья были придурками?

Дэйв моргнул, глядя на меня, его рука была твердо прижата к груди.

— Я в шоке. Положительно шокирован.

— Я не хотела, чтобы это произошло, — солгала я, затем вздохнула, расставляя все точки над «і». — Хотя, вообще-то, — начала я, мое лицо вытянулось, — это был своего рода мой выбор.

У Дейва вырвался еще один вздох, и я притворно воскликнула:

— Ты не представляешь, как трудно было избегать его, избегать того, что я чувствую к нему, и я пытаюсь, но, черт возьми. — Я мечтательно вздохнула. — Он не изменился, по крайней мере, там, где это имеет значение. Не в спальне. — Дэйв подавился смехом, и выражение моего лица стало унылым. — Знаю. Я идиотка. — Я протянула к ним свои руки. — Я готова. Нападайте.

Никки покачала головой.

— Я не собираюсь кричать на тебя.

— А я собираюсь, — вмешался Дэйв.

Никки рассуждала:

— У тебя огромная эмоциональная связь с этим человеком, и, да, то, что он сделал, было непростительно, но я знаю тебя, Лекс. Знаю, как сильно ты его любила.

— Ну, я не знаю, что ты хочешь, чтобы я сказал, — раздраженно произнес Дейв. — Это как будто ты приглашаешь его снова причинить тебе боль. Это нормально, что он ведет себя как хороший отец. На самом деле это действительно приятно слышать. Но он не был хорошим парнем. — Он усмехнулся. — Он даже не был хорошим человеком.

Я знаю это.

Я все это знаю. Но это было неприятно слышать.

Никки, вечный романтик, улыбнулась.

— Он говорит, что любит тебя, Лекс. Это потрясающе слышать от него. — Затем она спросила: — Ты собираешься попробовать еще раз?

Дэйв выглядел так, словно вот-вот сойдет с ума.

— Нет! — но когда он посмотрел на мое нерешительное лицо, его плечи поникли. — О Боже. Ты хочешь этого, не так ли?

Тьфу.

Все эти вопросы и очевидные наблюдения заставили меня встревожиться.

— Я не знаю, чего хочу, ясно? — я глубоко вздохнула, проводя рукой по волосам. — Я в замешательстве. Вы, ребята, не видели его с Эйджеем. — Я мягко улыбнулась. — Это самая очаровательная вещь. Он так хорош с ним, что я никогда не думала, что он может быть таким, но это так. — *Пожалуйста, поймите.* — Он знает, что совершал ошибки со мной. Он открыто признает это. Это похоже на то, — я попыталась объяснить это как можно лучше, — что он продвинутая версия самого себя. Он больше не Твитч. Он Твитч 2.0. Как будто его эмоциональный чип был обновлен или что-то в этом роде. — Я покачала головой, чувствуя себя глупо. — Я не знаю.

Молчание за столом длилось некоторое время, прежде чем Дейв заговорил, и сделал он это неохотно.

— Ну, может быть, если бы мы увидели... — начал он. — Может быть, если бы мы могли увидеть этого нового и улучшенного Твитча, о котором ты говоришь, может быть, тогда все это не казалось бы таким страшным, и мы бы меньше беспокоились обо всем этом.

Но Никки с улыбкой покачала головой.

— Я не беспокоюсь. Думаю, это мило.

Дэйв закатил глаза.

— Ладно, хорошо. Я беспокоюсь, Лекс, и разве ты можешь меня винить? — нет, не могла. — Он хотя бы объяснил, где был все это время?

Я кивнула, не вдаваясь в объяснения, потому что дела Твитча их не касались.

— Хорошо. — Дэйв перевел взгляд с меня на Никки. — Итак. — Он пожал плечами. — Барбекю в доме Баллентайн?

Подождите.

— Что? — Осторожно спросила я.

Дэйв посмотрел мне в глаза.

— Если ты хочешь, чтобы мы его приняли, мне нужно будет увидеть все это своими глазами.

Я думала об этом.

На самом деле это была не такая уж плохая идея. Возможно, пребывание вместе помогло бы нам исцелиться, всем нам. Чем больше я думала об этом, тем более совершенной казалась идея, и я улыбнулась.

— Хорошо. Барбекю у меня дома. Суббота, пять часов вечера, — я указала на Никки. — Принеси свои никнаки. — Затем указала на Дэйва. — Оставь свое отношение дома.

Никки захлопала в ладоши.

— Ура!

Дэйв же проворчал:

— Не могу этого обещать.

Теперь, когда все детали были улажены, я была взволнована. Прошла целая вечность с тех пор, как мы собирались вместе как семья. Не думаю, что до сих пор я понимала, как сильно мне это было нужно. Мне нужно было, чтобы мои друзья были рядом. Мне нужно было, чтобы все вернулось в нормальное русло.

Барбекю в доме Баллентайн.

Лекси

На следующий день я отправилась на пробежку, на которую мне действительно не хотелось идти, и добралась домой, чтобы принять душ незадолго до 10 утра. Как только открыла дверь в ванную, я услышала, как мой маленький монстр сказал что-то, что полностью разрушило меня.

— Папа, можно я останусь с тобой?

Каждая молекула моего существа хотела выбежать оттуда, стреляя из пистолета, и прервать этот разговор еще до того, как он начался. Но какая-то маленькая часть меня хотела услышать, что «папа» скажет по этому поводу. Поэтому я сделала то, что сделала бы любая другая женщина.

Я подслушивала.

— Э-э. — Твитч колебался. — Не знаю насчет этого, дружище.

ЭйДжея это не остановило.

— Почему?

— Потому что, — сказал Твитч как ни в чем не бывало, — твое место рядом с твоей мамой.

Мой гнев слегка поутих.

Мой сын попробовал еще раз.

— Но я бы не был далеко.

— Вот именно. Так что на самом деле нет никакой необходимости оставаться со мной, не так ли? Кроме того, я вижу тебя каждый божий день, приятель, и это не изменится.

ЭйДжей издал удрученный звук:

— Хорошо.

— Послушай, — сказал Твитч нашему опечаленному сыну. — Я хочу, чтобы ты был со мной все время. Я бы хотел, чтобы ты остался со мной, и, может быть, однажды мы сможем это сделать. Но не сейчас. Хорошо, приятель? Потому что прямо сейчас маме нужно, чтобы ты был с ней. — Когда он мягко добавил: — Ты делаешь ее счастливой, — небольшая часть нашего разрушенного доверия восстановилась.

Здесь у него была хорошая возможность. Золотой билет. Но по какой-то неизвестной причине он им не воспользовался. И я была благодарна.

Я подождала несколько минут, прежде чем выйти из ванной, и, не останавливаясь, направилась в свою комнату, чтобы сесть у туалетного столика и расчесать мокрые волосы. Не прошло и минуты, как мужчина, о котором шла речь, стоял в моем открытом дверном проеме. Я пристально посмотрела на него, и он вошел внутрь, тихо заговорив:

— Эй, я не знаю, что только что произошло, но...

Прервав его, я снова посмотрела в зеркало и причесалась.

— Я слышала. — Это было удивительно, его потребность рассказать о том, что только что произошло. Я старалась не принимать близко к сердцу потребность моего сына быть со своим отцом, но это действительно причиняло боль.

— Я сказал ему «нет», — добавил он, хмуро глядя на мое безэмоциональное лицо.

— Знаю. — Я взглянула на его отражение. — Я же сказала тебе, что слышала.

Он сунул руки в карманы и долго смотрел на меня.

— Думал, ты расстроишься.

— Так и есть, — призналась я. — Но это не твоя вина. — Я попыталась объяснить, не будучи злой. — Ты вроде как новая игрушка. Ты блестящий и веселый. И хотя ты его отец, я все еще сторонник дисциплины в этом доме, так что... — я пожала плечами, пытаюсь скрыть боль, которую причинила мне невинная просьба моего сына. — Думаю, для него естественно хотеть тебя.

Как хочу и я.

Твитч сделал два шага вперед, протянул руку и коснулся пряди моих мокрых волос. Его слова были взвешенными и уверенными.

— Однажды это не будет проблемой, потому что я буду жить прямо здесь, под этой крышей, и у него будут и мама, и папа достаточно близко, чтобы ему надоела моя угрюмая задница, и он захочет вернуть свою маму.

Я посмотрела на его отражение, изогнув брови, борясь с улыбкой.

— Самоуверенно, тебе не кажется?

Его глаза пристально смотрели в мои.

— Нет. Просто уверен в себе.

— Хорошо, — тихо пробормотала я, прежде чем продолжить расчесываться.

— Итак. — Твитч сел на край кровати, его глаза наблюдали. — Эта история с барбекю... чувствую, это может быть допросом.

Никто никогда не обвинял Антонио Фалько в том, что он глупый человек.

Я невинно моргнула.

— Что ты имеешь в виду?

Его губы дрогнули от моего южного вежливого тона.

— Ты точно знаешь, что я имею в виду, Лекс. И это круто, я думаю, но все же скажу тебе. — Он встал. — Если Дейв снова набросится на меня, я не буду сдерживаться.

— Знаю, — призналась я с кривой улыбкой. — Я уже предупредила его.

— Да, ты это сделала. — Выражение его лица стало самодовольным. — Моя женщина прикроет мою спину. Потому что она крепкая. — Он поднял руку, сжимая ее в кулак. — Гребаный бриллиант.

Я закатила глаза, но его слова заставили меня покраснеть так чертовски ярко, что это выглядело так, будто я злобно терла лицо наждачной бумагой.

— Уходи.

К счастью, он это сделал, но поскольку мне повезло в этом смысле, вечер субботы докажет, что мне не повезло в других. А именно в ситуации с Дейвом.

Было около пяти, когда друзья начали собираться в моем доме, и пока Молли приветствовала их у двери, я обитала на кухне, готовя салаты, которые должны были сопровождать смехотворное количество мяса, купленного, чтобы накормить мужчин, присутствующих сегодня вечером, потому что, как и мой сын, все они были плотоядными.

Когда Ана и Юлий вошли в дом, я уже закончила и обняла их обоих.

— Привет, скучала по вам, ребята.

Из комнаты Эйджея по коридору появился Твитч, и, увидев своего старого друга, он подкрался к Адонису с кожей цвета мокко и застал его врасплох, обе руки сжались вокруг него, как обручи. Он крепко держал Юлия, и когда Юлий проговорил сквозь стиснутые зубы:

— Отпусти меня, ублюдок, — Твитч приподнял его на дюйм над землей и дважды

встряхнул, заставив Юлия выдавить: — Клянусь Богом, брат.

Именно тогда Твитч отпустил его, ехидно ухмыляясь.

— Приятно знать, что ты все еще помнишь меня, брат.

Юлий резко повернулся к нему.

— Хочешь повторить драку со мной снова? — с выражением ярости на лице он огляделся в поисках Эйджея, затем наклонился и тихо заговорил. — Я не тот, кто ушел, ублюдок. Ты ушел. — Ярость, которую он излучал, была осязаемой. — Не проходило ни одного гребаного дня, чтобы я не думал о тебе, о том, как я тебя подвел, а ты был там, жил своей жизнью, говоря, пошли мы все нах*р? — он покачал головой. — Не-а, чувак. Не приставай ко мне с этим дерьмом.

Когда Твитч шагнул вперед, чтобы встать рядом со своим братом, и протянул руку к Ане, он сказал:

— Посмотри на нее. — Юлий так и сделал, и Твитч продолжил: — Эта женщина изменила твою жизнь, не так ли, брат? Изменила так, как ты, бл*дь, понятия не имел, что она может. Она стала для тебя всем, и ты говоришь мне, что не сделал бы того же дерьма, что и я, чтобы уберечь моего Ангела? — Твитч опустил руку и посмотрел Юлию в глаза. — Я знаю, что ты бы так и сделал. Черт возьми, я знаю, что ты бы это сделал. Пошел и убил бы тридцать человек, не моргнув и гребаным глазом, из-за этого маленького воробушка. — Он посмотрел на Ану. — Все для нее. — Он снова посмотрел на своего брата. — Так что говори мне, что ты злишься на меня. Говори мне, что я облажался. Но даже не думай говорить мне, что ты не понимаешь того, что я сделал, чтобы держать свою семью вне досягаемости, потому что я знаю, что ты чувствуешь это дерьмо в самой своей душе, брат.

Тишина была достаточно плотной, чтобы ее можно было разрезать.

Юлий долго смотрел себе под ноги, прежде чем Твитч подтолкнул его локтем.

— Да ладно тебе. Тебе нужно выпить пива.

Мы с Аной смотрели, как Твитч уходит, оставив заднюю дверь открытой. Это заняло несколько мгновений, но Юлий последовал за ним, и после того, как они ушли, мои глаза расширились при виде маленькой женщины рядом со мной. Я заговорила тихо:

— Боже, думала, они снова будут драться.

Ана скорчила гримасу, быстро кивнув в знак согласия.

Прошла секунда, и я улыбнулась, а затем прошептала:

— Но это хорошо, что они разговаривают.

Ана кивнула, мягко улыбаясь.

Следующими прибыли Никки и Дэйв, и как только мы все поприветствовали друг друга, появился Хэппи.

Никки бросилась к лысому персидскому богу, обхватила его руками, и когда он отшатнулся, она рассмеялась.

— Эй, детка. — Хэппи улыбнулся ей, прежде чем запечатлеть целомудренный поцелуй на ее губах, и Никки улыбнулась в ответ такая же влюбленная, какой она была шесть лет назад, когда они встретились. Слова, которые он произносил, были липко-сладкими. — Я скучал по тебе. — Но когда Хэппи отпустил Никки и обнял Ану и меня, он прошел мимо Дэйва, сказав тихое «привет», и ничего больше, прежде чем направиться на задний двор.

Дэйв выглядел совершенно опустошенным.

И тогда мне захотелось встряхнуть его. Я хотела сказать ему, что настоящая любовь — это не всегда солнечный свет и розы. Что иногда любовь воняет до небес. Но когда ты

находишь любовь, даже такую запутанную, как у них, ты держишься за нее обеими руками, потому что взлеты перевешивают падения сто к одному.

Увы, я этого не сделала.

Вместо этого я положила руку ему на плечо и сжала, одарив сочувственной улыбкой.

Мужчины окружили гриль, и даже мой маленький монстр был вызван в бой тестостерона и мужественности, его отец вручил ему пару длинных щипцов и поручил готовить сосиски. И это было восхитительно. Но, как это обычно бывает с маленькими мальчиками, ему довольно быстро стало скучно, и он пошел играть с Молли в мяч на траве.

Когда я подошла, чтобы узнать, через какое время будет готово мясо, быстрее, чем бросок кобры, Твитч обхватил меня за талию и притянул к своему телу. Он слишком долго держал меня крепко, и когда я попыталась вырваться из его объятий, он уткнулся лицом мне в шею и укусил. Это заставило меня разразиться приступами хихиканья. Он знал, что я боюсь щекотки, придурок. И все мои гости внимательно наблюдали за нашим общением, как будто мы были парой очаровательных созданий из документального фильма сэра Дэвида Аттенборо.

Вскоре еда была подана, мы поели, и после того, как расчистили двор, солнце начало садиться. Когда я пересела на место рядом с Твитчем, он протянул руку и нежно похлопал меня по заднице, и я почувствовала эту легкую ласку всем телом. Завязалась непринужденная беседа, и когда я оглядела сидящих за столом улыбающихся друзей, я почувствовала себя более непринужденно, чем когда-либо прежде в своей жизни, пока они смеялись над какой-то глупо тривиальной историей, которую рассказала Никки.

Было темно, когда Эйджей выбежал из дома и забрался, чтобы сесть на Твитча. Я была не единственным человеком, наблюдавшим за милым общением между отцом и сыном. Пока наш сын лежал спиной к телу своего отца, Твитч крепко прижимал его к себе, время от времени останавливаясь, чтобы нежно поцеловать пахнущие яблоками волосы маленького монстра. И когда Никки поймала мой взгляд, она приложила руку к сердцу и сделала умиляющееся лицо.

Расскажи мне об этом, сестра.

Я чувствовала это каждый раз, когда видела их вместе. За последние полтора месяца мои яичники несколько раз взрывались. Это было проблемой.

Когда Эйджей обмяк и начал пускать слюни, я улыбнулась прекрасному виду моего спящего мальчика, сигнализируя Твитчу и двигаясь, чтобы забрать у него нашего сына, но он просто отмахнулся от меня.

— Я возьму его.

Не говоря ни слова, как будто это была самая легкая вещь в мире, Твитч поднял Эйджея повыше на руки и понес его спящее тело внутрь, укладывая в постель на ночь. И тогда Дейв наклонился и заговорил, хотя и тихо:

— Не уверен на сто процентов, но ладно. Я вижу это.

Вот и все. Это было все, что он сказал, и мне стало интересно, что именно он увидел.

Когда Твитч вернулся, его встретила тишина. Он обвел внимательным взглядом сидящих за столом и протянул руки.

— Хорошо. Кто первый? — он сел с легким вздохом, потянувшись ко мне, и, как слабачка, которой и была, моя рука нашла его без вопросов. Наши пальцы переплелись, и ничто другое не имело для меня значения, только то, что мы были здесь, вместе, наслаждаясь вечером с друзьями. Наслаждаясь жизнью с нашим сыном.

Конечно, я бы так легко не сдалась, и думаю, Твитч знал это. В этот момент моя нерешительность стала второй натурой. Как там говорилось?

Один раз укушенный, вдвойне пуглив.

Но дело в том, что мне понравилось, как Твитч вонзил в меня свои зубы.

ДА. Я была идиоткой.

Дэйв выпрямился в кресле и наклонился вперед.

— Хорошо, я начну. — Он пожал плечами. — Где ты был все это время?

Твитч поднял мою руку и прикусил костяшки пальцев. Он говорил у моей кожи, и прилив тепла заставил мои руки покрыться гусиной кожей.

— Следующий вопрос.

Дэйв откинулся назад и усмехнулся.

— Серьезно?

Твитч опустил мою руку, пригвоздив его своим пристальным взглядом.

— Серьезно. — Я сжала его руку, и он пристально посмотрел на меня, прежде чем неохотно добавил: — Я был кое-где, и Лекси знает, где и почему. Я никому из вас, ублюдков, ничего не должен, так что будьте осторожны.

Никки слегка кивнула, полностью уважая это, в то время как Юлий внимательно слушал и притворялся скучающим.

Почему мужчины так горды? Почему они думали, что проявление эмоций делает их слабыми? Не понимаю.

Но Дэйву не понравился его тон, и он отомстил самым худшим образом.

— Итак, ты говоришь нам, что такой мужчина, как ты, проводил шесть лет без женщины? — он расхохотался. — Брось, чувак. Придумай что-то еще.

О, нет. Он пошел туда.

В груди начало ныть.

Это был вопрос, который я хотела задать, но у меня не хватало смелости затронуть его.

Поэтому, когда Твитч ответил:

— Я никогда этого не говорил, — я отстранилась, вынимая свою руку из его. И он нахмурился, сказав: — Детка, — прежде чем повернуться к Дэйву с суровым взглядом, взять со стола скомканную салфетку и бросить в него. — Дэвид Аллен, я тебя трахну.

— Что? — засмеялся Дейв, легко уклоняясь от снаряда. — Мне любопытно.

И челюсть Твитча дернулась.

— У тебя много чего есть, дружище, но любопытство не входит в их число. — Он указал на него, прежде чем сделать большой глоток пива. — Я знаю, что ты делаешь, и мне это не нравится.

Дэйв поднял руки в знак капитуляции, но сделал это с ухмылкой.

— Сколько их было? — спросила я тихо.

Твитч наклонился.

— Нам нужно сделать это сейчас?

Я отстранилась от него, медленно говоря:

— Сколько?

Его челюсть напряглась, когда он посмотрел мне в глаза и проговорил сквозь стиснутые зубы:

— Одна. — Потом он задумался об этом. — Половина одной.

Что?

— Повтори еще раз? — мои брови изогнулись. — Половина одной? Как это вообще работает?

Твитч выглядел взбешенным.

— Послушай, это было очень давно, хорошо?

Мои руки были сложены на груди.

— Нет. Давай слушаем об этом.

Откинувшись на спинку стула, он громко застонал, прежде чем сел, и произнес:

— Это был второй день рождения Эйджея. Я вышел куда-нибудь выпить. Все заняло гораздо больше времени, чем я надеялся, и на гребаную секунду я сдался и решил, что не вернусь, ясно? — он всмотрелся в меня, его глаза были темными и грозными. — Прошло три года, а я сделал только примерно 1/8 того, что мне нужно было сделать. Отслеживать вещи, которые мне нужно было отслеживать, было сложнее, чем ожидалось, и Хэппи... — он посмотрел на своего друга, — ... это была почти вся помощь, которая у меня была. Спасибо тебе, брат. — Он ударил себя в грудь сжатым кулаком.

Хэппи поднял к нему свое пиво, наклонив голову.

— Итак. — Твитч откинулся назад и поднял лодыжку, чтобы опереться на вытянутое колено. — Я нашел женщину, которая... — он скорчил гримасу, — ... даже не знаю, как она выглядела. У нее была киска, и этого было достаточно. И я повел ее за угол этого сраного бара, в переулок, толкнул на колени и сказал, чтобы она принималась за работу.

У меня защемило сердце, когда я услышала это, но хорошо, что он был откровенен. Я хотела знать.

То, что он сказал дальше, удивило меня.

— Но мой член не встал. — Я вскинула голову, широко раскрыв глаза, и Твитч пожал плечами. — Не знаю. Такого раньше никогда не случалось, поэтому я сказал ей отвалить, чтобы я мог это сделать. — Когда Юлий усмехнулся, челюсть Твитча сжалась, и он показал ему средний палец. — И я пытался — поверьте мне, я чертовски пытался. Но ничего не произошло. Мне потребовалась секунда, чтобы понять, что из этого ничего не выйдет, поэтому я ушел оттуда с синими шарами и всем прочим. — Он посмотрел на меня и вздохнул. — И это был чертовски ужасный момент, когда я понял, что я мужчина с одной женщиной.

О.

Бросив мрачный взгляд на Дэйва, он прищурил на него глаза.

— Я ни хрена тебе не должен, но я скажу это один раз, дружище, так что слушай внимательно. — Эти мягкие карие глаза остановились на мне, и он произнес: — Я влюбился в Ангела в восемь лет. — Мое сердце замерло. Он продолжил: — В маленькую крошку с большими голубыми глазами, которая потащила аптечку первой помощи вдвое больше ее на задний двор своего соседа, потому что увидела, что маленький мальчик ранен и прячется. — Его брови нахмурились. — В ангела, который пытался залатать зияющую рану гребаным пластырем.

Я не была уверена, что кто-нибудь знал эту историю. Вероятно, именно поэтому я увидела растерянные выражения лиц у всех сидящих за столом, за исключением Юлия. Это была не та история, которой я поделилась.

Это было наше и только наше. Наше начало уходило глубоко, как корни столетнего дуба. Того самого дуба, на котором я вырезала его имя.

История приняла неожиданный оборот, когда он добавил:

— Я стал одержимым в шестнадцать лет. К двадцати пяти годам я возненавидел эту девушку. Потратил много времени и денег на ее поиски. Планировал сделать что-то плохое с ней, и, в конце концов, нашел ее. Когда мне было за тридцать, я натворил кучу глупостей, пытаюсь найти общий язык с этой девушкой, и когда, наконец, нашел, был полностью растворен в ней. Она улыбнулась мне, и все, о чем я мог подумать, было: «Вот дерьмо. У меня неприятности». — Он свирепо посмотрел на Дэйва. — У нас есть история, которую ты даже не можешь понять со своим банальным счастьем, придурок. Так что не думай, что ты меня знаешь. Даже не думай, что ты ее знаешь. Мы переживаем шторм, который я создал, и мы делаем это в частном порядке. — Его глаза оставались прикрытыми, когда он жестоко ухмыльнулся. — Так что продолжай недооценивать меня, Дэвид Аллен. И я, бл*дь, поимею тебя. Обещаю тебе это. — Его взгляд смягчился, когда он остановился на мне, и он обратился, говоря уже только мне. — Я никуда не уйду.

Тогда мне захотелось плакать.

Этот человек. Он был единственным мужчиной, который мог сломать меня, разбить мое сердце, а я собирала все до единого осколки и вкладывала их обратно в его руки.

Такая любовь была одна на миллион. Это была отчаянная, всепоглощающая любовь, которая заставляла человека совершать глупые поступки и поступать так, как он никогда не считал возможным. Но это было наше, каким бы запутанным оно ни было.

Вскоре после смелого заявления Тони все собрались уходить, и когда я последовала за вереницей людей, сильная рука обвилась вокруг моей талии, притягивая меня ближе. Когда я посмотрела ему в глаза, он смотрел на меня сверху вниз с таким обожанием, что я чуть не кончила прямо там, на глазах у наших гостей.

Как неуместно.

— Я позвоню тебе насчет того, чтобы пригласить Эйджея на еще одну вечеринку с ночевкой, — крикнул Юлий, когда они с Аной шли к своей машине. Это было, когда гладкий черный «Мерседес» прополз мимо со скоростью улитки. И когда окно опустилось, мой желудок сжался, и все мое тело замерло.

О, нет.

Женщина посмотрела на Юлия, облизывая свои вишнево-красные губы, прежде чем послать ему воздушный поцелуй.

О, черт.

Но когда ее взгляд остановился на мне, она расширила глаза, вытянула руку в форме пистолета и направила ее на меня, крича:

— Бум, сука!

*Бл*дь.*

Я громко ахнула, отшатнувшись назад в полном ужасе и хватаясь за Твитча. И когда ее губы сложились в широкую, карающую улыбку, я знала, что она чувствует мой страх, и я ненавидела ее за то, что она радовалась этому.

Все это произошло так быстро, что я не была уверена, не почудилось ли мне это.

Твитч отошел от меня, и когда он бросился к машине к открытому окну, пока она медленно ползла вперед, Линг заговорила, многозначительно оглядывая Твитча с ног до головы. Ее тон был таким же соблазнительным, как и у змеи, которой она и была.

— Смерть тебе к лицу, детка.

Я услышала, как Ана начала учащенно дышать, и Юлий повел ее в машину, в то время как Хэппи подбежал и встал передо мной, его тело защищало меня от вреда. Никки и Дэйв

просто смотрели на это в шоке.

Твитч был в ярости, но не показывал этого. Дело в том, что я чувствовала его ярость в своем сердце. Я почувствовала его ужас. Его гнев просочился в воздух вокруг нас.

— Я знал, что ты сумасшедшая, но у тебя есть яйца, Линг-Линг, — произнес Твитч с фальшивым спокойствием. — Ты совершила ошибку, приехав сюда. — Машина набрала скорость. — Испытай меня. Я вызываю тебя. — Он побежал за авто, и когда оно умчалось, он крикнул: — Теперь у тебя на голове чертова мишень, сука.

В ту секунду, когда машина скрылась из виду, он развернулся, вены на его шее вздулись, он посмотрел на Юлия и положил руки за голову, тихо бормоча с тяжелым дыханием:

— У нас проблема.

Да, черт возьми, Шерлок.

Юлий кивнул, сжав челюсть.

— Поехали.

Хэппи шагнул вперед и покачал головой.

— Ни за что. Здесь что-то не чисто.

Да, так и есть.

— Нет. — Я шагнула вперед, широко раскрыв глаза, руки тряслись. — Никто из вас никуда не пойдет. Слышите меня? — я повернулась лицом к Твитчу. — Ты никуда не пойдешь!

Ана толкнула пассажирскую дверь и, спотыкаясь, вышла, пытаясь выровнять дыхание. Юлий выглядел просто измученным.

— Все в порядке. Все в порядке, детка. Я позабочусь об этом.

Но Ана покачала головой и попыталась заговорить.

— Ты-ты... — когда она закрыла глаза и издала болезненный стон, мое сердце разбилось за нее. Ее травма усилилась в десять раз, когда она увидела женщину, ответственную за ее поимку и пытки. Она попыталась снова: — Ты помнишь... — она сделала глубокий вдох, — ... что случилось... — она задыхалась, — ... когда она разлучила нас? — Ана покачала головой и закричала: — Только не снова!

Бравада Юлия, казалось, поколебалась от ее слов. Он притянул свою жену ближе, обнял ее и укачивал, пока она плакала.

Твитч тоже немного сбавил обороты.

— Хорошо. — Его брови опустились в задумчивости. — Все идите домой. — Он перевел взгляд с Аны на мое бледное лицо, и его губы сжались, когда он вздохнул. — Сегодня не та ночь.

Но когда все разошлись, и Твитч провел меня внутрь, крепко держа мою руку в своей, только одна мысль крутилась у меня в голове.

Эта сумасшедшая сука знает, где я живу.

Черт.

Это не может хорошо закончиться.

Твитч

Было поздно, и я лежал рядом со своим Ангелом, задаваясь вопросом, как, черт возьми, я позволил этому случиться.

Все мое время отсутствия было посвящено тому, чтобы свести концы с концами. Я был неосторожен, полагая, что тот, кого я оставил позади, будет знать, что нужно держаться подальше.

Я слышал о Линг.

Слышал о ее предательстве, о том, что она сделала с Юлием и Аной. Я слышал о ее насильственном захвате власти над Драконами, о казни ее отца. Совсем недавно — о насмешках, которые она устраивала в подземном мире.

Впервые с момента своего основания Драконы теперь вербовали полукровок. Это было неслыханно. Драконы были известны своими традиционными ценностями, а Линг все испортила.

Некоторые люди даже говорили, что она трахается со своим братом.

Зная Линг, я бы не стал сбрасывать это со счетов. Она была ненормальной, и ничто не было запретным.

Я знал, что, в конце концов, любопытство возьмет верх над ней, но я не ожидал, что это произойдет так скоро. Черт, я не ожидал, что она когда-нибудь подойдет. Эта сука совершила ошибку, появившись здесь сегодня вечером.

Держа свою тревогу при себе, я молчал, когда женщина рядом со мной повернулась, придвигаясь ближе и ближе лицом к моей шее. Без колебаний я подхватил ее на руки и притянул к себе, потому что она нуждалась в утешении, а я работал над тем, чтобы быть всем, что ей было нужно.

Я нашел свою религию. Лекси была моей библией. И по ее милости я возродился бы заново.

Хриплым голосом я прошептал:

— Тебе нужна моя помощь, чтобы уснуть?

Ее едва заметный кивок был всем, что она мне дала.

И это было нормально, потому что сегодняшней вечер не был посвящен тому, чтобы я предъявлял требования. Речь шла о самоотверженной отдаче моей королеве.

Поэтому я перевернул нас и заглянул в ее влажные глаза, провел руками по ее бедрам и приподнял подол ее юбки, прежде чем встать с кровати. Схватив ее за лодыжки, я потащил ее вниз по кровати, пока эта сладкая попка не уперлась в край матраса.

Она приподнялась на локтях, глядя на меня широко раскрытыми и любопытными глазами.

Моя малышка.

Я сделаю все, что нужно, чтобы она была в безопасности.

Но прямо сейчас?

Я встал на колени, раздвинул ей ноги, опустил голову и помолился.

Лекси

— Папочка?

Я слышала маленького монстра, но была слишком занята тем, что трусила и продолжала притворяться спящей.

Мужчина, приклеенный к моей спине, рядом со мной поднял голову, и его голос был хриплым со сна.

— Привет, приятель. Что случилось? — он быстро добавил: — Не разбуди маму.

ЭйДжей подошел и пробормотал:

— У тебя была вечеринка с ночевкой?

Я изо всех сил старалась подавить улыбку, но это было трудно. Он казался таким потерянным, наш прекрасный мальчик.

— Ах, да, — проворчал он, опуская голову обратно на подушку, которую мы делили. — Не мог найти свои ключи.

При этих словах я не смогла сдержать улыбки. Это была хорошая ложь. Та, которой он поверит.

ЭйДжей казался смущенным.

— Они там.

Твитч снова поднял голову.

— О, что? Не может быть. — Он так хорошо изобразил свое удивление, что все мое тело затряслось от беззвучного смеха, а затем дернулось, когда Твитч сильно ущипнул меня за задницу.

Наш сын хихикнул.

— Глупый папочка. — Мгновение спустя: — Я голоден.

Твитч вздохнул.

— Где Молли?

— В душе.

Я прошептала:

— Иди покорми нашего сына, — и Твитч провел рукой по моему голому бедру под простыней. Медленная, любящая ласка. Тайная ласка, только для меня.

Боже. Я была так влюблена в этого мужчину.

Это было озадачивающе. Каким контрастом были наши прежние отношения по сравнению с теми, что были у нас сейчас. Я начинала понимать, что Твитч не так сложен, как я когда-то думала. Я имею в виду, конечно, он был сложным существом, но он не скрывал своего сердца, и когда он решал, что любит тебя, он отдавал всего себя. И как бы то ни было, я нуждалась во всем нем.

Прошлой ночью мне приснился очень странный сон.

Там он стоял, держа в одной руке кинжал, а в другой — свое сердце, и когда он упал на колени, истекая кровью из зияющей раны в груди, испуская последний вздох, он протянул свою окровавленную, дрожащую руку в подношении, умоляя меня забрать все еще бьющуюся часть его тела.

Я так и сделала, и когда он, наконец, погиб, он сделал это с улыбкой.

Вздрагнув, я проснулась, разгоряченная беспокойством и тяжело дыша, я нашла его в темноте, и он раскрыл мне объятия. Я положила голову ему на грудь и внимательно прислушивалась к ровному ритму его сердца, пока не обрела покой и снова не заснула.

— Хорошо, приятель. Я буду через секунду. Можешь положить немного хлеба в тостер?

ЭйДжей выбежал из моей комнаты и крикнул:

— Хочешь немного?

— Не-а, — громко крикнул он в ответ, прекрасно зная, что я не сплю. Он прижался передней частью к моей спине и поцеловал мое обнаженное плечо, в то время как рука на моем бедре скользнула по животу, еще ниже, пока не остановилась прямо над моим холмиком. — Я уже поел, — хрипло пробормотал он мне в кожу, прижимая свои улыбающиеся губы к моей плоти.

Счастливые «м-м-м» — было всем, что я могла ответить.

О, конечно, он поел. Наелся досыта.

Я улыбнулась в подушку, а когда почувствовала, что матрас приподнялся, кровать показалась мне холоднее, и мне пришлось надуться.

— Ты голодна, мамочка? — спросил он, натягивая джинсы и собираясь выйти из комнаты без футболки, но остановился у двери, ожидая моего ответа.

Я подняла голову и прищурила один глаз, и мое сердце бешено заколотилось при виде него.

Боже, он великолепен.

— Да.

Он наблюдал за мной сквозь опущенные веки, его глаза блуждали по моему покрытому простыней телу. Она оставляла мало места для воображения. Затем Твитч покачал головой и громко вздохнул.

— Вставай, детка, или я приду за тобой.

Прошло несколько минут, и я нашла свои трусики, натянула их, прежде чем скользнуть в лифчик и завернуться в шелковое кимоно. Я раздвинула шторы, впустив утренний ветерок, и села за туалетный столик, где расчесала волосы и собрала их в пучок на макушке. Но когда я увидела что-то у своей ключицы, я наклонилась. Когда сосредоточилась, я провела рукой по фиолетовому синяку, а затем закатила глаза.

Еще один засос.

Мило, Твитч.

Войдя на кухню к мужчине, намазывающему пасту на тост для своего сына, я увидела, как его лицо скривилось, а когда он заметил меня, то скривился еще больше.

— Как ты можешь кормить его этой дрянью? На вкус как задница.

— Он был выращен на этом. — Я пожала плечами. — Ему это нравится.

— Она густая, коричневая и... — клянусь, Твитч немного побледнел, закрыл ярко-желтую крышку и отодвинул банку как можно дальше, пробормотав: — Нет, спасибо.

— Итак, — начала я, — ты должен перестать оставлять на мне следы.

Но Твитч просто проигнорировал меня, отнес тарелку с тостами маленькому мальчику в нижнем белье, смотрящему мультики на полу в гостиной. Однако, когда вернулся, он многозначительно подошел ко мне. С каждым его шагом я была вынуждена отступить на шаг, пока не почувствовала, что моя задница ударилась о кухонные шкафы, и когда он получил меня там, где хотел, он посмотрел вниз на новый засос. Его глаза вспыхнули на мгновение, прежде чем он поднял руку, легонько положив ее на мою шею, проведя большим пальцем по фиолетовой отметине у моей ключицы.

— Ты что, читать не умеешь? — произнес он мягко, и тон его голоса заставил мое тело отреагировать. — Каждый из этих знаков — любовное письмо. — Он посмотрел на меня сверху вниз, эти мягкие карие глаза смотрели глубоко внутрь меня. — Если ты присмотришься достаточно внимательно, то поймешь, что они говорят.

Господи Иисусе. Никогда в жизни меня так не возбуждали простые слова.

Мне хотелось схватить его за затылок, притянуть к своей шее и умолять дать мне еще стихи из Священного Писания для чтения в свободное время.

Вместо этого я испортила этот момент.

— Что мы собираемся делать с Линг?

Его глаза потемнели, когда он услышал ее имя.

— Мы ничего не собираемся делать. — Его челюсть напряглась, и он тихо сказал: — Оставь ее мне, Ангел. — На мой неуверенный взгляд он продолжил: — Не уверен, вернется ли она, но после сообщения, которое я отправил, она обязательно отступит.

— Какого сообщения? — я не могла не спросить.

И, что удивительно, он ответил мне, его большой палец нежно провел по моей коже в утешительной манере.

— Подчинись или умри.

Думаю, он был немного шокирован, когда я оглянулась за него, чтобы посмотреть на Эйджея. Когда я была уверена, что он не слушает, то понизила голос и избегала его взгляда.

— Я не хочу, чтобы у нее был выбор. — Когда я встретила его прищуренный взгляд, то откровенно сказала ему: — Я хочу, чтобы она ушла.

Он долго смотрел на меня, моргая, прежде чем его губы сжались.

— Это будет нелегко. Она королева, и ее Драконы охраняют ее. Мы должны быть умными. Сдержанными. — Услышав, как Эйджей шаркает по гостиной, Твитч обернулся, чтобы посмотреть на него, прежде чем снова повернуться ко мне и объяснить: — Проблема такого масштаба может занять некоторое время, чтобы... — он подумал о слове, — ... исчезнуть.

— Мне все равно. — Я положила руки на пояс его джинсов, прежде чем засунуть пальцы в его карманы и мягко притянуть его ближе. Он пришел, когда его позвали. Я подняла на него глаза, посмотрела прямо на него и прошептала: — Я хочу, чтобы она умерла.

То, как он посмотрел на меня, с восхищением и уважением, которые я редко видела у него, заставило мои внутренности затрепетать. Он протянул руку, чтобы обхватить мою щеку, и я подалась навстречу его прикосновению, когда он пророкотал:

— Такая сильная.

Это был комплимент, но совершенно необоснованный, так как я чувствовала, что разваливаюсь на части.

Положив руки мне на плечи и посмотрев вниз на мои губы, он спросил:

— Когда ты собираешься дать мне этот рот, детка? — потребность в его голосе была ощутимой. — Я пытаюсь быть терпеливым, но как уже говорил тебе раньше, я не святой.

— Скоро, — пообещала я с придыханием.

Я еще не была готова, но уже почти. Когда я дам ему свой рот, пути назад уже не будет. Это последняя частичка меня, которую я должна буду отдать, самая интимная часть меня, которую я должна буду отдать, и я не собиралась отказываться от нее без уверенности.

И когда он посмотрел на меня так, как он смотрел на меня прямо сейчас, с сердцем нараспашку, я опустила взгляд, и мое сердце бешено заколотилось.

— Прекрати это.

Он казался смущенным.

— Прекратить что?

Мои щеки вспыхнули.

— Прекрати завоевывать меня.

Его грубый смешок попал мне прямо в яичники, и когда он крепко обнял меня, опустив голову и смеясь мне в шею, я держалась за его карманы и застенчиво улыбалась.

Именно тогда я поняла, что хочу еще детей от моего прекрасного замученного короля, и, может быть, если он справится, похоронив королеву Драконов, мы поговорим об этом.

Твитч был лекарством, о котором я не знала, что мне нужно, и я хотела вколоть его прямо в свои вены и оставаться под кайфом от него всю свою жизнь.

Что это говорит обо мне?

Господи.

Я не хотела думать об этом.

Молли вошла в кухню и застонала:

— О Боже. Остановитесь.

Когда Твитч повернулся, чтобы посмотреть на нее, в уголках его глаз появились морщинки.

— Знаешь, ты могла бы просто отвалить.

Молли налила себе чашку кофе.

— Серьезно. Это все равно, что видеть, как твоя горячая мамочка целуется со своим новым мальчиком-игрушкой. — Она протянула руку к Твитчу. — А ее парень — татуированный танк, который не носит рубашку по дому. Тьфу. Отвратительно.

Я откинула голову назад и громко рассмеялась.

Вот почему я любила Молли. Ее уровень дерзости был экстраординарным.

— Как скажешь. — Я вырвалась из хватки Твитча, и когда я это сделала, он издал низкое горловое рычание. Я нежно прикоснулась рукой к его аккуратно подстриженному затылку и заявила: — Мне нужно в душ.

Молли подошла ближе.

— Эй, Лекс, у тебя здесь что-то есть. — Она указала на свою ключицу, и когда я не сделала никакого движения, она сделала еще один шаг и попыталась стереть это с меня, прежде чем поняла, что это за отметина. Ее глаза расширились от удивления, прежде чем сузиться, а затем остановиться на Твитче. Она тихо сказала: — Сколько тебе лет? Четырнадцать?

Молли повернулась, недоверчиво качая головой, и вышла из кухни, Твитч поднял ногу и слегка пнул ее по заднице. В тот момент, когда ее кофе пролился, она издала звук чистого бешенства, прежде чем повернуться к нему и закричать:

— Придурок!

И это был мой намек на то, чтобы уйти.

Я направилась в ванную, и звуки семейной ссоры обрушились на меня, заставляя чувствовать себя одновременно легко и счастливо.

Серьезно.

Я была фриком.

Твитч

— Ты не помнишь меня, не так ли?

Молли сидела на диване с Эйджеем на коленях, и ее глаза пристально смотрели на меня. Ее голос оставался нежным, когда она провела рукой по волосам моего сына.

Я оторвал взгляд от своего телефона.

— А должен?

ЭйДжей сидел в своем планшете, с наушниками в ушах, и смотрел какое-то дурацкое шоу, где взрослые мужчины и женщины распаковывали коробки с яйцами-сюрпризами и показывали детям дома, что у них получилось. Я серьезно не понимал, что смотрят дети в наши дни.

А люди думали, что у меня проблемы.

— Ты знал моего отца, — это было все, что она сказала, и когда она не продолжила, я поднял руку и бросил ей жест «продолжай». — Она сделала глубокий вдох и продолжила. — Мне было около восьми лет, и когда ты вошел в наш дом, я спряталась за перилами, наблюдая за тобой. — Она улыбнулась. — Я была убеждена, что ты Мокои. — Когда я нахмурился, она объяснила: — Дух аборигенов, который похищал и ел детей. Мой отец рассказывал нам истории о Мокои. Они были высокими и необычайно худыми, с темными волосами и красными глазами, и они спали высоко на деревьях, высматривая своих следующих жертв. Мокои были нежитью, порожденной темной магией, и они часто носили души тех, кто неправильно использовал магию при жизни.

Под моим озадаченным взглядом она посмотрела на меня и прикусила свою чрезмерно полную нижнюю губу, ее мелодичный голос продолжал звучать.

— Моя домашняя жизнь не была хорошей, и хотя я была всего лишь ребенком, я чувствовала, что лучше рискнуть с Мокои, чем оставаться там, где я была. — Она опустила лицо и посмотрела на моего сына с любовью, которую приберегала только для него. — Я была босиком и грязная. Мои кудри были сильно спутаны, футболка, которую я носила, была порвана, а ступни кровоточили. — Она с трудом сглотнула и быстро заморгала. — И я подошла к тебе, вложив свою липкую руку в твою, и сказала...

О, черт.

Я вспомнил ее.

Как я мог забыть?

— Я готова, — закончил я ее предложение, недоверчиво моргая.

Она кивнула, ее глаза сияли.

— Да. — Она прочистила горло. — Ты посмотрел на мое состояние и опустился на колени, вытирая слезы с моих щек. Видишь ли, мне было грустно, что я больше никогда не увижу своих сестер, потому что, когда Мокои забирал тебя, ты не возвращался. Ты выглядел злым, но ты был добр ко мне, и на долю секунды я смирилась с тем, что ты меня съешь.

Ах, черт.

Я подумал о своем сыне в подобной ситуации, и у меня защемило в груди.

Для меня это был жесткий предел. Я никогда не мог смириться с жестокостью по отношению к детям.

— Но ты сделал то, чего я не планировала, — просветила маленькая женщина.

Да. Я помню.

Я посмотрел на своего сына и тихо пробормотал:

— Я убил твоего отца.

Она широко улыбнулась и кивнула.

— Да. Застрелил его прямо у меня на глазах.

Мои брови нахмурились.

— Я не хотел, чтобы это произошло.

— Знаю, — тихо сказала она. — Но это изменило мою жизнь. Это изменило жизнь и

моих сестер. Наш отец... — она сделала паузу, — ... был жестоким человеком. Ему нравилось психологически мучить нас, а когда это не срабатывало, он наказывал нас физически. — Ее губы сжались. — Ни за что, кроме того, что мы девочки.

Монти «Мясник» Холден был свиньей, и я не чувствовал вины за то, что убил его.

Однако я был сбит с толку.

— Как ты здесь оказалась?

— Совершенно случайно. Я видела Юлия на встрече и спросила о тебе. Он сказал мне, что ты умер, и я... — ее голос затих, — ... расстроилась. Потому что была у тебя в долгу, и узнать, что у меня никогда не будет шанса отплатить тебе, было невыносимо неприятно. Он спросил, насколько сильно я хочу избавиться от этого долга, и я сказала ему, что сделала бы все, что угодно. Именно тогда он предложил встретиться с Лекси. — Она погладила моего сына по волосам, и Эйджей потянулся, чтобы крепко обнять ее, пока смотрел на экран у себя на коленях. — И когда я встретила этого маленького воришку, он украл мое сердце.

К чему она вела?

— Почему ты мне это рассказываешь?

Молли многозначительно посмотрела на меня.

— Потому что мне нужно, чтобы ты понял, я готова защищать твою семью ценой собственной жизни, если это необходимо.

Она имела в виду то, что сказала. Я был уверен в этом.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — пробормотал я. — Моему сыну, кажется, ты нравишься живой. И это кое-что значит для меня.

Ее глаза остановились на маленьком монстре у нее на коленях, и она мягко улыбнулась.

— Не имеет значения, чего он хочет. Если до этого дойдет, я прикрою его своим телом. — Она обняла его, и Эйджей улыбнулся ей, не слыша, что она говорит. Она улыбнулась сквозь свои слова. — И я убью любого, кто попытается причинить ему вред. — Ее взгляд остановился на мне, она посерьезнела. — Кого угодно.

Хорошо. Мы определенно были на одной волне.

Я снова посмотрел на свой телефон. Мой голос был низким.

— Я знал, что ты мне понравишься, Молли.

Линг

Я сидела на табурете, одетая только в его рубашку, мои глаза улыбались красивому мужчине, готовящему для меня.

— Поэтому я сказал ему... — он сделал паузу, чтобы перевернуть гезлеме (турецкая лепешка), — ... что ему лучше, бл*дь, следить за своим языком, или я добавлю одну дырку его голове. — Он повернулся и ухмыльнулся мне. — И почти уверен, что видел, как взрослый мужчина наложил в штаны.

Я усмехнулась себе под нос, качая головой. Он был смешон, мой прекрасный турок. И он начинал значить для меня больше, чем кто-либо в мире. Так что мне нужно было сказать ему.

Он был обнажен по пояс, и мои глаза блуждали по мускулистым линиям его тела. Когда он отвернулся, я прочистила горло, а затем заговорила:

— Я нашла его.

Аслан замер. Он долго стоял ко мне спиной, прежде чем повернулся лицом, выражение его лица было непроницаемым.

— Да. — Я провела рукой по своим длинным волосам и вздохнула. — Ты был прав. — Мои глаза встретились с его. — Он вернулся.

Ас изучал мое лицо, прежде чем протянуть:

— И что мы чувствуем по этому поводу?

Мы.

Тьфу. Он убивал меня.

— Мы, — начала я, — чувствуем себя преданными и обиженными. — *И отвергнутыми.* Мой взгляд опустился на стойку, и я провела идеально наманикюренным ногтем по прохладному мрамору. — Мы не знаем, что думать или что говорить. — Я вздохнула, затем посмотрела ему в глаза. — Но мы не чувствуем себя хорошо из-за этого.

— Хорошо, — легко сказал он за мгновение до того, как выключил плиту и снял сковороду с огня. Повернувшись ко мне спиной, он тихо произнес: — И что это меняет, детка?

Страх в его голосе перекликался со страхом в моем.

— Не знаю, — честно пробормотала я.

Он повернулся ко мне, его темные глаза были темнее, чем я когда-либо видела. Голос был низким.

— Ты хочешь, чтобы он вернулся?

Опять же, честность, простая и понятная.

— Больше не знаю. — Я опустила глаза. — Думала, что да. — Мое сердце бешено колотилось. — Но я так уже не думаю, потому что... — я тяжело сглотнула, избегая его обжигающего взгляда, и тихо сказала: — ... у меня есть ты.

Аслан заполнил зияющую дыру внутри меня. Я больше не хотела и не желала Твитча. Мне нужен был мужчина, стоящий прямо передо мной, мужчина рядом со мной, несмотря на то, что шансы всегда были против нас.

Несмотря на то, что никто не хотел бы, чтобы мы были вместе.

Несмотря на то, что мужчина, которого я любила, был женат и никогда не уйдет от

своей жены.

Мы были членами королевских семей, но никогда не правили бы вместе. Мы были трагедией в процессе становления, и это только заставило меня хотеть его еще больше.

Я наблюдала, как его тело расслабилось, теряя часть очевидного напряжения на его лице. Его губы приоткрылись, и он глубоко вздохнул, проведя рукой по затылку.

Наши отчаянные взгляды встретились через стойку, и все неправильное в мире растаяло.

Мой голос был мягким, как шепот.

— Я люблю тебя.

Ас закрыл глаза и держал их закрытыми, отвечая тем же.

— Я тоже люблю тебя, Линг.

Напряжение вокруг моего сердца ослабло, и я наблюдала, как мужчина, который покорила меня поврежденными розами и нежными поцелуями, вздохнул с облегчением.

Пусть у Твитча будет его маленькая семья.

У меня было кое-что получше.

Твитч

Я почувствовал, что она наблюдает за мной в открытом дверном проеме. Натягивая толстовку, я услышал тихие слова, которые она произнесла.

— Куда ты направляешься?

Ее голос был мягким, но она не могла скрыть беспокойство, которое сквозило в нем.

Застегнув молнию, я повернулся и пожалел, что сделал это. Она носила свое беспокойство как вторую кожу.

— Просто забегу домой.

Лекси подняла руки и обняла себя, и это маленькое движение вызвало у меня желание остаться и быть рядом с ней, спать рядом со своей женщиной и чувствовать себя как дома со своей семьей. К сожалению, я не мог этого сделать. Это дерьмо нужно было пресечь в зародыше, а мои братья и я были единственными, кто мог сделать то, что нужно было сделать.

Она дернула подбородком, указывая в мою сторону.

— Ты всегда берешь с собой пистолет домой?

Мой Ангел ничего не упускает.

— При таких обстоятельствах, да.

Я беспокоился о ее реакции.

Мне не следовало этого делать.

Выпрямившись, она кивнула, а затем тихо вздохнула.

— Хорошо. — Она опустила руки по швам и сказала: — Хорошо, уложи своего сына, прежде чем уйдешь.

*Иисус, бл*дь, Христос.*

Эта женщина.

Такая сильная.

Когда я двинулся, делал это медленно, целенаправленно, и когда подошел к ней, посмотрел в ее большие голубые глаза, прежде чем тихо заговорить.

— Поцелуй меня, прежде чем я уйду.

Она пристально посмотрела мне в глаза.

— Нет.

Я нахмурился, а она широко улыбнулась, и мой член дернулся.

Когда она попятилась из комнаты, я пошел по коридору пожелать спокойной ночи своему сыну. После того как сделал это, я заметил, что она ждет меня у входной двери. Я неторопливо приближался, и когда подошел, она обняла меня. Это стало моей второй натурой — обнимать эту женщину.

Эта женщина, которая дала мне так много.

Свое сердце, сына, дом. Она дала мне все, о чем я и не подозревал, что хотел, и продолжала давать ежедневно.

Я был счастливым человеком, и однажды этот ангел станет моей женой, наденет мое кольцо, и после того, как мы произнесем наши клятвы, я буду держать ее босой, беременной и чертовски счастливой.

Глядя на нее такой, какой она была, я решил, что мне нужна дочь с редкой нежностью и алмазоподобной силой Лекси. Девочка, которая будет любить своего папочку, каким бы куском дерьма он ни был.

Ее нежная осторожность пронзила меня, как горячий нож масло. Она тихо заговорила в изгиб моей шеи.

— Будь аккуратен. — Когда она нежно поцеловала старую огнестрельную рану, округлый шрам, который я получил, защищая ее в тот роковой день шесть лет назад, я потерял самообладание.

Я низко зарычал, а затем отстранился, чтобы устремить на нее свой темный взгляд.

— Продолжай так смотреть мне вслед, и я женюсь на твоей заднице.

Ее ответ вызвал у меня дрожь.

Глядя на меня широко раскрытыми глазами и красивая, как персик, она слегка наклонила голову и спросила:

— Обещаешь?

Звук подъезжающей машины привлек наше внимание, и я наклонился, чтобы поцеловать ее в лоб.

— Позже.

Не говоря больше ни слова, я вышел из дома и подошел к черному внедорожнику, открыл дверь и скользнул на пассажирское сиденье. Как только я закрыл дверь, машина тронулась с места, и я повернулся к Юлию.

— Ну, как дела? — спросил я.

Хэппи заговорил с заднего сиденья:

— Я не знаю, как мы проникнем внутрь, не говоря уже о том, чтобы подобраться достаточно близко, чтобы прихлопнуть ее. Люди охраняют ее, как будто она — второе пришествие Христа.

Юлий хмыкнул.

— У нее есть квартира в городе, неофициально. Линг считает себя умной, но чем самоувереннее становится, тем она неряшливее. Она ходит в эту квартиру, чтобы залечь на дно. Почти каждую ночь она там и... — когда я повернулся к нему, он на мгновение взглянул на меня, прежде чем снова отвернуться к дороге, — ... ты не поверишь, кого я вижу, регулярно входящим и выходящим из этого места.

— Кого?

— Аслана Садыка.

Когда Юлий сказал это, волосы у меня на затылке встали дыбом.

— Сраный ублюдок. — Я ударил кулаком по приборной панели, достаточно сильно, чтобы пластик закрипел. Я посмотрел на Юлия. — Угадай, кто видел меня в гребаном торговом центре пару недель назад? — я повернулся, чтобы оглянуться на Хэппи. — Аслан, гребаный турок.

Хэппи сильно нахмурился.

— Что? Думаешь, у него с Линг есть какие-то дела? — он покачал головой. — Не может быть. Драконы и Потерянные Мальчики ненавидят друг друга, чувак, с незапамятных времен, и эта ненависть глубока. Она уже опозорена. Не думаю, что она настолько глупа.

— Она глупа, — мрачно сказал Юлий. Когда он посмотрел на меня, его губы были поджаты в тонкую линию. — Почему ты ничего не сказал?

Я бросил на него взгляд, который говорил: «Ты, бл*дь, издеваешься надо мной?», затем долго смотрел на него, моргая.

— Ты не отвечал на мои звонки, потому что я, — медленно протянул я, — задел твои чувства.

Юлий прищурился, глядя на меня, прежде чем снова отвернуться к дороге. Некоторое время спустя он заговорил.

— Хорошо, значит, Аслан передает информацию Линг. — Он посмотрел в зеркало заднего вида, чтобы увидеть Хэппи. — Это единственное, что имеет смысл. Вопрос в том почему?

Это было очевидно.

Хэппи неохотно произнес:

— Потому что они трахаются.

— Потому что они трахаются, — повторил Юлий, вздыхая себе под нос.

Линг была самоубийцей, если думала, что Драконы посмотрят сквозь пальцы на этот проступок.

Нет. Они принесут ее голову на блюде.

Может быть, это был самый разумный способ обойти нашу проблему — позволить ей уничтожить себя.

— Хорошо. — Я выглянул в окно движущейся машины. — Поехали перекинемся парой слов с турком.

Дом был настоящей крепостью. Он был огромным, внушительным, и у них была охрана, не уступающая Алькатрасу. Но у нас было то, чего у них не было.

Хэппи.

Сидя на заднем сиденье, он быстро печатал на ноутбуке.

— Дайте мне секунду. — Он продолжал печатать. — У них есть две последовательные системы, работающие одновременно. — Его пальцы быстро забегали по клавиатуре. — Хорошо, сейчас я доберусь туда. — Звуки щелкающих кнопок сводили меня с ума. — Еще одна команда и... — он нажал «ввод», — ... они отключены. — Он перевел взгляд с меня на Юлия. — Поехали. Не знаю, как скоро они поймут и пошлют кого-нибудь исправить то, что я испортил.

Натянув капюшон, я вышел из машины и открыл приложение Хэппи, установленное на моем телефоне. Я направил его на трехдверный гараж и нажал на кнопку. Одна из дверей начала подниматься, и я снова повернулся к Хэппи с серьезным лицом.

— Трахни меня.

Хэппи просто приподнял бровь и ухмыльнулся.

Этот человек знал свое дело.

Правильная технология в чужих руках была опасной вещью.

Мы вошли внутрь, и я снова нажал на кнопку, закрывая за нами дверь. В задней части широко открытого пространства была дверь, и когда я добрался до нее, то осторожно положил руку на ручку и попытался повернуть, но она не поддавалась. Она была заперта. Юлий поднял руку и легонько постучал рядом с клавиатурой, прикрепленной к двери. Я отступил назад, когда Хэппи подошел, открыл пластиковый корпус и повозился с проводами. Мгновение спустя красный огонек сменился зеленым, и когда Хэппи нажал на ручку, она повернулась.

Мы были внутри.

В тот момент, когда дверь открылась, женский голос позвал:

— Думала, ты сказал, что опоздаешь? — мы двинулись по коридору с оружием наготове, а она продолжила: — Ну, я только что начала третий сезон «Игры престолов». Пойдем посмотрим со мной. — Она усмехнулась. — Клянусь Богом, Ас, это все такое дерьмо... — когда она появилась в поле зрения, ее голова дернулась от шока, ее широко раскрытые глаза метались между нами тремя, и она прошептала: — Оу.

Молодая женщина в инвалидном кресле была чрезмерно худой, ее большие карие глаза расширились от страха, длинные черные волосы были собраны в низкий конский хвост. На ней был толстый свитер, а на колени натянуто одеяло. Ее полные губы приоткрылись в отчаянии, когда она тихо проговорила:

— Вы собираетесь убить меня?

Я чувствовал себя полным придурком. Она явно была нездорова. Но это была не моя проблема.

— Еще не знаю. — Я подошел к ней ближе, мой тон был нежным. — Это зависит от твоего мужа.

Удивительно, но она выдержала мой взгляд с силой королевы, которой и была.

— Что ж, — вздохнула она. — Он не вернется домой до позднего вечера. — Она использовала свои руки, чтобы развернуть инвалидное кресло, и начала медленно двигаться. — Так что, думаю, заходите.

Мы внимательно следили за ней, и когда она переместилась в уютную гостиную, то устроилась перед обогревателем, наслаждаясь его теплом, потирая ноги и морщась. Она оглянулась и махнула рукой в сторону дивана.

— Садитесь.

Прежде чем сесть, я подошел к ней и протянул руку.

— Телефон.

Глядя на меня, она вытащила свой сотовый из-под одеяла, и я увидел, что экран сообщений был открыт, и единственное слово, написанное там, было «помоги». К счастью, она еще не отправила его. Мои глаза сузились, глядя на нее, и она пожала плечами, выглядя слегка смущенной.

— Не можешь винить меня за попытку.

Нет, не мог.

Пока Хэппи и Юлий сидели на диване с оружием наготове, я вытащил табурет из-за барной стойки и сел рядом с хрупкой на вид женщиной. Она пристально посмотрела на меня, и я произнес:

— Ты, наверное, не помнишь меня...

Но она оборвала меня будничным тоном:

— Я помню тебя.

Ладно. Хорошо.

Это было хорошо.

Тогда она знает, на что я способен.

После этого мы некоторое время не разговаривали, но когда часовая отметка прошла, мне стало скучно ждать. Увидев, что глаза женщины медленно и устало моргают, я прочистил горло. В ту секунду, когда ее усталые глаза остановились на мне, я произнес:

— Что с тобой не так?

Слова не были жестокими, просто любопытство.

Она грустно улыбнулась.

— Рассеянный склероз.

Я сочувственно вздохнул, слегка покачав головой.

— Извини.

— Все в порядке. — Она усмехнулась, но так натянуто, что получилась гримаса. — Может быть, ты избавишь меня от страданий сегодня вечером.

Нет, я не сделаю этого.

— Да, может быть.

Еще час, и я был готов спросить у спящей женщины, нет ли у нее колоды карт, или пашек, или еще чего-нибудь, чтобы скоротать время.

В этот момент открылась дверь гаража, и послышались тяжелые шаги.

— Ася? — прежде чем он вошел, она пошевелилась, моргая сквозь сон. Он крикнул: — Чертовы серверы снова отключены. — В его голосе звучало разочарование. — Клянусь Богом, татлым (с турец. — голубка, милая), мне надоела эта чушь с мониторингом. Как будто я плачу им за то, чтобы они трахали меня по кругу...

Когда он вошел в гостиную, его взгляд остановился на мне, сидевшем рядом с его женой, и когда он увидел ее слабое состояние, он сделал выпад.

— Ты ублюдок. — Он бросился вперед, а Хэппи и Юлий встали, направив на него свое оружие. Тяжело дыша, у Аслана хватило здравого смысла поднять руки и сделать шаг назад. Он посмотрел на меня, его ноздри раздувались от гнева. Он проговорил сквозь стиснутые зубы: — Она больна.

Я использовал дуло своего пистолета, чтобы почесать висок.

— Вижу. — Я оглянулся на Асю, которая теперь смотрела на своего мужа широко раскрытыми, извиняющимися глазами, и снова повернулся к нему. — Я был идеальным джентльменом, не так ли, Ася?

Вена на виске Аслана вздулась, его лицо скривилось, и он ткнул в меня пальцем, прошипев:

— Ты, не произноси ее имени!

Он явно любил эту женщину.

Какого черта он делал с Линг?

Я рискнул взглянуть на женщину.

Единственное, что имело смысл, так это то, что он не занимался сексом дома.

Мои губы сжались.

Неправильный выбор привел к плохим обстоятельствам, и теперь он застрял. Я

надеялся, что Линг того стоила.

— Я в порядке, — сказала женщина рядом со мной. — Он ничего не сделал, ашкым (с турец. — любовь моя). — Она моргнула, глядя на меня, тяжело сглотнув. — Пока нет.

Облегчение нахлынуло на Аслана, и он попытался успокоиться. Настороженно переводя взгляд с нас троих, он оценивал свое положение. Его неминуемую гибель.

— Почему ты здесь?

— Ты знаешь почему, Садык. — Понизив голос, я произнес: — Я здесь из-за женщины. Аслан выглядел смущенным.

— Женщины, которая еще пару недель назад думала, что я мертв.

Чертов турок начал понимать, в чем дело.

— Смертоносной гадюки, — объяснил я. — Дракона, который пришел в мой дом посреди ночи, сделал угрожающий жест моей женщине и поставил мишень на ее хорошенькую головку.

— Не знаю, о чем ты говоришь, — произнес он, но его прищуренные глаза говорили о многом.

Он был готов поговорить, но не в присутствии своей жены.

Ну и хрен с ним.

Я никогда не играл по правилам.

Неужели он забыл, кто я такой?

Трон принадлежал кому-то другому, но мы все знали, что если я захочу его вернуть, все, что мне нужно будет сделать, это заявить, что он мой.

— Конечно, знаешь, — пробормотал Юлий. — Ты проводил почти каждую ночь в ее городской квартире до раннего утра. — Он посмотрел на Асю. — Что? Ты не знала, что твой муж трахает Королеву Драконов? — Когда и без того бледное лицо Аси стало фарфоровым, и она вопросительно посмотрела на своего мужа, Юлий бросил ей свой телефон. — У меня есть несколько хороших фотографий для тебя, принцесса. — Он снова повернулся к Аслану. — О, прости. Это была чушь про «ей не нужно знать»?

Ася пролистала фотографии, и ее дыхание участилось. Когда телефон с грохотом выпал из ее рук на деревянный пол, она поднесла дрожащие руки ко рту, тихо покачав головой, и подняла заплаканные глаза на своего мужа, теперь зная уровень его предательства.

Аслан с трудом сглотнул.

— Это не то, на что похоже, — сказал он ей, но для всех в комнате это прозвучало слабо.

— Я скажу тебе это один раз, Садык, — сказал я, прежде чем предложить свой совет. — С этой женщиной что-то не так. Линг — это чума в этом мире. Она разрушит твою жизнь всеми возможными способами, и когда ты не дашь ей то, что она хочет... — я посмотрел на Асю, но обратился к ее мужу, — ... она начнет поганить все, что ты любишь. — Я повернулся к нему и увидел, как вытянулось его лицо. — Это не ее вина, она просто не знает ничего лучшего. — Я предупредил его: — Ты не сможешь ее исцелить. То, что сломалось внутри нее, не может быть восстановлено.

Аслан посмотрел на свою жену с такой грустью, какой я никогда не видел у обычно уверенного в себе мужчины.

— Это не было запланировано, — сказал он ей, его грубый голос дрогнул. — Мне так жаль, султаным (с турец. — моя принцесса).

Я видел, что до них начало доходить, но мне нужно было, чтобы они знали, какова моя

позиция по поводу отношений гребаного турка с Королевой Драконов.

Повернувшись к женщине рядом со мной, я протянул руку, и она неохотно вложила свои дрожащие пальцы в мою раскрытую ладонь. Я обратился к ней напрямую: нахер ее мужа.

— Должен кое в чем признаться. Я пришел сюда не для того, чтобы причинить тебе боль, но... — когда она моргнула, ее ресницы увлажнились, — ... вижу, что это то, что я здесь сделал, так что мне жаль. — Я похлопал ее по холодной руке и облизнул губы. — Твой муж должен сделать выбор, и я надеюсь, что он сделает правильный выбор, потому что... — я заглянул в ее глаза, нуждаясь, чтобы она увидела, насколько я серьезен, — ... если я вернусь сюда снова, — мрачно произнес я, — то буду последним, что ты когда-либо увидишь, принцесса.

Она сделала судорожный вдох, прежде чем понимающе кивнула.

Я положил ее руку ей на колено, накрыв ее своей, и сосредоточился на сломленном человеке в другом конце комнаты.

— Что тебе нужно понять, Аслан, так это то, что Линг может быть сумасшедшей, но... — я отпустил руку его жены и встал, подходя к нему, и когда заговорил снова, мой тон был мрачным, — но я научил ее всему, что она знает. — Я подошел ближе и тихо пробормотал: — Ты хочешь безумия, брат? — мой прищуренный взгляд опустился на него, когда я скривил губы. — Трахни мою семью, и я покажу тебе, что сумасшествие Линг не имеет ничего общего с моим.

Я оглядел его с ног до головы, затем прошептал:

— Ты давал клятвы этой женщине, ты кусок дерьма. Это для тебя ничего не значит? — Я видел, как исказилось его лицо. — Она больна. — Упала первая из его слез. — Ей нужен ее муж, а ты оставляешь ее одну, трахаясь с психопаткой? — он закрыл глаза, и я пробормотал: — Что с тобой не так? Возьми себя в руки и будь тем гребаным мужчиной, который нужен твоей жене, пока у тебя еще есть время.

Когда он задрожал от переполнявших его эмоций, которые он пытался сдержать в себе, с пистолетом в руке я обернулся и спросил:

— Эй, Ася? Хочешь, чтобы я разделался с этим ублюдком ради тебя?

— Нет! — закричала она, ее тело сотрясало от рыданий. — Нет, пожалуйста. Пожалуйста, не надо. — Она потянулась к мужчине, который ее не заслуживал, и тихо заплакала: — Пожалуйста. Я люблю его.

Тогда Аслан открыто заплакал, и я не увидел в его глазах ничего, кроме стыда.

Хорошо. Я здесь закончил.

Я поднял руку и ткнул его в грудь.

— Тебя спас ангел.

И с этими словами мы ушли, оставив между нами кровавый след из разбитых сердец.

Аслан

Мы просидели в тишине, казалось, несколько часов, прежде чем она заговорила.

— Ее?

Уровень предательства в ее голосе сильно задел меня. Но Ася заслуживала правды, поэтому я дал бы ее ей, даже несмотря на то, что мой голос дрожал.

— Да.

Одним этим словом моя жена была уничтожена. Я наблюдал с другого конца комнаты, как она плакала в полной тишине, и в этот момент я почувствовал себя совершенно

недостойным того, чтобы видеть, как принцесса плачет.

Сегодня вечером мой мир развалился на части, и мне некого было винить, кроме себя.

Мне хотелось избить что-нибудь. Я хотел побыть один. Мне нужно было уехать, но я не мог оставить ее.

Она шмыгнула носом, затем сделала глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в голосе, и то, что она сказала, сразило меня наповал.

— Я не хотела, чтобы ты страдал из-за моей болезни, Ас. — Она развернула свое кресло лицом ко мне. — Знаю, мы говорили навсегда, но... — ее губы задрожали, — ... вечность пришла к нам раньше, чем мы надеялись, и... — еще несколько слез скатилось, — ... я так сожалею об этом. Мне жаль, что наша вечность была лишь временной. — Ее тихое рыдание погубило меня. — Никогда не хотела, чтобы это случилось, хайатим (с турец. — моя жизнь).

До меня не доходило, пока она не сказала это, что я, возможно, чувствовал себя преданным из-за того, что она заболела.

Да, я был плохим человеком. Но я никогда не был плохим мужем. До сих пор.

И осознание этого сломило меня.

Ни секунды не колеблясь, я подошел к своей турецкой принцессе и опустился перед ней на колени. Одно это действие говорило о многом. Быть покорным было не в моем характере, но я бы сдавался ей снова и снова, потому что она была достойна.

Хриплым голосом я произнес:

— Я разочаровал тебя, карим (с турец. — жена моя).

Она посмотрела на меня с глубокой печалью.

— Так же, как я разочаровала тебя.

Я был демоном.

Кто я такой, чтобы заставлять такую чистую душу испытывать разочарование, когда она ничего не сделала, кроме как сияла сквозь тьму, которая поглотила меня?

Я действительно был дьяволом. Злодеем.

Когда она потянулась ко мне, я встретил ее на полпути, взяв ее нежную руку в свою. Эти красивые глаза лани, которые я всегда обожал, встретились с моими, когда она прошептала:

— Сени севиорум.

«Я люблю тебя».

Эти слова лишили меня жизни, и, опустив голову к ней на колени, я крепко сжал ее руку, как будто боялся, что она оставит меня, и заплакал как ребенок.

Я любил свою жену. Любил ее гораздо больше, чем самого себя. Я любил ее больше всего на свете, даже больше, чем женщину с ледяным сердцем и вишнево-красными губами. И Твитч был прав.

Линг того не стоила, что бы я к ней ни чувствовал.

Моя семья была на первом месте.

Я был глупцом, начав все это. Мне нужно было покончить с этим.

Завтра я прекращу свою интрижку.

Лекси

Он забрался в постель где-то перед рассветом, и когда он придвинулся ближе и нежно погладил меня по волосам, я заговорила в темноту.

— Как все прошло?

Но на данный момент он проигнорировал меня.

— Иди ко мне.

И я охотно пошла, нуждаясь в том, чтобы услышать стук его сердца, и когда положила голову ему на грудь и слышала ровный стук его сердца, я расслабилась в нем, с закрытыми глазами проводя рукой вверх и вниз по его боку.

— Итак?

Он колебался секунду, прежде чем заговорил низким голосом.

— Лишился своего единственного союзника. — Хорошо. Его руки сжались вокруг меня. — Разрушаем крепость, кусочек за кусочком. — Затем он сказал сквозь зевоту: — Мне, нахрен, плевать, сколько времени это займет. Ты хочешь, чтобы она исчезла, детка... — Его голос стал сонным. — ... она исчезнет.

Это было обещание. Он дал клятву. Все внутри меня твердило, что он любой ценой будет держать нас в безопасности

И, как идиотка, которой была, я решила поверить в это.

Молли

Из-за полученного сообщения мой телефон в руке стал тяжелее, чем был на самом деле.

Я только что уложила маленького монстра спать и знала, что так или иначе мне придется ответить.

Мое сердце бешено колотилось.

В любом случае, я была в проигрыше.

Если я скажу «да», я вернусь к человеку, чья семья уничтожила меня.

Если я скажу «нет», он будет потерян для меня навсегда.

Я держала телефон в руке, пока шла по коридору. Твитч сидел на полу перед Лекси, а она лежала на диване, на животе, смотрела телевизор и очаровательно проводила пальцами по его волосам. Он закрыл глаза, наслаждаясь ее вниманием, и они оба выглядели уставшими. Мне не хотелось прерывать их, но это было важно.

Прочистив горло, я подождала, пока он откроет глаза, и когда он прищурился, я просто дернула подбородком в сторону своей комнаты, игнорируя внезапный тревожный взгляд Лекси.

Я прошла по коридору, встала в центре своей комнаты и стала ждать. Он вскоре последовал за мной, и когда его внушительная фигура загородила мне открытый дверной проем, я проговорила:

— Мне нужно, чтобы ты остался здесь на ночь.

Он нахмурил брови.

— Почему?

Это был разумный вопрос. Не знаю, почему он меня так разозлил.

Защищаясь, я ответил:

— У меня сегодня работа.

Это не очень понравилось ему.

— Я думал, ты ушла.

— Да, — сказала я, — Но я должна этому парню.

— Нет, — холодно произнес Твитч. — Ты сама это сказала. Ты должна *мне*. — Он оглядел меня с ног до головы. — Ты никуда не пойдешь, Молли.

Гребаный бред.

— Я не ребенок, — прорычала я, мои глаза расширились от ярости. Мои полные губы скривились. — И я не *твой* ребенок. Ты не можешь указывать мне, что делать. Кроме того, — добавила я, — я предупреждаю только из уважения. — Я закончила: — Я ухожу.

Он, казалось, задумался над этим, борясь с необходимостью что-то сказать, долго стучал руками по дверной раме, прежде чем протянуть руку.

— Дай мне свой телефон.

Если это был единственный способ заставить его оставить меня в покое, я согласна. Я разблокировала экран и протянула ему свой телефон.

Он быстро набрал текст, глядя на экран, затем пробормотал:

— Если попадешь в беду, позвони по этому номеру. За тобой приедут. — Я потянулась за телефоном, но он держал его на расстоянии вытянутой руки. — Мне нужно, чтобы ты помнила о своем обещании мне. — Его темный взгляд удерживал меня на месте. — Убедись, что ты в безопасности, и, если почувствуешь, что это не так, звони. Твоя жизнь важна для меня. — Его слова согрели мое сердце. Но потом он все испортил. — Твоя жизнь — это инструмент. Это то, что я могу использовать для обеспечения безопасности моего сына, поэтому убедись, что ты вернешься целой и невредимой, Молли. Если не вернешься... — Его ровный, как виски, голос был обманчиво спокоен. — Я буду очень разочарован.

Я хотела вернуть свой телефон, и он знал это, потому что его губы подергивались, когда я хмуро смотрела на прямоугольную штуковину.

— Куда направляешься?

— Пока не знаю, но я скоро уеду.

— У тебя есть все необходимое? — он говорил об оружии.

Я кивнула.

— У меня все готово.

— Тебя подвезти?

Черт возьми.

— Нет, пап, — пробурчала я, раздражаясь. — Я возьму «Большую красную машинку».

— Когда ты вернешься?

Боже мой. Наконец-то до меня дошло.

Он по какой-то причине тянул время, но почему?

Я была официально взбешена.

Я наклонилась и зашипела:

— Отдай мне мой телефон!

Он проверил экран, прежде чем отдать его, и я пролистала свои контакты, найдя номер, который он добавил.

Я прочитала его вслух:

— 911. — Вслед за этим я захихикала.

Он не засмеялся. Нет.

Он внимательно наблюдал за мной.

— Звони, если понадобится. Не геройствуй. Твоя жизнь не для того, чтобы рисковать ею, Молли. — Он вышел из моей комнаты в коридор. — Она моя.

Пока он уходил, я скривилась и показала ему средний палец.

Слова, которые он произнес в ответ, были очень забавными.

— Не круто.

Я отправила сообщение.

Я: *Я в деле.*

А потом я стала ждать.

Через несколько минут я получила ответное сообщение.

Тама: *Склад. Через час.*

Как в старые добрые времена.

Я быстро оделась в черные узкие джинсы и черную майку без лифчика. Это не имело значения. Я была почти плоской, грудь была совсем маленькой, как и подобает миниатюрной девчонке. Никто бы даже не заметил. Сверху я надела облегающую черную кружевную накидку с длинными рукавами, которая никак не защищала меня от холода. Это было скорее модное заявление. Завершая образ, я надела черные кроссовки «Чакс», которые, безусловно, пережили лучшие времена.

Нанеся помаду на губы, которые мои сестры когда-то называли «холодным супом», я проверила макияж и была готова к работе.

Перед тем как выйти из комнаты, я надела кобуру, совершенно не скрывая ее наличия. Я больше не пряталась. Ни от Лекси, ни от кого бы то ни было. Когда я вошла в гостиную, Лекси уже стояла там, и когда она посмотрела на мой ножной чехол, в котором лежал мой любимый охотничий нож, ее глаза расширились на мгновение, прежде чем она сделала глубокий вдох, закрыла глаза и шагнула ближе ко мне, положив руки мне на плечи.

И то, что она сказала, заставило меня почувствовать то, от чего мне стало не по себе.

— Этот дом — дом только потому, что в нем живут люди. — Мягкий, материнский голос Лекси пронесся надо мной. — И он не был бы таким же без тебя. Так что будь умницей и будь в безопасности. — Я закрыла глаза, и она прикоснулась своей теплой рукой к моей щеке. — Возвращайся к нам, Молли.

Я любила эту женщину. Она напоминала мне мою мать.

— Вернусь. — Мой тон был мягким.

Не оглядываясь, я вышла через заднюю дверь и вошла в гараж. Когда я завела «Большую красную», она взревела, сотрясая стены с каждым грубым грохотом, который она извергала, чтобы дать всем знать, что она «оживала»

Черт. Я любила эту машину.

Я уезжала и не знала, когда вернусь.

Но я планировала вернуться.

К своей семье.

Полуразрушенный склад не был неожиданностью. Я бывала здесь сотни раз. На самом деле именно здесь мы с Тамой впервые встретились благодаря общему другу, который рассказал Таме Хариану о моей специальности. Специальности, в которой он как раз нуждался.

Я была наемником. Оружие по найму, и чертовски хорошее. Я училась у лучших, тренировалась с худшими из тех, кто давал мне преимущество, необходимое для того, чтобы

встать на ноги в мире, который хотел наступить на меня, втоптать меня, пока бы я не погрузилась в холодную, твердую землю.

К шестнадцати годам я сделала себе имя, а к восемнадцати меня стали называть Квикбит — быстрый удар. Не знаю, кто это начал, но это прижилось, и если раньше люди открыто выкрикивали мое имя, то теперь они стали произносить его шепотом.

Я бы солгала, если бы сказала, что мне это не нравится.

Они ждали меня снаружи. Их было четверо, огромные мужчины-маори, но я смотрела только на одного.

На одного.

Я въехала на стоянку, из динамиков неслась песня Cardi B «I Like It». Сабвуфер заставлял все заднее лобовое стекло вибрировать от тяжелых басов, от которых у меня замирало сердце. Мне нужно было взбодриться, и музыка помогла мне в этом.

Давненько я этого не делала.

«Большая красная» взревела, когда я нажала на педаль газа и крутанула руль, прислонившись к двери, когда машину занесло в сторону, и я с ухмылкой наблюдала, как гравий осыпает мужчин, заставляя их закрывать лица руками. Я резко остановила машину, заглушила и вышла из нее с ехидной ухмылкой, толкнув дверь задницей и уверенно проскользнув к ним.

Я оглядела парней. Я знала их всех.

Хеми, огромный плюшевый медведь, был там. Он дернул подбородком в мою сторону.

Амохо не пожалел для меня улыбки. Она была честной. Я пристально смотрела на него, а он смотрел на меня.

Лицо Каваны было мягким, но он не поприветствовал меня.

Это было неприятно.

Я любила Кавану. Он был моим мальчиком.

Когда мой взгляд остановился на Таме, я стояла перед огромным, мускулистым мужчиной. Его рост в сто девяносто сантиметров контрастировал с моими шестьдесятю, но я держалась уверенно, стоя во весь рост и сложив руки на груди. Мой мелодичный голос был таким обманчивым. И всегда был таким.

— Тама. — Я оглядела его с ног до головы, остановившись на его промежности, прежде чем поднять глаза на него. — Ты хорошо выглядишь.

И он выглядел. Боже мой, как он выглядел.

Тама весил сто двадцать пять килограмм чистых мышц. Его грудь была широкой. Его плечи были еще шире. Я всегда считала этого человека богом. Мстительным богом. И его черный взгляд был устремлен на меня. Татуировки на его лице придавали ему устрашающий вид, но все, чего я хотела, это провести пальцами по ним и покрыть их поцелуями.

Когда он открыл рот, слова прозвучали грубо, и все мое тело покрылось мурашками.

— Почему ты пришла?

Потому что ты попросил меня.

Потому что сожалею о боли, которую причинила тебе.

Потому что я никогда никого не буду любить так, как тебя.

Я пожала плечами, не сводя с него глаз.

— Цена была подходящей. — Мой тон понизился. — Кстати, о ней...

Тама потянулся за спину, и на мгновение мое сердце остановилось.

Я была в меньшинстве, в численном и весовом меньшинстве.

Вот это да.

Глупо было приходиться сюда.

Быстрее молнии я направила на него оба своих «Глока», не мигая, а этот засранец ухмыльнулся и бросил пачку денег к моим ногам.

Он сделал это специально, и своей идиотской демонстрацией я выдала свое беспокойство. И Тама рассчитывал на это. Он хорошо меня знал.

Черт.

Тама издевался надо мной. Тем более, когда он сказал:

— На что тебе нужны деньги? На подгузники для твоего мальчишка?

Я ничего не ответила. Я едва моргнула. Но я опустила оружие и убрала его в кобуру.

Пытаясь выглянуть из-за них, я произнесла:

— Что стряслось?

Его волосы были безукоризненно затянуты в традиционный узел, он был одет с иголки, и когда издал тихий вздох, он опустил свои массивные руки.

— Я хочу, чтобы она умерла.

Моя бровь нахмурилась.

— И это все?

Он мог бы сделать это сам.

Тама посмотрел на меня исподлобья.

— Я хочу, чтобы она страдала.

Ах. Вот оно что.

Тама не мучил женщин.

Нет. Он предоставил это мне.

Я кивнула.

— Без проблем. Кто она? — в ответ он ничего не ответил, и после напряженного поединка взглядов мои ноги сдвинулись с места. Оставив деньги на земле, я прошла мимо него, прошептав:

— Достаточно справедливая оплата.

Склад был тусклым, за исключением единственной лампы, направленной на женщину, привязанную к стулу в центре пустого пола.

Бедная сучка.

Интересно, что она сделала, чтобы заслужить гнев Тамы Харианы?

Но потом мысли переключились на деньги, и только эта мысль не давала покоя.

Какая разница?

Это была тяжелая жизнь, наша, и мало кто мог понять, как мы это делали. Этика для меня, для Тамы, была лишь размытыми границами. Это были не совсем правила, просто рекомендации, которым мы решали следовать или нет.

Иногда мы следовали, иногда нет.

За правильную цену можно было купить все. Даже смерть.

И тут появилась я.

Я подошла к женщине, которая была одета в длинный черный пиджак, черные, обычные треники, а ее ноги были босыми. Ее голова была покрыта широким бязевым мешком, и, судя по тому, как она боролась и напрягалась, ее крики были приглушены, они заклеили ей рот.

Хорошо.

Я не хотела их слышать. Иногда это может чертовски отвлекать. Мне это было не

нужно.

— Прости, дорогуша, — тихо сказала я ей. — Ничего личного. Это просто бизнес.

Вытащив нож из чехла, я полезла в карман и достала кожаные перчатки, надела их, а затем потянулась к шее и натянула на нос черную маску. Единственная причина, по которой я носила ее, заключалась в том, чтобы защитить себя от прикосновения зараженной крови. Я всегда была осторожна, никогда не знаешь, с кем имеешь дело.

Когда я вдавила кончик ножа в руку женщины, она откинула голову назад и вскрикнула из-под кляпа на губах.

Мое сердце бешено колотилось.

Все ее тело задрожало, и я вынула нож из центра ее руки, затем пробормотала:

— Не знаю, что ты сделала, чтобы разозлить его, но обещаю, что покончу с этим, как только смогу.

Я не любила жестокость. Я не была жестокой по своей природе.

Меня такой сделали.

Когда я оглянулась и увидела, что все четверо мужчин выстроились стеной, мое сердце заколотилось.

Это было странно.

Почему я чувствовала, что они запирают меня внутри?

Женщина в кресле просила о помощи, и, клянусь, в ее голосе чувствовалась какая-то знакомость. Моя бровь опустилась, и я оглянулась на Тама, вытирая лезвие ножа своими кожаными перчатками.

— Кто она, Тама?

Тама покачал головой.

— Кто-то, кто должен умереть.

Я повернулась обратно к женщине и нахмурилась, глядя на то, как она пытается пошевелить руками. Они сильно дрожали, но она тщетно пыталась ими пошевелить, делая движения снова и снова, но я не понимала, что ей нужно.

Что-то заставило меня почувствовать беспокойство. Оглянувшись на то, как мужчины охраняют выход, я снова посмотрела на женщину, и когда я приблизилась к ней, протягивая руку за бязевым мешком, Тама мягко предупредил:

— Только тронь этот мешок, и, клянусь Богом, Молли, я убью тебя на хрен.

Мое сердце бешено колотилось. Мое дыхание стало тяжелым, и я смотрела на женщину расширенными глазами. Когда она сделала скрюченными пальцами движение, которое вернуло меня в детство, я задохнулась и бросилась вперед.

Это была буква «М». Она сложила ее дрожащими пальцами, и мое сердце замерло.

Когда позади раздались звуки тяжелых шагов, я бросилась к ней, кинулась к ней на колени, используя ее как сиденье, прикрывая ее, и, раскинув ноги, всем телом затряслась от сдерживаемой ярости. Я подняла свои «Глоки», и они замерли на месте.

Тама шагнул вперед, и мой голос дрогнул.

— Как ты мог?

Он просто смотрел на меня, и так продолжалось некоторое время, прежде чем он спокойно сказал:

— Это цена, которую ты платишь, Молли. — Слова были безэмоциональными, холодными. — Сестра за брата.

Ублюдок.

Поднимаясь на дрожащие ноги, я выдержала его взгляд.

— Я забираю свою сестру и ухожу.

— Нет, не уходишь, — сказал Тама.

Но сзади него раздалось едва слышное:

— Да, именно это она и делает.

Мое сердце заколотилось.

Твитч.

Тама и его люди отступили от безоружного человека, и когда Твитч заговорил снова, он посмотрел прямо на Таму.

— Ты знаешь меня?

Челюсть Тамы сжалась.

— Да, братан.

Твитч почесал аккуратно подстриженную щетину на челюсти.

— Хорошо. — Он оглядел мужчин и обратился ко мне. — Пошли.

Не знаю, откуда он узнал, где я, но в тот момент я почувствовала облегчение от того, что он появился без предупреждения.

Голос Тамы пылал белым огнем ярости.

— Слушай сюда, братан. Если Молли в твоём доме, значит, она там, чтобы проникнуть в него. — Он предупредил Твитча: — Кто-то в итоге умрет, и это будет не она.

— Это то, что случилось с тобой? — спросил Твитч у Тамы, но тот не ответил. — Я думаю, если Молли сделала это с тобой — особенно с тобой — то ты задаешь неверные вопросы. Правильный вопрос — почему?

Тама покачал головой.

— Ты совершаешь ошибку.

Но Твитч просто смотрел на огромного мужчину.

— Похоже, ты уже совершил парочку таких в отношении своей девушки.

Как только сняла мешок с головы моей сестры, я посмотрела на ее залитое слезами лицо широко раскрытыми глазами.

— Ленка.

Моя старшая сестра разразилась рыданиями, и я осторожно сняла скотч с ее рта. Ее голос дрожал.

— Я думала, ты убьешь меня, Мол.

Так и было.

Эта мысль потрясла меня до глубины души.

Тама повернулся, явно разъяренный тем, что его план был разрушен, и прорычал:

— Ты убила моего брата, Молли Те Виата. И это не останется безнаказанным. — Он наставил на меня суровый палец. — Помяни меня.

Моя сестра повернулась ко мне лицом.

— Ты так и не сказала ему?

— Заткнись, — пробормотала я, прожигая ее взглядом.

Но Ленку было не заткнуть. Она оттолкнулась от меня, и ее голос разнесся по всему складу.

— Твоя цена уже уплачена, гребанный пес!

Тама шагнул вперед. Назваться псом было самым низким из оскорблений.

— Что ты только что сказала, сука?

Ленка была в ярости. Она тряслась от ярости.

— Твой брат Ури был свиньей.

— Повтори. — Тама шагнул ближе, и его голос задрожал.

Но Ленку было не запугать.

— Моя сестра любила тебя, придурок. Ты думаешь, она убила твоего брата ради забавы?

Спроси себя, какого хрена он должен был сделать, чтобы Молли забрала его никчемную жизнь. — Она задыхалась. — Мы были на твоей земле. — Ее голос дрожал. — Нам обещали защиту. — Она указала дрожащим пальцем на огромного мужчину и завопила: — Нам обещали защиту, а ты подвел нас, Тама Хариана!

Тама выглядел растерянным. Я опустила взгляд, отказываясь смотреть на него.

Голос Ленки дрожал.

— Он трогал ее. Она была еще ребенком. Он делал с ней непростительные вещи, и она не была готова к ним. Он разрушил ее, и как бы мы ни старались, кошмары поглотили ее.

В голосе Тамы звучало недоумение.

— О ком ты?

— Кейша. — Мой голос был отрешенным.

Моя младшая сестра, Кейша. Младшая из нас.

Ленка пыталась держать себя в руках.

— Ури изнасиловал ее. Он взял ее силой. Она была совсем маленькой девочкой.

Тама засмеялся.

— Ты бредишь сумасшедшая сучка!

Другие мужчины тоже засмеялись, пока Твитч наблюдал за происходящим, а глаза Ленки расширились, и она закричала:

— Тебя там не было! — моя сестра упала на колени и застонала, как раненое животное, держась за горло. Она выла: — Тебя там не было. — Никто больше не смеялся. Ленка закрыла глаза, ее голос был чуть громче шепота. — Я нашла ее подвешенной за розовые цветочные простыни. Простыни тринадцатилетней девочки. Тринадцатилетней, которая узнала, что беременна, и которая испугалась, что не может прийти с этим к нам. — Из глаз Ленки лились тихие слезы, пока она смотрела на Таму, ее эмоциональное состояние было хрупким. — Он сделал это с ней.

Тама покачал головой.

И мы закончили.

— Пойдем. — Я помогла сестре подняться и повела ее к выходу, к Твитчу.

К свободе.

Когда Ленка была благополучно помещена на пассажирское сиденье моей машины, я подошла к мужчинам, стараясь держаться на расстоянии, медленно достала «Глок» и направила его в голову Тамы. Мой тон был низким.

— Я любила тебя. В какой-то момент я сделала бы для тебя все, что угодно. Но когда я заговорила о своих опасениях по поводу Ури, ты отмахнулся от них. — Я опустила пистолет, держа его наготове. — Ты подвел меня. Ты подвел Кейшу. — Я отступила назад. — Ее смерть на вашей совести, шеф.

Когда он внимательно посмотрел на меня, и его взгляд вдруг стал неуверенным, я пробормотала:

— Сестра за брата? — я оглядела его с ног до головы, опустив оружие. — Ты понял. Считай, что мой долг оплачен.

Я случайно сделала слишком большой шаг назад и столкнулась с Твитчем. Он стоял у меня за спиной, обняв за плечи, и я позволила ему это.

Слова, которые он произнес, были ошеломляющими.

Его голос был низким, грубым.

— Думаю, до вас, ублюдков, должно дойти, что Молли находится под моей защитой. — Его тон был убийственным. — Насколько вы все понимаете, она моя приемная дочь. Она моя семья. Если вы придете за ней, вы придете за мной и *всем* моим. — Рука крепко обхватила мои плечи, удерживая меня в неподвижном состоянии, и до этого момента я не замечала, что дрожу. — Распространяйте информацию.

Мой гнев взял верх.

Задыхаясь, я подняла пистолет и разрядила обойму, эхо выстрелов разнеслось вокруг нас, и когда звук затих, Твитч сказал сзади меня.

— Отличная стрельба.

— О чем ты говоришь? — я выскользнула из его объятий и повернулась назад, чтобы посмотреть на пулевые отверстия, окружавшие Таму и его людей, оставляя их совершенно нетронутыми и выглядящими чертовски раздраженными.

Когда я шла обратно к своей машине, я холодно произнесла:

— Я промахнулась.

Твитч

Я вышел из машины и подошел к Молли.

— Хочешь поговорить об этом?

— Нет, — пробормотала она, надувшись.

Я остановился, чтобы посмотреть на другую женщину в машине, я не хотел, чтобы она была в доме моего ангела. Она выглядела нестабильной. Не хотел, чтобы это дерьмо было рядом с моим сыном. Поэтому я достал ключи и протянул их Молли.

— Отведи ее ко мне. Приведи ее в порядок. Пусть проспится, — осторожно сказал я. — Но завтра она уйдет.

Молли долго смотрела на сестру, прежде чем едва заметно кивнуть. Я знал, она поняла, что именно я пытаюсь ей сказать.

Может, она и твоя сестра, но теперь мы твоя семья.

Они перешли через дорогу, и когда я увидел, что они закрыли за собой дверь, мой бдительный взгляд окинул пустую улицу. Убедившись, что они в безопасности, я вошел внутрь, и как только закрыл дверь, и Хэппи, и Лекси встали. Я поднял руки вверх.

— Она в порядке.

Все тело Лекси медленно расслабилось от облегчения, прежде чем она выпрямилась и заговорила голосом строгой мамочки.

— О чем она думала?

Я расстегнул толстовку и стряхнул ее, бросив на диван.

— Она любит его. — Когда-то бы я высмеял ее за это. Сегодня я понял. — Ты делаешь глупые вещи для людей, которых любишь. Все, чтобы сделать их счастливыми.

Хэппи хрюкнул от смеха.

— И откуда такие познания?

Я подошел к мужчине, вытянув руку, и когда подошел достаточно близко, он вложил свою руку в мою и притянул к себе, хлопнув меня по спине в тот самый момент, когда моя рука соединилась с его.

— Я перед тобой в долгу.

Хэппи засмеялся.

— Знаю. — Когда отстранился, он усмехнулся. — Когда-нибудь я предоставлю тебе счет. — Он протянул руки к Лекси, и она пошла к нему, крепко обняла его, а потом он исчез.

Мой ангел стояла, внимательно наблюдая за мной, прежде чем сделать шаг вперед, протягивая руку.

— Иди сюда. Поговори со мной.

Ну, фак. Это звучало не очень хорошо.

Каждый раз, когда мы разговаривали в эти дни, мы заканчивали спором. Я не хотел спорить. Я хотел лечь в постель со своей женщиной и заснуть, вдыхая сладкий ванильный аромат ее густых волос.

Но Лекси хотела поговорить, так что мы поговорим.

Подойдя к ней, я проигнорировал ее руку и шагнул ближе, положив руки ей на бедра и притянув ее к себе.

— Я могу придумать много более приятных занятий, чем разговоры, — хрипло

прошептал я.

И хотя она выглядела замороженной моим предложением, о чем свидетельствовал приоткрытый рот, но она покачала головой.

Мои губы сжались от досады.

— Хорошо, детка. — Я вздохнул. — О чем ты хочешь поговорить?

Лекси

Я подняла на него глаза и почувствовала, как мое сердце сбилось с ритма.

Черт. Он не должен был влиять на меня так, как влиял. Не после всего этого времени.

И мне чертовски нравилось, как он смотрел на меня. Я никогда не знала, как он будет использовать этот рот. Будет ли он просто говорить со мной или поглотит меня целиком?

Честно говоря, меня устраивали оба варианта.

Когда я облизала губы, его пристальный взгляд остановился на них. Его взгляд полузакрытых глаз заставил мое сердце биться быстрее.

Он смотрел на меня так, словно его член уже был внутри меня, и, как ни странно, я это чувствовала.

Прочистив горло, я потянула его к дивану, а когда села, то была приятно удивлена, когда он лег на него, положив голову мне на колени.

Мне стало тепло на сердце от того, что он использовал меня так, как ему было нужно. Он всегда был гордецом. Шесть лет назад он никогда бы не позволил поставить себя в положение слабости. Но сейчас он позволил мне это.

Наверное, я наблюдала за ним слишком долго, потому что, когда он поднял руку и нежно провел пальцем по морщинке между бровей, он издал горловой звук, а затем пробормотал:

— Не хмурься. — Его собственные брови нахмурились. — Не-а. Мне это ни черта не нравится.

В последние пару дней я заметила, что слишком сильно и быстро привязываюсь к Твитчу, а в последний раз, когда я это сделала, мне разбили сердце. Так что нам нужно было поговорить.

Я глубоко вдохнула и начала с тихого:

— У меня есть опасения.

Как только эти слова сорвались с моих губ, я почувствовала, что его тело напряглось. Он осторожно спросил:

— Какого рода опасения?

— Такие, которые заставляют тебя сомневаться, правильные ли решения ты принимаешь для себя. — Мое сердце бешено колотилось, когда я добавила: — Для твоего сына.

Услышав это, он сел и долго смотрел прямо перед собой, прежде чем сделать глубокий вдох и на выдохе произнести грубым тоном:

— Что происходит?

Мой голос дрогнул.

— Я хочу сказать, что даже если мы не сможем быть вместе в конце концов... — Боже, это больно — Я счастлива, что ты был частью моей жизни.

При этих словах он положил руки мне на плечи и сжал их. Он закрыл глаза на секунду, прежде чем посмотреть в мои глаза. Его взгляд был напряженным.

— Ты... — я почувствовала, как его руки дрожат на моей коже. — Ты просишь меня уйти?

Ох.

Я нахмурилась.

Я могла и догадаться, что именно к такому заключению он и придет.

— Нет, — тихо сказала я. — Нет. — Я придвинулась и взяла его руки в свои, и когда посмотрела ему прямо в глаза, я произнесла: — Я лишь даю тебе шанс отступить, — все его тело ослабло, и он снова начал дышать.

Но я не ожидала такой реакции.

Я ожидала понимания. Ожидала его благодарности. Я не ожидала такой откровенной ярости.

Он говорил сквозь стиснутые зубы, отстраняясь от меня, и я почувствовала потерю всем своим естеством.

— Если ты хочешь быть со мной, будь. Вся, без остатка. Но меня тошнит от этого дерьма, больше никакого дерьма. — Эти мягкие карие глаза вдруг стали жесткими. — Я знаю, что ты хочешь меня так же сильно, как я хочу тебя, так почему же, черт возьми, ты не со мной? — он закрыл глаза и тяжело сглотнул. — Ты моя гребаная религия, Лекси. — Когда его глаза открылись, они смотрели на меня, но его голос был нехарактерно тихим. — Позволь мне поклоняться тебе.

Я не понимала этого, но его гнев, казалось, подпитывал мой.

— Ну, прости меня за то, что я сомневаюсь. — Мой жесткий взгляд задержался на нем. — Особенно когда речь идет о моем сыне.

— Нашем сыне, — проворчал он, прежде чем перестроить свой тон. — Он наш сын, Лекс. Мы оба принимали участие в его создании. Он *наш*.

Я тут же пожалела о своих словах, как только произнесла их.

— Но только один из нас остался здесь.

Он встал и зашагал, и у меня защемило в груди. Все прошло совсем не так, как я планировала. Я хотела спокойного разговора; я хотела простых ответов, а получила лишь бурлящий спор, который, казалось, только разрастался.

— И что? — произнес Тони. — Ты хочешь, чтобы я ушел? — я никогда не говорила этого, но была слишком ошеломлена, чтобы говорить. Он, очевидно, воспринял это как «да», потому что его следующие слова были заряженным пистолетом, и они были нацелены на меня. — Послушай меня, Алекса. Эйджей может любить нас обоих. — Он сделал паузу в своих шагах, чтобы окинуть меня мрачным взглядом. — Или он может ненавидеть тебя. Решай сама.

Бах.

Мой голос задрожал от понимания того, что он только что сказал.

— Ты ублюдок.

И в этот момент он понял, что облажался. Он приложил руку к бедру, а другую ко лбу, слегка постучав костяшками пальцев по виску. Он говорил сквозь стиснутые зубы, его глаза были плотно закрыты.

— Это прозвучало неправильно.

— Я думаю, тебе нужно уйти.

— Я не это имел в виду. — Он вздохнул.

Мой тон был мягким, как шепот.

— Тебе нужно уйти.

— Нет. — Он покачал головой, пытаясь образумить меня. — Я остаюсь здесь. Линг чертовски сумасшедшая. Думаешь, она не подумает дважды о том, чтобы прийти сюда и причинить тебе вред?

Мне было уже давно плевать.

— А тебе какое дело?

Когда он набросился на меня своим громадным телом, это было настолько неожиданное движение, что я не успела среагировать. Он поймал оба моих запястья в свои руки, сжимая их до синяков, и тряс меня, рыча:

— Ты что, бл*дь, не понимаешь? Я готов отдать за тебя свою жизнь. — Когда мои расширенные глаза встретились с его глазами, он посмотрел на свои руки и отпустил мои запястья, отступив назад и глядя в сторону. — На самом деле, — он слегка задыхался, теряясь в собственных мыслях, — я уже сделал это.

Я потеряла запястья, не потому что было больно, а потому что его грубое прикосновение обожгло меня так, как я не чувствовала уже много лет.

И в истинном стиле Твитча, он прошел по коридору, открыл входную дверь и вышел, исчезая за моей спиной.

Как только он ушел, я заскучала по нему.

Когда проснулась утром, чувствуя невероятное раздражение, я вышла из своей спальни в ночной рубашке и получила откровенную оплеуху.

Сукин сын.

Я замерла на середине шага и смотрела, как искусно украшенный взрослый мужчина лежит на полу без рубашки, а его сын прижимает к его коже цветные маркеры, используя его как свою личную книжку-раскраску.

Маленький монстр посмотрел на меня и улыбнулся.

— Привет, мамочка. — Он жестом указал на своего отца. — Смотри.

И я смотрела.

Он был прекрасен.

И когда он взглянул на меня, у меня перехватило дыхание. Тем более, когда он произнес осторожное:

— Доброе утро, мамочка.

Ух. Мое сердце. Нечестно.

Я прочистила горло.

— Ты отвезешь его в школу сегодня утром?

— Конечно, — сказал он, наблюдая за моим лицом так, что это говорило о многом.

Он размышлял о том, сколько вреда нанес накануне вечером.

Я кивнула, избегая его пристального взгляда.

— Хорошо. Я пойду пробежусь.

Когда я вышла из душа, они уже ушли, и когда вошла в спальню, мой взгляд зацепился за красное пятно на тумбочке.

Я подошла к ней, взяла ярко-красную циннию и покрутила ее между пальцами, а затем прижала к губам. Лепестки были прохладными на моей коже.

И почему мне захотелось плакать, кто бы знал.

Страхнув с себя грусть, я немного потянулась, затем оделась и дошла до машины. Я отперла дверь и вздохнула, заметив, что забыла свою бутылку с напитком. Выйдя из

заведенной машины, я на долю секунды забежала в дом и в рекордное время вернулась к машине, пристегнула ремень безопасности и начала движение задним ходом.

Услышав, что по радио играет джем, я подпевала. Громко.

— Ты даже не закрываешь ее?

Нажав на тормоза, мое тело затряслось, и в панике я нажала на сигнал, прежде чем сделать глубокий вдох и прокричать во все горло.

— Все еще ни хрена не умеешь петь, детка.

Продолжая вопить, я слышала его низкий грубый смех, и мой вопль усилился, когда я потянулась за сиденьем, вслепую отмахиваясь от назойливого мужчины.

Когда его смех усилился и у меня перехватило дыхание, я повернулась на своем сиденье и посмотрела на него, широко раскрыв глаза и задыхаясь. Как только увидела, что он лежит на заднем сиденье, откинувшись на спинку, закинув руку за голову и ухмыляясь, смотрит на меня, я повернулась, откинула голову назад и снова вскрикнула, только на этот раз с криком:

— Придурок!

Сердце вырывалось из груди, я запыхалась во второй раз, и с покрасневшими щеками мое тело сотрясалось от беззвучного смеха. Я прижалась лбом к рулю, снова раздался гудок, и мой смех усилился. Я проговорила сквозь одышку:

— Ты напугал меня до смерти.

Я почувствовала, как он перелез через центральную консоль и сел на пассажирское сиденье, ожидая, пока я соберусь с духом, и когда наконец это сделала, я посмотрела на него сузившимися глазами, и эта красивая кривая улыбка ударила меня как пощечина. Он наклонился ко мне.

— Скучала по мне?

Я покачала головой, мое горло резко сжалось.

— Ты — мудак.

— Я знаю, — грубо произнес он. — Но этот мудак тебя обожает.

О, он не мог этого сделать.

Но он сделал.

Это все, что требовалось.

Мое лицо сморщилось, я разрыдалась, и, всхлипывая, проговорила сквозь рыдания.

— Я в ужасе.

— Почему? — когда я не ответила, он попытался снова. — Мне нужно, чтобы ты поговорила со мной, Ангел.

Мои плечи задрожали. Я опустила подбородок, наблюдая, как слезы падают мне на колени. Мой голос был мягким, как пух.

— Я боюсь, что ты снова меня оставишь. — Я расклеилась совсем. — Ты знаешь, каково это? Никогда не знать, что сегодня ваш последний день вместе? Всегда думать, что это может быть конец? — слезы продолжали литься, и я прошептала: — Это чертовски страшно — хотеть вечности с кем-то, кто, возможно, не сможет дать ее тебе. — Я сделала глубокий, дрожащий вдох и призналась: — Я потеряла себя, когда потеряла тебя. Я не думаю, что переживу это во второй раз.

Он внимательно наблюдал за мной, его глаза были мягкими. Он молчал некоторое время, но, когда заговорил, его тон был серьезным.

— Все, что я делал, я делал для нас, чтобы мы могли быть семьей.

— Я знаю. Но мне больно любить тебя, Твитч. — Я произнесла это сквозь дрожащий

выдох. — Всегда было больно.

Потянувшись, он взял мою руку в одну и мой подбородок в другую, повернув меня лицом к себе, и от его слов у меня сжался живот.

— Пройди это со мной, и мы выберемся из этого вместе. — Опустив голову, он прижался губами к костяшкам моих пальцев и произнес. — Дерись или умри, детка. Вместе и навсегда. Ты — для меня. Я знаю, что я — для тебя. — Он посмотрел на меня сквозь опущенные веки. — Будешь ли ты любить меня вечность?

На моих губах заиграла легкая улыбка, и я тяжело сглотнула.

— Вечность — это очень долго.

Его глаза сморщились в уголках, подозреваю, из-за его улыбки.

— Да, это так.

Он отпустил меня с неохотным вздохом, прежде чем открыть пассажирскую дверь. Он замешкался на секунду, прежде чем посмотреть прямо перед собой, и от его торжественной клятвы у меня защемило сердце.

— Возможно, сейчас это ни черта не значит, и я знаю, что тебе нужно было услышать это тогда, но я не мог сказать тебе этого тогда, поэтому говорю это сейчас. Короткая пауза, а затем: — Я буду любить тебя до скончания времен.

Прежде чем я успела осознать его слова, дверь закрылась, и он пошел обратно через улицу.

Твитч

Это была тяжелая неделя для моего Ангела, и я знал, что ей нужно.

Ночь вне дома.

Ночь хорошей еды.

Ночь с ее мужчиной.

Желательно такая, которая покончит с этой тяжелой неделей и закончится грубым, страстным сексом.

Поэтому, когда я появился на пороге ее дома в костюме за восемь тысяч долларов, который купил специально для нее, и прошел по коридору в гостевую комнату, я увидел Молли и Эйджея, лежавших на диване. Когда маленькая женщина заметила меня, она хихикнула и издала протяжный свист.

— Вот дерьмо. Ты идешь на похороны или что?

Мой сын только посмотрел на меня широко раскрытыми глазами и прошептал:

— Вау.

Но дом казался пустым. Нахмурившись, я огляделся вокруг, прежде чем спросить:

— Где она?

Эйджей снова повернулся к телевизору.

— Вечер свиданий.

Простите?

Мой голос стал низким.

— Что, простите?

Широкие глаза Молли остановились на мне.

— Это вечер свиданий.

Черта с два.

— С кем? — я едва мог сдержать свою гребаную ярость.

Молли пожала плечами, оглядев меня с ног до головы.

— Я уверена, что ты сможешь найти ее, если действительно захочешь. Знаешь... — сказала она со значением, ее бровь изогнулась дугой. — Как ты нашел меня?

Остановившись лишь на мгновение, чтобы пожелать сыну спокойной ночи, я вышел из дома, и мой гнев пульсировал так сильно, что я слышал только рев крови в ушах.

Остановившись у дома, я взял ключи и направился к машине. Я завел ее, затем потянулся к бардачку, достал свой заветный 45-й калибр и положил его на сиденье рядом с собой.

Моя челюсть застыла, когда я подумал о том, что сказала Молли.

Похоже, что я все-таки еду на похороны.

Прижав педаль к металлу, я мчался по улице, совершенно охреневший от ярости, отслеживая по GPS путь к своей женщине.

И да поможет ей Бог, когда я ее найду.

Лекси

Я знала, что он придет. Рассчитывала на это. И сидя на пляже в ожидании, я слышала его вздох, когда он приблизился. Я обернулась, чтобы посмотреть на него, его лицо сменило гнев на облегчение, он остановился, покачивая головой, прежде чем пробормотать:

— Ты одна.

Мои брови на мгновение нахмурились, но когда я увидела, во что он был одет, губы сами собой растянулись в мягкой улыбке. Увидеть его в сшитом на заказ темно-сером костюме было отголоском из прошлого.

*Иисус, бл*дь, Христос всемогущий.*

Я прикусила губу.

— Выглядишь привлекательно.

Моим женским прелестям это *очень* понравилось.

Он подошел и встал рядом со мной, и когда я посмотрела на него снизу вверх из своего сидячего положения, он поймал мой взгляд.

— Молли сказала, что ты была на свидании.

— Нет, она этого не делала. — Я посмотрела в сторону берега, наблюдая, как разбиваются и пенятся волны. — Она могла лишь сказать, что я была на вечере свиданий.

Последовало молчание, и чем дольше оно продолжалось, тем шире становилась моя внутренняя усмешка.

— Ладно, — сказал он, придвигаясь, чтобы сесть рядом со мной. — Я сдаюсь. — Подняв колени, он оперся на них предплечьями, затем сузил глаза, глядя на меня. — Что за вечер свиданий?

Я улыбнулась про себя, мысленно похвалив его хладнокровное поведение.

Было ли это испытанием? Не намеренно, нет. Но это оказалось удачным, и его самообладание сказало мне, насколько сильно он изменился.

Это было важно.

— Чтобы ответить на этот вопрос, тебе нужна небольшая справочная информация. Итак, — начала я, — однажды ЭйДжей был в школе, когда один из учеников спросил своего учителя, что такое вечер свиданий. Маленькая девочка хотела знать, потому что ее родители собирались на свидание, и она не была уверена, что это такое. Учительница ЭйДжея объяснила, что иногда мамы и папы отправляются вместе на вечер без своих детей. Что некоторые родители делают это раз в неделю, в то время как другие делают это только в особые дни. И когда ЭйДжей вернулся домой, он спросил меня, почему я никогда не ходила на вечер свиданий. Я объяснила, что это применимо только к родителям, у которых есть партнеры. — Я повернулась лицом к Твитчу. — Но ЭйДжей не думал, что это было справедливо по отношению ко мне.

Лицо Твитча смягчилось, а моя улыбка стала шире.

— Ах, несправедливость этого мира. Нет. Наш сын не мог этого допустить. Он спросил, есть ли какой-нибудь особенный день, *любой* день, который я могла бы использовать для вечера свиданий. И у меня был один на уме. Итак, он настоял, чтобы я им воспользовалась. И вот мы здесь. — Я повернулась к мужчине рядом со мной. — Вполне уместно, что ты тоже сегодня здесь.

— Почему?

— Сегодня восемнадцатое марта. — Когда я увидела, что он не понимает, я избавила его от страданий. — День, когда мы встретились, будучи взрослыми. — Я внимательно наблюдала за ним, закидывая наживку. — День, когда ты организовал нападение на меня этого ужасного человека.

Что ж, это заставило его заговорить.

Он выпрямился и усмехнулся.

— Он никогда не должен был заходить так далеко. И когда я увидел, что, черт возьми, он натворил, как он причинил тебе боль, я впал в ярость. Потерял свой чертов разум. Я мог бы разорвать его на части голыми руками. — Твитч сжал руки в кулаки. — Забил бы его снова, если бы представилась такая возможность.

— Я знаю, — пробормотала я. — Знаю, что ты бы так и сделал.

Нас окутала густая тишина, и я ничего не могла с собой поделать.

Ухмыльнувшись в ночное небо, я спросила:

— Насколько ты был зол, когда подумал, что я на свидании?

— Настолько, что прихватил мой «Глок».

Я не должна была находить это забавным, но находила. Мой смех зазвенел в свежем вечернем воздухе, и я услышала, как опасный человек рядом со мной подавился собственным смешком.

Боже, мы сумасшедшие.

Когда мой смех затих, я тихо заговорила:

— Мы прошли долгий путь, не так ли, милый?

— Да, — согласился он, и я почувствовала на себе его взгляд.

Я повернулась к нему лицом, и когда обнаружила, что он хмуро смотрит на меня, нахмурилась в ответ.

— Что?

Сжав челюсть, он посмотрел прямо перед собой.

— Я действительно знаю, каково это... — он сделал паузу. — Чувствовать, что это, возможно, наш последний день вместе. — Он облизнул нижнюю губу. — И это пугает меня до чертиков. — Я дала ему мгновение, в котором он явно нуждался, прежде чем он продолжил. — Ты боишься, что я уйду, а я боюсь, что ты проснешься и поймешь, что тебя официально тошнит от моего дерьма. Потому что однажды ты это сделаешь.

Он сказал это так мучительно мягко, что я поняла, он действительно в это верил.

— В последний раз, когда я видела тебя живым, ты сказал мне, что хочешь сломать меня, — тихо напомнила я.

— Кто сказал, что цель изменилась? — моя голова резко повернулась к нему, а глаза сузились, но его пристальный взгляд дразняще улыбался в ответ. — Как еще я смогу снова собрать тебя воедино?

Я закатила глаза, но на сердце у меня потеплело так, что это было опасно для моего здоровья.

В темноте мы слушали, как разбиваются волны, когда он, наконец, заговорил снова.

— Я понял слишком поздно.

Мои брови нахмурились.

— Понял что?

Его взгляд сфокусировался на мне.

— Что, словав тебя, я никогда не исправлюсь.

О, детка.

Как он вырос.

Для меня это было слишком. Мне нужен был новый разговор. Более легкая беседа.

— Помнишь, как ты привозил меня сюда?

— Я помню все. — Затем он ухмыльнулся. — Мы пришли сюда, чтобы кайфануть.

— Нет, — поправила я его. — *Ты* кайфовал, а я наблюдала. — Мои глаза расширились. — А потом я позволила тебе отвезти меня домой. — Я покачала головой над своим идиотизмом, невесело усмехаясь. — Боже, я была так безрассудна с тобой.

— Ты была, но это было весело. — Ухмыльнулся он.

Мои брови изогнулись.

— Я так не думаю.

Он посмотрел на меня.

— Хочешь сказать, что не думаешь о том времени и не улыбаешься воспоминаниям?

Конечно, я это делала. Как я могла не думать? Это было самое бурное, нестабильное время в моей жизни, и я любила каждую его секунду. Но времена изменились.

Я признала:

— *Отчасти* это было весело. Но мысль о том, чтобы проделать все это снова... — я попыталась подавить свой тихий смех, но потерпела неудачу. — ... думаю, я бы пропустила это. Теперь я мать. — Я грустно улыбнулась. — Я больше не могу думать только о себе.

— Я понимаю, детка, — проговорил он, и я знаю, что так оно и было. Он любил своего сына больше всего на свете. Я искренне чувствовала это, когда они были вместе. — ЭйДжей — это все, о чем я мечтал, и даже больше. И я благодарен.

Он благодарен.

— Ты благодарен?

Твитч посмотрел на меня, и когда я пошевелилась, то поняла, что ему интересно, что я задумала. Но когда я проползла небольшое расстояние и, используя его твердые плечи как рычаг, подняла ногу и перелезла через него, его руки легли мне на бедра, помогая устроиться на его коленях.

Наши лица оказались очень близко друг к другу, я провела своим носом по его носу и прошептала:

— Достаточно благодарен, чтобы пососать мой язык?

От его судорожного вдоха моя киска мгновенно сжалась, а губы слегка приоткрылись. Я проигнорировала тяжелое биение своего сердца и наклонилась, запечатлев нежный поцелуй в уголке его губ, и руки на моей талии сжались, как тиски.

— Лекси, — предупреждающе прорычал он, за мгновение до того, как его темные глаза встретились с моими. — Не играй со мной, женщина.

Мои глаза расширились от жестокого тона. Я волновалась, что он примет мой внезапный тихий вздох за страх.

Мне следовало бы знать лучше.

Твитч мрачно усмехнулся.

— Думаешь, что ты здесь все контролируешь? — он прищелкнул языком. — О, детка. — Когда он наклонился, и его мятное дыхание согрело мои губы, когда он грубо произнес: — Как будто ты меня даже не знаешь, — я подавилась стоном, мои трусики полностью, почти смущающе, промокли.

И этот засранец торжествующе ухмыльнулся.

Поэтому я сделала то, чего никогда бы не сделала шесть лет назад.

Готов ты или нет.

Я взяла все под свой контроль.

Мой тяжелый взгляд остановился на его полной нижней губе, и сердце бешено заколотилось. Он не был готов к тому, что я наклонюсь ближе и нежно коснусь языком этой губы, неторопливо пробегая по ней. Мучительно медленно. И когда его руки обвилились вокруг меня в попытке вернуть власть, удерживая меня в плену, я внутренне ухмыльнулась.

Ну и кто сейчас контролирует ситуацию, а?

Моя победа, однако, была недолгой.

Его рот приоткрылся в стоне. Я скользнула языком внутрь, и его губы сомкнулись вокруг него, слегка посасывая, постанывая в мой открытый рот, и я, черт возьми, умерла, отвечая на его нуждающиеся звуки и сильнее насаживаясь на его твердую длину. Ему это нравилось. Я это знаю, потому что он зарычал, и когда его бедра врезались в меня, я увидела звезды, тяжело дыша, как сучка в течке.

Твитч засосал чуть сильнее, потянувшись одной рукой вверх, чтобы намотать мои волосы на запястье, и когда он дернул мою голову в сторону, я задохнулась от смеси удовольствия и боли, пульсирующей в моих венах. Он воспользовался этим, погрузившись в меня, засасывая меня глубже в свой рот. Достаточно глубоко, чтобы наши губы наконец встретились в медленном, чувственном поцелуе. И губы этого мужчины были такими, какими я их помнила.

Свистящий, потрескивающий, взрывающийся фейерверк всех цветов радуги.

ТРОТИЛ. Опасный и непредсказуемый, и он держал фитиль слишком близко к моему сердцу.

Проклятая атомная бомба, грибовидное облако которой сорвало бы мою плоть с костей, оставив меня голой, открытой и истекающей кровью.

И такого рода взрывы я ощущала повсюду, в своем разуме, в своем сердце и в своей сердцевине, все одновременно, все в равной степени затронуто.

И если бы я сейчас умерла, то умерла бы счастливой.

Мне хотелось протянуть руку и провести руками по его волосам, но я изо всех сил пыталась освободиться. Его руки не оставляли никаких шансов. Мое дыхание участилось, пока я извивалась рядом с ним.

— Пожалуйста.

Но Твитч дернул меня за волосы, достаточно сильно, чтобы появилось жжение.

— Нет.

Втайне любя пульсирующее покалывание в коже головы, мой голос стал взволнованным.

— Я хочу прикоснуться к тебе.

— Нет, — был его хриплый ответ, когда он завладел моими губами в глубоком, карающем поцелуе, и я обмякла в его объятиях, выдыхая в него.

Я попыталась в последний раз, мой голос был мягким и умоляющим. Я проговорила сквозь наш поцелуй:

— Пожалуйста, детка. *Пожалуйста.*

Он низко зарычал, прежде чем его руки ослабли вокруг меня.

— Никогда не мог сказать тебе «нет». — Его глаза были полуприкрытыми и

остекленевшими, когда он произнес: — Не тогда, когда ты так мило просишь.

Да!

Мои руки, наконец, освободились, и я обхватила одной его широкие плечи, а другой его затылок, и когда его рот столкнулся с моим, я издала низкий горловой звук. Мои ногти впились в его кожу головы, и он зашипел мне в рот. Мои глаза сверкнули, прежде чем я улыбнулась ему в губы. Не могла удержаться. Слегка задыхаясь, я ухватилась за самую длинную прядь его волос и сильно потянула.

Он вздрогнул, и я выпрямилась, возвышаясь над ним, кончик моего носа нежно коснулся его. Я едва смогла сохранить серьезное выражение лица, когда пробормотала:

— Проявленная благодарность. А теперь поблагодари меня, милый.

Я была так потеряна в ощущениях от него, что не заметила, как это произошло,

Удар.

Мои глаза расширились, а тело дернулось от удивления, и я толкнула его в плечи.

— *Ай.*

— Ты хотела благодарности? Вот моя благодарность для твоей задницы. — Он мягко провел рукой по пульсирующему отпечатку ладони на моей попке, и когда мое лицо скривилось от раздражения, его глаза заискрились смехом, и он почти прошептал: — Спасибо, детка.

О, Господи.

Если раньше я думала, что люблю этого мужчину, то теперь я, черт возьми, боготворила его.

Глаза Твитча осмотрели пустынный пляж, и он понизил голос.

— Хочешь потрахаться здесь или поедем домой?

Оу. У меня есть выбор?

Хорошо.

Мой взгляд смягчился, когда я положила руки ему на плечи, слегка царапая ногтями его дорогой пиджак.

— Домой, потому что у меня в заднице песок.

Когда все его тело затряслось от беззвучного смеха, я тепло улыбнулась ему сверху вниз, а когда наши взгляды встретились, мое сердце дико забилося.

В этом не было смысла.

Как можно скучать по тому, кого обнимаешь?

Это было нелепо.

Без предупреждения я наклонилась и прижалась губами к его губам. Запустив руку мне под юбку, он провел руками вверх по задней части моих бедер, прежде чем положить их на полный изгиб моей задницы, и когда я вздохнула ему в рот, он слегка шлепнул меня по заднице и низко зарычал.

— Поехали.

В ту секунду, когда мы вошли в темный, тихий дом, высокий мужчина за моей спиной потянулся ко мне, притягивая к себе спереди, и моя рука поднялась сзади, чтобы нежно погладить его волосы. Он приложил губы к раковине моего уха и тихо заговорил.

— Мне нужно, чтобы ты помолчала ради меня.

Мой желудок скрутило в предвкушении. Я кивнула, и когда он прижался ртом к моей шее, я приложила все усилия, чтобы заглушить низкий стон, который хотел вырваться.

Запустив руку в его волосы, я сделала короткий выдох, когда одна его рука крепко

обхватила мою талию, а другая потянулась под подол юбки, чтобы коснуться моего холмика. Я прикусила губу, чтобы остановить вздох, подступающий к моему горлу. Он тщательно растирал меня, пока у меня не задрожали ноги, и как раз в тот момент, когда я подумала, что провалю свою миссию, он убрал пальцы, нежно обхватив меня.

Его прошептанное «хорошая девочка» было единственной наградой, в которой я нуждалась.

Не похоже, что у меня был выбор. Наш сын был дальше по коридору, в противоположном конце дома, как и Молли, и я не хотела, чтобы кто-нибудь из них услышал или, что еще хуже, пришел проверять.

Он провел меня в мою комнату и тихо закрыл за нами дверь. В тот момент, когда мы остались одни в залитом лунным светом пространстве, он переключился. Тихим, но твердым голосом он скомандовал:

— Раздень меня.

О, да!

Я медленно повернулась и обнаружила, что нахожусь ближе, чем ожидала. Не теряя времени, я приступила к работе, проводя руками по его груди к плечам, затем снимая с него сшитый на заказ пиджак, прежде чем аккуратно положить его на свой комод. Следующим был шелковый галстук. Я ослабила его, оставив накинутым на его плечи. Мои ловкие пальцы расстегивали пуговицы на его рубашке, одну за другой, медленно, пока не обнажилась его сильная грудь, расписанная чернилами. Он поднял запястье, и я занялась сначала одной запонкой, а затем переходя к другой, прежде чем они присоединились к пиджаку на комод. И когда я добралась до его штанов, то сильно дернула за черный кожаный ремень, вызвав раздражение у мужчины, которому я бы отдала все, если бы он этого захотел. Не говоря ни слова и не сводя глаз с его прищуренного взгляда, я расстегнула верхнюю пуговицу его брюк и осторожно опустила молнию. Но когда я двинулась, чтобы просунуть руку в отверстие, он схватил меня за запястье, сначала сильно, а затем с любовью проведя большим пальцем по моему пульсу.

Слова, которые он произнес, вряд ли можно было назвать просьбой.

— Раздевайся.

Мои внутренности сжались.

Да, сэ.

Сбросив каблуки, я потянулась к подолу своего платья и подняла его через голову. Я вытянула руку, сбрасывая его в кучу сбоку от себя, и когда потянулась за спину, чтобы расстегнуть лифчик, его глаза жадно изучали меня. Когда лифчик был расстегнут, я на мгновение прижала чашечки атласного бюстгальтера к себе, прежде чем позволить бретелькам упасть с моих рук на пол, обнажив мои полные груди.

Ноздри Твитча раздулись, как у быка, готового к атаке.

И, да. Мне это понравилось.

Как только я попыталась приспустить трусики, он издал какой-то горловой звук, и когда мой растерянный взгляд встретился с его, он покачал головой.

— Оставь их.

Мой смущенный взгляд стал пристальнее, а его глаза призывали меня к протесту.

Я знала, как это работает. Это было не первое мое родео.

Убрав руки со своей талии, я опустила их по бокам и ждала его указаний. И когда он заметил это, его глаза вспыхнули от удовольствия.

Он провел нежной, любящей рукой по моему боку и пробормотал:

— Идеальна. — Мгновение спустя темнота в его глазах вернулась, когда он посмотрел мне в глаза и заявил: — Я собираюсь позволить тебе прокатиться на мне сегодня вечером, и уверен у тебя все получится, но, клянусь Богом, детка, если ты издашь хоть один гребаный звук, *один* гребаный звук, то ты не кончишь. Ты поняла меня?

Я нахмурилась, но сделала глубокий вдох, выпрямилась, а затем кивнула в ответ. И он был доволен.

— Хорошо. — Медленным движением он потянулся к своему галстуку и потянул за него, придерживая. — Твои руки.

Мое внутреннее недовольство быстро исчезло, когда я протянула к нему руки и наблюдала, как он ловко обмотал шелковый материал вокруг моих запястий, затянув его достаточно туго, чтобы перекрыть кровообращение. Наблюдая за мной все это время, я могла поклясться, что он мог видеть, как мое сердце подскочило к горлу, пока он завязывал галстук, держа обе мои маленькие руки в одной из своих.

Твитч потянул меня к изножью кровати, и когда он сел, широко расставив ноги, устраиваясь на краю, то запустил руку в свои боксеры и высвободился, крепко обхватив себя и двигая рукой по всей длине вверх и вниз, совершенно неторопливо.

И я с трудом сглотнула, чтобы не пустить слюни.

— Забирайся.

Я не осмеливалась издать ни звука, но мое сердце билось так сильно, что я задавалась вопросом, мог ли он слышать это так же громко, как я. Подойдя ближе, я уперлась одним коленом в пространство между его ног, и использовала его плечи как опору, чтобы как можно грациознее оседлать его. То, как были расположены его ноги, заставило меня раздвинуть их в довольно неподобающей леди манере, и он знал это.

Он хотел этого.

Ему нравилось ставить меня в неловкое положение.

Твитч был лидером моего культа. Я была его шлюхой. И мне нравились его уроки, те, где он учил меня, что дискомфорт может быть чудесной вещью. Я была его бесстрашной ученицей, так стремившейся к обучению. Так желающей угодить.

Глядя мне в глаза, он изучал мое лицо секунду, прежде чем слегка откинулся назад и приказал:

— Приступай к работе.

Я двигалась вперед, пока самые отчаянные части нас не встретились, и хотя мои трусики доставляли неудобство, они не мешали мне чувствовать его пульсирующий жар. Покорно прижимаясь к нему со связанными перед собой руками, я наблюдала, как меняется его лицо. Он боролся с собой, и каждый раз, когда он это делал, сила, которую я чувствовала внутри себя, росла на ступеньку выше.

Сам того не желая, каждым резким вздохом, каждой морщинкой на лбу он превращал меня в опасную женщину.

Я двигалась медленно, но твердо, раскачиваясь рядом на нем, пока не подумала, что могу кончить. Мое лицо сморщилось, и когда я случайно издала тихий стон, мои глаза распахнулись, и я прикусила губу.

Не сводя с меня сурового взгляда, он положил руку на мою ключицу, расположив ладонь неудобно близко к моей шее.

— Должно быть, мне что-то послышалось. — Он наблюдал за мной, его взгляд не

дрогнул. — Ты что-то сказала?

Я покачала головой и, судорожно вдохнув, облизала губы.

Рука на моей ключице ослабла, и он погладил большим пальцем мою шею сбоку.

— Я так и думал.

Без предупреждения он просунул руку под меня и сдвинул мои трусики в сторону. Держа свой член в руках, он провел головкой по моей щели, скользя по шелковистой влажности там, и мое дыхание участилось. Он раздвинул мои ягодицы, его головка легко скользнула между ними.

У меня перехватило дыхание, и мне так сильно захотелось застонать, что я до крови прикусила губу. Я была не настолько глупа, чтобы верить, что он даст мне второй шанс. Он был чрезвычайно великодушен, позволив первому возгласу ускользнуть. Еще один провал, и я не кончу. И это было бы трагично.

Твитч закрыл глаза, выглядя страдающим, а затем тихо простонал:

— Бл*дь.

Почувствовав кайф от нашей прелюдии, Твитч поднял мои связанные руки над своей головой, опустил их себе на плечи, и, схватив свободной рукой мое бедро, прорычал:

— Смотри на меня.

Рука на моей шее напряглась. Мои глаза расширились лишь на мгновение, прежде чем он вошел в меня, притягивая к себе и безжалостно вонзаясь в меня. И когда мои глаза начали закрываться, легкий шлепок по челюсти заставил меня сосредоточиться на нем. Он покачал головой, стиснув зубы.

— Я сказал, смотри на меня.

Он трахал меня безжалостно, рука на моей шее начала стеснять мое дыхание. Не настолько, чтобы задушить, но ровно настолько, чтобы мне стало дурно. И когда я почувствовала, что проигрываю битву за самообладание, рука на моей шее поднялась, чтобы схватить меня за подбородок. Наклонившись, он прижался лицом к моей щеке и произнес непристойности.

Грязные слова, произносимые шепотом, были всем, что я могла вынести.

— Эта хорошенькая киска засасывает меня, детка. Она умоляет о моем члене, — он слегка задыхался, удерживая мои бедра, пока входил в меня снова и снова. — Она голодна. Хочет, чтобы ее накормили. И когда я, наконец, накормлю ее, она проглотит все это, как будто умирает с голоду, и я — единственное, что она может переварить. — Его черный пристальный взгляд встретился с моим, прежде чем он прижался своими твердыми губами к моему расслабленному, крадя поцелуй. — Потому что это так и есть.

Уверенность в его тоне говорила о том, что он не лжет.

И с этими словами в меня выстрелили.

Он нажал на курок. И я откинула голову назад, мой рот округлился, и я выдохнула.

Мое тело сжалось так сильно, что я затряслась от макушки до кончиков пальцев, и когда меня охватил первый спазм, я громко ахнула, больше не в силах сдерживать свое обещание молчать. Мои руки крепче обхватили его шею, и когда я достигла своего оргазма, Твитч пронзил меня. Жестко. Положив руки на мои бедра, он несколько раз насадил меня на свой член, влажное соприкосновение кожи к коже звучало слишком громко в тишине комнаты. Пока он использовал мое тело в качестве своего личного устройства для удовольствия, я наблюдала, как пульсирует вена на его виске. Он насаживал меня снова и снова, и мои груди крепко прижимались к его груди.

Чувствуя приближение его освобождения, мои губы приоткрылись, и я прошептала:

— Дай это мне.

Его лицо скривилось, а руки на моих бедрах впились в кожу так сильно, что я знала, что на моей коже останутся отметины.

Наклонившись, я заговорила напротив его губ.

— Накорми ее.

Его голова откинулась назад за мгновение до того, как он прижался своим лбом к моему, его глаза были полны ярости.

— Ты хочешь этого?

— Я хочу этого, — выдохнула я.

Он стиснул зубы, замедляя свои толчки.

— Тебе это нужно?

Он сумасшедший?

Нужно ли мне это?

Черт возьми, да, мне это нужно.

Слегка задыхаясь, я ответила единственным доступным мне способом. Мое лицо смягчилось, и я выдохнула эти слова в его губы.

— Я люблю тебя.

И на этом все закончилось.

Твитч положил руку мне на затылок и притянул меня до невозможности близко, прижимаясь своим ртом к моему. Я целовала его до исступления, пока он не замычал мне в рот, а его член не дернулся, и я не почувствовала, как он изливается в меня.

Прошли минуты, и его жесткие прикосновения смягчились, поглаживая меня везде, куда он мог дотянуться, и когда он оторвал свой тяжелый взгляд от моего плеча, он опустил мои руки между нами, освобождая их от тугих пут. Как только они освободились, он взял мои запястья в свои руки и нежно погладил их большими пальцами, прежде чем взять мою левую руку и поднести ее к своему рту.

Когда он закрыл глаза, я положила руку ему на грудь, чувствуя ровное биение его сердца, и слова, которые он произнес, заставили мое сердце ответить тем же.

— Что касается всего остального... — он запечатлел еще один поцелуй на моей руке. — ... на этом пальце должно быть кольцо. — Он наблюдал за моей реакцией, и когда не получил ее, то подсказал: — Ты понимаешь, о чем я?

Мое сердце мгновенно согрелось и заныло, но я доверяла своей интуиции, когда прошептала:

— Я понимаю.

Я не осознавала, что он чего-то опасается, пока он не сделал глубокий вдох, ответив на выдохе:

— Хорошо. — Его взгляд упал на мои губы. — А теперь поцелуй меня, детка.

Так я и сделала. Я целовала его долго и жестко, мой язык потянулся навстречу его языку, и он прижал меня к себе, как будто он так же боялся потерять меня, как и я его.

Наша любовь была безумной. Все равно, что улыбаться в лицо расстрельной команде.

Боже.

Почему мы такие?

Ответ вскоре обнаружился сам собой.

Потому что жить друг без друга не стоило того, чтобы жить.

Да, мы были сумасшедшими. И это было нормально.
Он был моим лекарством. Я была его терапией.
Потому что мы были безумно влюблены.

Лекси

На следующее утро, когда маленький монстр ворвался в мою комнату и обнаружил своего отца в моей постели, он закричал:

— У тебя была *еще* ночевка?

От моего смеха сотрясалась кровать, и когда мужчина за моей спиной хмыкнул мне в волосы, я фыркнула.

Этот ребенок.

Для этого было слишком рано.

Я подняла голову и зевнула.

— Доброе утро, милый.

Он стоял у изножья кровати, выглядя взбешенным, как стая кошек на состязании, и когда он скрестил руки на груди, мои глаза расширились.

Он пробормотал:

— Это нечестно. Как получилось, что папа спит здесь? Почему он не может спать со мной?

На это его папа хрипло ответил спросонья:

— Хочешь остаться с ночевкой, малыш? Ладно. — Рука, которой он меня обнимал, напряглась, когда он потянулся. — Как насчет того, чтобы переночевать у меня сегодня вечером, и мы устроим... Я не знаю. Всякое мужское дерьмо.

Лицо Эйджея стало шокированным, затем сменилось недоверием, прежде чем остановиться на чистом возбуждении. Он поднял руки вверх и прокричал:

— *Да!* — а затем он выскочил из комнаты, пробежав по коридору, и если я не ошибаюсь, он уже был в своей комнате, пакуя сумку.

Я заговорила в тишине комнаты:

— А как насчет мамочки? Она приглашена на мужскую вечеринку с ночевкой?

Твитч просунул руку под одеяло и сжал мою грудь.

— Не-а. Прости, мамочка. Допускаются только мальчики.

Я притворилась расстроенной.

— О нет, и что же мне делать?

Он откинул мои волосы в сторону, оставляя долгий поцелуй на моей шее.

— Продолжай тереться своей задницей, и тогда я буду трахать тебя до следующей недели.

Иисус.

Грязные разговоры никогда не переставали меня возбуждать. И когда я случайно — нарочно — прижалась задницей к его твердой длине, он прошипел:

— *Иисус.* Ты не знаешь, когда остановиться, детка. — Он издал рычащий звук глубоко в груди, прежде чем предупредил: — Остановись.

Я надулась.

— Ладно. — Потянувшись за халатом, я накинула его на голое тело, завязав вокруг талии, прежде чем взять боксеры Твитча и положить их на расстоянии вытянутой руки. Он наблюдал, как я выбираю чистое нижнее белье, и когда порывшись в своем шкафу, я вытащила простое черное платье, он издал звук.

Повернувшись назад, я моргнула.

— Тебе не нравится?

Он скорчил гримасу, ясно говорящую «нет».

Почему это имеет для меня значение?

Я положила платье обратно, и когда достала коричневое платье длиной до колен с юбкой-карандаш, он одобритительно поджал губы.

— Хорошо, — произнесла я, забирая его с собой в ванную.

Быстро приняв душ и открыв дверь ванной, чтобы выпустить пар, я прислушалась к разговору моего сына со своим отцом.

— Почему ты называешь маму деткой? Она не ребенок. Она леди.

— Ну да, — объяснил Твитч. — Это ласковый термин.

ЭйДжей не расслышал его.

— Что такое лайковый термит?

Твитч подавил смешок.

— Ласковый термин — это обращение к тому, о ком ты очень заботишься. И я называю твою маму так, потому что я люблю ее и хочу, чтобы она была в безопасности, и я бы сделал все, чтобы защитить ее. — Он сделал паузу. — Ты понимаешь, приятель?

— Да, — ответил ЭйДжей. — Я понимаю.

Я улыбнулась про себя, выходя из ванной и проверяя время. Взволнованно вскрикнув, я бросилась в свою комнату и вышла, подпрыгивая на одной ноге, пытаюсь надеть туфли, не упав.

— О, черт. Я опаздываю. — Схватив свою сумку, я крикнула: — Мне нужно бежать. Люблю тебя, милый. — Я остановилась у двери, улыбаясь моему маленькому мужчине. — Увидимся после школы.

Именно тогда ЭйДжей ответил:

— Я тоже люблю тебя, детка.

И последовавшая за этим тишина была абсолютно ужасающей.

Не в силах остановиться, я начала смеяться над явным ужасом на лице Твитча. Он посмотрел на меня с выражением, которое кричало: «*Помогите!*» Я покачала головой, все мое тело дрожало от сдерживаемого веселья.

— Я не буду объяснять ему, что не так в этой фразе. Это все на твоей совести. — Я открыла дверь и вышла, задыхаясь от веселья. — Развлекайся сам!

Я смеялась всю дорогу до работы.

Линг

Я чувствовал себя так низко, что имело смысл только подниматься вверх.

Надвигалась буря. Бушующий шторм, который должен был стоить жизни. И его вздымающиеся ветры выбили из меня здравый смысл.

С момента телефонного звонка прошло три дня.

Телефонный звонок, который разрушил меня.

Не спавшая три гребаных дня, я ехала молча, и мне даже в голову не приходило задуматься, как, черт возьми, я все еще функционирую после того, как бодрствовала целых семьдесят два часа. Удар, который я получила ранее, вероятно, был причиной того, что мое сердце так сильно билось, не давая успокоиться.

Я не плакала. Нет. Я бы не заплакала.

Ни один мужчина не стоил моих драгоценных слез. За все свои годы я никогда не считала себя настолько глупой, чтобы клюнуть на подобную чушь.

И все же я была здесь, сломленная.

Как самая крутая стерва на этой стороне полушария, я считала себя невосприимчивой к обаянию таких мужчин, как он.

Как я могла быть такой глупой?

Моя губа скривилась, когда я нажала на акселератор, крепко сжимая руль, безрассудно обгоняя машины на шоссе.

Аслан Садык оставил на мне свой след.

О, сегодня он выучит урок.

Теперь я хочу оставить свой собственный след.

Прекрасный турок поймет, что нельзя просто играть чувствами людей, как это делал он. Ты не можешь просто сказать кому-то, что любишь его, а потом выбросить. Это был идиотский ход — заставить кого-то поверить, что он тебе небезразличен, а потом просто... уйти. Он проявил ко мне нежность, которой я никогда не знала, и я уже никогда не буду прежней.

Я умоляла.

Вы, бл*дь, можете в это поверить?

Мои внутренности сжались от стыда.

Я умоляла его остаться со мной.

Кто эта слабохарактерная сучка?

Мое сердцебиение участилось, и я невесело рассмеялась. Мои волосы развевались вокруг меня, пока ветер щипал мои глаза.

Да, именно поэтому я разрыдалась. Это было от ветра. Не от обиды.

Да. В этот самый момент ты говорил себе все, что считал нужным услышать.

Глупые мужчины.

Я ненавижу их. Всех их.

Я официально становлюсь лесбиянкой. Больше никаких членов. Я явно была недостаточно ответственна, чтобы доверять себе рядом с членом.

*Какой, бл*дь, позор.*

Я любила члены.

Когда я села за руль, то не знала, куда еду, но теперь, когда я подъезжала к обочине, я поняла, что знала все это время. Я так крепко вцепилась в руль, что костяшки пальцев побелели. Я глубоко вздохнула и посмотрела через улицу за мгновение до того, как то, что осталось от моего сердца, построило стену вокруг себя, защищая себя от меня и решений, которые я приняла, чтобы позволить этому случиться.

Я даже не винила Аса. Я доверилась ему, но мне нужно было знать лучше, и это было на моей совести.

Может быть, именно поэтому это так сильно задело. Единственный мужчина, которому я позволила сломать себя ранее, был мужчина, который предпочел умереть, чем быть со мной.

Я откинула голову назад и долго от души смеялась, прежде чем мое сердце забилося так сильно, что я прижала дрожащую руку к груди, тяжело дыша от боли.

Почему я никому не нужна?

— Что со мной не так? — заговорила я в тишине салона автомобиля, прежде чем

стиснуть зубы и посмотреть на себя в зеркало заднего вида. Подняв руку, я замахнулась и ударила ею себя по щеке, от удара получился сильный шлепок.

Я ахнула, а затем тяжело задышала, мои глаза закатились к затылку. Щека пульсировала, и я закрыла глаза в блаженстве, когда слеза скатилась с моих ресниц.

Еще раз.

Я подняла другую руку, дрожа от предвкушения. Мне нужно было больше, больше боли, чтобы притупить горе. Когда второй удар достиг цели, я издала низкий стон, прикусив губу, наслаждаясь пылающим жаром, пульсирующим в моих трусиках.

Некоторые вещи никогда не менялись.

С моей стороны было глупо думать, что я смогу.

Я такой родилась. И не могла измениться, как бы сильно ни хотела в самые слабые моменты. Обычно сумасшедшая сука внутри меня владела своим безумием, носила его как вторую кожу, но сегодня я была не просто сумасшедшей. Я была неменяема. Психичка с примесью шизофрении.

Сумасшедшая с расшатанными винтами.

И когда я уставилась на свое отражение, проводя руками по разгоряченной плоти на своих щеках, я едва узнала себя.

Что они сделали с тобой, маленькая птичка?

Мой взгляд стал менее безумным, и когда я сделала следующий вдох, мое бешено бьющееся сердце успокоилось, и с хладнокровием, которое я совершенствовала годами, я вышла из машины.

Это было началом конца. Возвращение домой. И я надеялась, что Ас был готов к этому, потому что у меня были планы на него и жену, которая его обожала.

Мои ноги, обутые в лабутены, понесли меня к багажнику, и когда я нажала кнопку на ключах, он открылся. Я проанализировала свой выбор.

Лом?

Бейсбольная бита?

Я издала низкий задумчивый звук, прежде чем протянула руку и взяла по одному в каждую руку, взвешивая свои варианты. Через секунду я уставилась прямо перед собой, задумчиво нахмутив брови.

Ответ, конечно, был очевиден.

— И то, и другое. — Я ухмыльнулась, повернулась и направилась к черному купе Tesla S 75D.

Машины сигналили мне, пока я переходила улицу, не глядя, но вряд ли они знали, что я была волком среди овец и съела бы их практически целиком без предупреждения, без всякой гребаной причины вообще. Поэтому, когда грузовик просигналил мне на секунду дольше, чем следовало, я замерла посреди улицы, повернувшись лицом к мужчине в кабине.

Он сделал непристойный жест.

Я зашипела, как кошка.

Он опустил стекло и крикнул:

— Убирайся с дороги!

— Заставь меня, — был мой сладкий, медленный ответ.

Мужчина покачал головой.

— Гребаная сумасшедшая сука.

Я откинула голову назад и рассмеялась, прежде чем облизать губы и подмигнуть ему.

— Я знаю это, детка. — Я продолжила свой путь пружинистым шагом, и когда я вошла в здание, в котором мне не следовало находиться, охранник немедленно встал, узнав меня. Мужчина замер, когда я улыбнулась ему и вежливо произнесла:

— Думаю, тебе следует позвонить своему боссу, красавчик. — Повернувшись, я подошла к бизнес-эмблеме на мраморном полу и медленно задрала юбку. — Он наверняка захочет это увидеть.

В высококлассной фирме по продаже недвижимости было тихо, пока я сидела на корточках, ожидая, и в тот момент, когда двери лифта открылись, я встретила с его темными глазами, облегчаясь на гребаном мраморном полу, который он привез из Италии, на эмблеме, разработанной его любимым отцом, на каждой чертовой вещи, которая была у нас вместе и которую он забрал у меня.

Да.

Я обоссала все это.

Говорят, что действия говорят громче слов, и прямо сейчас я знаю, что Аслан Садык понял, о чем я говорила.

Ты и твои друзья можете отсосать мне, ты кусок дерьма.

Когда охранник посмотрел на меня с отвращением, я послала ему воздушный поцелуй, а когда закончила, встала, аккуратно одернула юбку и встретила взглядом с грозным взглядом красивого турка. Охранник поднял трубку, но когда Ас поднял руку, мужчина положил ее.

Он долго смотрел на меня, прежде чем сделать пару шагов вперед, и когда он посмотрел на меня сверху вниз, взглядом, полным беспокойства и жалости, мне захотелось убить его. Когда он заговорил, я знала, что это будет только вопросом времени, когда я сделаю именно это.

— Хорошо. Ты сделала то, что должна была сделать. — Он оглядел нескольких мужчин, окружавших нас, затем тихо заговорил. — Ты ранена. Безумна. Я понимаю это. Понимаю. — Он наклонился, бормоча: — Но ты ставишь себя в неловкое положение, Линг. Тебе нужно уйти. — Его глаза сузились. — Или я заставлю тебя.

Что он только что сказал?

Вена сбоку на моей шее пульсировала в такт учащающемуся сердцебиению, и, наклонившись, я подобрала свое оружие и кивнула, изображая стыд.

— Ты прав.

Его красивое лицо смягчилось, и я поняла, что все именно так, как я и хотела.

Такой красивый.

Я хотела разбить вдребезги эти высокие скулы, ударить битой по его лицу, чтобы убедиться, что его улыбка стоимостью в миллион долларов никогда больше не засияет, взять свой лом и обрушить его на его голову, вышибая мозги только для моего удовольствия.

Вместо этого я прекратила притворяться, мое лицо посерьезнело, и когда появилась моя медленная ухмылка, его беспокойство усилилось десятикратно.

Я вернулась, сучки.

— Видишь ли, Ас, — объяснила я со вздохом, — я хотела, чтобы это сработало. — Протянув руку, я разгладила его лацкан. — Я действительно хотела этого. — Мои глаза встретились с его. — Но ты облажался, и теперь ты должен заплатить.

Прибыло еще больше его людей, наблюдавших за ссорой. Среди них был младший брат Аслана Энвер, и в тот момент, когда Аслан заметил его, беспокойство в его глазах начало

расти. Я могла бы сдать нас обоих. Могла бы сообщить всем его людям, что их король признался в любви Королеве Драконов, но я этого не сделала.

Нет.

Страдания Аслана Садыка будут проходить спокойно и медленно, и я вырву у него то, что ему дорого больше всего, одно за другим, чтобы он мог почувствовать боль от каждой потери, прежде чем я нанесу новый удар.

Сегодня этот мужчина должен узнать, что Линг Нгуен не была охвачена любовью.

Линг Нгуен была гребаной королевой, и раз он не позволил мне использовать его лицо в качестве трона, я буду насаживаться на его сломанный, окровавленный позвоночник, пока грубое удовольствие не заставит мое тело дрожать.

Его губы сжались, и когда он упер руки в бедра, опустив лицо, я слышала беспокойство в его голосе.

— Чего ты хочешь?

О, детка. Ты и понятия не имеешь.

Тишина вокруг нас была напряженной, когда я наклонилась и прошипела:

— *Всего.*

Он выпрямился, когда я развернулась и вышла обратно на улицу, остановившись перед великолепно обтекаемой машиной, которой дорожил Ас. Подняв биту, я увидела, что Аслан стоит в открытом дверном проеме и наблюдает за мной, и я протянула ее в его сторону за мгновение до того, как заговорить.

— Первый удар.

Когда я подняла биту, то ухмыльнулась красивому мужчине, затем подмигнула, прежде чем обрушить ее вниз, разбив одну из фар. Стекло разлетелось вдребезги, и я перешла на другую сторону, высоко подняла биту и опустила ее, выбив другую фару. Застонав от удовольствия от разрушений, которые причиняла, я прикусила губу, и мои глаза вспыхнули в тот самый момент, когда дыхание стало тяжелым.

Это было такое сильное, пьянящее чувство.

Когда младший брат Аслана выбежал за дверь, набросившись на меня, я захихикала, как школьница, и устроила шоу, обхватив ладонями свою киску, издав хриплый стон. Ас бросился в погоню, схватив своего брата, удерживая его, и он разразился шквалом коротких турецких реплик ему в ухо. Энвер боролся в объятиях своего брата, и я ухмыльнулась его смертельно хмурому виду.

Машина была подарком от брата брату. Это было одной из причин, по которой Аслан дорожил ею. Конечно, машина стоила всего сто пятьдесят тысяч, а для этих людей это была мелочь на карманные расходы. Но настоящая причина, по которой Аслан любил эту машину, заключалась в том, что его брат купил ее для него, а он любил своего брата.

Жаль, что Энвер не знал, что мы испортили подарок, забавляясь в машине при каждом удобном случае.

Когда я разбила задние фонари, то счастливо вздохнула. А когда пробила битой заднее ветровое стекло, я стиснула зубы от силы удара, отразившейся в моих руках.

Повернувшись назад, я посмотрела на Аса через плечо и ухмыльнулась.

— Перерыв.

Когда я подняла лом, который оставила на капоте, Энвер снова начал бороться в руках своего брата, а затем проревел:

— Ты мертва, сука!

Я подумала о том, что он сказал, склонив голову набок и нахмутив брови.

— Знаешь что, Ас-младший? — я моргнула, глядя на более молодую версию красивого мужчины. — Ты так прав. — Мое лицо потемнело. — Я мертва.

Мертва.

Мертва внутри. Мертва разумом. Мертва душой. Мертва сердцем. Гребаный *мертвец*.

И меня это устраивает.

Лучше было посмотреть в лицо суровой правде, чем верить в красивую ложь.

Моя губа скривилась, когда я опускала лом на машину, снова и снова, кряхтя при каждом ударе, мои ладони горели, а лицо исказилось. И после того как моя ярость немного утихла, я бросила лом на помятый капот машины и повернулась обратно к мужчинам, удовлетворенно вздохнув.

Но то, что Ас сделал со мной дальше, решило его судьбу.

Его тело дернулось, затем затряслось, и когда он открыл рот и громко рассмеялся, моя кровь вскипела.

К нему присоединились люди, окружавшие его, и в моих венах запульсировала чистая расплавленная лава.

Их смех издевался надо мной. Издевался над Драконами. Это высмеивало мои способности как женщины и лидера. А я не могла этого допустить.

Сунув руку под юбку, я вытащила пистолет из подвязки, подняла его и выстрелила. Мужчины в шоке отпрянули назад, и когда я продолжила разряжать всю обойму в капот машины, наблюдая, как дымит двигатель, я сделала шаг назад, устремив свой суровый взгляд на самого мужчину. Слегка пожав плечами, я поджала свои вишнево-красные губы и произнесла:

— Упс.

Янтарный блеск под капотом усилился, и я поняла, что пришло время уходить.

Не уверена, что произойдет дальше, потому что у меня не было плана, но то, что я знала, было вот что.

Если Ас не со мной, значит он против меня.

И это означало войну.

Лекси

Глядя на высокого красивого мужчину, проходящего через улицу с уменьшенной версией самого себя, я улыбнулась, и в то же время мое сердце сжалось.

Смотреть, как он уходит, становилось все труднее, и каждый раз, когда он уходил, он уносил с собой частичку меня.

Удача свела нас вместе. Это не было ни хорошо, ни плохо, просто... удача. Сначала детьми, потом взрослыми, а теперь снова двумя людьми, которым нечего терять, кроме друг друга. Ставки были высоки, так как думаю, что это наш последний шанс сделать все правильно.

Они подошли к двери, и когда мой сын повернулся ко мне, махая, как ненормальный, тогда я по-настоящему улыбнулась, помахав в ответ. Он был мне безумно дорог. Подарок. И Твитч дал его мне.

И когда этот мужчина поднял руку в знак признательности, мне было трудно помахать в ответ, главная причина заключалась в том, что я хотела, чтобы он был здесь, дома, где ему самое место.

Но он так часто меня подводил, что мне было трудно проглотить свою гордость и снова пригласить его в свою жизнь в качестве постоянного спутника. Потому что мне все еще было больно. Потому что независимо от того, что он вернулся, я не могла стереть последние шесть лет эмоциональных мучений, через которые он добровольно заставил меня пройти. Потому что, несмотря на то, что я любила его, я все еще была женщиной, которую обидели.

Я была хрупкой фарфоровой куклой, и Твитч не просто смотрел, как я падаю. Он сбросил меня с моего надежного выступа, зная, что я разобьюсь. И теперь все, что от меня осталось, — осколки.

Они были острыми.

Слишком поздно я подняла руку, отвечая на его взмах и приклеивая фальшивую улыбку, которая не подходила моему лицу.

Он, конечно, это заметил.

Через мгновение я увидела, как его улыбка увяла, пока он, очевидно, размышлял о том, что произошло с тех пор, как он дошел от моей входной двери до своей. Не оглядываясь, я вошла в дом, закрыв за собой дверь как можно мягче, чтобы не нарушить тишину, которая приветствовала меня как друга.

Через секунду мой телефон зазвонил.

Тони: *Я могу вернуть его.*

Мое сердце сжалось, когда я набрала свой короткий ответ.

Я: *Развлекайтесь. Целую.*

Я любила Твитча настолько сильно, насколько человеку позволено любить другого. Возможно, даже больше, чем было допустимо. Определенно больше, чем было разумно.

Мой сотовый завибрировал в моей руке, и, как будто он услышал мое внутреннее смятение, я с нежностью сердца прочитала его ответ.

Тони: *Я люблю тебя.*

В тот самый момент я почувствовала себя глупо из-за своих колебаний.

Я: *Я тоже люблю тебя, дорогой.*

Я посмотрела на свой ответ, и мои пальцы продолжили печатать безразрешения. С каменным лицом я долго смотрела на экран, прежде чем нажать «Отправить».

Я: *Но если ты еще раз подумаешь уйти, я сама тебя убью.*

Мое сердце колотилось в груди, и я глубоко вдохнула, делая слабую попытку успокоить свое тяжелое дыхание. Когда мой телефон зазвонил в третий раз, я судорожно вздохнула, читая в тишине.

Тони: *Никогда, детка.*

С этими двумя словами я перешла от бушующих морей к спокойным водам, и мое волнение оставило меня с одним дрожащим вздохом.

Как этот человек, умудряется иметь такую власть надо мной?

Когда мой телефон снова зазвонил, я хмуро посмотрела на экран, а когда прочитала сообщение, потрясенный смех покинул меня.

Тони: *Пришли мне фото сисек.*

Я продолжала смеяться, печатая свой ответ.

Я: *Нет!*

Тони: *Смешно. Ты так говоришь, как будто это было предметом переговоров.*

Моя улыбка стала робкой. Я обнаружила, что хотела сделать это просто потому, что это доставит ему удовольствие.

Но я не могла.

Или могла?

Нет.

Я покачала головой и быстро набрала.

Я: *Веди себя прилично, папочка.*

Когда пришел его ответ, мой желудок сжался вместе с моей киской.

Тони: *Да, детка. Мне нравится, когда ты называешь меня папочкой.*

Мои губы растянулись в улыбке, и тихий писк вырвался из моего горла. Я ненавидела то, что в моем сознании я слышала, как он произносил грязные слова мне в ухо.

Меня не должно было это возбуждать.

Почему это было так горячо?

Тони: *Мне нужно идти. Мы продолжим это позже.*

Нет. Вернись!

Но на самом деле я ответила:

Я: *Уже скучаю по вам обоим. Целую.*

И я скучала.

Я действительно скучала.

Линг

Женщина в постели со мной застонала от удовольствия, когда я сомкнула губы вокруг одного розового соска и начала сосать его. Ее сиськи были идеальными, как и все остальное. Ну и что, что она была другой? Я тоже. Но кто, черт возьми, может судить нас?

Я хотела показать ей хорошее время, блаженное время, потому что мы с ней, хотя и разные, сражались в одних и тех же битвах.

Нас судили люди. Они преследовали нас. С нами плохо обращались и ненавидели, а любовь, которую я проявляла к ней в этой постели, имела за собой энергию даже больше, чем от члена. Такая похоть, от которой зажигались звезды. Я хотела заставить ее кончать

снова и снова, пока ее боль не притупится, а я не оцепенею.

Онемение было хорошим. Я могла справиться с онемением.

Женщина подняла голову и выдохнула:

— О, детка. Посмотри, что ты делаешь со мной.

Ее рука исчезла под простынями, а когда вынырнула, она слегка дергала себя за член.

У меня потекла слюна, так сильно желая обхватить его ртом, и когда она легонько двинула бедрами в мою сторону, ее красивые розовые губки надулись, я ухмыльнулась, давая ей то, что ей было нужно. Я опустила голову, и когда она протянула мне свой твердый член, я высунула язык и облизала его головку, наблюдая, как ее сильно накрашенные глаза закатываются, пока я наслаждалась ее жестким жаром, облизывая ее.

Да, я сказала, что мужчин больше нет, и я имел в виду именно это. К счастью, я нашла лазейку. Что было здорово для меня, потому что я ничего не любила, кроме хорошего траха.

Когда я взяла ее в рот, ее бедра дернулись, вынуждая меня взять еще больше, и я чувствовала ее благодарность в каждом неглубоком толчке, который она делала, пока трахала меня в рот. Ее дыхание участилось, и когда я увидела, как ее живот напрягся, я выпустила ее член с хлопком, прежде чем заменить рот рукой и грубо дернуть его в кулаке.

— Ты кончаешь, детка?

— Ага, — выдохнула она, наблюдая за мной сквозь полуприкрытые глаза, пока я усердно работала с ее членом.

— Войди в меня.

Ее глаза остекленели, когда я представила ей свою задницу, как подарок.

Не долго думая, хорошенькая блондинка взяла свой член в руки и вогнула его в мой тугий анус. Я издала низкий стон, когда она схватила меня за бедра, впиваясь в меня своими длинными акриловыми ногтями и трахая мою уютную дырочку. Однако это продолжалось недолго. Через пару минут я почувствовала, как ее тело напряглось, и когда она судорожно вошла в меня, я поняла, что она кончает.

— О Боже, — прозвучал ее сладкий голос. — О, черт, детка. — Она перестала толкаться и хмыкнула один раз, а затем еще раз, ее живот дрожал от силы ее оргазма. И я была рада, что могу дать ей это без осуждения или стыда за то, что она была другой.

Это была тяжелая жизнь для тех, кого считали другими.

Уж я-то знаю.

Я вела стаю.

— Ну, разве это не мило.

Женщина взвизгнула, отползла назад и натянула на нас простыни, пока Аслан стоял в открытом дверном проеме спальни моей городской квартиры с совершенно лишенным эмоций выражением лица.

Мне нужно поменять замки.

Бедняжка рядом со мной выглядела подавленной.

Я же, с другой стороны, ничуть не смутилась.

— Ты должен был позвонить, Ас. — Провела языком по верхней губе, прежде чем наклониться к женщине рядом со мной, сжимая ее слишком круглую грудь через простыню. — Я бы оставила и тебе немного.

Ас покачал головой, выглядя гораздо более разочарованным, чем имел право быть.

— Твитч был прав, — сказал он, и мое сердце остановилось.

Что он только что сказал?

Что сказал Твитч?

Когда Твитч что-то сказал?

Какого хрена Ас разговаривал с Твитчем?

Его взгляд стал жестким, он сделал шаг назад, и его губы скривились от отвращения.

— Ты слишком повреждена, чтобы тебя можно было починить.

Слова были суровыми, предназначались для насмешек, и — черт меня побери — они достигли своей цели.

О мой чертов Бог.

Все это теперь имеет смысл.

— Твитч предупредил тебя держаться подальше от меня. — Не вопрос. Твердое заявление.

Ублюдок.

Убила бы.

Я была удивлена, что мне удалось сохранить спокойный тон, скрывая тот факт, что я была в ярости.

— С каких это пор ты подчиняешься чьим-либо приказам, Садык?

Мудак уклонился от вопроса.

— Я пришел сюда, чтобы заключить перемирие. — Губы красивого турка скривились. — Я пришел извиниться перед тобой, Линг, но сейчас... — выражение его лица стало пассивным. — Теперь мне плевать. — Он посмотрел на женщину рядом со мной, прежде чем повернуться ко мне. — Ты эгоистичная, избалованная маленькая шлюха, которая закатывает дерьмо каждый раз, когда что-то идет не так. — Эти полуночные глаза атаковали меня. — Называешь себя королевой? — он издал жестокий смешок. — Как тебе не стыдно. Ты гребаный шут.

И с этими словами он развернулся и ушел.

Я села прямо, позволив простыням упасть мне на бедра, и когда я полезла под подушку, внутри меня бушевала гроза с такой яростью, которую я никогда не имела удовольствия испытать до этого момента.

Поэтому, когда раздался выстрел, и женщина рядом со мной закричала, Ас замер на мгновение. И такая абсолютная тишина была настолько неестественной, что меня это пугало. Когда покраснение начало проявляться, он медленно повернулся ко мне лицом. Подняв руку, чтобы удержать сердце, он покачнулся на месте, глядя на выходное отверстие, прежде чем посмотреть на меня широко открытыми и потрясенными глазами.

— Ты сумасшедшая сука, — слабо пробормотал он. Его тело сильно затрясло за мгновение до того, как он прохрипел: — Ты выстрелила в меня.

Звук его тела, падающего на пол, будет преследовать меня каждую ночь во сне на протяжении вечности.

— О, черт, — неуверенно прошептала я.

Я не хотела его убивать. Я не хотела его убивать.

Глядя рядом с собой на женщину в постели, я тихо и ошеломленно произнесла:

— Я не хотела.

Просто так получилось.

И когда она посмотрела на меня так, будто я была чертовым монстром, она оживленно кивнула в знак согласия, и я знала, что она думает, что она следующая.

Я облизала губы.

Она была права.

Я подняла пистолет, и ее лицо поникло, и она начала плакать от осознания того, что ее следующий вздох будет для нее последним, и все, что я могла сделать, это сказать:

— Прости.

Выстрел эхом разнесся по всей комнате. Ее обнаженное, безжизненное тело упало навзничь с кровати, и я была благодарна ей за то, что она так любезно удалилась от меня.

То, что всего несколько мгновений назад было комнатой, наполненной звуками взаимного удовольствия, теперь погрузилось в тишину. В одно мгновение я потеряла любовь всей своей жизни.

Мой взгляд метнулся от того места, где он лежал, к пистолету в моей руке.

Он умер от моей руки. Я убила его.

Я выронила пистолет, как будто он обжег меня, и он с глухим стуком упал на край кровати.

Когда я села на край кровати, глядя на распростертое тело мужчины, который сменил боль и жесткость на нежность, я почувствовала, как что-то нарастает. Что-то мрачное. Печаль.

Первый всхлип вырвался из меня, как пуля, вылетевшая из пистолета, сильно и быстро. Обхватив голову руками, завывая от горя, я обняла себя и начала тихо раскачиваться, повторяя слова снова и снова, как мантру.

— Я не хотела. Я не хотела. Я не *хотела*.

Шли минуты, и пока мои слезы продолжали литься, я пришла к выводу, что виноват один человек.

Соскользнув с кровати, я подползла к нему на ослабевших коленях и легла рядом с моим прекрасным турком, глядя его густые волосы.

— Прости, — тихо обронила я, наклонившись и прижавшись губами к его губам. Еще одно рыдание покинуло меня. Я говорила сквозь слезы, прижавшись еще одним нежным поцелуем к его губам, прошептав: — Проснись, детка.

Но он не слышал.

Мое тело содрогалось, мой тон стал отчаянным.

— Все будет хорошо. — Я всхлипнула: — Мне просто нужно, чтобы ты проснулся. Хорошо?

Ничего.

— Хорошо?

Ни слова.

Мои губы дрожали, и я резко погладила его по волосам, а мой голос надломился:

— Хорошо?

Я на мгновение посмотрела на него. Его открытые глаза были пустыми и безжизненными, а его разинутый рот, казалось, застыл от крика, который он так и не успел издать.

Закрыв глаза, я тихо простонала, прежде чем раздирающие тело всхлипы захватили меня силой. Слезы затуманили мое зрение, пока я открыто плакала, притягивая его к себе и удерживая его мертвого так, как я должна была бы удерживать живого.

Все нормально. Все будет в порядке.

Мои руки тряслись вокруг его мертвого тела. Я впитала то небольшое тепло, которое у него было.

Мы просто полежим здесь, а завтра все будет хорошо.

Я прижала его голову к своей груди и нежно покачала, прижавшись губами к его виску, и прошептала все, что хотела сказать вчера.

Все будет хорошо.

К сожалению, все не будет хорошо.

Мои глаза опухли от слез.

Я подняла глаза, когда мой брат вошел в спальню. Его взгляд бегал с холодного, безжизненного тела Аслана на меня, а затем обратно. Он тяжело сглотнул, провел рукой по лицу и тихо произнес:

— Линг...

Я знаю.

Это было плохо.

Когда я присела в углу комнаты голая с окровавленной кожей, я сказала единственное, что могла.

— Это был несчастный случай.

К сожалению, огнестрельное ранение в спину говорило об обратном.

Мой брат моргнул, прежде чем его ноги двинулись и он пересек комнату. Ван опустился передо мной на колени, взял мою обмякшую руку и обхватил мою щеку, прежде чем попытаться потрогать окровавленные волосы, которые присохли к моему лицу.

— Все в порядке, Линг. — Он поднял меня, чтобы я встала, и заключил в свои объятия. Он крепко держал меня, поглаживая мою голую спину. — Мы это исправим.

Нет.

Разве он не понимает?

Это было не то, что мы могли бы исправить.

Мы не смогли вернуть его. Не могли заставить его снова дышать, или снова улыбаться, или спорить со мной, или любить меня с полным сердцем и пустым разумом, и к черту все последствия.

Мой брат сорвал простыню с кровати и обернул ею мое дрожащее тело, притянув меня к себе, прежде чем повести из спальни к дивану.

Это не могло быть исправлено.

Аслан был мертв.

Ван усадил меня и начал делать необходимые телефонные звонки. Мой взгляд стал суровым, когда я поняла, что никогда больше не обниму мужчину, которого люблю.

И виноват в этом Твитч.

Лекси

Суматоха началась, как только открылась входная дверь, и я слышала, как она разносится по коридору, добираясь до гостиной. Находясь в ванной в своих тапочках с Пикачу, я перестала наносить тушь, когда услышала своего маленького мужчину.

— Сквидвард — тупица, но Губке Бобу все равно. Он ему все равно нравится, — с энтузиазмом объяснил Эйджей.

— Почему он тупица? — спросил Твитч.

— Не знаю. Он постоянно злится и не любит людей. Ему нравится лишь его кларнет, — продолжил Эйджей, — босс, мистер Краббс, тоже тупица. Он любит деньги, и он краб, а его дочь — кит, и она много плачет.

Твитч казался взбешенным.

— Что за долбанутый мультик? — я услышала сильный толчок, затем скрип, и Твитч пробормотал: — Слезь с дивана, малыш. Твоей маме это не понравится.

Еще больше скрипа. Больше подпрыгивания. Затем послышался взволнованный голос Эйджея, когда он запрыгнул на подушки.

— Мне нравится. Это забавно. Патрик глупый. Папа, — выдохнул он, продолжая прыгать, — мы можем посмотреть Губку Боба?

Твитч какое-то время молчал, но когда он заговорил, я услышала в его тоне назревающее предостережение.

— Эйджей, — начал он, — я сказал, уйди с дивана.

К сожалению, похоже, наш сын был не в настроении слушать, и громкие скрежещущие скрипы продолжались, за которыми следовало пыхтение маленького монстра.

— Мама разрешает мне смотреть его по утрам перед школой. Посмотрим вместе?

— Уйди с дивана, — повторил он попытку обманчиво спокойным тоном.

Скрип продолжился, и когда Эйджей запел во все горло:

— *О! Кто проживает на дне океана?*

Весь дом содрогнулся, и Твитч закричал:

— *Уйди с дивана!*

Это было так громко, что следовавшая за этим тишина почти эхом отдавалась от стен.

Когда я услышала, что скрип прекратился, мое сердце забило быстрее.

Моим первым побуждением было вылететь из ванной с оружием наперевес и надрать красавчику задницу. Но социальный работник во мне сказал подождать и посмотреть, чем это закончится.

С тяжелым сердцем я ждала.

При звуке сбившегося дыхания Эйджея мои внутренности сжались. Твитч издал стон, за которым последовало извиняющееся:

— О, приятель. Мне очень жаль. Иди сюда, — послышались маленькие шаги, и когда я выглянула из ванной, то обнаружила Твитча на коленях, прижимающего к себе нашего сына и покачивающего его из стороны в сторону, пока Эйджей тихо плакал.

И грудь болезненно сдавило.

Родительство было непростым делом. Да, было много руководств, и у каждого было свое мнение о том, как воспитывать детей, но в основном все дело было в опыте, а Твитч еще

не имел такого удовольствия.

Мне нужно было осознать, что он учится на ходу, и некоторые уроки он усвоит на собственном горьком опыте.

Когда мужчина, о котором идет речь, поцеловал нашего сына в голову и вздохнул, прежде чем отстраниться, чтобы поймать слезы маленького монстра тыльной стороной пальцев, он объяснил:

— То, что сейчас произошло, не было твоей ошибкой, хорошо? — Эйджей кивнул, сдерживая слезы, и Твитч продолжил. — Когда я был маленьким мальчиком, со мной случались плохие вещи, и иногда громкие звуки что-то делают с моей головой. — Он указал на свой висок и попытался говорить деликатно. — Иногда громкие звуки злят папу, понятно? Но это не твоя проблема, приятель. — Он нежно коснулся рукой подбородка Эйджея, вытирая его слезы. — Я постараюсь быть лучше. — Твитч снова притянул нашего сына к себе, крепко обнимая. — Я буду лучше.

Я услышала слова, которых он не сказал.

Я буду лучше... для тебя.

Эйджей обвил руками шею отца и прохрипел:

— Извини.

Я видела, как сердце Твитча разбилось. Он страдающе закрыл глаза.

— Ты не сделал ничего плохого. Тебе не за что извиняться, хорошо? Это ты извини, — произнес Твитч, прижавшись губами к макушке головы сына. — Я напортачил, и мне очень жаль. — Через долгое мгновение Твитч отстранился и посмотрел вниз на грустного монстра. — Мы в порядке, малыш? Прощаешь меня?

Эйджей наблюдал. Он не всегда принимал вещи за чистую монету, и когда он смотрел в глаза своему отцу, он, должно быть, видел в них искреннее извинение, потому что он медленно, задумчиво кивнул, как будто он действительно верил, что Твитч сожалеет.

Как и я.

Поэтому, когда Твитч вздохнул с облегчением, встал, положил руку на голову Эйджея и пробормотал:

— Иди убери свою сумку. Мне нужно поговорить с твоей мамой, — я была готова к разговору.

Он появился в дверях ванной, бледный и расстроенный, и когда я, щелкнув языком, шагнула к нему, он встретил меня на полпути, крепко обхватив руками, а я обвила его талию своими, прижимаясь к нему.

Мой бедный малыш.

Мой бедный, измученный малыш.

Твитч уткнулся лицом в изгиб моей шеи, и от этого движения моя грудь сжалась так сильно, что я едва могла выдержать это. Подняв руку, я любовно погладила его по затылку и поцеловала место под ухом, давая утешение, в котором он нуждался в этот момент.

Я держала его целую минуту, прежде чем он отстранился, выпрямился и сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. И я мягко улыбнулась.

— Эй.

Но он не ответил. Он просто приблизил свое лицо к моему, ища большего утешения в моих губах. И я дала ему это.

Поцелуй был медленным, глубоким и полным извинений, а когда мы отстранились, его глаза казались менее беспокойными и более сосредоточенными. Он был больше похож на

себя. И когда он накрыл мой рот во второй раз, смяв мои губы в еще одном сильном поцелуе, прежде чем повернуться и выйти из ванной, я окликнула, чтобы остановить его.

Он замер в дверях, повернувшись и выжидающе глядя на меня.

Не говори этого.

Не говори этого.

Не говори так, Алекса.

— Если ты когда-нибудь еще раз так с ним заговоришь, — я постаралась сохранить мягкость в голосе, — я возьму тебя за яйца.

Ах, яйца. Ты все-таки сказала это.

Твитч долго смотрел на меня, его глаза сверкали, а когда он набросился на меня, я потрясенно пискнула, мое сердце бешено забилося.

Одна сильная рука крепко обняла меня, другая скользнула вниз по моей спине, сжимая мою задницу в его крепкой хватке. Он низко зарычал и нежно укусил меня за мочку уха, прежде чем издать грубое:

— Мне нравится, когда ты превращаешься в маму-медведицу. — Он отстранился, прикусив нижнюю губу, его взгляд был прикрыт, и когда его рука поднялась и с сильным шлепком приземлилась на мою ягодицу, я вскрикнула. Его глаза сверкнули во второй раз, когда он пророкотал: — Чертовски сексуально.

И моя вагина упала в обморок.

Он оставил меня в ванной, одинокую и возбужденную, а когда вернулся через некоторое время, обнаружив меня точно в том же месте, где и оставил, в уголках его глаз появились морщинки.

— Молли присмотрит за монстром. Я приглашаю тебя на обед. Итак... — он посмотрел на массивные серебряные часы. — ... будь готова через час. — Он сделал шаг назад. — О, и детка?

Мой взгляд остановился на нем, но когда я открыла рот, чтобы заговорить, все, что вышло, было легким писком.

Морщинки у его глаз углубились, и он приказал:

— Оденься красиво.

Я вышла из дома, чувствуя себя глупо, но это ощущение исчезло, когда я увидела чудовище, урчащее у меня на подъездной дорожке.

Мой рот открылся, и когда взглядом нашла его, мой голос был тихим.

— Что это, черт возьми?

Он был похож на гребанную аппетитную закуску, когда провел рукой по волосам, прислонившись к черной модной машине в своих черных джинсах, которые так красиво обтягивали его длинные ноги. В серой рубашке с закатанными до предплечий рукавами он демонстрировал свои большие татуированные руки так, что у меня внутри все сжалось, а сердце подскочило к горлу. Он сменил свои потертые оригинальные кроссовки Adidas на новенькую пару повседневных черных кроссовок на шнуровке, и у меня во рту пересохло, как в Сахаре.

Господи Иисусе, он был красив. Слишком красив, как по мне. И когда он снял солнцезащитные очки, его тяжелый взгляд принялся блуждать по моему телу, и я снова почувствовала себя немой, особенно когда он протянул свои солнцезащитные очки в моем направлении и грубо пробормотал:

— Что это за хрень?

Мой желудок упал от смущения, и я опустила подбородок, когда произнесла:

— В тот раз, когда мы ходили по магазинам, — мой голос был тихим, — тебе так понравилось...

О, нет.

Обтягивающее белое мини-платье с глубоким вырезом определенно больше подходило двадцатилетней, а не тридцатилетней женщине.

Зажмурив глаза, я хлопнула себя ладонью по лбу и, развернувшись, направилась обратно к дому на каблуках цвета карамели.

— Извини. Дай мне переодеться. — сказала я ему, а затем прошептала себе под нос: — Такая дура, — и мои щеки вспыхнули.

Послышались тяжелые шаги, и когда он обхватил мое запястье, останавливая мое движение, я даже не могла смотреть ему в лицо.

Я была идиоткой.

— Посмотри на меня.

Я покачала головой. Его пальцы коснулись моего подбородка и прижали мое лицо к себе, но я закрыла глаза, поскольку унижение продолжало проходить сквозь меня.

— Ангел, — сказал он так мягко, как только мог такой человек, как Твитч. — Посмотри на меня.

Еще одно отрицательное покачивание от меня.

— Чувствую себя глупо.

— Ты выглядишь прекрасно. — На этих словах я открыла глаза и увидела его сжатые губы и нахмуренные брови. Он провел большим пальцем по моему запястью и сказал: — Проблема в том, что я буду не единственным мужчиной, который это заметит.

Мои глаза сузились.

О чем он говорит?

— Ты довольно спокойно об этом говоришь, — осторожно сказала я.

— Я... — он грубо откашлялся, словно пытаясь избавиться от раздражения, которое чувствовал. — Я работаю над своими проблемами с гневом.

О.

Мое сердце начало трепетать.

Милый.

Мое лицо смягчилось вместе с моим голосом.

— Я могу переодеться.

Эти вечно прикрытые глаза пробежались по мне, и он протяжно выдохнул.

— Ты купила это платье для меня, так что ты останешься в нем, и я собираюсь заткнуться нахрен, потому что ты выглядишь горячо, а я голоден. — Он дернул меня за запястье, потянув обратно к машине. — Познакомься с моим малышом.

Мои губы скривились.

Боже мой.

Ты ревнуешь к машине?

Может быть.

Гладкая черная спортивная машина была такой блестящей, такой новой, что у меня нахмурились брови.

— Она выглядит дорого.

— Так и есть, — вот и все, что я получила в ответ.

Я подошла к ней и провела легким движением пальцев по кузову, а когда добралась до задней части машины, то прочитала вслух:

— «Мазерати». — Я мало что знала об автомобилях, но знала, что эта марка была одной из тех, от которых парни сходили с ума. Я улыбнулась, но моя улыбка не достигала глаз. — Насколько дорогая?

Он потянулся, чтобы почесать лоб.

— Я голоден.

Ага.

Очень дорогая.

Я закатила глаза, но позволила ему открыть для меня дверь со стороны пассажира, и когда проскользнула внутрь, должна была признаться, прохладный кожаный салон был великолепен. И когда Твитч сел с водительской стороны, я посмотрела на него, улыбаясь.

— Признаю. Она хороша.

— Ага, — тихо согласился он, выезжая с подъездной дорожки задним ходом. — За двести тысяч, бл*дь, должна быть.

У меня глаза вылезли из орбит.

— Что? — и когда он засмеялся, я пробормотала: — Т-ты чертовски сумасшедший.

— У меня есть деньги, детка. — Он переключил передачу и пожал плечами, а затем многозначительно взглянул на меня. Его тон был почти обвиняющим. — Ты перестала обналичивать чеки.

Чеки.

Чеки, которые он отправлял каждый месяц в течение последних шести лет.

Мое сердце подскочило к горлу, но я сглотнула комок.

— У меня достаточно денег, Твитч. Хватит на несколько жизней. Мне больше ничего не нужно.

Протянув руку, он взял мою руку в свою, положив ее на рычаг переключения передач, и его рука легла на мою. Когда мы переключали передачи, мы делали это вместе. Он не сводил глаз с дороги.

— Не может быть слишком много денег.

— Может. Кроме того, — честно сказала я ему, — я бы все отдала, лишь бы ты был со мной.

Он не отводил взгляда с дороги, но я видела, как выражение его лица стало серьезным, и когда он заговорил, это было тихо.

— Я знаю.

Мы прибыли в город достаточно быстро и, на нашу удачу, заняли место прямо перед итальянским рестораном. Твитч обошел и открыл мне пассажирскую дверь, протягивая руку, а когда я взяла ее, выходя, он одним нажатием кнопки запер машину и положил руку мне на поясницу, направляя меня в заведение.

Было приятно быть вместе, только мы вдвоем. Иногда я задавалась вопросом, сможем ли мы когда-нибудь провести время наедине между школьными прогулками, работой и родительством. Я определенно чувствовала себя эгоисткой, желая Твитча только для себя, но ничего не могла с собой поделать. Я жаждала его, желала его внимания на уровне, который был на грани нездорового.

Нас быстро усадили, и молодая женщина, которая принесла нам меню, практически

проглотила свой язык, когда представлялась нашим официантом. Она широко раскрыла глаза, глядя на татуированного бога напротив меня, и запнулась на своих словах.

— Здравствуйте, я... Меня зовут... Меня зовут Адела, и я буду вашей... Я буду вас обслуживать. — Ее щеки вспыхнули. — Я имею в виду, сегодня я буду вашим официантом. — Ее губы приоткрылись, когда она посмотрела на моего красивого компаньона и пропищала: — Хотите услышать меню дня?

Твитч сузил на нее глаза.

— Нет.

— Хорошо, — выдохнула она, прежде чем повернуться и исчезнуть.

— Что ж. — Я посмотрела на меню, тихо говоря. — Ты определенно привлек ее внимание.

— Мне не нужно ее внимание, — также тихо ответил он, и когда я взглянула на него, его глаза пробежались по меню. Через мгновение он поднял на меня прикрытый взгляд. — Твоего достаточно.

Ах, дерьмо.

Мое проклятое сердце.

— Может быть, я хотела послушать меню дня, — проворчала я, глядя в его улыбающиеся глаза.

— Хочешь, я позову ее?

— Нет, — вздохнула я. — Она выглядела так, будто была на грани инсульта, — закончила я, посмеиваясь.

Он внимательно наблюдал за мной, улыбка тронула его губы, прежде чем выражение его лица стало нечитаемым, и когда он заговорил, слова обвилились вокруг моего горла, заставляя задыхаться.

— Хочешь обвенчаться?

Я моргнула, и меню выпало из моих рук.

— Что? — меня охватило смятение, когда его вопрос лег на мои плечи, как теплый шарф. Я тяжело сглотнула, приоткрыла рот, нахмурила брови и спросила: — Сегодня?

Его губы сжались.

— Почему нет?

Эм, что?

Мое сердце бешено колотилось, и мне было трудно дышать.

— Я никогда не знаю, серьезно ты говоришь или нет, и это один из тех случаев, когда мне нужно знать... — слова прозвучали с придыханием, — ... серьезно ты или нет.

— Когда дело касается тебя, детка, я всегда серьезен. — Он некоторое время изучал мое лицо, прежде чем заявить: — Мне несложно угодить. Я не хочу многого в жизни. Я не прошу многого, Ангел.

— Чего... — вопрос вырвался на выдохе. — Чего ты просишь?

Без лишних разговоров. Мне нужно, чтобы он прояснил это для меня.

Он подумал об этом, его лицо стало серьезным.

— Я хочу, чтобы мое кольцо было на твоем пальце. Хочу, чтобы ты взяла мою фамилию. Хочу просыпаться с моими руками вокруг тебя и моим членом, погруженным глубоко в твою хорошенькую киску каждое гребаное утро.

Дерьмо.

Я тоже этого хотела.

Он продолжил, глубоко вдохнув и медленно выдохнув, а его мягкие карие глаза удерживали мой взгляд.

— Я хочу, чтобы ты хотела меня, и хочу, чтобы ты показывала мне это при каждом удобном случае. Я хочу верности. Хочу полной и абсолютной преданности. Без балды. Я хочу поделиться с тобой всем. Всем, детка. Никаких секретов.

Мой рот приоткрылся, когда я резко выдохнула.

Потому что это не звучало тревожно.

Нет.

Нисколько.

Он наблюдал за моей реакцией.

— Я хочу, чтобы ты отдалась мне самозабвенно, и хочу, чтобы ты сделала это, потому что ты знаешь, что независимо от того, как далеко я зайду, как неудобно тебе будет, ты доверяешь мне узнать твои пределы, что ты доверяешь мне свою безопасность. Я хочу, чтобы ты почувствовала, как сильно я хочу тебя, и я работаю над своей жадностью, но я эгоист по натуре. Я хочу все это.

Я подождала мгновение, прежде чем ответить, и из меня вырвался сарказм, когда я, расширив глаза, сказала:

— Многого не просишь?

При этом он издал грубый смешок, а когда улыбнулся этой кривой улыбкой, которую я так любила, я растаяла. Его улыбка смягчилась, когда он произнес:

— Сама сказала, детка. Вместе или никак.

Мое сердце расширилось на целых три размера.

Твитч сошел с ума.

Такой безумно красивый. И все, чего хотел он, — меня. Но это было слишком, слишком быстро.

— Я... — слова были мягким шепотом. — Я не знаю, дорогой. Прошло всего два с половиной месяца, мы едва...

Он вытащил черную бархатную коробочку и поставил ее на стол между нами.

— Боже мой. — Казалось, что меня кто-то душит. — Ты купил кольцо, дерзкий ублюдок. — Я выдавила из себя безрадостный смешок, и мое колено подпрыгнуло под столом. — Не-а. — Я покачала головой. — Ну-у уж... — мой взгляд был прикован к маленькой коробочке, насмехающейся надо мной в центре стола, — нет. — Но, говоря это, я потянулась к коробочке с кольцом, глядя на нее немигающим взглядом.

И когда я открыла ее, мои брови разочарованно нахмурились.

— Она пуста.

Твитч скривился.

— Да? — он повернул коробку к себе и пробормотал: — Странно. — Перегнувшись через стол, он взял мою левую руку и осторожно поднес ко рту, целуя мои костяшки пальцев и говоря у моей кожи. — Ах, посмотри на это. — Он поднял другую руку. — Я нашел его.

Мое сердце дрогнуло, когда между его пальцами появилось золотое кольцо. Он не сводил с меня глаз, осторожно надевая его мне на палец, и когда я отдернула дрожащую руку, подняв ее перед собой, чтобы посмотреть на тонкое скромное кольцо с единственным бриллиантом в центре, дышать было тяжело.

Я прерывисто выдохнула и услышала, как он сказал:

— Подумал, что ты не захочешь чего-то кричащего.

Я и не хотела.

— Оно прекрасно, — тихо, почти грустно произнесла я, и когда открыла было рот, чтобы заговорить, он оборвал меня взмахом руки.

— Все нормально. Я знаю, что ты колеблешься, и я это понимаю, так что сегодня мы не принимаем никаких решений. Я просто должен дать понять, что это конечная цель, и я совершенно уверен.

О, слава Богу.

Не уверена, что смогла бы принять решение прямо сейчас, потому что, если бы я это сделала, мы, вероятно, поженились бы уже к ночи.

Кивнув, я еще раз посмотрела на кольцо, прежде чем взяться за него, чтобы снять. Но он остановил меня:

— Почему бы тебе не оставить его на какое-то время? — мои глаза встретились с его, и его бровь приподнялась, когда он добавил: — Посмотришь, понравится ли тебе.

Это звучало достаточно разумно.

— Да, хорошо, — произнесла я, оставляя великолепное кольцо, но быстро добавила: — Просто чтобы убедиться, что оно мне подходит по размеру.

В уголках его глаз появились морщинки.

— Конечно, детка.

Приторно-сладкий ответ сказал мне, что я никого не смогу обмануть, и он чертовски хорошо знал, что я хочу носить кольцо, потому что я хочу быть его так же сильно, как он хочет объявить меня своей. Я просто была слишком труслива, чтобы признать это.

Во время ужина я не могла налюбоваться на кольцо, и каждый раз, когда мой взгляд останавливался на нем, я бессознательно улыбалась. Это было все, что я когда-либо желала для нас, все, что я рисовала в своем воображении, в своих мечтах.

Почему я так боялась воплотить эту мечту в реальность?

Мы вышли из ресторана рука об руку, и когда Твитч вставил ключи в зажигание, машина позади нас начала сигналить. Я повернулась назад, глядя на серый «Лексус», а он снова посигналил нам.

Твитч посмотрел в зеркало заднего вида, стиснув челюсть.

— Какого хрена этот клоун делает? — еще один гудок, и Твитч закрыл глаза, скрипя зубами. Он опустил окно и выбросил вперед руку, махнув машине. — Объезжай, придурок.

Еще гудок, все дольше и дольше, и когда Твитч выскочил из машины с видом человека, готового к убийству, я прошептала:

— Вот черт.

Я услышала его гневную тираду:

— Ты хочешь проблем, приятель? Ну, у тебя они сейчас будут. Вылезай из машины.

Мое сердце бешено колотилось, пока я смотрела на это, широко раскрыв глаза и окаменев.

Дверца машины открылась, и из нее выскользнул высокий темноволосый мужчина средних лет, который, похоже, совсем не боялся Твитча. На самом деле, он старался шагнуть слишком близко к Твитчу.

И когда плечи Твитча опустились, он медленно покачал головой и произнес:

— Надо было догадаться.

Мужчина перед Твитчем улыбнулся, и мой мужчина ответил ему взаимностью. Когда они бросились друг на друга, обнимаясь и хлопая друг друга по спине со смешками, я

немного растерялась. Они отстранились, оглядывая друг друга, тихо и весело разговаривая, и это замешательство усилилось, когда Твитч вернулся к машине и счастливо ухмыльнулся.

— Я хочу познакомить тебя кое с кем.

— Хорошо, — протянула я, расстегивая ремень и выходя из машины так изящно, как только можно в мини-платье.

В тот момент, когда я вышла, Твитч оказался рядом со мной, притянув ближе, и мужчина широко улыбнулся, окинув меня взглядом.

— Как, черт возьми, ты умудрился заполучить эту красотку, уродливый ублюдок?

О, Боже.

Он был так очарователен.

Ошеломленный смех покинул меня, и когда мужчина протянул руку, я вложила свою руку в его и моргнула, когда он поцеловал мои пальцы.

Твитчу это не понравилось.

— Эй, Пав. Тебе нравится твоя рука, чувак? — когда этот Пав повернулся лицом к Твитчу, мой красавчик заявил: — Если ты не хочешь потерять ее, я бы на твоём месте отпустил руку моей женщины.

Пав ухмыльнулся, мягко отпустив мою руку и подняв руки в знак капитуляции, прежде чем сказать:

— Перестань называть меня Пав. Это заставляет меня чувствовать себя гребанным десертом. — Мужчина повернулся ко мне. — А я не такой уж и сладкий. — Его глаза были теплыми. — Я Лука.

Твитч притянул меня обратно к себе. Он имел наглость говорить за меня.

— Лука Павлович, это моя жена Лекси.

Ублюдок.

Я медленно отстранилась, чтобы посмотреть на моего красивого и задумчивого негодяя. Его глаза сияли. Глядя на Твитча, я сказала Луке:

— Я не его жена.

— Какое у тебя красивое кольцо. — Лука посмотрел на мою левую руку. — Он дал его тебе?

Эм.

— Ну, да.

Брови Луки поднялись.

— И ты носишь его по своей воле?

— Да, но...

Лука усмехнулся, перебивая меня как ни в чем не бывало:

— Тогда ты его жена.

Что?

— Минуточку. — Я повернулась к Твитчу и сердито толкнула его в плечо. — Ты все подстроил?

Глаза Твитча сверкнули, глядя на меня, прежде чем он поднял лицо к Луке.

— Разве она не нечто?

Взгляд Луки метался между нами.

— Я никогда не видел, чтобы женщина подняла на тебя руку и дожила до того, чтобы рассказать об этом, так что... — он кивнул, выглядя совершенно озадаченным. — Да. Она — нечто.

— Ага, — пробормотала я. — Она — нечто. — Мои глаза сузились на Твитча. — Она — нечто разозлившееся.

Оба мужчины рассмеялись, но я не увидела юмора в этой ситуации.

Через мгновение Лука вздохнул, внимательно наблюдая за Твитчем.

— Я слышал, что ты вернулся. Хотя и не поверил. — Его лицо стало серьезным. — Не многие мужчины возвращаются из могилы такими же красивыми, как ты. — Твитч и Лука обменялись понимающими взглядами, и Лука очнулся от ступора. — Так что, когда я увидел тебя, то подумал, что мне все это почудилось. — Он пожал плечами, улыбаясь. — Пришлось посмотреть повнимательнее. И вот и ты, мой брат.

Лицо Твитча смягчилось, когда он взглянул на меня.

— Были причины сделать то, что я сделал.

Глаза Луки сузились, глядя на Твитча, а затем на меня.

— Да. Я вижу. — Он выпрямился. — Значит. — Он хлопнул в ладоши, жадно потирая их. — Ты вернулся.

Твитч медленно покачал головой.

— Я вернулся, Пав, но я не *вернулся*.

Лука нахмурил брови.

— Ты вышел из дела?

— Я вышел, — твердо заявил он, и узел в моем животе ослабился. — У меня есть жена. Есть сын. Я не хочу возвращаться. У меня есть более важные дела, о которых нужно думать, кроме как присматривать за моей спиной 24/7.

Мужчина не выглядел впечатленным.

— Ты же знаешь, это не так просто, Твитч.

— Это просто... — Твитч оценил мужчину, прежде чем убавить свой опасный тон, — ... если я скажу, что так и есть.

Разговор продолжался, но я не поняла половины сказанного.

— Люди будут говорить.

— Пусть говорят.

— Слухи разлетятся.

— Мне все равно, — резко ответил Твитч.

— Технически трон все еще твой.

— Я говорю по-английски, Пав? — Твитч был явно возмущен. — Послушай меня, брат мой. — Его рука сжалась вокруг меня, и казалось, что он ищет силы, чтобы оставаться спокойным. — Я *вышел*.

— Трахни меня. — Лука вздохнул, прежде чем обвинительно заявить: — Ты вышел. Юлий вышел. Хэппи ушел. — Он посмотрел на Твитча. — Забавно, что, когда вам всем нужно было помочь с вашим дерьмом, я был там, бл*дь, где было нужно, и теперь это дерьмо идет на юг в мое королевство, но никого из вас, ублюдков, нет рядом, когда вы мне нужны.

Твитч замер.

— Что ты имеешь в виду под «дерьмо идет на юг»?

Лука вздохнул, закрыв глаза.

— Тело Аслана Садыка было найдено сегодня утром с пулей в спине. Его люди хотят получить ответы, и я пытаюсь дать им это. Они скорбят, и это делает их нестабильными. — У Луки сжалась челюсть. — Ходят слухи. — Он огляделся, прежде чем продолжить: — Об отношениях, которые у него могли быть кое с кем, с кем у него не должно было быть

отношений.

— Линг.

Мое тело напряглось рядом с Твитчем, Лука скривил губы.

— Кажется, ты знаешь много подпольного дерьма для того, кто вышел. — Когда взгляд Твитча потемнел, Лука добавил: — Просто говорю. — Он посмотрел на свои туфли, прежде чем заявить: — Я почти уверен, что это сделала она, но никто ничего не видел, и когда я позвонил, чтобы допросить Королеву Драконов, ее брат предоставил ей алиби. — Лука поднял глаза на Твитча. — Сказал, что они были вместе всю ночь. — Он облизал губы и посмотрел на меня, прежде чем уточнить: — В постели.

Мой желудок взбунтовался.

Линг трахалась со своим братом?

Боже мой. Отвратительно.

Должно быть, мое лицо выразило мои чувства по этому поводу, потому что Лука покачал головой, просветляя:

— Насколько нам известно, это ложь. Ван скажет и сделает все, чтобы его сестра была в безопасности. И он зашел так далеко, чтобы сделать это.

И все же... фу.

Твитч сделал долгую паузу, прежде чем сказал:

— Я не знаю, что тебе сказать, чувак.

Лука внимательно наблюдал за ним.

— Почему бы тебе не начать с того, что, черт возьми, ты и твои ребята делали, в доме Аса Садыка несколько недель назад.

Мой тяжелый взгляд остановился на Твитче, и когда его глаза встретились с моими, он даже не моргнул. Он изображал картину невинности. К счастью, я хорошо его знала.

Его плечо дернулось.

— Дружественный визит. Просто хотел подтолкнуть моего старого друга Аса в правильном направлении, подальше от пасти гребаной гадюки. И, может быть, я думал, что если напугать его таким образом, это поможет.

Я слышала слова, но знала, что никто не навещает друзей посреди ночи с оружием.

— Ах, Твитч, — простонал Лука. — Тупой ты ублюдок.

Я ничего не смогла с собой поделать.

— *Эй.* — Когда глаза раздраженного мужчины встретились с моими, я внезапно смутилась. Я прижалась к Твитчу скорее из страха, чем из демонстрации поддержки, и слабо сказала: — Не разговаривай с ним так.

К моему полному удивлению, шокированное выражение лица Луки превратилось в широкую улыбку, и когда он посмотрел на Твитча, мужчина рядом со мной прижался губами к моему виску. Я почувствовала его улыбку на своей коже.

— Видишь? — мягко произнесенное слово согрело мою кожу. — Нечто.

Потребовалось мгновение, но улыбка Луки померкла.

— Если ты мне понадобишься, я позвоню.

Мне не понравился тон, который он использовал. Это прозвучало как приказ, и это беспокоило меня. Бессознательно моя рука легла на широкую грудь Твитча, и мое лицо стало серьезным.

— Я выхожу, Лука, — вот и весь ответ, который получил мужчина.

И пока он шел спиной к своей машине, я увидела опасность в Луке Павловиче, когда его

лицо потемнело, и он сказал моему мужчине:

— Ты выйдешь, когда я скажу, что ты вышел. — Он ухмыльнулся, но это было искажено. — Разве ты не слышал, брат? — Эта ухмылка исчезла, и он сурово пробормотал: — Теперь я чертов король.

Машина отъехала, оставив нас на улице, а я вцепилась в Твитча, чувствуя себя так, словно вот-вот потеряю человека, которого только что вернула. И я была ошеломлена, осознав, что больше не позволю этому случиться.

Не добровольно.

Твитч

— Мне нужно, чтобы ты позвонила своему парню, — сказал я, пока Молли сидела за обеденным столом, положив лодыжку на колени, и потягивала кофе.

Ее лицо сморщилось.

— Какому парню?

Да ладно, Молли. Давай не будем играть в эту чушь прямо сейчас.

Я закатил глаза, а затем вздохнул.

— Ты знаешь, какому парню. Огромному маорийскому ублюдку.

Ее взгляд остановился на мне, и ее пухлые губы слегка приоткрылись. Прошло мгновение, и она покачала головой.

— Нет.

Подойдя, чтобы прислониться к стене, я почесал свой колючий подбородок и протянул:

— На самом деле это была не просьба.

— Нет, — заявила она более твердо, прежде чем встать и попытаться выбежать из комнаты.

Она действовала быстро.

Но я был быстрее.

Моя рука метнулась вперед, крепко сжимая ее предплечье, останавливая ее на полпути. Ее смертоносный взгляд остановился на моей руке, прежде чем она медленно подняла глаза на меня, ее губы скривились, и я улыбнулся, когда она пронзила меня ледяным взглядом.

— Убери от меня свою руку. — Наша Молли была сухой. И это было хорошо. Это сослужит нам хорошую службу. Она попыталась вырваться из моей хватки и выплюнула: — Он позволил своему брату изнасиловать мою сестру.

Глупый маленький воробушек.

— Он ни хрена не сделал, и ты это знаешь. То, что произошло, не имеет никакого отношения к Таме, но ты ранена, поэтому хочешь сделать его врагом. — Моя хватка ослабла, но она не убежала. Я видел, как вытянулось ее лицо от моих слов. — Вы оба потеряли кое-кого важного для вас. Вы оба расстроены, и если вы поговорите об этом, то поймете, что вам обоим есть о чем сожалеть. — Тогда я отпустил ее. — Но никто из вас не виноват.

— Я убила его брата. — Молли сморгнула слезы, отказываясь позволить им пролиться, и я уважал ее за это. — Он никогда не простит меня.

Именно тогда тихий голос Лекси прорезал тишину.

— О, милая. — Лицо моей женщины было опустошенным, когда она инстинктивно подошла к Молли и обняла ее сзади, прижавшись виском к ее голове. — Я не знала. — Глаза Лекси закрылись, пока она переваривала то, что только что открылось ей. Она крепко сжала Молли и пробормотала: — Мне так жаль.

Молли развернулась в объятиях Лекси и позволила ей по-матерински утешить ее, и это что-то сделало со мной. Обе эти женщины были важными частями моего прошлого. Было забавно, что прошлое продолжало повторяться, сводя нас вместе, *заставляя нас быть вместе*, как будто всем нам суждено сыграть важную роль в будущем друг друга.

Лекси отстранилась, ее глаза были печальны, и посмотрела вниз на Молли, продолжая обнимать ее.

— Ты не обязана звонить ему, ладно?

Мое лицо скривилось.

М-да. Она это сказала.

Но мой прекрасный Ангел удивила меня, когда добавила:

— Но я знаю, Твитч не попросил бы тебя об этом, если бы это не было важно, милая. Так что... — она провела пальцами по мягкой щеке Молли, — ты не обязана, но... — ее глаза остановились на мне на мгновение, прежде чем она мягко продолжила, — ... мы были бы признательны, если бы ты это сделала.

Почти сразу же Молли хрипло произнесла:

— Я позвоню ему.

И Лекси наклонилась, прижимаясь губами ко лбу миниатюрной девушки. Она закрыла глаза и долго держала их закрытыми, прежде чем искренне ответить:

— Спасибо. Я знаю, это будет нелегко, но я буду рядом с тобой, хорошо? — удрученный взгляд Молли встретился с ее взглядом, и Лекси тепло улыбнулась маленькой женщине. — Я никуда не уйду.

Молли кивнула с выражением отчаяния на лице, и ее взгляд маленькой забитой девочки пробудил во мне защитную жилку, которую я не чувствовал ни к кому, кроме моего сына и его матери.

— Позови его, — произнес я, когда оттолкнулся от стены. — Скажи ему, чтобы пришел один.

У меня было плохое предчувствие. Чувство, которое подсказало мне, что некоторыми людьми нужно будет пожертвовать, чтобы сохранить мою семью в безопасности. Я ушел, пытаясь справиться со своим внутренним смятением. Потому что я не мог защитить всех.

Тишина была густой, липкой, удерживая нас четверых на месте, пока мы сидели за столом. И когда мой взгляд переместился с огромного монстра в облике мужчины с татуированным лицом на крошечную, миниатюрную иву в облике женщины с надутыми губками, я не мог не ухмыльнуться про себя, потому что за те десять минут, что мы были здесь, они смотрели только друг на друга.

Поскольку Лекси осталась сидеть рядом с Молли, она бросила на меня взгляд, который говорил: «О Боже мой, это так неловко». Прочистив горло, я перевел взгляд на мужчину и задержал его на нем.

— Что ты знаешь о Драконах?

Темный пристальный взгляд Тамы не отрывался от Молли, когда он протянул:

— Цена этого разговора будет тебе дорого стоить.

То, как мягко он это сказал, заставило меня понять, что он обращается не ко мне. Мои глаза сузились, глядя на Молли, и я увидел, как ее охватывает паника.

Я решил дать понять ему кое-что:

— Молли на тебя не работает, Тама. Она работает на меня, и у меня нет никаких планов возвращать ее в твоё общество. — Он повернулся ко мне, и если бы я не был тем, кем я был, увидев то дерьмо, которое я видел, я бы подумал, что он страшный человек. К счастью, его тактика запугивания не возымела на меня никакого впечатления. — Особенно не после того дерьма, которое ты выкинул в прошлый раз, когда вызвал ее.

Его смертоносный взгляд снова остановился на ней, и его ответ был грубым, низким.

— Никогда не говорил, что она нужна мне для работы.

Мой желудок сжался от гнева, болезненно сжался.

— Я не собираюсь заставлять мою девочку становиться твоей игрушкой, так что, если таков план, и ты не хочешь воспользоваться возможностью, то убирайся к чертовой матери из моего дома.

Тама долго молчал, но я заметил, как его кулаки сжимались и разжимались, а затем он спросил:

— Какой возможностью?

Я внутренне усмехнулся.

Я поймал его.

— Слышал, у тебя есть парень. Парень, который руководит наблюдением. И я слышал, что он хорош.

— Амохо. — Тама выпятил грудь от гордости. — Он не просто хорош. Он лучший.

Его уверенность говорила о многом.

— Мне нужно, чтобы он присматривал за Линг Нгуен.

Но Тама уже качал головой.

— Не-а, брат. Мы не связываемся с Драконами. — Он моргнул, уставившись на стол. — Они ненормальные. Никакие правила для них не действуют. У этой их королевы не все в порядке с головой. Если мы их взбесим. — Его губы скривились, и он глубоко вздохнул, прежде чем снова покачать головой. — Я не позволю убивать моих людей из-за тебя, а именно это и произойдет, если мы возьмемся за эту работу.

— Нет, если я убью ее первой, — протянул я, и будь я проклят, если это не привлекло его внимания. — Драконы — заноза в заднице у всех, и я планирую заставить их распасться. — О, да, он слушал. — Ты помогаешь мне здесь, их территория — твоя.

Это была первоклассная территория. Место в городе, которое не занимал никто, кроме Потерянных пацанов.

Да. Тама слушал.

Но, думаю, что он не понимал, как это работает, потому что самоуверенный ублюдок чувствовал необходимость вести переговоры.

— Я все еще хочу Молли.

Короткий лающий смешок покинул меня.

— Ты не получишь ее. — Мое веселье сошло на нет. — Ты получаешь территорию, или не получаешь ничего. Жадные ублюдки обычно получают лишь прощальный приз, — сказал я ему. — Дырка в башке.

При этих словах великан действительно выдавил из себя улыбку. Казалось, он обдумывал мое предложение и делал это довольно долго, прежде чем встал и сказал:

— Я поговорю со своими людьми и вернусь к тебе. — Я встал проводить его из кухни, когда он внезапно повернулся лицом к Молли и, помедлив секунду, пробормотал: — Идешь?

Сказать, что она была ошеломлена, было бы преуменьшением. Ее брови нахмурились, как будто ей было очень больно, а рот приоткрылся от недоверия, но она не пошевелилась.

Гигантский маори некоторое время наблюдал за ней, затем его губы сжались, и он понимающе кивнул, прежде чем продолжить путь к двери. Чего он не видел, так это того, что Молли попыталась встать.

Я остановил ее:

— Ты не пойдешь.

Она выглядела совершенно сбитой с толку, как будто ее тянули в разные стороны, и она

хотела следовать им всем.

— Молли, тебе двадцать два, а он *моего* возраста, — строго сказал я. — Ты не можешь пойти с ним. — Когда ее глаза сузились на мне, я подавил смешок, но покачал головой, пробормотав: — Я не разрешаю, девочка. Сядь на свою задницу.

И когда ее глаза вспыхнули, она зарычала:

— Пошел ты! — она бросилась в свою комнату, прежде чем вернуться со своей сумкой.

Я выдавил из себя долгий вздох.

— Вернись сюда, Молли.

Но она проигнорировала меня, побежав за ним.

— *Тама!*

Входная дверь захлопнулась, и из окна мы с Лекси наблюдали, как Тама повернулся как раз в тот момент, когда Молли бросилась на него, и в ту секунду, когда он поймал ее, их губы встретились в жестком, отчаянном поцелуе, который заставил меня победоносно улыбнуться.

Голос Лекси рядом со мной звучал раздраженно.

— Не тебе решать, с кем ей быть, Твитч. Она любит его и... — когда она повернулась ко мне, ее большие синие глаза сузились у моих губ. — Почему ты улыбаешься?

Моя малышка.

Боже, она прекрасна.

Нежно убрав ее волосы за ухо, я, продолжая улыбаться, заявил:

— Я не претендую на то, что много знаю о женщинах, но я знаю одну вещь. Им не нравится, когда ты указываешь им, что делать. Или заставляешь держаться подальше от того, кто им нужен.

Я увидел тот момент, когда она все поняла. Ее глаза расширились, и она опустила подбородок, чтобы скрыть улыбку, а когда она наконец снова посмотрела на меня, ее глаза были полны веселья.

— Ты подлый засранец. Ты сделал все это... Сказал все это нарочно, зная, что она пойдет за ним.

Тама понес Молли к своей машине, целуя ее так, словно она была воздухом, и он умирал от желания снова дышать. Полностью невозмутимый, я произнес:

— О нет. Молли, вернись.

Лекси откинула голову назад и громко рассмеялась, и я ухмыльнулся, глядя на ее покрасневшее и улыбающееся лицо, прежде чем мой разгоряченный взгляд остановился на ее полных губах.

— Мне нужен этот рот, мамочка.

Ее глаза сверкнули на мгновение, а затем взгляд стал похотливым, и мне понравилось, что после всего этого времени мы все еще были так же увлечены друг другом, как и в начале.

— Только мой рот? — в ее голосе звучало разочарование.

Я медленно покачал головой и взял ее за руку, притягивая ближе.

— Каждому путешествию нужна отправная точка.

Из меня вырвался сдавленный звук, когда ее жадные пальчики протянулись, чтобы потереть мой член через джинсы. Ее голос был хриплым, когда она прошептала:

— Разве ты не собираешься наказать меня?

Она хотела, чтобы ее наказали.

Трахни меня.

Она была совершенством.

Но сегодня я просто хотел моего улыбающегося, милого Ангела. Только ее. И я хотел ее всю.

— Прикоснись ко мне.

Ведя ее спиной вперед по коридору, я не сводил с нее глаз, а она держала свою маленькую ручку на моей натянутой ширинке. Когда я наклонил лицо, чтобы поцеловать ее, она игриво отстранилась, улыбаясь и избегая моих губ, и мое сердце сделало какой-то странный скачок.

Хм.

Это было по-другому.

Всякий раз, когда я был рядом с этой женщиной, казалось, я не мог оторвать ни рук от нее, ни надеть штаны.

Как только мы оказались в спальне, я запустил руки к низу хлопкового платья, в котором она была, и сдернул его, увидев ее в маленьких кружевных трусиках и таком же белом лифчике...

Лекси

Он стоял так уже долгое время. Я начинала чувствовать себя неловко.

— Милый? — мои брови слегка нахмурились.

Что с ним не так?

Внезапно он нахмурился и с трудом сглотнул, а затем моргнул и зашевелился. Но когда он вытащил свой телефон и направил его на меня, я со вздохом подняла руку, чуть не выбив телефон у него из рук.

— *Не* фотографируй меня. — Совершенно возмущенная, я прошипела: — Не в таком виде.

У него хватило наглости выглядеть раздраженным.

— Почему нет?

— Я...

О, нет.

Мои глаза плотно закрылись, и неуверенность, с которой я боролась с тех пор, как у меня появился Эйджей, вернулась со всей силой. Я прикрыла свой живот рукой, растопырив пальцы, совершенно смущенная, а затем прошептала: — Я уже не та, что прежде. — Я сказала это так, чтобы он не мог неправильно понять, что я имею в виду.

И он понял меня.

Делая шаг вперед, его твердая длина прижалась к моему бедру. Многозначительно глядя на меня сверху вниз, он грубо произнес:

— Для тебя это похоже на разочарование?

Нет.

Это было похоже на мое крушение.

Неожиданно мой рот открылся, и все слова вылетели наружу.

— Я уже не такая худая, как была.

— Ты мне нравишься такой.

— У меня появился живот.

Он усмехнулся.

— Вряд ли это можно назвать животом.

— Моя задница стала больше.

На это он ухмыльнулся, скользнув рукой по моему бедру, чтобы сжать округлую ягодицу.

— Я знаю.

Засранец.

Чувствуя себя прямолинейной, я продолжила:

— Беременность сделала мои сиськи огромными. Смотри. — Я прижала к ним руки, чтобы подчеркнуть свои слова, и когда грудь непристойно выпятилась, я моргнула, глядя на него. — Видишь? — его глаза не отрывались от моей груди. Я провела рукой по волосам, раздраженно вздыхая, и сказала: — Это так нечестно, что я выгляжу так, когда ты выглядишь... — я обвела рукой все его великолепие. — ... так. — Я продолжила: — Я тренируюсь. Бегаю. Я занимаюсь йогой. Не имеет значения, что я делаю; эти изгибы не хотят покидать меня. — Когда в уголках его глаз появились морщинки, я печально призналась: — Они устроились как дома и, по-видимому, никуда не денутся.

— Хорошо, — последовал его холодный ответ.

Мои глаза сузились.

— Ты вообще меня слушал?

Он вздохнул.

— Я слушал, Ангел. Мне просто похрен, вот и все. — У меня перехватило дыхание, когда он улыбнулся своей красивой кривой улыбкой и произнес: — Я услышал твои опасения, но я мужчина. Я люблю изгибы. А твои изгибы? — рокочущее рычание прозвучало низко в его горле, и его глаза прикрылись. — Просто бомба.

Ну, черт.

Бомба.

Мне это понравилось.

— Я просто немного не уверена в себе, вот и все, и...

Он наклонился и прервал меня, захватив мои губы в твердом, властном поцелуе, который опьянил меня, и когда он отстранился, его глаза были теплыми.

— Заткнись, детка.

— Хорошо, — был мой ответ с придыханием.

С легким толчком я приземлилась спиной на кровать, а он взобрался на меня. Мои глаза расширились, когда я посмотрела на кровать и увидела свои ярко-желтые тапочки.

— Ты хочешь, чтобы я оставила Пикачу? — он лишь молча коснулся губами моей шеи, и я мягко улыбнулась, слегка пожав плечами. Ладно. — Как хочешь.

— Ты нравишься мне любой, — это был определенно правильный ответ, и я почувствовала эти слова глубоко в своей душе, когда он пососал нежную область, где шея соединялась с плечом, помечая меня.

Мои глаза закрылись от блаженства, и я подняла руки к его затылку, нуждаясь в том, чтобы этот великолепный мужчина оставил мне еще одно любовное письмо, отпечатанное на моей коже, чтобы я не забыла, что он чувствовал ко мне.

С каждым поцелуем, с каждым нежным прикосновением его языка к моему, он посылал тайные сообщения. Секретные сообщения, предназначенные только для меня.

Ты — причина, по которой я дышу.

Я бы сделал все, чтобы ты была счастлива.

Я люблю тебя.

И я вернула ему свои собственные.

Я живу для тебя.

Я бы убила ради тебя.

Я люблю тебя больше.

Прожив за свою жизнь во многих местах, нигде не чувствовала себя так дома, как в объятиях Антонио Фалько.

Когда он внезапно взял мою левую руку, глядя на кольцо, которое я продолжала носить, он не сводил глаз со сверкающего бриллианта, но произнес:

— Я всегда нахожу дорогу к тебе.

ДА. Он так и делал.

Но мое сердце дрогнуло, потому что это звучало грустно из уст человека, который не умел грустить, и это беспокоило меня.

— Мы собираемся пожениться, — сказала я ему, мое горло сжалось от эмоций.

И когда он покачал головой, мое сердце екнуло, но от того, что он сказал, у меня внутри все затрепетало.

— Меня не волнует, что кто-то говорит. Мне все равно, что говорит закон. Если я называю тебя своей женой, значит, ты моя жена. Но если ты хочешь сделать это официально, мы можем это сделать, детка. — Он поцеловал костяшки моих пальцев. — Насколько я понимаю, теперь ты миссис Антонио Фалько.

Я моргнула, глядя в эти глаза, которые теплели лишь в моих объятиях. Я высвободила руку и обхватила ими его лицо. Я провела большими пальцами по его грубым щекам, нежно лаская их, потому что он был дорог мне.

Тихим голосом я призналась:

— Мне страшно.

Он не ответил, просто кивнул, и я поняла, что мы на одной волне.

Опустив голову к ложбинке между моими грудями, он лег на меня, обхватив руками, пока я гладила его волосы, крепко обнимая его, давая ему утешение, в котором он так отчаянно нуждался.

Потому что прошлое Твитча догоняло нас.

Я лишь надеялась, что у нас было еще немного времени вместе, прежде чем нас наконец поймают.

Мы занимались любовью медленно, неспешно, наши губы не отрывались друг от друга.

Что-то изменилось с этим нежным занятием любовью, и я не знаю, что именно, но глубоко внутри я чувствовала, что это были хорошие перемены. Как будто сложный мужчина рядом со мной полностью открылся мне. И когда мы лежали вместе обнаженные, с моей ногой, перекинутой через его, Твитч притянул меня к себе, взял мою руку и поднес ее к своему рту.

От этого милого жеста мое сердце переполнилось, и в этот момент я почувствовала себя по-настоящему ценной.

В тишине пространства вокруг нас я тихо проговорила с закрытыми глазами.

— Я хочу еще детей.

Я почувствовала, как губы Тони растягиваются в улыбке под моей рукой.

И была уверена, что он почувствовал мою ответную улыбку на своей груди.

Когда я осторожно положила руку ему на грудь над сердцем, он прижался губами к моему лбу и мягко произнес:

— Все, что захочешь, детка.

— Я люблю тебя.

Он прижался своим лицом к моему, его губы нежно целовали все, до чего могли дотянуться, и я закрыла глаза, впитывая любовь, которую он дарил, а также его невысказанные слова. Потому что Твитч позволял своим действиям говорить за него.

И мне понравилось то, что они говорили.

Линг

— Я больше не хочу здесь оставаться.

Устав от того, что со мной нянчатся, я встала и направилась к выходу из своей спальни. Но сводящий с ума мужчина, которого я называла своим братом, бросился ко мне, положив руки мне на плечи и направляя меня обратно внутрь.

— Линг, тебе нужно залечь на дно. Это не подлежит обсуждению. — Он тепло посмотрел на меня сверху вниз. — Будь хорошей девочкой. Пожалуйста?

В первые дни после смерти Аслана Садыка Ван поручил нескольким наиболее доверенным Драконам прочесать мою городскую квартиру, убирая каждый сантиметр, пока мои братья заботились о телах. Через несколько дней эта квартира была готова снова появиться на рынке недвижимости, но я отказалась продавать, ничего не объясняя и задаваясь вопросом, знает ли Ван почему.

Если бы я продала ее, все это исчезло бы, как и все мои лучшие воспоминания, связанные с прекрасным турком.

Было тяжело не иметь возможности скорбеть, потому что я была под замком, а мой брат изо всех сил старался занять меня, но ничто не могло занять разбитое сердце так хорошо, как горе.

Я двигалась медленно, сядя на край кровати и тихо говоря.

— Почему ты это сделал?

Краем глаза я все еще видела Вана. Он долго не отвечал, но когда ответил, его голос был грубым.

— Ты бы сделала это для меня.

А сделала бы я?

Я больше не была так уверена.

Горе творило странные вещи с моим восприятием.

— Иди сюда. — Я протянула ему руку, и он без колебаний подошел ко мне, сел рядом и позволил мне взять его за руку.

Чего бы я только не отдала, чтобы почувствовать что-то другое, кроме того, что я чувствовала сейчас.

Я бы сделала что угодно, ужасные, отвратительные вещи, просто чтобы почувствовать что-то другое, кроме депрессии, текущей по моим венам.

— Ты сказал им, что мы были вместе в постели, — пробормотала я, беря его руку и кладя ее на свое обнаженное бедро, сохраняя спокойный тон. — Как бы ты отнесся к тому, чтобы воплотить этот слух в реальность, брат?

Ван закрыл глаза, сжимая мою плоть достаточно сильно, чтобы остался синяк.

— Линг. Остановись.

Нет.

Нежно положив руку ему на подбородок, я повернула его лицом к себе, и его глаза закрылись так крепко, что я подумала, что он может разрыдаться.

— Посмотри на меня.

Но мой брат твердо покачал головой и прошептал:

— Не делай этого.

Но я хотела это сделать.

Я хотела забыться на некоторое время, и мне было все равно как.

Мое сердце дрогнуло, когда я наклонилась и прижалась своими губами к его.

Это казалось неправильным. Тем более что рот Вана оставался неподвижным.

— Поцелуй меня в ответ, — грустно сказала я.

Но он этого не сделал.

У меня защипало глаза.

— Поцелуй меня в ответ, — умоляла я, и мое дыхание сбилось, когда упали первые слезы. — *Пожалуйста.*

Ван держал глаза закрытыми, а губы расслабленными. И это был момент, когда я по-настоящему осознала, как низко я пала.

Ас был прав.

Я не была королевой. Я была гребаной шуткой.

Явно испытывая дискомфорт, тело моего брата оставалось неподвижным даже после того, как я отползла назад, подальше от него.

Мой голос ослаб, я опустила подбородок и впервые за много лет почувствовала стыд, тихо заплакав:

— Прости. — Когда мужчина рядом со мной встал и направился к двери, я запаниковала. Широко раскрыв глаза, я крикнула: — Не оставляй меня.

Его «я должен» было сказано таким тоном, что я поняла: если он этого не сделает, мы сделаем то, о чем потом пожалеем.

Поэтому я смотрела, как он уходит.

Дело в том, что я все равно двигалась в неправильном направлении, и если я не приняла плохого решения здесь, в своей спальне, то боюсь, что приму его в другом месте.

С каменно-холодным выражением лица я отвезла свою тележку с покупками к кассе, и когда меня позвали, я подкатила ее, выгружая товары на конвейер.

Пухленькая кассирша просматривала товары, раскладывая их по пакетам.

Через некоторое время она осмотрела маленькую черную толстовку, держа ее в руках и улыбаясь.

— Боже. Она восхитительна. — Она улыбнулась мне, прежде чем взглянуть на остальные мои вещи, и сказала: — Кое-кто сегодня будет избалован. Сколько вам лет?

— Он пока не мой, но... — я сняла солнцезащитные очки и застенчиво улыбнулась, — ... ему пять. — Я посмотрела на конвейер, полный одежды и игрушек для мальчиков. — И, да. Он будет избалован.

— Это прекрасно, что Вы усыновляете ребенка. То, что Вы делаете замечательно. Вы будете отличной матерью, — со знанием дела сказала она, прежде чем кивнуть. — Я уверена

Да.

Я буду отличной матерью.

Действительно отличной.

Лекси

В ту секунду, когда я открыла входную дверь, мои глаза расширились, и у меня вырвался громкий вздох. Я взволнованно закричала, подпрыгивая вверх-вниз, восторженно хлопая в ладоши, прежде чем броситься в объятия маленькой рыжей девушки.

— Аманда!

Женщина, которую я ласково называла сестрой, хихикнула, когда я прижалась к ней, заставив ее споткнуться, и уперлась рукой в стену у двери, чтобы не упасть. Мой счастливый смех разносился по свежему утреннему воздуху.

Я отстранилась, отвела руку назад и улыбнулась, как дурочка, когда слегка шлепнула ее по руке.

— Что ты здесь делаешь?

Она пожала плечами, широко улыбаясь моему волнению.

— Я говорила тебе, что вернусь, не так ли? Но... — она обернулась, чтобы посмотреть на машину, припаркованную на улице, в ее голосе звучало легкое беспокойство. — ... Возможно, я сделала здесь кое-что действительно глупое, Лекси.

Мои глаза сузились на ней, прежде чем посмотреть на припаркованную машину. Когда трое мужчин одновременно вышли из машины, мое лицо расслабилось, и я тихо выдохнула:

— О.

Я непроизвольно обернулась и с беспокойством заглянула в дом, затем снова остановилась на извиняющемся лице Аманды.

— Тебе следовало позвонить, — тихо проговорила я.

Ее внезапно усталое выражение лица сказало мне, что она знала это, и мое беспокойство возросло, когда я услышала приближение Твитча. Даже не оборачиваясь, я чувствовала, что он стоит у меня за спиной, всматриваясь поверх моей головы на наших гостей. Почувствовав, как напряглось его тело, я быстро развернулась, и когда мой взгляд упал на него, его глаза были немигающими, челюсть напряжена, он смотрел на одного из мужчин.

Самого старшего из них.

Его ледяной взгляд остановился на Аманде. Она тут же прошептала:

— Не злись на меня. — Когда он не ответил, она закрыла глаза. — Пожалуйста, не сердись.

Молчание затянулось, и, поскольку трое мужчин держались на расстоянии, Аманда сообщила:

— Он болен, Тони. — Твитч посмотрел сверху вниз на свою младшую сестру, и она добавила: — Знаю, что взвалила это на тебя, но у него осталось не так уж много времени, и я просто подумала, что если ты встретишься с ним, — она устало вздохнула, — то немного успокоишься.

Тишина туго сжалась вокруг моей груди, как тиски.

Когда Твитч заговорил, он обратился ко мне, низко и рокочуще.

— Ты хочешь познакомиться с моим отцом?

Я хотела, но...

— Дело не в том, чего хочу я.

Он посмотрел на меня сверху вниз, его глаза были холодными, а слова теплыми.

— Все мое существо направлено на то, чего ты хочешь. — Когда я не ответила, он получил свой ответ и тихо вздохнул. — Она хочет встретиться с ним. — И когда он поднял руку и помахал мужчинам, мое сердце начало колотиться в такт их шагам.

Но когда они добрались до нас, я почувствовала холод по спине и поняла, что Твитч исчез.

У меня болезненно заныло в груди, но я натянула улыбку, когда самый высокий из

мужчин шагнул вперед, и когда он открыл рот, его шелковистый шотландский акцент ласкал мою кожу.

— Это моя невестка?

— Вау, — глупо выдавила из себя я, и Аманда усмехнулась.

Мой ошеломленный взгляд остановился на ней, и смехотворно красивый муж Аманды взял мою руку, свисающую сбоку, поднес ее ко рту и запечатлел поцелуй на костяшках моих пальцев. Он продолжал держать меня за руку и смотрел мне в глаза, почти гипнотизируя.

— Привет, красотка. Меня зовут Эвандер, но почти каждый называет меня Вандером.

— О, вау, — вырвалось у меня, и когда мои щеки запылали, я повернулась к Аманде и произнесла: — Теперь я понимаю.

И хотя глаза ее мужа сузились, глядя на меня, он продолжал улыбаться, но, судя по тому, как тело Аманды затряслось в беззвучном смехе, она меня поняла. Я прочистила горло и широко улыбнулась.

— Приятно познакомиться. — Внезапно смутившись, я опустила взгляд на свои ноги, прежде чем уставиться на Аманду. — Если бы я знала, что вы приедете... — мои глаза встретились с глазами Вандера, — ... я бы оделась более подобающим образом.

— Не будь глупой, милая. — Его взгляд остановился на моих ногах, и он ухмыльнулся. — Я люблю Пикачу.

Понятное дело. Он был всеобщим любимцем.

— Пожалуйста, входите. — Я придержала дверь открытой, и когда Аманда и Вандер вошли внутрь, я внезапно оказалась лицом к лицу с мужчиной, который был так похож на моего пока еще не мужа, что мне пришлось остановить себя от того, чтобы протянуть руку и коснуться его прекрасного лица.

Хотя форма его лица была немного иной — угловатой и выглядела гораздо более сурово — его аккуратно уложенные темные волосы, волевой подбородок, пухлая нижняя губа, то, как его глаза непреднамеренно прищуривались — все это было так похоже на Твитча. Но он не был Твитчем. И по тому, как он смотрел на меня своими зелеными глазами, неуверенно и слегка раздраженно, я могла сказать, что он не хотел быть здесь.

Внезапно смутившись, я с трудом сглотнула и медленно протянула ему руку.

— Привет. Я Лекси.

Мужчина безразлично посмотрел на мою руку, прежде чем мужчина постарше шлепнул его по затылку и грубо пробормотал:

— Когда женщина протягивает руку, ты берешь ее, Джузеппе. — Глаза зрелого мужчины озорно улыбнулись мне, прежде чем он покачал головой и пробормотал: — Дети, да?

Дети?

Джузеппе было за сорок.

Я не смогла сдержать звенящий смех, который вырвался из меня.

Джузеппе закатил глаза, нежно взяв мою протянутую руку, пожимая ее один раз, затем выдохнул явно раздраженное:

— Я Зеп.

Этот парень выглядел так, словно был душой вечеринки.

Если бы вечеринка проходила в четыре утра на промозгом кладбище.

Мужчина постарше почти оттолкнул Зепа с дороги, чтобы встать передо мной, и произошло нечто странное. Пока мы смотрели друг другу в глаза, между нами возникло

невыразимое понимание. Он хотел быть здесь, хотел участвовать во всем, что у нас здесь происходило, и я чувствовала это всем своим существом.

Этот человек был хорошим. В этом нет никаких сомнений.

Не сказав ни единого слова, я шагнула вперед, и он протянул мне руки, обнимая меня отеческим жестом, от которого у меня защемило сердце.

Антонио Фалько-старший долго держал меня, прежде чем отстранился и посмотрел на меня сверху вниз сияющими глазами. Подняв руку, он обхватил ладонью мою щеку и тепло улыбнулся.

— Красивая девушка.

У меня перехватило дыхание, я хрипло прошептала:

— Папа Тони.

Не в силах вымолвить ни слова, он похлопал меня по щеке, и я подалась навстречу его грубому прикосновению, прежде чем отступить и пропустить их обоих. Оказавшись внутри, я была удивлена, увидев, что Аманда смотрит на задний двор через окно, и когда я подошла, чтобы встать рядом с ней, я смогла увидеть, почему она улыбалась.

Вандер и Твитч были на заднем дворе, разговаривали, улыбаясь, и когда Вандер схватил Твитча сзади за шею, притягивая его, чтобы братским жестом поцеловать в щеку, Твитч позволил ему. Когда Вандер отстранился, Твитч постучал тыльной стороной костяшек пальцев по выпуклости на ширинке Вандера, заставив его подпрыгнуть, а Твитча рассмеяться.

Это было так странно. Они знали друг друга достаточно хорошо, чтобы развлекаться так, как они развлекались, но я не знала никого из этих людей. Он вообще не упоминал о них при мне.

Я задавалась вопросом почему.

Мы с Аmandой тихо посмеивались над выходками мужчин, прежде чем она повернулась ко мне и посмотрела с надеждой.

— У тебя есть австралийское вино в холодильнике?

Пф-ф. Как будто его когда-то не было.

Когда я полезла в холодильник, чтобы достать бутылку, я остановилась посмотреть на двух мужчин, пристально наблюдающих за мной. Инстинкт заставил меня потянуться за второй бутылкой, а затем спросить:

— Который час?

Аманда проверила свой телефон.

— Сейчас только перевалило за полдень.

— *Славно*, — протянула я, беря в руки третью бутылку. Дернув подбородком в сторону кабинета, я сказала:

— Возьмешь пару стаканов, ладно?

Аманда уже выходила из него, держа ножки шести бокалов между пальцами.

— На крыльце?

Я ухмыльнулась ей.

— Ага.

Толкнув ногой раздвижную дверь, я вышла наружу и расставила бутылки с вином на красивой открытой площадке. В тот момент, когда мужчины последовали за мной и Аmandой к выходу, я не могла не заметить, что разговор между Твитчем и Вандером прекратился, а мягкие карие глаза Твитча немного потемнели. Он перестал улыбаться, и я

возненавидела это.

Я наполнила бокалы и раздала их, но когда Вандер отказался, у него был сильный акцент.

— Я захватил с собой бутылку скотча, но не думал, что мы начнем так рано.

На это Твитч холодно пробормотал:

— Неси. Черт знает, что мне не помешало бы выпить.

Губы Вандера поджались, и когда он исчез, разговор перешел в неловкое молчание. В ту же секунду, как он вернулся с бутылкой, Твитч постучал пальцем по своему бокалу. Вандер налил на пару пальцев. Твитч снова постучал по стеклу. Вандер налил еще немного. Но Твитч бросил на своего шурина взгляд, который говорил: «Тебе лучше залить до краев этого ублюдка», что Вандер и сделал. И я наблюдала, как Твитч одним махом осушил половину бокала.

— Милый, — начала я, но Твитч просто посмотрел на меня, почти провоцируя закончить предложение. Но поскольку я была той, кем я была, а Твитч был тем, кем он был, я знала, что сегодня ему нужно было быть безрассудным, поэтому я дала ему это.

Папа Тони повернулся к Зепу и необдуманно начал:

— Твой брат...

О, это не было хорошей идеей. Ни с Зепом и ни с Твитчем.

Зеп усмехнулся.

— Он не мой брат.

— Чертовски верно, — едко ответил Твитч.

Зеп впился взглядом в Твитча.

— В чем твоя проблема?

— У меня нет проблем. — Рассмеялся Твитч. — Но я вижу, что у тебя они есть, сука.

Зеп злобно улыбнулся.

— Ты только что назвал меня сукой? Надо признать, у тебя есть яйца.

— Мальчики, — вмешался папа Тони, успокаивая.

Твитч выдержал его взгляд.

— Да, я называю тебя сукой. — Он откинулся на спинку стула, оглядывая его с головы до ног. — Избалованная маленькая богатая сучка, получившая в свое распоряжение все на свете. Грустный маленький титулованный ублюдок ведет себя так, будто ревнует, потому что...

Глаза Зепа вспыхнули.

— Я не ревную.

— У меня, бл*дь, папино имя. — Твитч закончил тем, что поднял руки, и чем злее он становился, тем сильнее выделялся его акцент. — Тебе нужно имя? Возьми его, брат. Я, бл*дь, не хочу его. Оно никогда не приносило мне ничего хорошего.

Губы Зепа сжались, затем он тихо пояснил:

— Я не ревную.

Твитч допил остатки из своего бокала, и когда он посмотрел на Вандера своим потемневшим взглядом, Вандер наполнил его без вопросов. И когда Твитч выпил еще половину своего полного бокала, его глаза затуманились, когда он произнес:

— Хорошо. Я рад, что ты не ревнуешь. — Он провел пальцами по внешней стороне своего бокала, прежде чем издать издевательский смешок. — Что, черт возьми, могло заставить тебя ревновать? — эти мягкие карие глаза опасно прищурились. — То, что мой

отчим избивал меня с тех пор, как я был гребаным ребенком? То, что я жил на улице? Жрал из гребаной мусорки? А может, годы, которые я провел в колонии для несовершеннолетних? — он издал резкий, лишенный юмора смешок, прежде чем протяжно произнести приглушенное: — В то время как ты был в безопасности дома со своими мамой и папой, я провел всю свою жизнь на волосок от смерти, будучи обманутым каждым ублюдком, который должен был защищать меня. Твоя жизнь превратила тебя в принца. Моя жизнь превратила меня в гребаное животное. — Он отхлебнул скотч, облизывая губы. — Тебе преподнесли твое дерьмо на блюдечке с голубой каемочкой, дружище, в то время как я строил империю с нуля. Заработал миллионы. Заслужил уважение своих сверстников. В этих краях меня называли гребаным королем. — Его глаза сузились, глядя на брата. — Такие маленькие сучки, как ты, были слишком напуганы, чтобы произнести мое чертово имя вслух. — Твитч медленно покачал головой. — Мне ни хрена от тебя не надо. Я тебя не знаю. Я не хочу тебя знать. Но эта женщина... — он резко указал на меня, — ... самое важное в моей жизни, и она хочет узнать тебя получше, так что я сейчас же закрою свой гребаный рот и позволю этому дерьму происходить, потому что это сделает ее счастливой. А когда она счастлива, счастлив и я.

На сердце у меня потеплело.

Никто не осмеливался заговорить.

Поэтому Твитч оглядел стол, прежде чем снова обратиться к своему брату и резко ухмыльнуться.

— Или мое существование доставляет тебе дискомфорт?

Зеп повернулся к своему отцу.

— Думаю, мне пора уйти.

Папа Тони выглядел определенно убитым горем, и когда его глаза пробежались по жесткому лицу Твитча, он начал мягко, умиротворяюще:

— Тони...

Раздался громкий удар, заставивший мое тело вздрогнуть, и когда сжатый кулак Твитча опустился на стол с такой силой, что тот затрясся, мы все увидели, как бокалы для вина подпрыгнули, а затем упали, за чем последовал пронзительный звук бьющегося стекла, когда один из них скатился с края стола на землю. И когда Твитч заговорил, я никогда не слышала такой неприкрытой ярости.

Выражение его лица было маниакальным, глаза прикрыты, он говорил сквозь стиснутые зубы, и все мое тело покрылось мурашками.

— Меня зовут *Твитч*. — Он понизил голос. — Назван на улице моей настоящей семьей, *papa*. — Он произнес «папа» так, словно это было уничижительное слово.

Твитч повернулся лицом к Зепу.

— Ты не хочешь брата? — его губы поджались, когда он кивнул. — Здесь нет проблем, чувак, но...

Внезапно он встал и зашагал обратно в дом. Мы все оглянулись друг на друга, неуверенные в том, что происходит, но когда Твитч вернулся на свое место, он держал в руках что-то, от чего у меня екнуло сердце.

Он держал фотографию между пальцами и протянул ее Зепу.

— Но этот маленький мальчик... — он сделал паузу, чтобы повернуть фотографию к своему лицу, и посмотрел на нашего сына сверху вниз, — ... этот красивый маленький мальчик... — он повернул фотографию обратно к своему брату, — ... в его жилах течет твоя

кровь, и у него не много родственников. Я знаю, что он полюбил бы дядю, *настоящего* дядю, и ты бы, бл*дь, тоже его полюбил, потому что он чертовски милый. Так что прими решение, парень. Да или нет? — он бросил на него бесстрастный взгляд. — Я позволю тебе выместить на мне свою злость на отца, потому что ты для меня ни хрена не значишь, но я не позволю тебе опробовать это дерьмо на моем ребенке. — Его глаза опасно сузились, а голос был чуть громче шепота. — Я, бл*дь, не позволю. — Холодный взгляд устремился на его отца. — И ты....

Твитч остановился, быстро тряхнув головой и резко выдохнув. Он встал так быстро, что стул, на котором он сидел, отлетел назад с грохотом, от чего у меня заколотилось сердце, и когда он шагнул ко мне, я выжидающе выпрямилась.

Выглядев совершенно расстроенным, он взял мою голову в свои руки и приблизил свое лицо к моему, его глаза умоляли.

— Я думал, что смогу это сделать, но я не могу. — Поцелуй, который он запечатлел на моих губах, был болезненным.

Я наблюдала, как он вошел в дом, и услышала, как за ним захлопнулась входная дверь. Его машина завелась, а потом он уехал.

Твитч

Было уже поздно, когда я возвращался от Юлия и Аны. Мне вообще не следовало садиться за руль, но я хотел вернуться домой к своей девочке. Я не видел своего сына весь день и знал, что он будет в постели, но мне все равно нужно было увидеть его, прежде чем я потеряю сознание, что, как я чувствовал, произойдет скоро. Поэтому я ехал медленно, так осторожно, как только может пьяный человек.

В тот момент, когда я заехал на подъездную дорожку, входная дверь открылась, и Лекси вышла из дома в своем крошечном шелковом халатике, ее лицо осунулось, рот был плотно сжат, она выглядела чертовски встревоженной. И я почувствовал себя полным придурком.

Я вышел из машины и медленно подошел к ней на нетвердых ногах. Остается только догадываться, почему я сказал то, что сказал, но я торжественно объявил:

— Я пьян.

— Вижу. — Она прижалась ко мне сбоку, просунув плечо под мою руку, и я расслабился, перенося на нее свой вес. — Звонил Юлий. — Она посмотрела на меня, ее глаза потеплели, но тон был раздраженным. — Тебе следовало позволить ему вызвать такси.

— Знаю, — сказал я ей, потому что она была права. Насколько же мне повезло, что у меня была эта женщина, которая любила меня и безоговорочно принимала мое дерьмо? Она была всем хорошим в этом испорченном мире, и она была моей. Мои губы растянулись в улыбке, когда я прищурился сквозь тяжелые веки. — Ты хоть знаешь, как сильно я тебя люблю?

— Нет. — Она проводила меня внутрь и удивленно спросила: — Как сильно ты меня любишь?

— Очень сильно, — сказал я ей, и звук ее мягкого смеха заставил меня захотеть дать ей все, чего она когда-либо желала в жизни.

И я бы так и сделал.

Я бы сделал это ради нее.

Сделал для нее все, что угодно.

Для моей малышки.

— А где вечеринка? — спросил я немного слишком громко, когда мы вошли внутрь, и она приложила палец к моим губам, заставляя меня замолчать. Я понизил свой тон. — Все ушли?

— Аманда и Вандер останутся у Юлия и Аны. Они уже ушли. Но... — она осторожно покосилась на меня. — ... Зеп и папа Тони собирались заселиться в отель, и... — Лекси поколебалась, прежде чем продолжить: — Я подумала, что это глупо, учитывая, что у тебя есть дом через дорогу, который не используется, поэтому я сказала им, что они могут остановиться там. — Ее глаза внимательно изучали мое лицо. — Они неоднократно отказывались, но я настаивала, и в конце концов они сдались.

Мой желудок скрутило, но я проигнорировал его и наклонился к ее лицу.

— Ты хорошая женщина.

Тогда она улыбнулась, и я понял, что готов бросить вызов всему гребаному миру, чтобы моя королева была довольна.

Спотыкаясь, я двинулся по коридору к комнате Эйджея, и Лекси последовала за мной.

Когда я вошел так тихо, как только мог, то опустился на колени у его кровати и нежно положил руку ему на голову. Я почувствовал, как волна облегчения захлестнула меня, пока я смотрел, как его грудь легко двигается вверх и вниз во сне.

Я встал и прошел мимо моего прекрасного голубоглазого Ангела. Она сказала:

— Пойдем спать.

Но мои гребаные ноги плохо слушались. Вдобавок ко всему, у меня кружилась голова. Я дошел до дивана и опустился на него, положив руки на пол, а затем откинувшись на спину. Лекси мгновение наблюдала за мной, прежде чем подойти и сесть рядом с моей головой. Я потерялся щетиной о ее колено и зачарованно наблюдал, как мурашки покрыли ее кожу.

— Я пытаюсь быть хорошим отцом, — сказал я в затемненной комнате.

— Я вижу, что ты стараешься, — тихо ответила она, нежно проводя рукой по моим волосам.

— Я люблю его так сильно, что это пугает меня.

Она издала легкий смешок.

— Мне знакомо это чувство.

Когда она провела рукой по моей щеке, я пробормотал:

— Я просто хочу, чтобы он смотрел на меня и не видел, какой я кусок дерьма. — Запрокинув голову, чтобы посмотреть на нее, я тихо спросил: — Как мне это сделать?

Лекси была моим миром, но этот маленький мальчик, *мой* мальчик... он был всей моей вселенной. Мысль о том, что кто-то пытается удержать меня от него, была абсурдной. Я бы сделал все, чтобы быть рядом с ним. Никто не мог удержать меня на расстоянии.

Я бы, бл*дь, хотел посмотреть, как кто-нибудь попробует.

Маленькая ручка у моей щеки замерла, и когда она коснулась моего подбородка, удерживая меня на месте, ее лицо склонилось к моему, и она твердо заявила:

— Ты не кусок дерьма. — Когда я лишь молча моргнул, она наклонилась еще ниже, уткнувшись своим носом в мой. — Ты меня понял?

Однако я был. Лекс просто не могла этого видеть. Она всегда видела во мне только то, что хотела видеть, и это делало меня везучим ублюдком, потому что она всегда пыталась увидеть во мне только лучшее.

Вместо того чтобы заговорить, я поднял лицо, и когда наши губы соприкоснулись, я поцеловал ее, и в ответ она вдохнула жизнь в мое холодное, бесчувственное тело.

Она была моей библией. Страницами. Чернилами. Молитвами. И я бы читал ее до того дня, когда умру, а затем занял бы свое место и ждал ее на другой стороне. Я не был святым человеком, но верил в это дерьмо всей своей гребаной душой.

Ничто не могло разлучить нас. Даже смерть. Смерть могла бы попытаться, но я побеждал ее раньше и сделаю это снова, если понадобится.

Все, что угодно, лишь бы остаться со своей женщиной.

Но кое-что беспокоило меня, и когда я попытался встать, моя женщина помогла мне без осуждения. И когда я снова был на ногах, я зашаркал к входной двери. Лекси немедленно положила на нее свою руку, останавливая меня от выхода.

— Как ты думаешь, куда ты направляешься? — строго добавила она: — Мы идем спать.

— Послушай, — ответил я ей, медленно моргая, — мне нужно перекинуться парой слов с донором спермы.

— Только не сегодня вечером, не в таком состоянии. — Ее брови нахмурились, а губы приоткрылись, прежде чем она положила руку на бедро, выглядя властной и чертовски

сексуальной. — Ты пьян.

Мне нужно было, чтобы она поняла.

— Мне нужно сказать то, что я должен сказать сейчас, потому что завтра... — я чувствовал себя глупо, говоря то, что сказал. — У меня не хватит смелости сказать то, что я должен сказать, детка.

Моя абсолютная честность задела ее. Даже в моем состоянии я мог это видеть.

Она долго и внимательно смотрела на меня, прежде чем вздохнуть.

— Ты ведь не собираешься затевать драку, не так ли?

— Не планировал, — честно ответил я, но не знал, что произойдет, когда я туда доберусь.

Ее глаза закрылись, и она убрала руку с двери, и я полюбил ее еще больше за то, что она знала, что мне нужно это сделать. Я повернул ручку и направился к выходу на негнущихся ногах. Добравшись до своего дома, я постучал в дверь, и когда она открылась, там стоял Зеп. Этот засранец не предложил войти, так что я протиснулся внутрь сам.

Это мой гребаный дом, сука.

— Где старик? — спросил я, оглядывая пространство.

— Он в постели, — натянуто произнес Зеп. — Ему нездоровится.

— Мне нужно с ним поговорить.

Как только Зеп покачал головой, дверь моей спальни открылась, и оттуда вышел мой отец в пижаме.

Он выглядел старым. Действительно старым. Хрупким, хилым, которого легко сломать. И прямо тогда мне захотелось сломать его.

В ту секунду, когда я увидел своего отца, я забыл о своем обещании Лекси и начал свою неожиданную тираду.

— Что за мужчина держит своего ребенка... — я поднял руки, — ... в своих гребаных объятиях... — я опустил их по бокам, — ...а затем отпускает и больше никогда его не видит? — я посмотрел ему в глаза, нисколько не скрывая своего гнева. — Кто так делает?

Ни один из мужчин не ответил, но мой отец казался расстроенным.

Прошло много времени, прежде чем мужчина, который произвел меня на свет, сказал:

— Ты думаешь, это было легко?

Мне было похрен.

— Да, я думаю, это было легко. — Я протянул руку к Зепу. — У тебя был сын. Тебе не нужен был другой. Да? — то, как он смотрел на меня, творило что-то странное у меня внутри. Мое дыхание стало тяжелым. — Что со мной было не так, а?

Мысль о том, что кто-то пытается оградить меня от моего сына, вызвала у меня физическую тошноту. Заставило меня захотеть причинить кому-нибудь боль. Заставляло меня хотеть убивать.

Как этот ублюдок мог сделать то, что он сделал, не оглядываясь назад?

Хоть убейте, я не мог этого понять.

Я был отцом.

Я был пьян.

И да, черт возьми, я был эмоционален.

Мое горло сжалось, а голос сорвался, когда я с трудом выдавил слова.

— Почему ты не хотел меня?

Донор спермы прошел дальше в комнату.

— Отказаться от тебя было самым трудным, что я когда-либо делал. — Его брови нахмурились. — Я думал, что поступаю правильно. Позволяя тебе расти в мире без ожиданий, особенно тех, которые связаны с нашей фамилией. Я хотел для тебя как лучше. — Он слабо пожал плечами. — Поэтому отпустил тебя.

Я быстро заморгал, а затем резко вытер влагу, стекающую по моей щеке.

— Да. Это много пользы принесло мне.

Выражение лица старика стало серьезным.

— Я вижу. И мне очень жаль.

— Тебе жаль? — спросил я и издал резкий смешок, прежде чем посмотреть на своего брата, указывая на старика. — Он сожалеет. Это мило. — Я медленно кивнул, глядя на своего отца. — Не знаю, что ты думал, что произойдет, когда ты приедешь сюда. Может быть, ты думал, что я буду на седьмом небе от счастья, увидев тебя, что мне все еще нужен отец. Я не знаю. Но позволь мне кое-что сказать тебе, старина. Ты сделал одну хорошую вещь. — Я помолчал секунду. — Ты точно научил меня, каким отцом я НЕ хочу быть. Так что... — я сделал шаг назад. — Спасибо.

Я вышел за дверь и обнаружил Лекси, стоящую на углу улицы, дрожащую, но ждущую. И мое сердце бешено заколотилось.

Я не заслуживал ее, но это не означало, что я когда-либо собирался от нее отказаться.

Когда я пересек улицу, то обнял ее отяжелевшей рукой и, нахмурившись, погладил ее холодную кожу.

— Ты замерзла.

Ее зубы стучали, когда она посмотрела на меня глазами, полными беспокойства, и спросила:

— Ты в порядке?

Нет.

— Да.

Я не был.

Но я буду.

Лекси

Он был не в духе, и я его не винила.

Это утро было, мягко говоря, напряженным, особенно когда ЭйДжей решил рассказать своему отцу, какие замечательные люди его дядя Зеп и Нонно Тони, о подарках, которые они ему купили, показав Твитчу золотую цепочку и распятие, о том, как они рассказали ему все о его семье в Америке и Италии. Наш сын даже отдаленно не ощущал напряжение своего отца, потому что его волнение было на пределе. Он продолжал и продолжал, говорил о двух мужчинах через улицу, в то время как Твитч потягивал свой кофе в полной тишине.

И прошлый опыт научил меня, что тихий Твитч — опасный Твитч.

Он ушел в себя. Слишком много анализировал. Он довел себя до безумия. Я знала это по тому времени, которое мы провели вместе так давно. Поэтому я сделала то, что, по моему мнению, должна была сделать, чтобы вывести его из этого состояния.

В доме было пусто и тихо, если не считать льющегося душа, и когда я зашла в наполненную паром ванную, то села на закрытую крышку унитаза. Мой разгоряченный взгляд блуждал по его телу сквозь матовое стекло, и, протянув руку, я положила пальцы на кнопку и нажала.

— Ах, бл*дь! — донеслось из душа, когда вода стала невыносимо горячей, из-за спущенной воды в унитазе.

Матовая дверь распахнулась, и восхитительно обнаженный мужчина бросил на меня взгляд, который был таким порочным, что все мое тело вспыхнуло, а киска сжалась от нетерпения.

— Какого хрена, Лекси? — прорычал он, и когда я медленно поднесла пальцы к кнопке, его взгляд стал интенсивнее, а челюсть сжалась. — Не делай этого. — В тот момент, когда мои пальцы коснулись кнопки, его рука поднялась, и он указал на меня. — Ты сделаешь это и заплатишь, детка. Поверь мне.

Я знаю.

По мне заметно пробежала дрожь, и я прикусила губу, наблюдая, как вспыхнули глаза Твитча.

Я внутренне усмехнулась.

Он наконец понял, что я делаю.

Глядя ему прямо в глаза, я нажала на кнопку, раздался звук смыва, и как только он издал резкое рычание, я вскочила и выбежала из ванной так быстро, как только могла. Душ был выключен, и я слышала, как хлопнула матовая дверь, но мои ноги были не такими длинными, как у него, и он догнал меня в коридоре. В ту секунду, когда резко схватил мою майку сзади, он дернул меня назад, и я со стоном врезалась в его тело.

Он был совершенно мокрым, абсолютно твердым и тяжело дышал.

— Сучка, — нежно пробормотал он мне в ухо, и я ухмыльнулась лишь на мгновение, прежде чем снова взяла себя в руки.

Мои соски напряглись, когда его рука поднялась к моему подбородку и крепко сжала его. Я тихо произнесла:

— Пожалуйста, не заставляй меня делать это. Мой муж скоро будет дома.

Слова прозвучали неуверенно.

Но, о Боже, он был заинтересован.

Твитч уперся своим твердым членом в мое бедро так сильно, что стало больно.

— Думаешь, мне не насрать? Я надеюсь, что он действительно вернется домой. Надеюсь, он увидит тебя такой возбужденной для меня. — Он развернул меня, чтобы я посмотрела в его прикрытые глаза. — Ты начала это, и теперь ты это закончишь. — Положив руки мне на плечи, он грубо толкнул меня вниз, и я приземлилась у его ног, изображая беспокойство. Он жестоко ухмыльнулся, когда мой взгляд упал на его сердитую эрекцию. — У тебя никогда не было такого большого члена, не так ли?

Я покачала головой, все мое тело покрылось мурашками.

Наклонившись, он положил руку на мою щеку, нежно лаская ее.

— Будет больно, когда я наконец возьму тебя, и тебе это понравится, потому что мне это нравится. — Его голос стал грубым, он сильно сжал мой подбородок. — Поняла?

Широко раскрыв глаза в неискреннем страхе, я медленно кивнула, насколько это было возможно из-за его сильной хватки.

— Ты бежишь, — мягко предупредил он, — я преследую. — Он посмотрел на меня сверху вниз, его взгляд был грозным. — И когда я поймаю тебя, детка... — он втянул воздух сквозь зубы, опускаясь на колени и проводя рукой по штанине моих штанов для йоги. — ... Я буду трахать тебя так сильно, что ты годами будешь ощущать мой вкус у себя во рту. — Его рука скользнула к поясу моих штанов и грубо скользнула внутрь. — А теперь, — проговорил

он сквозь стиснутые зубы, — дай мне почувствовать, как сильно эта тугая киска хочет меня.

Я попыталась поджать ноги, но он с ворчанием снова раздвинул их, и когда я резко задышала, его грубые пальцы коснулись моих трусиков. Он не отрывал от меня своего потемневшего взгляда, когда просунул руку под тонкий атлас, и когда кончики его пальцев коснулись моей влажной киски, он прерывисто вздохнул, а моя голова откинулась назад и низкий стон сорвался с моих губ.

Ловкими пальцами он потер мой скользкий вход, а другой рукой медленно погладил свой член так, что мне захотелось умолять попробовать его на вкус.

— Ты хочешь этого? — я знала, чего он хотел, и покачала головой, когда он жестоко рассмеялся. — Ты говоришь одно... — когда он просунул палец внутрь моего скользкого жара, мой рот округлился, а глаза закрылись. Он медленно и неуклонно трахал меня пальцем, — ... но твоя киска так приятно всасывает меня, так сладко обхватывает мой палец, что я знаю, что ты лжешь. — Он просунул палец в меня до упора и держал его так, пока я внутренне трепетала. — Ты уверена, что не хочешь этого? — разинув рот, я намеренно покачала головой, видя, как он наблюдает за мной. Наклонившись, он уткнулся своим носом в мой и пробормотал: — Чего ты хочешь, маленький воробушек?

— Я хочу... — было трудно обрести дар речи, но я смогла, и то, что я сказала, потрясло нас обоих. Слова вышли неуверенными. — Я хочу, чтобы ты придушил меня и сказал, что я хорошая девочка.

Его глаза вспыхнули.

Мои расширилось.

Когда он начал двигаться, то делал это так быстро, что все расплывалось.

Палец внутри меня выскользнул наружу, мои штаны для йоги были сорваны с ног вместе с промокшими трусиками, и как раз в тот момент, когда я подумала, что он потащит меня в спальню, он протянул руку и резко схватил меня за горло, прижимая спиной к стене. Я тяжело дышала от его сильной хватки и протянула руки, чтобы сжать его предплечья.

Хотеть этого казалось таким неправильным, таким неестественным.

Он был слишком груб. Слишком жесток.

Для моей киски не имело никакого смысла возбуждаться так, как она возбудилась.

И все же мы были здесь.

Держа одну руку у моего горла, он обвил свободной рукой мою талию и удерживал меня на месте, пока продвигался вперед, зажимая меня между своим телом и стеной. Он прижался своим лбом к моему и потерся членом о мою киску.

— Это то, чего ты хочешь, детка?

Сейчас он был не в образе.

— Да, — дрожащим голосом выдохнула я.

Лицо Твитча на мгновение смягчилось.

— Ты уверена?

Он давал мне возможность отказаться до того, как все перерастет в насилие. Но я хотела сделать ему этот подарок, потому что я любила его и...

— Я доверяю тебе.

Его глаза закрылись будто от боли. Он крепко держал их закрытыми, зная, что это будет стоить мне моего комфорта, но будучи неспособным отпустить меня.

Стал бы он проверять мои пределы?

ДА. Он всегда так делал.

Верила ли я, что он остановится, если понадобится?

Нет, он бы не остановился. Но он бы замедлился ради меня, если бы я не попевала за ним. И это все, что мне было нужно.

Небольшие заверения. Не грандиозные жесты.

Я зачарованно наблюдала, как он сделал глубокий вдох, вытянул шею, а затем открыл глаза, чтобы направить на меня свой темный взгляд. Он наклонился и приложил губы к раковине моего уха, и когда он прогрохотал следующие слова, я поняла, что он включился в игру.

— Папочка сейчас тебя трахнет, детка.

Мое естество трепетало, и когда он крепче сжал меня, я почувствовала, как мое сердце ровно бьется под его ладонью, а мое тело принадлежало ему, чтобы делать с ним все, что ему заблагорассудится.

Сегодня я была его игрушкой. Узкой дырочкой и ничем большим. И он использовал бы меня, потому что хотел, а не потому, что я дала свое разрешение. Потому что ему было больно, и он нуждался в отдушине.

Я отдала себя в знак уважения к его боли.

Мой рот открылся в беззвучном стоне, когда он приставил свой кончик к моей нуждающейся щели.

— Закрой свой рот, — прорычал он, и я послушалась, не сводя с него глаз и тяжело дыша через нос.

Он грубо обхватил мою шею одной рукой, в то время как другая опустилась, чтобы задрать мою майку. Твитч опустил взгляд на мой черный бюстгальтер с бретельками, внимательно рассматривая меня, прежде чем провести грубыми пальцами по моей груди. Его брови нахмурились от мягкости моей кожи, затем он облизнул губы.

— Если я укушу... это будет больно. — Он резко дернул вниз мой лифчик, а затем злобно ухмыльнулся, увидев, как у меня сбилось дыхание. — Но я обещаю, что тебе это понравится.

Когда головка его члена скользнула в меня, мои глаза затрепетали, и из меня вырвался тихий вздох. Понемногу он скользил все глубже и глубже, опасно медленно. И когда он уже был наполовину во мне, его брови нахмурились, он стиснул зубы и с сильным толчком вошел в мою киску по самые яйца.

Чувствуя переполненность и отчаяние, мои губы начали шевелиться, а затем я стала умолять торопливым шепотом:

— О, пожалуйста. Я так сильно этого хочу. *Пожалуйста*, детка. Дай мне это.

То, как его глаза прикрылись... О, черт. Он был видением, мой темный Серафим.

Он приблизил свое лицо к моему, нос к носу, не сводя с меня глаз. Его ответный шепот был таким горячим, что это должно было быть незаконно.

— Эта киска — часть тебя, Ангел, но и ты, и я, мы оба знаем правду. — Его мятное дыхание согревало. Он прикусил мою нижнюю губу достаточно сильно, чтобы она запульсировала. Из меня вырвался пронзительный стон, когда он провел по укусу языком. — Она у тебя между ног... — он снова укусил меня, на этот раз мягче, — ... но она принадлежит мне.

Это было то, что я ласково называла режимом зверя.

Его слова заставили меня пошатнуться.

Думаю, мы все любили джентльменов, но втайне жаждали дикаря.

Когда он отвел бедра назад и снова толкнулся в меня, все мое тело затряслось. Он делал это неуклонно, снова и снова, его крепкая хватка на моей шее не слабела ни на секунду. Моя голая спина была прижата к стене, мои соски напряглись от сочетания тепла спереди и холода сзади, и когда мое лоно сжалось вокруг него, я почувствовала, как его член дернулся в ответ.

Внезапное чувство неотложности охватило нас обоих.

Лицо Твитча исказилось, и когда его свободная рука поднялась, чтобы присоединиться к другой на моей шее, я почувствовала, что он был близко. Крепко сжимая обе его руки, я почувствовала, как мне перекрыли доступ к кислороду, мои глаза расширились, а выражение его лица оставалось неизменным, пока он толкался в меня.

Мои руки отяжелели, поскольку я не могла сделать полный вдох, и когда я была слишком слаба, чтобы держаться дальше, они упали по бокам, пока он трахал меня до потери сознания. Он вытрахал из меня всю жизнь.

Существование было странным — быть убитой человеком, которому я всего несколько минут назад сказала, что доверяю свою жизнь.

Твитч

Меня окружали вещи, которые я любил.

Ее тело — мое любимое произведение искусства.

Ее стон — моя любимая песня.

Ее дыхание сбилось, но она продолжала доверять мне.

Я носил ее любовь, как татуировку.

Она оживила мою опаленную душу одним поцелуем.

Я любил эту женщину.

Любил ее до смерти.

Лекси

Глаза были открыты, но я потеряла сознание.

Мгновение спустя я пришла в себя с резким вздохом, когда он отпустил меня.

И оргазм, который поразил меня, пришел из ниоткуда.

Его руки обхватили меня, поддерживая, пока я набирала воздух, в котором так отчаянно нуждалась. Мое сердце бешено забилося, и полное блаженство наполнило меня, волнами растекаясь по моему телу. Откинув голову назад, я открыла рот и закричала, судорожно сжавшись вокруг его члена. Не прошло и секунды после этого, как он вошел в меня так глубоко, как только мог, и я услышала его грубое ворчание среди моих резких хрипов.

Твитч прижал меня к себе, моя голова упала ему на плечо, и я продолжала часто дышать, вдыхая столько воздуха, сколько могла. Мой лоб покрылся испариной — от напряжения или страха, я не знала.

Его размякший член выскользнул из меня. Мои ноги дрожали, но когда он уткнулся лицом в изгиб моей шеи, вдыхая мой запах, я поняла, что отдала бы все, чтобы сохранить его рассудок.

Даже свою собственную жизнь.

— Ангел, — вот что он выдохнул мне в шею, целуя горячую, но нежную кожу. Кожу, которую он держал слишком крепко и слишком долго.

Что он имел в виду, так это: «Мне очень жаль». Но в извинениях не было необходимости. Мне кажется, что это жестоко — заставлять кого-то извиняться за то, что он был не более чем самим собой.

Прирожденным охотником. Обученным убийцей.

Это было все равно что просить льва извиниться за то, что он хищник, и пытаться обратить его в веганство.

Бессмысленно.

Чувствуя, как его освобождение вытекает из моего все еще сжатого естества на пол коридора, я схватила его за затылок обеими руками, прижимая к себе.

Тяжело дыша, я прохрипела:

— Я хотела этого. Кроме того... — я коснулась губами его влажных волос и прошептала: — Тебе это было нужно.

То, как его хватка на мне усилилась, отчего у меня перехватило дыхание, сказало мне, что я была права.

И пока я жива, я отдам все, что в моих силах, чтобы сделать жизнь этого сложного мужчины немного менее запутанной.

Лекси

Было уже за полночь, когда я услышала, как завелась машина. Мои глаза резко распахнулись, и я внимательно прислушалась. Входная дверь закрылась за ним, и я вскочила с кровати, подбежав к окну, с полным недоверием наблюдая, как он собрался уйти.

Мое сердце сжалось так сильно, что дыхание вышло из меня со свистом.

Когда я увидела, что он загружает сумку на пассажирское сиденье, мои глаза расширились, и я сделала прерывистый вдох, прежде чем прошептать на выдохе:

— О Боже, какой же ты мудака.

Он уходил. Бежал в ночи, как чертов трус.

Моя грудь начала мучительно болеть.

Ублюдока!

Мной овладел гнев, какого я никогда раньше не испытывала. В этот момент я была ребенком, рожденным от ярости и хаоса. И когда я выбежала за дверь, моя свирепость из единственной искры превратилась в бушующий ад, и она горела так сильно, что опалила мои вены.

Если он думает, что может бросить меня, *нас*, во второй раз, то ему следует подумать еще раз.

— Нет, — сказала я, как только переступила порог. Этот зов превратился в крик, когда он повернулся и замер, выражение нетерпения отразилось на его лице. — Нет! — и как только я прошла мимо парадного крыльца, я не остановилась, а набросилась на него в одной только своей облегающей ночнушке кремового цвета. Мое сердце бешено заколотилось, когда я подняла руки, положила их ему на плечи и толкнула так сильно, как только могла. — *Нет!*

Мой толчок едва сдвинул его с места.

Как же это бесит.

— Возвращайся в дом, — бесстрастно произнес он, и мой гнев вспыхнул с новой силой.

Я заговорила, хотя мой голос дрожал.

— Ты не имеешь права этого делать. — Когда он отвернулся, я подняла дрожащую руку и поднесла ее к его щеке, заставляя его посмотреть на меня. — Ты не можешь сделать это с нами *снова*.

Он облизал губы, моргая и безэмоционально глядя на меня сверху вниз.

— Возвращайся в дом, Лекси.

— Нет. — Я стояла на своем, но моя бравада улетучилась. — Не без тебя.

Твитч сделал глубокий вдох.

— Мне нужно ненадолго уехать отсюда, ладно?

— Нет. — Мои вены загорелись чистой раскаленной лавой. Я покачала головой и мучительно выдавила: — Не ладно.

Меня бесило, что я заплакала от злости, потому что он думал, что мне искренне грустно, тогда как на самом деле я изо всех сил старалась не убить его, черт возьми.

Мои глаза затуманились от непролитых слез.

— Это то, что ты делаешь? Просто собираешь вещи и уходишь, когда становится тяжело? — мое дыхание стало тяжелым, когда я дала волю своему гневу. — Я так рада, что

ты чувствуешь, что у тебя есть *выбор*, придурок, — задыхаясь, сказала я, а затем заплакала. — У меня нет такой роскоши, как сбежать, когда я чувствую, что меня утягивает на дно, что, кстати, бывает часто. Потому что я — *мать*. — Я указала в сторону дома. Мои слезы оставили горящий след на моих щеках. — И в этом доме есть маленький мальчик, который зависит от меня.

Когда он опустил лицо, грусть перевесила гнев. Мое горе было настоящим, и я прошла уже и пережила первые три стадии, четвертая нахлынула быстро. И я начала торговаться.

— Пожалуйста, не делай этого. — Мои плечи затряслись, и я открыто разрыдалась. Он открыл рот, чтобы заговорить, но я подняла руку, обрывая его. — Мне все равно, что ты делаешь со *мной*, но не делай этого с ним. — Было трудно дышать, и мой голос ослаб. — Я едва пережила это, Тони. — Мои губы задрожали, я мучительно прошептала: — Это убьет его.

Пока мы долго смотрели друг на друга, Твитч расстегнул свою толстовку и шагнул вперед, окутывая меня своим теплом и своим запахом, натягивая капюшон мне на голову, выглядя при этом совершенно спокойным, и тогда я возненавидела его.

Как он может быть таким спокойным, когда я чувствую, что мой мир разваливается на части?

Поэтому, когда он шагнул вперед и обхватил ладонями мои щеки, я сопротивлялась ему. — Нет. — Я подняла руки и хлопнула его по груди. Он снова наклонился, и болезненный стон вырвался у меня, когда моя рука коснулась его подбородка. — Не прикасайся ко мне! — сильная рука обхватила меня за талию и крепко сжала, а я подняла руки и била его снова и снова, не переставая рыдать. — Не прикасайся ко мне, ты кусок дерьма!

— Детка, прекрати, — проворковал он, избегая, насколько мог, моего нападения. Сжав руки в кулаки, я ударила его по плечам, но мои удары стихали, по мере того как мое сердце слабело, а душа отчаянно пыталась понять, почему это происходит снова.

Ответ был тяжелой пилюлей для проглатывания.

Это происходило, потому что я позволила этому случиться.

— Отпусти меня. — Я боролась в его объятиях, и когда он не отпустил меня, я закричала: — Отпусти!

И вот так просто Твитч превратил меня в сердитую домохозяйку, орущую на улице.

Тогда он отпустил меня, но как бы я ни умоляла об этом, мне хотелось снова броситься в его объятия, если это означало, что он останется со мной еще ненадолго.

ДА. Я была по-настоящему жалкая.

И когда я, покачав головой, повернулась к нему спиной, направляясь обратно к дому и задаваясь вопросом, как, черт возьми, я объясню это своему сыну, он схватил меня за запястье. Я выдернула его практически без усилий и устремила на него свой смертельный взгляд.

— Ты хочешь уйти? — я взмахнула рукой. — Уходи. — С суровым выражением лица я предупредила: — Но клянусь тебе, Антонио Фалько, если ты уйдешь сегодня, ты уйдешь навсегда. Ты меня слышал?

Да, я это сказала. Но я не это имела в виду.

Я развернулась на пятках, потому что не хотела, чтобы он снова видел, как я плачу. Он остановил меня словами:

— Я оставил записку. — Ноги подвели меня, и я остановилась. — Это всего на пару

дней. — Мое горло болезненно сжалось. Пока я стояла к нему спиной, замерев, он тихо заговорил. — Я вернусь.

Мое дыхание со свистом покинуло меня, а плечи поникли. Я не осмеливалась встретиться с ним взглядом.

Он продолжил:

— Всего на несколько дней. Вот и все. — И когда я услышала, как он приближается, все мое тело напряглось. — Я вернусь, Ангел.

Почему я должна ему верить?

В прошлый раз, когда я ему поверила, все закончилось тем, что я его похоронила.

— Я тебя не оставляю. Не так, как ты думаешь. — Мне было противно, что я услышала искренность в его голосе. — Я же говорил тебе, детка. — То, что он сказал дальше, вызвало новый поток слез. — Я всегда найду обратный путь к тебе.

Тогда я обняла себя, тщетно пытаюсь говорить сквозь слезы.

— Куда ты направляешься?

Он не колебался.

— Я провел шесть лет без тебя, Ангел. Провел эти годы одиноким и несчастным. Теперь у меня есть ты, есть мой мальчик, и я чертовски счастлив. И я не собираюсь больше рисковать. — Моей спины коснулось тепло, когда я почувствовала, что он стоит прямо у меня за спиной. — Я найду того, кто поможет мне в том, чтобы мы были вместе. — Когда его руки опустились мне на плечи, он произнес: — Я устал ждать. Не могу так жить, зная, что она где-то там планирует что-то. Жить с этим страхом в глубине моего нутра. — Он глубоко вдохнул, а затем выдох. — Это насмехается надо мной, детка.

Линг.

Это было из-за Линг.

Услышав мое молчание, он продолжил:

— Ты же знаешь меня, Лекс. Думаешь, я буду ждать, пока эта сука нападет первой? Нахрен это дерьмо. — Руки на моих плечах сжались. — Это не в моем стиле.

У меня замерзли ноги, и когда я повернулась, то сделала это медленно. Мои заплаканные глаза встретились с его, и я тихо спросила:

— Почему ты думаешь, что она что-то планирует?

Жестокая честность.

— Потому что я бы тоже так сделал. — И уверенность в его голосе заставила мое сердце дрогнуть.

Мои глаза стали такими же опустошенными, как и мой тон.

— Ты не собираешься уходить?

Он медленно покачал головой, и его глаза заговорили с моими, в них была уверенность. И в этот момент меня захлестнула убежденность, которую я не имела права чувствовать, не с нашей историей. Но я почувствовала ее.

Я затаила дыхание.

Прошлый опыт подсказывал мне бояться этого человека и того, что он может со мной сделать, но мое сердце протестовало так глубоко, что его нельзя было заставить замолчать.

Когда он взглянул на свои часы, то произнес слова, которые я боялась услышать.

— Мне нужно идти. — Увидев мое неуверенное выражение лица, он подошел ближе и нежно положил руки мне на талию. — Я вернусь, — искренне произнес он. Руки на моей талии сжались. — И когда я это сделаю, мы поженимся. — Его мягкие карие глаза изучали

мое напряженное лицо, прежде чем он мягко приказал: — Поцелуй меня, прежде чем я уйду.

Я не должна была ему верить.

Тогда почему я верила?

Потому что это было лучше, чем альтернатива.

Образовавшийся лед на моем сердце треснул, трещины разошлись по всей хрупкой поверхности, и когда он заглянул мне глубоко в глаза и скомандовал:

— Поцелуй меня, — мои ноги задвигались без разрешения.

Он опустил лицо в тот самый момент, когда я встала на цыпочки, и когда наши губы соприкоснулись, так много было сказано, но так и не было произнесено. Мои руки обвились вокруг его шеи, и я не отпускала его. Пока нет.

Его нежный поцелуй говорил: «*Я тебя не подведу*», в то время как мои отчаянные губы умоляли: «*Вернись ко мне*».

Когда он попятился, осторожно отводя мои руки от себя, и я наблюдала, как он приближается к машине, я запаниковала.

— Не теряйся, ладно?

Он издал тихий смешок, прежде чем посмотреть на меня.

— Разве ты не знаешь, Ангел? — от интенсивности этого взгляда у меня мурашки побежали по коже. — Какую бы карту я ни взял, все дороги ведут обратно к тебе.

Иисус Христос.

Я была влюблена в змея искусителя.

— Будешь любить меня вечно?

Он открыл дверцу машины и остановился. А потом улыбнулся той красивой кривой улыбкой, которая преследовала меня в снах по сей день.

— До окончания времен. — Прежде чем скользнуть на водительское сиденье, он пробормотал: — Дождись меня, детка.

Но я не ответила, потому что это и не нужно было.

И, наблюдая, как машина задним ходом выезжает с моей подъездной дорожки, я пришла к отвратительному осознанию того, что буду ждать.

Я бы ждала и миллион лет.

Мои глаза распахнулись незадолго до рассвета.

Я протянула руку, зная, что его там не будет.

Пальцы вслепую шарили по пустой стороне кровати, я закрыла глаза и свернулась калачиком. Мое сердце ныло, пока я прижимала его толстовку к себе ранним одиноким утром. Я вдохнула его пьянящий аромат и, в конце концов, медленно, по мере восхода солнца, снова заснула.

— Где папочка?

Я не знаю, и это убивает меня.

Улыбнувшись маленькому монстру сверху вниз улыбкой, которая не достигала моих глаз, я произнесла:

— Ему пришлось уехать на работу.

Молли, нахмурившись, посмотрела на меня из-за стола, и мы обменялись серьезными взглядами.

Мой сын посмотрел между нами, прежде чем осторожно спросить:

— Когда он вернется?

Его нерешительность убила меня.

Я села рядом с ним и нежно провела рукой по его волосам.

— Не уверена, малыш.

Через пару дней, сказал он. В записке, которую он оставил, говорилось, что через неделю. Но, насколько я понимаю, на это могут уйти месяцы. Даже годы.

Кто знает?

С каждой секундой мое настроение становилось все более пессимистичным, и прежде чем я сделала что-то действительно глупое, например, разрыдалась в четвертый раз за это утро, я посмотрела вниз на моего маленького мужчину и сказала:

— Как насчет того, чтобы устроить хороший ужин сегодня вечером? Я могу позвонить Ане и Юлию.

Глаза маленького монстра загорелись.

— А дяде Хэппи, Никки и Дэйву? — когда я кивнула, он продолжил: — А тете Аманде?

У меня вырвался короткий смешок.

— Ага. И дяде Зепу и Нонно Тони тоже.

— Да, — немедленно воскликнул он, широко улыбаясь.

Бог знал, что мне нужно было отвлечься.

Твитч, очевидно, отсутствовал во время ужина, но только у моего замечательного, напористого Дейва хватило смелости задать вопрос, о котором думали все.

— Где сеньор Часто-Выхожу-Из-Себя?

Было уже темно. Эйджей был в постели, после того как отключился на коленях у Аны от передозировки шоколадным мороженым. Молли была в своей комнате и разговаривала с Тамой по телефону, что дало мне возможность говорить свободно.

— Я не знаю.

Весь стол погрузился в тишину, и я выдавила из себя смешок, прежде чем оглядеться вокруг.

— У кого-нибудь есть какие-нибудь идеи, куда он ушел? — я перевела взгляд на Хэппи. — Со спортивной сумкой. — Затем на Юлия. — Посреди ночи? — спросила я. Мои глаза обратились к папе Тони. — Хоть у кого-нибудь? — когда я повернулась лицом к Зепу, мой голос затих. — Потому что я тихо схожу с ума здесь с каждым проходящим часом. Я имею в виду... — мои отчаянные глаза нашли взгляд Никки. — ... Я даже не знаю, вернется ли он.

Никто не ответил, и это само по себе говорило о многом.

— Не говори глупостей, — уверенно начала Никки, нарушая тишину. — Он бы не сделал этого. — Ее тон понизился. — Только не снова. — Но ее уверенность упала, когда она посмотрела на Хэппи и обнаружила, что он пристально смотрит на Юлию с невысказанным вопросом в глазах. — Ушел бы?

Дэйв усмехнулся:

— Да, еще как. — Он поднял руки в знак капитуляции, и это было направлено на меня. — Прости, детка, но.... — увидев мое бледное и осунувшееся лицо, он осекся, зная, что я была не в настроении выслушивать его нахальство.

Я протянула свой пустой бокал Аманде, и она без колебаний наполнила его. Я повернулась к ней лицом.

— Он с тобой не разговаривал?

Я была в отчаянии. Совершенно обезумевшая.

— Нет, прости, — извиняющимся тоном произнесла Аманда, положив руку мне на плечо в утешении. Затем она толкнула локтем своего мужа.

Вандер пожал плечами.

— Мне он ни хрена не сказал, дорогая.

Моя голова откинулась назад, а лицо исказилось от отчаяния.

— Господи. — Приложив руку ко лбу, я шлепнула по нему, борясь со слезами, и проговорила сквозь стиснутые зубы: — Где *он*?

— На Кубе.

Опустив руку, я остановила свой взгляд на Зепе.

— Что?

Он прочистил горло.

— Он на Кубе. — Когда мои губы приоткрылись, а брови вопросительно нахмурились, он добавил: — Ищет кое-кого.

— Откуда ты знаешь? — спросила я. — Без обид, но зачем ему рассказывать об этом тебе?

Зеп молчал, мучая меня своим напряженным взглядом.

Мое сердце учащенно забилось.

— С ним все в порядке?

Зеп медленно кивнул.

Я проглотила комок в горле.

— Ты говорил с ним?

Утвердительный кивок был всем, что я получила. К счастью, это было все, что мне было нужно, и когда мое тело обмякло и я наконец снова смогла дышать, Зеп произнес:

— Просто доверься ему, ладно?

Доверься ему.

Я пытаюсь. Действительно пытаюсь.

Я долго думала об этом, прежде чем сделать глубокий вдох и на выдохе произнести:

— Да. Ладно.

И когда я одним глотком осушила весь свой бокал вина, никто не удивился.

Мои глаза устало осмотрели пустую подъездную дорожку.

Прошло три ночи с тех пор, как Твитч ушел, и хотя я проверяла свой телефон каждые несколько минут, звонков не было. Никаких текстовых сообщений. Ноль уведомлений.

Мой телефон оказался таким же пустым, какой я себя чувствовала.

Но какой бы измученной я ни была, я посмотрела на кольцо на своей левой руке, и что-то внутри меня хваталось за луч надежды.

Он вернется. Я знаю, что это так.

Мое сердцебиение сбилось.

Он должен.

Вернувшись в свою спальню, я забралась в постель и сделала то, что делала каждую ночь.

Я оставила свет включенным.

Линг

Что ты здесь делаешь, Линг-Линг?

Я, черт возьми, не знаю.

Как бы усердно я ни думала об этом, не могла понять, какая цепочка событий привела к тому, что я оказалась здесь сегодня, но я была здесь и не могла уйти. Нет, пока я не увижу ее.

Стоя в тусклой прохладе хрустящего апрельского вечера, я ждала. Наблюдала. И когда она, наконец, появилась в поле зрения, моя бровь недоверчиво приподнялась.

— Вот черт, — тихо произнесла я.

Серьезно?

Ладно. Итак, Ася Садык оказалась не такой, как я ожидала.

Я закатила глаза в темноте, разочарованно вздыхая.

Ну, конечно.

Она просто должна была быть в инвалидном кресле, не так ли? Потому что почему бы и нет?

Мои губы скривились.

Отлично. Просто охрененно здорово.

Я была монстром, но даже я не смогла бы убить беспомощную женщину в инвалидном кресле.

Нет.

Я не могла этого сделать.

Но когда я вышла из своего темного укрытия и повернулась, чтобы уйти, задняя дверь открылась, и она остановила меня:

— Ты так и будешь стоять там всю ночь или зайдешь?

Медленно повернувшись, я прищурила глаза на женщину. Медленная улыбка тронула мои губы, и я оглядела ее с ног до головы.

Она была никем.

Я была прекрасна.

Она была... больна.

Я была смертельно опасной гребаной гадюкой.

Она была не более чем спущенным воздушным шариком.

Мое же правление было реальным, и ужас, окружавший меня, заставлял взрослых людей падать на колени.

Я взглянула вниз на ее прикрытые одеялом ноги.

Она даже не смогла бы упасть на колени, если бы я ее толкнула.

Отвращение пробежало по мне.

Она была жалкой.

Так какого черта он любил *ее* настолько, чтобы бросить *меня*?

Мои вишнево-красные губы растянулись в усмешке, когда я наклонила голову и пробормотала:

— Ты не боишься, что я убью тебя?

Ее ответная ухмылка произвела на меня небольшое впечатление.

— Смело с твоей стороны предполагать, что я хочу жить.

Мои брови изогнулись, губы поджалась от уверенности, которая исходила от явно больной женщины.

Туше, сука.

— Заходи. — Она повернулась ко мне спиной и вкатила себя обратно в дом. *Вот это да.* Она была дерзкой маленькой сучкой. — Я хочу поговорить с тобой.

Прошло короткое мгновение, прежде чем я сделала глубокий вдох и последовала за ней внутрь, закрыв за собой дверь руками в кожаных перчатках. Она внимательно наблюдала за мной по мере моего приближения. Просто чтобы нам была ясна моя позиция, я держала свой великолепный «Глок» из розового золота в руке, и когда глаза маленькой женщины сузились при виде него, она спросила:

— Это мой муж дал тебе этот пистолет?

Медленная усмешка растянула мои губы.

Да, он, черт возьми, сделал это.

Когда я не попыталась ответить, она выдержала мой пристальный взгляд, дернув подбородком в сторону пистолета.

— Это мой пистолет. — Ее губы растянулись в небольшой улыбке, она покачала головой и издала невеселый смешок. — Он дал тебе *мой* пистолет. Трахни меня, Ас. Ты ублюдок.

Мое сердце сжалось так сильно, что пропустило удар.

Я моргнула, глядя на любимый подарок, моя улыбка погасла, и я услышала, как она сказала:

— Должно быть, он действительно любил тебя.

Да.

Я тоже так думала.

Ас, ты гребанный мудака.

Положив запятнанный подарок на стойку, я села на табурет и бросила на нее взгляд, полный искреннего разочарования.

— Ты так думаешь, и все же... — мой тон был мрачным. — ... он приходил домой к тебе каждую ночь, даже когда я умоляла его остаться. — Мои плечи дернулись. — Это было жестоко. Он не должен был позволять мне так полюбить его. — Мое горло сжалось от эмоций. — И я полюбила. Я так сильно любила его.

— Похоже, до смерти, — тихо ответила она.

Я бы никогда не призналась в этом, но я могла понять, почему Ас любил свою жену. Ася Садык обладала такой уверенностью, которая сделала бы ее великим лидером. Может быть, в другом мире, при других обстоятельствах мы бы понравились друг другу.

... *Не-а.*

Когда мой стоический взгляд встретился с ее, она закатила глаза.

— Знаю-знаю; тебя там не было. Ты не имеешь никакого отношения к его смерти. Линг невиновна, настаивал твой брат. Как мы смеем спрашивать, какого черта наш драгоценный Ас оказался выброшенным в гавань? Потому что, видит Аллах, это не могла быть Королева Драконов. Она не *такая* сумасшедшая. — Ее игра в сарказм была сильной. — Я знаю, что сказал Ван. И мы обе знаем, что он всего лишь выполняет свой долг. Не могу сказать, что я бы сделала то же самое, но я могу уважать семейные ценности. — Она опустила подбородок, избегая моего взгляда. — И мы обе знаем, что это была ты.

Это было странно. Она ничего не значила для меня, но казалось, что мы были

родственными душами, заключенными в тюрьму нашей собственной тьмы, нашей собственной формы ада.

Нам обеим было больно.

— Я не хотела. — Слова, которые вырвались у меня, преследовали меня. — Это был несчастный случай.

Она обдумала это.

— Несчастный случай или нет, — произнесла Ася, — он умер, и мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала. — Когда я прищурилась, глядя на нее, она не дрогнула. Ее тон был суровым. — Назови это компенсацией.

Я ни хрена ей не была должна. Но поймала себя на том, что спрашиваю:

— Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты убила меня.

Мой взгляд был жестким, и я удерживала ее взгляд долгую минуту, прежде чем из меня вырвался смешок. Но выражение ее лица оставалось неизменным. Я покачала головой и пробормотала:

— Нет.

Щека Аси Садык задрожала, когда она подалась вперед и проговорила сквозь стиснутые зубы:

— Не думаю, что ты поняла меня, Линг Нгуен. — Ее тон не оставлял места для переговоров. — Ты убила моего мужа. Оставила меня одну в этом мире, без мужчины, которого я люблю. И ты убьешь меня, бессердечная сука. — Она тяжело дышала через нос, и ее голос дрожал. — Это самое меньшее, что ты можешь сделать.

— Я пришла сюда не за этим, — сказала я ей, хотя так и было, но теперь, когда я поговорила с ней, все изменилось. Можете называть меня жестокой, но осознание того, что я не одинока в своем горе, скрепляло разбитые части меня вместе.

Если я шла по дороге страданий в тишине, то предпочла бы не делать это в одиночку.

Она пойдет со мной.

Лицо Аси скривилось, и она выплюнула:

— Я умираю. — Ее лицо сморщилось. — Ты понимаешь это? — ее отчаяние было очевидным. — Я обуза для своей семьи, Линг. Каждый божий день они приходят и уходят, и оставляют меня без моего гребаного достоинства. — Ее глаза засияли, когда она выпалила: — Я не сделаю этого с ними. Я не могу. Больше нет. — Выпрямившись, она шмыгнула носом, затем выпрямилась, повысив голос. — Итак, ты убьешь меня. И ты сделаешь это сейчас. — Она сделала глубокий вдох, говоря на выдохе. — Я готова.

Черт побери.

Прямо вздох всех вздохов.

Я действительно сочувствовала этой сучке. Но я стану ее убивать.

Я прошла немного и посмотрела сверху вниз на ее жалкое «я» в ее жалком инвалидном кресле с ее жалкой болезнью и твердо сказала:

— Я не убью тебя, Ася Садык.

Ее лицо снова вытянулось, но прежде чем она успела возразить, я положила ее пистолет ей на колени, нежно взяла ее руку и накрыла своей, положив поперх красавца из розового золота.

Почему я стала такой эмоциональной, я не знала. Эта женщина ничего не значила для меня. Мы не были друзьями. Мы не были семьей. Она была никем. И все же я чувствовала ее

боль на личном уровне.

Наша агония была нашей связью. Прочная связь между нами. Будь я на ее месте, я бы тоже хотела умереть.

Черт.

Я хотела умереть, несмотря ни на что.

Я проглотила комок в горле и прошептала:

— Передай от меня привет Асу.

Ни секунды не колеблясь, я повернулась и вышла через заднюю дверь, закрыв ее за собой руками в перчатках. Не знаю, как далеко я успела уйти, когда раздался выстрел, но одиночество, которое я почувствовала, тяжелым грузом легло на мои плечи.

Снова одинока в своем страдании.

Лекси

Было около одиннадцати, когда раздался стук в дверь. Молли выбежала из своей комнаты с пистолетом в каждой руке и твердым выражением лица. Когда она повернулась ко мне, то строго сказала:

— Иди в свою комнату.

Так странно выполнять приказы няни, особенно той, которая была вдвое моложе меня. Но я сделала, как она просила.

Раздался еще один стук, а затем:

— Лекси.

В ту же секунду, как я услышала его, я вылетела из своей комнаты, и Молли выглядела взбешенной, когда распахнула дверь и рявкнула:

— Ты не знаешь, как звонить?

Юлий стоял на крыльце, его челюсть была сжата, а глаза были прикованы ко мне.

— Хватай свое барахло.

Тон Молли стал взволнованным.

— Что происходит?

Юлий повернулся к ней.

— Ася Садык покончила с собой.

— Ла-а-адно, — протянула Молли. То, как она это произнесла, подсказало мне, что она его не поняла.

Я тоже не поняла.

— Звонил Лука, — пояснил он. — Сказал, что на записи с камер наблюдения видно, что Линг находится в помещении. Через десять секунд после того, как сучка уходит, Ася убивает себя. — Обращаясь непосредственно к Молли, он произнес: — Через несколько секунд после звонка Луки Амохо сказал мне, что потерял ее из виду. Мы не знаем, где она. — Его глаза нашили мои. — Я не говорю, что это так, но не могу гарантировать, что она не направляется сюда, Лекс, поэтому мне нужно, чтобы ты поехала со мной.

Моя рука взметнулась к горлу, когда я слабо произнесла:

— Куда?

— Куда-нибудь, где тебя никто не тронет, — вот и все, что он сказал. — Ана взвинчена. Я не могу присматривать за вами обеими.

И поскольку я была напугана до полусмерти, я позволила Юлию поднять моего спящего сына с кровати и повести меня, как послушное домашнее животное, которым я и была в данный момент.

Когда мы подъехали к особняку на северном побережье Сиднея, точнее, к Уорривуду, я разинула рот. Это был не Дарлинг Пойнт, но он все равно был чертовски огромен.

Мои губы двигались по собственной воле.

— Кто здесь живет?

Но Юлий не ответил. Он был слишком на взводе. Слишком сосредоточенный. Что, конечно, привело меня в ужас. И когда мы подъехали к высоким воротам охраны, Юлий опустил стекло и нажал кнопку на домофоне.

С другого конца раздалось:

— *Юлий?*

Юлий говорил спокойно.

— Открой ворота, Пав. Ты знаешь, что это я.

Ворота открылись, и Юлий в полной тишине выехал на длинную мощеную дорогу.

Пав.

Ах, черт.

Мы были в королевском замке, и я не была уверена, что Твитч обрадовался бы этому.

— Твитч знает об этом?

Юлий резко отрезал:

— *Твитча здесь нет.*

Все мое тело дернулось от грубости в его тоне. Это было так на него не похоже, что мои глаза расширились от шока, и я испуганно заморгала.

Святой ад.

Возможно, это не та предосторожность, о которой я думала. И когда Пав вышел из своего дома, выглядя мрачным в своем спортивном костюме, я подождала, пока Юлий откроет мне дверь, чтобы выскользнуть со своим сыном на руках.

Лука Павлович приблизился медленно, осторожно и заговорил также осторожно.

— Я знаю, что мы не с того начали, но я хочу заверить тебя, что здесь вы будете в безопасности. — Он взглянул вниз на моего спящего монстра у меня на руках, и когда он поднял руку, чтобы нежно погладить моего сына по голове, я позволила ему. — Вы оба.

— Спасибо. — Я не знала, что еще сказать.

— Пойдем внутрь, — сказал он тихо, чтобы не разбудить Эйджея. — Я покажу тебе вашу комнату.

Когда я повернулась к Молли, то увидела, что она осталась рядом с Юлием.

— Пойдем.

Но Молли опустила лицо, на мгновение устыдившись самой себя.

— Мне здесь не рады, Лекс.

— Да, — согласился Пав смертельно тихо. — Это так.

Что?

О, черт возьми, нет. Это неприемлемо.

— Ладно. — Я повернулась обратно к Луке и произнесла: — Я хочу поблагодарить тебя за предложение, но мы уезжаем.

Брови Луки сузились.

— Ты не можешь. Я этого не допущу.

Кем, черт возьми, он себя возомнил?

Я сохраняла свой тон ровным.

— Я не одна из твоих приспешников, Павлович. Ты не можешь указывать мне, что

делать. И... — я повернулся к Молли, — ... если Молли не рады, не думаю, что я хочу находиться здесь.

Подошел Юлий, выглядя чертовски раздраженным.

— Лекс, не говори херни.

Я развернулась к нему, разъяренная.

— *А тебе* лучше следить за своим тоном со мной, Юлий Картер. Не забывай, кто приветствовал тебя в своем доме и подверг свою семью риску ради тебя и твоих близких. — По крайней мере, у него хватило такта выглядеть смущенным. Я повернулась к Молли. — А Тама примет нас?

Ее лицо просветлело.

— Конечно. — Она уже вытащила свой телефон. — Позволь мне позвонить ему.

Лука выглядел явно взбешенным.

— Ты предпочтешь остаться с Н.Д.С., чем со мной? — он повернулся к Юлию и невесело пробормотал: — Какого хрена, брат? — когда Молли поднесла телефон к уху, Лука закатил глаза и ущипнул себя за переносицу. — Ладно. Все в порядке. — Его брови нахмурились, а губы сжались. — Она может остаться.

Я испытала огромное облегчение, и, держа сына на руках, нежно укачивая его, я искренне пробормотала:

— Спасибо тебе, Лука.

— Входите. — Он покачал головой, поворачиваясь к дому, и в его голосе звучало явное раздражение. — И поторопитесь.

Когда я уже уходила в своих тапочках с рисунком Пикачу, Юлий нерешительно заговорил:

— Я не сержусь на тебя, Лекси. Я зол на него.

Я повернулась к нему лицом, и когда это сделала, заметила усталость в его глазах. До этого момента мне не приходило в голову, что он, должно быть, чувствует прямо сейчас. Наши мужчины держались так, что редко можно было увидеть их слабости. И Юлий, казалось, был близок к падению.

Я тихо заговорила.

— Я тоже хочу, чтобы она умерла, милый.

Боль превратила меня в воина. Обида сделала меня острой по краям. Любовь вытеснила из меня страх.

Линг умрет. Это был только вопрос времени, когда карма наконец настигнет ее. И после всего, что она сделала с моей семьей, я хотела смотреть, как шлюха истекает кровью, пока ее вены не высохнут.

Линг

— Что, черт возьми, с тобой не так, Линг?

Мой брат сидел в изножье моей кровати, когда я вошла в свою комнату. Он казался взбешенным. Это было необычно. Ван был моим самым большим поклонником. Он думал, что я повесила эти гребаные звезды.

Я едва заметно дрогнула, проходя мимо него, направляясь в ванную комнату.

— Что у тебя в заднице?

Умывшись и раздевшись, я вышла в своей шелковой пижаме, но чистая ненависть, которую источал Ван, заставила меня остановиться на полпути.

Странно.

Да. Это было определенно странно.

И когда он встал и заговорил, это прозвучало как рычание. И от этого рычания у меня в голове пронеслись всевозможные образы.

— Я сказал тебе не покидать эту гребаную комнату, но ты приходишь и уходишь, когда тебе заблагорассудится. И к черту то, что само твое присутствие на улицах делает с твоей семьей.

О, да. Он взбешен.

Мой прекрасный брат был зол на меня.

О, нет. Мне это не нравится.

— Ван, — медленно начала я, нахмутив свой изящный лоб.

— Нет, — прорычал он, и когда я сделала шаг назад от него, его лицо стало безэмоциональным и тон почти такой же. — Это была ошибка. Я думал, ты была готова, но это не так. — Он сделал глубокий вдох. — Именно поэтому мы решили, что ты больше не будешь руководить Драконами. — Я разинула рот, а он продолжил. — Голосование состоялось. Я беру управление на себя, Линг.

Я моргнула, глядя на него, мой живот свело от подавляемого гнева.

Какой мудака.

Держась как королева, которой я и была, мое лицо оставалось пустым, когда я заявила:

— Мятеж, Ван? — из меня вырвался тихий смешок. — Серьезно?

Но Вана, которого я любила, не было видно. Вместо этого его место занял придурок Ван.

— Называй это как хочешь. Я уже начал устранять последствия. — Его холодный взгляд крепко удерживал меня. — Мне никогда не следовало тебя слушать. Но это моя вина. Я доверял тебе, а мне следовало бы знать лучше.

Его слова глубоко ранили меня.

Ублюдока.

Паника вспыхнула во мне.

— Ван, подумай об этом.

— Подумал. — Он кивнул. — Решение осталось прежним. — Он оглядел меня с ног до головы. — Так жаль, что ты оказалась такой, Линг. Ты превратила нас из одной из самых известных и пользующихся доверием фирм в Южном полушарии в свои личные игрушки, обращаясь с нашими сотрудниками как с детьми, а затем наказывая их, когда они плохо себя ведут. Наша репутация пострадала из-за твоего командования. Боюсь, твое отношение «мне похрен» обошлось нам дороже, чем ты того стоишь.

Что за херня?

Он никогда не разговаривал со мной в таком тоне.

— Итак, вот что произойдет. — Он сделал шаг ближе ко мне, и я не доверяла миролюбию в его тоне. — Ты будешь сидеть здесь, в этой комнате, как кукла, которой ты была рождена, и ты будешь слушать все, что я скажу, потому что ты знаешь, что я преследую твои интересы.

Таков план? Он запирает меня, как умственно отсталую сестру?

Моя кровь начала закипать.

Он вообще знает, кто я?

— Ты больше не будешь иметь ничего общего с Драконами. Ты не увидишь их, ты не будешь с ними разговаривать. Ты даже больше не увидишь наших братьев, потому что я

знаю, какой ты великий манипулятор. Когда придет время, ты будешь жить со мной в моем доме, где я смогу постоянно присматривать за тобой.

Мой гнев перерос в горячую ярость.

Он сделал еще один шаг вперед.

— И когда ты пригласишь меня в свою постель, — тихо проговорил он, — я приду к тебе.

Мое сердце забилося быстрее.

Ярость превратилась в белую и обжигающую.

Нет. Ничего из этого не будет.

— Мы ненормальные, Линг, и мне надоело пытаться быть тем, кем я не являюсь. Поэтому я решил перестать бороться с тьмой внутри меня и вместо этого принять ее. — И он улыбнулся так злобно, что я увидела своего отца в этой пустой усмешке. — Это довольно освобождающе. Я могу понять, почему ты живешь так, как живешь. Думаю, ты поймешь, что из меня получится приличный король. И, наедине... — еще один уверенный шаг ближе. — ... ты можешь быть моей королевой.

Мои внутренности болезненно скрутило, и когда я опустила глаза, мой брат ошибочно принял мою позу за покорность.

Я услышала гордость в его голосе, когда он протянул руку, чтобы тепло коснуться моей щеки.

— Моя прелестная маленькая куколка.

Мы сами по себе были членами королевской семьи, но у меня было то, чего никогда не будет у моего брата. Упорство. Это было то, с чем ты рождаешься. Этому нельзя было научить. К счастью для меня, дерьма у меня было хоть отбавляй.

Играя роль, которую он очень явно хотел, чтобы я сыграла, я медленно протянула руку, чтобы погладить его лацкан, и, опустив глаза, тихо спросила:

— Пойдем со мной в постель?

Ван обнял меня, положив ладони чуть ниже поясницы.

— Ты хочешь меня, Линг?

Хотела ли я его Высочество?

Нет.

— Да, — тихо пробормотала я, и когда он повел нас к кровати, спокойствие, которое я редко чувствовала, разлилось по мне, излучая тепло в ситуации, которая ничем хорошим не закончится, независимо от того, как все обернется.

Подойдя к краю кровати, я провела рукой по его груди к животу и еще ниже, пока мои пальцы не остановились прямо под его пупком.

— Ложись.

Он сделал, как я просила, и когда я перелезла через него, то положила руки ему на грудь и оседлала его живот. Я наклонилась ближе, пока моя грудь не встретилась с его, и я могла чувствовать, как его сердце колотится в груди. Он был взволнован этим, нашим позором. Его сердце взывало к моему; оно билось для меня и только для меня, и я скользнула руками под подушку, прижимаясь к нему.

Глаза моего брата прикрылись от удовольствия, и я застенчиво улыбнулась в ответ.

— Ты уверен, что хочешь этого? Я опасная женщина, Ван. — Мой голос стал хриплым. — Как только у тебя буду я, ты уже никогда не будешь прежним.

От мягкой улыбки Вана у меня заболел живот, и когда он грубо произнес:

— Я люблю тебя, — я поняла, что он любил.

Он действительно любил меня.

Ван думал, что Драконы будут процветать при короле, но он не ценил то, что было у Драконов, когда они это имели. Я знаю, он думал, что поступает наилучшим образом, но он уже принимал ужасные решения, и, к сожалению, я этого не потерплю.

— Думаешь, Драконам нужен король, брат? — сладко спросила я, оставляя дорожку поцелуев вдоль его подбородка.

— Да, — проворчал он, когда я провела языком по его подбородку.

Хотела ли я своего брата?

Я многого хотела.

Я хотела, чтобы он понял меня.

Я хотела, чтобы он осознал свою ошибку.

И больше всего я хотела, чтобы он умер.

Поцеловав его в щеку, я проговорила в его шершавую кожу:

— Мой прекрасный брат, ты был солнечным светом в моей тьме. Ты подхватывал меня каждый раз, когда я падала, и я благодарю тебя за это. Но мне нужно, чтобы ты услышал меня сейчас, и услышал хорошо. — Мои губы были в миллиметре от его губ, я посмотрела Вану в глаза и злобно прошептала: — *Я гребаный король.*

Его глаза расширились, когда я села, вытаскивая охотничий нож из-под подушки, подняла его над головой, и когда я опустила его ему на грудь, мои губы скривились. Удивленный звук, который он издал, когда двадцатисантиметровое лезвие вошло в его тело, был музыкой для моих ушей. Я механически опускала его снова, и снова, и снова, и каждый раз, когда нож скользил в него, из его рта вырывался хрипящий звук. Влажное тепло брызнуло мне в лицо, в глаза, но я не осмелилась их закрыть. Мне нужно было увидеть точный момент, когда свет померкнет в его глазах.

Я считала каждый удар.

Моя твердая рука успокоилась, только когда я дошла до шестидесяти трех, а грудь Вана стала похожа на мясной фарш.

Мои белые покрывала теперь окрасились в красный цвет. Я откинулась на изголовье кровати и поджала губы, глядя сверху вниз на своего брата, слегка задыхаясь. Он хрипел и кашлял, и когда его тело затряслось, я взяла охотничий нож и медленно облизала лезвие. Когда я сделала это, наши глаза встретились.

Выражение его лица было равной смесью шока и боли, но мне было абсолютно насрать.

— Прости, Ван, но, думаю, ты уже понял, что мой ответ на все, что ты только что предложил... — я помолчала секунду, мое лицо потемнело, и я медленно проговорила: — Нет.

Он открыл рот и попытался заговорить, но все, что получилось, был тошнотворный булькающий звук.

Мне следовало просто перерезать ему горло, но я не хотела этого. Я хотела посмотреть.

— Все могло бы сложиться по-другому. Ты же знаешь? — когда он не ответил, потому что не мог, я взяла его голову в свои руки и медленно кивнула. — Я не хотела этого делать. — Я обхватила ладонями его щеки, а он хватал ртом воздух. — Но наши интересы столкнулись, и одному из нас нужно было уйти. И уж точно, черт возьми, это не я, Ван. Ты же знаешь, я слишком эгоистична, чтобы делиться тем, что принадлежит мне. — Его хриплое дыхание стало слабее. — Это то, что делает меня хорошим лидером. Никто не в

безопасности, Ван. *Никто*. Думаю, я пытаюсь сказать... — я крепко держала его, пока он делал короткий, прерывистый вдох. Выдоха так и не последовало. И когда я опустила его голову, я моргнула, глядя на свои окровавленные руки. — ... да здравствует король.

Тишина начала давить на меня, пока мои действия повторялись в голове.

Я никогда больше не смогу править. Когда станет известно, что здесь произошло, моя жизнь будет под угрозой. Лука Павлович лично всадит мне пулю между глаз.

Потому что это то, что вы сделали бы с больными животными.

Помогли бы им уйти.

Я думала о том, что теперь делать, но на ум пришел только один вариант.

Если я уйду, то сделаю это с шиком. И когда я, наконец, взорву свою бомбу, взрыв будет ощущаться повсюду. Я сотрясу каждое гребаное окно в этой городской дыре.

Кровавая ухмылка растянулась на моих губах, когда я соскользнула с кровати и вышла из комнаты, босая и выкрашенная в красный цвет.

ДА. Они почувствуют. Я позабочусь об этом.

Бум, суки.

Лекси

— Ни слова?

Я налила себе кофе, глядя на черно-золотистую кружку, мои губы были плотно сжаты.

— Не-а. — Когда мои глаза встретились с глазами Луки, я пожала плечами и выдавила улыбку, которая, как я знала, не коснулась моих глаз. Мой ответ был вялым. — На самом деле он никогда не был из тех, кто звонит, чтобы отметить.

Услышав мой слегка раздраженный тон, Лука нежно улыбнулся.

— Конечно же, он не был.

За последние несколько дней мы с Лукой Павловичем лучше узнали друг друга, и по прошествии нескольких дней сформировалось невысказанное понимание. Взаимная терпимость. Он больше не относился ко мне как к обузе, а я больше не дерзила ему как гормональная тринадцатилетняя девчонка. В отличие от Твитча, Лука на самом деле был неплохим собеседником, и чем больше мы общались, тем больше мне нравился этот человек.

И в нашей общей ненависти к в высшей степени безрассудной женщине мы идеально подходили друг другу.

В конце концов, Луке было что терять в этой ситуации. Хотя я не оценивала потерю его должности так высоко, как потерю своей жизни, но правление Луки было важно для него так же сильно, как моя жизнь для меня.

Каждый раз, когда я думала о том, на что способна Линг, я представляла себе, как мой сын растет без матери, без отца. И это напугало меня до чертиков. Я так много должна была еще сделать для Эйджея, он нуждался во мне. Я не была готова встретиться со своим создателем. Пока нет. Как и Твитч. Поэтому я дала ему время, потому что, честно говоря, это было все, что я могла дать прямо сейчас.

Когда я села рядом с ним за стол, то со вздохом провела рукой по волосам и повернула к нему свое усталое лицо.

— Что находится на Кубе? — Лука опустил взгляд, водя пальцем по столу, и я, прищурившись, посмотрела на него. — Похоже, что я убегу от услышанного, Пав? — он посмотрел мне в глаза. — Нет, я прямо здесь, и если бы ты знал половину того дерьма, через которое заставил меня пройти этот человек, поверь мне, даже ты бы сказал мне убираться отсюда. — Мой взгляд смягчился. — Но я здесь. Я жду. Просто хочу, чтобы он вернулся домой.

— Он вернется, — немедленно сказал он, прежде чем добавить: — Для его пребывания на Кубе может быть только одна причина, Алекса, и ради тебя я надеюсь, что Твитч не настолько глуп, чтобы привезти это дерьмо сюда, потому что... — он бросил на меня взгляд, полный явного недовольства, — ... я не буду доволен.

То, как он смотрел на меня, заставило мое сердце учащенно забиться.

— Что, если он не вернется? — прошептала я, и мой расфокусированный взгляд опустился к моим рукам.

И впервые с тех пор, как я встретил его, Лука Павлович казался неуверенным.

— Ты могла бы остаться здесь, со мной. — Он действительно был милым человеком, если не обращать внимания на напряженность, которую он носил, как прочную броню. И когда я открыла рот, чтобы заговорить, он добавил: — Но он вернется.

Лука звучал так уверенно. Хотела бы я чувствовать то же самое.

— Откуда ты знаешь?

Тоска по Твитчу накатывала волнами, и сегодня я тонула.

Он заговорил тихо и расплылся в широкой улыбке, от которой, я была уверена, таяли трусики по всему миру.

— Потому что я бы вернулся за тобой.

К сожалению, улыбка только одного мужчины действовала на меня. Она была кривой и широкой, что делало его похожим на непослушного мальчишку, и я обожала ее.

Я закатила глаза, но смягчила это смехом.

— Убийца дамских сердец.

— Виновен, — тихо произнес он и, уходя, подмигнул.

Мне не следовало так хихикать.

Определенно нет.

Мою кожу почти болезненно покалывало, когда мурашки побежали по рукам, начиная от плеча и заканчивая запястьем. Я устало нахмурилась, и когда легкий ветерок коснулся моей руки, я нахмурилась еще сквозь сон и плотнее закуталась в одеяло.

Только его не было.

Деревянная рама кровати скрипнула, и мои глаза распахнулись, быстро моргая, и когда они привыкли к темноте, мое сердце подпрыгнуло.

— Ангел.

Приятный, как виски, шепот был бальзамом на мою душу. Я села и бросилась к нему, обвивая его руками с резким выдохом. Он позволил мне крепко прижать его к себе, притянув его голову к своей груди. Я снова и снова прижималась крепкими поцелуями к его макушке, и когда он прикоснулся губами к ложбинке между моими грудями, мои соски напряглись от желания, которому нельзя было отказать.

Не говоря ни слова, я потянулась за подолом своей ночнушки и стянула ее через голову, оставшись в одних крошечных шелковых трусиках. Хриплым от эмоций голосом я приказала ему:

— Поцелуй меня.

Услышав потребность в моем голосе, он сделал, как было приказано.

В тот момент, когда его губы коснулись моих, я была потеряна для этого мира. Я застонала ему в рот. Мои руки нашли его ремень, и я отчаянно дернула за него, сумев ослабить, а затем расстегнула пуговицу на его джинсах и, потянувшись внутрь, взяла в руки его твердый член, крепко сжав его в ладонях.

Твитч издал низкий стон.

Я нуждалась в нем внутри себя. Прямо сейчас.

В темноте ночи я шепотом умоляла:

— Пожалуйста, детка.

Легкая заминка в его дыхании сказала мне, что я не одинока в своей нужде.

Молниеносно он перевернул нас, и, когда навис надо мной, то одним жестким рывком спустил мои трусики с ног. Когда мои руки нашли низ его футболки, он грубо пробормотал:

— Оставь ее.

Встав на колени между моих ног, он держал свой член одной рукой, а затем опустился, скользнув в меня с грубостью, которая вынудила меня тихонько всхлипнуть.

И Твитч дал мне то, чего я желала.

Полностью одетый, он трахал меня жестко, трахал меня быстро, и впервые за многие годы он трахал меня в миссионерской позе, его рот отчаянно искал мой. Но мне нужно было чувствовать его больше. Мои руки двигались рывками, поднимая его футболку, чтобы почувствовать его твердую грудь на своей груди, а затем я обхватила ногами его бедра и встречала его толчки один за другим.

Это было неотложно. Это было торопливо. И, более того, это было совершенно опьяняюще.

Вместе мы были совершенством.

Нельзя было превзойти это.

С его губ сорвалось ворчание, и он натянуто пробормотал:

— Скучал по тебе.

Он безжалостно вошел в меня, и я выдохнула:

— Люблю тебя, — и когда я это сделала, он полностью замер, изучая мое лицо в темноте, протягивая руку, чтобы нежно обхватить мою щеку, прежде чем наклониться и захватить мой рот в крепком поцелуе, который передавал целые поэтические строфы.

Когда освобождение было близко я приподняла бедра с низким стоном, и он понял намек, отодвинувшись, а затем полностью войдя в меня. Мое естество сильно сжалось. Твитч тяжело дышал мне в рот, вытягивая из меня последние шесть дней беспокойства. Напрягшись всем телом, я откинулась на матрас, мои губы приоткрылись, ожидая удара поезда, и когда это произошло, я затряслась. Я затряслась, как будто меня ударило током, мой оргазм был сильным и быстрым. Он заглушил мой стон поцелуем, от которого наверняка останутся синяки, и когда он замер, глядя мне прямо в глаза, я почувствовала, как пульсирует его член. И когда он излился в меня, в моем мире все стало хорошо.

На данный момент.

Звуки нашего хриплого дыхания раздавались в тишине, и Твитч прижался ртом к моей шее, нежно покусывая меня. Мягко улыбаясь, я обхватила его голову руками, наслаждаясь ощущением его рта на себе. Его жгучие укусы проложили свой путь от моей шеи к ключице и плечу, и когда его зубы сомкнулись на моей коже, мое естество сжалось вокруг его все еще твердого члена с любовью, как сладчайший из поцелуев.

Боже. Я скучала по нему.

Забавно, как можно отчаянно скучать по близости с любимым человеком, но когда тебя давно не обнимали, ты понимаешь, что секс — это не то, по чему ты скучал.

Он долго не отрывал губ от моей кожи, но когда, наконец, поднял голову, я выдержала его взгляд, проводя пальцами от его виска вниз по колючей линии подбородка.

— Ты вернулся.

Его брови нахмурились, и я поняла, что Твитч слышал все, что я сказала. Даже то, что я пыталась скрыть.

— Мне не нравится удивление в твоем тоне, детка.

Ну, а чего он ожидал?

Я нежно погладила его лоб пальцами и проигнорировала его заявление.

— Ты нашел то, что искал?

— Да, и Пав не в восторге, — пробормотал он, и его голос звучал так устало, что мои руки крепче обняли его, предлагая все возможное утешение. — Так что, возможно, утром мы уедем.

Он вернулся.

Он действительно вернулся.

Таясь, на самом деле вне себя от радости, я притянула его голову к себе и прижалась ртом к его лбу своими теплыми, припухшими от поцелуя губами.

— Хорошо, милый.

Хотя я была рада, что он вернулся, что-то внутри меня отказывалось отпускать его, и независимо от того, в каком положении мы лежали, мои руки оставались крепко обнимающими моего мужчину.

К счастью для меня, Твитч, похоже, не возражал.

Мои глаза расширились при виде трех человек, стоящих лицом к лицу с Лукой Павловичем, и когда Лука заметил, что мы с Твитчем приближаемся, он закрыл глаза и медленно покачал головой.

— Я хочу, чтобы вы ушли, — пробормотал он.

— Пав. — Твитч поднял руки в умиротворяющем жесте. — Давай поговорим.

Одна из женщин ухмыльнулась, плюхаясь на диван.

— Да, Лука. — Она оглядела его с ног до головы. — Давай поговорим.

«Поговорим» — прозвучало очень похоже на «трахнемся» из ее уст.

— На твоём месте, Фернанда, я бы заткнулся, — прорычал Пав сквозь стиснутые зубы. И когда вторая женщина потеряла способность сдерживать смех, Лука выглядел взбешенным. — Не заставляй меня подходить, Луна.

Именно тогда я заметила, что женщины были близнецами.

У Фернанды были длинные темные волнистые волосы, спадающие на спину, в то время как у Луны были короткие волосы, зачесанные по бокам и более длинные сверху, уложенные в беспорядочную причёску. Фернанда была одета в обтягивающие джинсы и крошечную футболку, подчеркивающую ее плоский живот. Луна была одета в мешковатые брюки-карго и свободную майку со спортивным бюстгалтером под ней. Фернанда выглядела очень женственно, в то время как Луна была похожа на подростка, который всем своим видом говорил «подходи с осторожностью», но их высокие, стройные тела были одинаковыми, и лица идентичными.

Фернанда соблазнительно облизнула губы.

— Звучит так, будто ты скучал по мне, Пав. — Затем она подмигнула, и когда я повернулась, чтобы взглянуть на Луку, он выглядел так, как будто хотел сделать несколько шагов и придушить женщину. — Но, — вздохнула она, — это же ты изгнал нас. — Ее губы мелодраматично надулись, когда она произнесла: — Ты выстрелил мне в сердце, детка. — Совершенно внезапно ее лицо изменилось, и она мрачно пробормотала: — Как насчет того, чтобы я отплатила тебе за услугу?

— Иисус Христос. — Твитч раздраженно выдохнул. — Ты явно ищешь смерти, Ферн.

Когда Лука вытащил свой пистолет и направил его на нее, выражение лица Фернанды было чистым триумфом. И он сразу понял, что слишком многое раскрыл своим действием.

О, да. В какой-то момент они определенно были чем-то особенным.

— На твоём месте я бы не стала провоцировать меня, *Папи*. — Ферн выпрямилась, легкая ухмылка тронула ее губы. Ее глаза сузились на Луке, прежде чем она откинулась на спинку дивана, раскинув по нему руки. — Я отстирывала пятна крови с одежды с тех пор, как была подростком.

Мои брови изогнулись.

Вау.

Было трудно не поддаться влиянию этой женщины. Мне вроде как нравилась ее дерзость. Я определенно могла бы кое-чему у нее научиться.

Заговорил мужчина, стоявший позади двух женщин, и я никогда не слышала ничего подобного его богатому, хрипловатому голосу.

— Достаточно.

Это напомнило мне о сексе.

ДА.

Это был чистый, неподдельный секс. Я чувствовала это всем телом. И это встревожило меня настолько, что я сделала шаг назад, подальше от него.

— Тебя, бл*дь, никто не спрашивал, Тьяго, — злобно выплюнул Лука. — Если бы мне нужно было, чтобы ты выступил посредником, я бы, бл*дь, попросил об этом. — Затем он провел рукой по своему усталому лицу. — Достаточно того, что в моем чертовом доме Вегасы. Я не хочу тебя слышать, чувак. Я тебя предупредил.

Мужчина, Тьяго, был высоким и сложением напоминал русский военный танк. С широкой грудью, толстой шеей и хмурым взглядом, которому не было равных, он был весь из мускулов. Его темные волосы были коротко подстрижены, а щетина обрамляла острый, как бритва, подбородок. Он напоминал мне фигурку Джи Ай Джо. Только Джи Ай Джо выглядел как слабак по сравнению с этим демоническим чуваком.

Когда он поймал мой хмурым взгляд, то в ответ устремил на меня равнодушный, и, нет, мне это *не* понравилось. Но вместо того, чтобы испугаться, я удивилась, почувствовав сильное раздражение. И когда я совершенно спокойно произнесла:

— Если ты продолжишь так смотреть на меня, то потеряешь глаз, — никто не был поражен больше, чем я. Что было еще более удивительно, так это то, что я имела в виду то, что сказала.

Я почувствовала, как Твитч вошел в мое пространство, и полное восхищение прошло через меня. Этим легким жестом он говорил о многом.

Он прикрывал мою спину, всегда.

Тьяго удерживал мой взгляд долгое мгновение, прежде чем его губы дрогнули, а лицо немного смягчилось. Когда он заговорил с Твитчем, все, что он сказал, было:

— Она твоя?

И Твитч ответил:

— Она носит мое кольцо.

Губы Тьяго сжались, и он с тихим раздражением пробормотал:

— Супер.

Что с этими мужчинами не так?

К счастью, разговор прекратился, когда в комнату вошла Молли, держа Эйджея за руку, но когда ее взгляд упал на троих незнакомцев, она оттащила моего сына назад, удерживая его подальше от опасности, которая явно исходила от троицы. К сожалению, маленький монстр уже увидел своего отца.

Его мягкие карие глаза расширились от неподдельного восторга, когда он крикнул:

— Папа!

С силой, которая была неестественной для пятилетнего ребенка, он вырвал свою руку из руки Молли и бросился бежать. В ту секунду, когда он достиг Твитча, он прыгнул, и папа-

медведь поймал его в воздухе, прижимая к себе, а ЭйДжей обнял его за шею так сильно, что, казалось, душил.

— Вот и ты. — Твитч ухмыльнулся в волосы нашего сына, целуя его в макушку, а затем раскачивая его из стороны в сторону, похлопывая по спине. — Как дела, приятель?

ЭйДжей крепко обнял его.

— Я думал ты ушел навсегда, — печально пробормотал маленький монстр, и у меня защемило сердце.

Но Твитчу было все равно, что сын душил его. Он хотел, чтобы малыш был рядом. В его тоне чувствовалась твердость.

— Но я вернулся.

— О, — пробормотала Фернанда, поворачивая широко раскрытые глаза к Луне.

Луна приложила руку к сердцу, и ее рот приоткрылся, прежде чем издать недоверчивое:

— Твитч. — Ее взгляд остановился на нашем маленьком мальчике, и она моргнула. —

Ты — отец. — Ее голос звучал абсолютно ошеломленно, а такого рода шок обычно испытывали только люди, с которыми ты был знаком.

То есть *близко* знаком.

Кто эти люди?

— Значит, у меня нет шансов украсть девушку? — моя голова резко повернулась к Тьяго, и когда я сердито посмотрела на него, он подмигнул, прежде чем на его губах появилась усмешка.

Твитчу было не до смеха, и хотя он сказал:

— Ты можешь попробовать, Ти, — я услышала: *«Я буду убивать тебя медленно и искупаю в твоей крови»*.

Чувствуя, что он близок к взрыву, я подвинулась и прижалась к его свободному боку. Он почти рефлекторно обнял меня за талию. Его настроение не улучшилось, когда Лука решил добавить:

— Ты должен взять номерок, как и все мы, ублюдок, — лукаво добавил он. — Я был здесь первым.

О Боже мой.

Мой желудок сжался.

Щека Твитча дернулась, когда он медленно посмотрел на своего друга.

— Ты был добр ко мне, Пав, так что я притворюсь, что не слышал этого.

Лука пожал плечами, выглядя совершенно безразличным к угрозе в голосе моего мужчины.

— Не жалею о своих словах.

Челюсть Фернанды сжалась, и она опустила взгляд, чтобы скрыть свою боль. И тогда я почувствовала ей. Что бы она ни сделала, это причинило боль Паву. Это было совершенно ясно. И теперь Пав хотел причинить боль ей.

Рука вокруг меня напряглась. Демонстрируя свою безоговорочную преданность. Я повернулась и прижалась губами к его шее над сморщенным шрамом, который он получил шесть лет назад, и когда я почувствовала, как его мышцы расслабились под моим ртом, я почувствовала, что могу отстраниться.

Глаза Твитча сузились на его друге. Его голос был едва громче шепота.

— Тебе повезло, что я держу на руках своего сына.

Эти люди были утомительными, и когда мои глаза закрылись, я потянулась, чтобы

ущипнуть себя за переносицу, и выдавила:

— Можем мы, *пожалуйста*, прекратить это? — медленно я открыла глаза и оглядела комнату. Усталый вздох покинул меня. — Мне неприятно это говорить, но... — мой извиняющийся взгляд остановился на Луке. — ... нам нужна ваша помощь. У нас есть проблема, о которой нужно позаботиться.

Проблема с вишнево-красными губами и абсолютно трахнутой головой.

Лекси

Тишина была плотной, и хотя обычно я ценила момент тишины, эта тишина была другой. Она была липкой. Удушающей. И когда мы ехали домой по воле Луки, все мое тело гудело от сверхосознанности.

За нами охотились, как за добычей.

На нас охотились, а король отказался помочь.

Логическая часть меня понимала, почему Лука отклонил наш призыв о помощи. Но материнская часть меня знала, что я никогда не прощу ему его поступка.

— *Никто другой не может нам помочь. — Я перевела на него умоляющий взгляд, и когда он отвернулся, я знала — я, бл*дь, знала — что он ничего не сделает. Это, конечно, не помешало мне попытаться. — Лука. — Я сделала шаг вперед, прежде чем повернуться и посмотреть на своего спящего сына на диване. Я бы сделала все, что угодно для этого мальчика. — Пожалуйста, — я обратилась к мягкой стороне, которую он редко показывал. Той стороне, которую мне посчастливилось найти, когда я была с ним наедине. — Помоги нам.*

Но когда он ответил также бессердечно, Лука Павлович был мертв для меня.

— *Чего ты хочешь от меня, женищина? — он повернулся лицом к семье Вегас, притаившейся в углу комнаты. Он многозначительно оглядел их троих. — Сдается мне, ты получила всю необходимую помощь.*

Я быстро поняла его проблему и, вау, я не могла в это поверить.

Мой мягкий взгляд вспыхнул пламенной яростью.

— *Ты зол? Так вот в чем дело? — мои глаза расширились от понимания. — Ты не хочешь помочь нам, потому что чертовски зол? — я повернулась лицом к Фернанде и пробормотала: — Он не поможет защитить моего сына из-за тебя?*

— *Детка. — Твитч положил руку мне на плечо, но я стряхнула ее, требуя ответа.*

Холодный взгляд Фернанды упал на Луку с силой топора, вонзающегося в мягкий кипарис.

— *Не напрягайся, кошечка. — Она с отвращением посмотрела на человека, которого когда-то называла своим королем. — Разве ты не видишь, как он дрожит? Это должно сказать тебе все, что тебе нужно знать. — Ее уверенность была непоколебимой. — Мы — все, что тебе нужно.*

Так что, когда мы ехали домой в сопровождении Вегасов, я, вероятно, должна была чувствовать себя более непринужденно, чем на самом деле чувствовала. Но это казалось неправильным. Все это. Я не могла точно определить, в чем дело, но что-то было *не так*.

Твитч заехал на подъездную дорожку, и Вегасы припарковались позади нас. Через несколько секунд подъехала Молли, и Тама вышел из машины вместе с ней. Я даже не заметила Юлия и Ану, пока не вышла из машины. Хэппи прибыл последним, и он был один.

Мой взгляд скользнул к Твитчу.

— Семейное собрание?

Взяв руку ЭйДжея в свою, он остановился, чтобы внимательно посмотреть на меня.

— Семейное собрание.

С глубоким вздохом я открыла входную дверь, и как раз перед тем, как я вошла, Тьяго

встал передо мной. Я нахмурилась.

— Что ты делаешь?

Тьяго Вегас долго смотрел на моего сонного сына, и когда он ответил, у меня внутри все сжалось.

— Проверяю, нет ли змей. — Он вошел один.

У меня внезапно сильно заболел живот, и я почувствовала, как кровь отхлынула от моего лица.

Мне никогда на самом деле не приходило в голову, что у Линг может хватить наглости сидеть и ждать нас в нашем собственном доме. И чем больше я думала об этом, тем больше приходила к пониманию, что для Линг Нгуен не существовало никаких правил. Она была парадоксом. Желала править, но ненавидела систему и политику, которая сопровождала это.

Нет. Линг играла не по правилам.

Она шла вдоль них, скользя ногой по обе стороны от этой линии всякий раз, когда ей это было удобно. Из того, что я поняла, она не была таким великим лидером, каким думала, что станет. Правит исключительно из страха, а не из уважения. Это был только вопрос времени, когда Драконы набросятся на нее. К сожалению, я не могла ждать так долго.

— Насколько все плохо? — раздалось позади нас, и когда я обернулась, Зеп стоял там, засунув руки в карманы и глядя на своего брата.

— Достаточно плохо, что я хочу, чтобы ты был в моем доме, — натянуто сказал Твитч.

Зеп медленно кивнул, и его лицо стало таким же напряженным после ответа Твитча. Эвандер пересек улицу, направляясь к своим шуринам.

Мгновение спустя Тьяго вернулся, кивнув подбородком в сторону дома.

Мы вошли внутрь в полной тишине, и Твитч вывел большинство на заднее крыльцо. Молли взяла Эйджея за руку. Он зевнул и потер глаза, пока она вела его в комнату и укладывала в постель.

Никто не произнес ни слова, пока она не вернулась, и когда Тама заговорил первым, я не ожидала того, что он скажет.

— Звонил Амохо. Это нехорошо. — Он выглядел напуганным, и даже я знала, что для кого-то вроде этого огромного воина маори, выглядеть так, как он сейчас выглядел, — нетипично, а значит новости действительно были не из приятных. — Вана Нгуена обнаружили в постели его сестры.

Мое лицо сморщилось.

Фу. Гадость.

Когда никто не попытался заговорить, Тама пояснил:

— Его ударили ножом так много раз, что у него прогнулась грудная клетка.

Подождите.

— Он мертв? — я моргнула, глядя на него, не ожидая, что эта история примет такой оборот.

Тама кивнул.

— И Линг пропала. — Он повернулся к Юлию. — Амохо потерял ее из виду где-то на шоссе около двадцати минут назад. — Его губы сжались. — Он почти уверен, что она знала, что за ней следят.

Юлий с шипением выдохнул сквозь зубы, и его напряжение было ясно видно.

— Вот черт. — Ана вложила свою руку в руку Юлия, и они обменялись встревоженным взглядом, от которого у меня заболел живот.

— Это еще не все, — продолжил Тама. — Кажется, Драконы хотели смены власти. Насколько нам известно, Королева Драконов сбежала.

Мой желудок болезненно скрутило, и я с трудом сглотнула, садясь на ближайший ко мне стул. Мой голос был слабым.

— Ну, это звучит не очень хорошо.

— Да, — согласился Эвандер. — Это так.

— Куда она направлялась? В каком направлении? — спросил Твитч, и я знала, о чем он на самом деле спрашивает.

Линг направляется сюда?

О, Господи.

Я затаила дыхание.

Но Тама только покачал головой.

— Последнее, что мы слышали, она направлялась на север.

Север. Подальше отсюда. Навстречу королю.

Слава Богу.

И хотя я ненавидела его прямо сейчас, я проглотила свою гордость и тихо раздраженно произнесла:

— Кто-то должен предупредить Луку. — Когда все посмотрели на меня, как на сумасшедшую, я пожала плечами и произнесла: — Господи, ребята. Я зла, но я не хочу, чтобы он умер. И мне определенно не нужно опускаться до его уровня. — Мой взгляд остановился на моем красивом, задумчивом мужчине. — Позвони.

Но Твитч покачал головой.

— Ты хочешь позвонить, ты и звони. Я не собираюсь тратить впустую ни единого гребаного вдоха. Не на него.

— Да, пускай его трахнет, — пробормотала Луна.

Фернанда тихо сказала:

— Я уже это сделала.

Луна ухмыльнулась.

— И как это было?

Фернанда мечтательно вздохнула, легкая улыбка украсила ее полные губы.

— Феноменально.

Этого было достаточно для Тьяго. Он приложил свою большую ладонь ко лбу и пробормотал себе под нос:

— Иисус Христос.

Фернанда низко и хрипло рассмеялась, в то время как Луна наклонилась и прошептала:

— Ей нравится мучить нашего брата.

Я заметила.

— Твитч, — тихо умоляла я. Но он просто покачал головой. Он не собирался уступить в этом.

Упрямый осел.

С сердитым видом я протянула руку.

— Дай мне этот чертов телефон.

— Я позвоню ему.

Повернувшись к Хэппи, я бросила на него благодарный взгляд.

— Спасибо.

Даже если Лука бросил нас, я не хотела бы, чтобы его смерть висела над моей головой, как дамоклов меч.

Твитч выглядел чертовски злым, окликая Хэппи, когда тот возвращался в дом.

— Убедись, что он знает, зачем ты звонишь. Скажи ему, что женщина, в помощи которой он только что отказал, все еще прикрывает его гребаную спину. — Он закрыл глаза и выдавил: — Ублюдох.

Напряжение было достаточно сильным, чтобы его можно было потрогать. Удивительно, однако, что именно Фернанда выступила от имени Луки.

— Это не его вина. То, что мы здесь, усложняет ему жизнь. Он изгнал нас по уважительной причине. — Она действительно выглядела грустной. — Вот почему мы ушли добровольно. Вернуться в свои владения вопреки его указу... это поднимает вопрос о его авторитете, — она скорчила гримасу, — или его отсутствию.

Именно то, как она говорила — тихим шепотом и совершенно подавленно — заставило меня спросить:

— Что ты сделала?

Ее лицо стало невыразительным на целую секунду, прежде чем она нацепила хитрую улыбку.

— Это история для другого дня.

Ясно.

Не мое дело.

Поняла.

— У нас есть план? — обратилась я к толпе. Никто не ответил. Я повернулась лицом к Твитчу и тихо произнесла: — У нас должен быть план, милый.

План — это хорошо. План означал, что мы пытались сохранить контроль в ситуации, когда у нас его не было.

Твитч не сводил с меня глаз.

— Мы заляжем на дно на следующие несколько дней. Оставь Эйджея дома...

Уже качая головой, я вмешалась:

— Я уже не пускала его в школу, пока мы были у Луки. Еще немного времени, и нам начнут задавать вопросы.

Молли поджала губы.

— Я согласна с Лекси. Пока Эйджей в школе, цель Линг сужается до вас двоих, и мне неприятно это говорить, но моя работа — защищать этого маленького мальчика, а не его родителей. — Меня задело, насколько бессердечными были ее слова, но она была права. — Школа, вероятно, самое безопасное место для него.

Луна кивнула.

— Она права. Теперь, когда Молли и ребенок исчезли со сцены, мы можем сосредоточиться на вас двоих.

Я увидела, что Твитч прогибается. Он обратился к Молли.

— Ты останешься с ним. На весь гребаный день. Поняла меня?

— Поняла, — искренне ответила она, и я знала, что Молли сделает все возможное, чтобы защитить моего сына, даже бросится под шквал пуль.

Юлий выдвинул стул и сел, усадив Ану к себе на колени.

— Мы даже не знаем, за кем она охотится.

— Она хочет меня, — ответил Твитч. Его глаза затуманились больше, чем обычно, когда

он провел рукой по волосам и тихо проговорил: — Это всегда был я.

Между нами повисла минута молчания, и у меня возникло ощущение, что все мы думаем об одном и том же.

Он был прав.

Это всегда был Твитч.

— Ты упакован? — спросил его Тьяго, имея в виду оружие.

— Всегда, брат.

— А как насчет тебя? — спросил он меня. — Ты знаешь, как обращаться с оружием?

В тот самый момент, когда я ответила: «Да», Твитч произнес: «Нет», и когда он услышал мой ответ, его брови нахмурились, и он недоуменно уставился на меня.

Я говорила с Тьяго, но не сводила взгляда с Твитча.

— Да, я знаю, как обращаться с оружием. — Прошло мгновение, а затем я продолжила: — Думаете, Юлий Картер прожил в моем доме шесть месяцев и не научил меня защищать моего сына?

При этих словах лицо Тони смягчилось.

— У тебя в доме есть пистолет. — Это было заявление, не вопрос.

— Да.

— И ты никогда не говорила мне.

— Да, не говорила. — Казалось, у всех нас были какие-то секреты.

Он старался, чтобы его голос звучал непринужденно.

— Ты когда-нибудь планировала использовать этот пистолет против меня?

— Иногда. — Будь я проклята, если не было нескольких раз, когда я думала об этом.

Он усмехнулся, и я усмехнулась ответ.

— Жесткая.

Я любила этого мужчину.

Когда Зеп заговорил, его слова были обращены к Луне и только к Луне.

— Ты идешь со мной.

Луна нахмурилась.

— Ни за что, — был ее ответ, но это прозвучало так, как будто она сказала: «Ты сумасшедший».

Зеп оглядел ее с ног до головы, как будто она была грандиозной закуской, а он умирал с голоду. Уголок его губ дернулся.

— Я хочу, чтобы ты была в моей команде, Лулу.

Лулу?

Подождите. Они знали друг друга?

Внезапно меня осенило. Все это имело смысл. Зеп знал, что Твитч был на Кубе. Каким образом? Потому что он, вероятно, предложил это. И теперь, когда я глубже взглядела в то, как Зеп наблюдал за Луной, я увидела больше, чем хотела.

Зеп был влюблен в нее.

Луна моргнула, глядя на него.

— Как и все остальные, — ответила она, засмеявшись без всякого веселья в голосе.

Тьяго, которого тошнило от явных ухажеров его сестер, рявкнул:

— Мои сестры остаются со мной, Фалько. Обе. Мы здесь не ради тебя.

И это прозвучало как угроза.

Но опять же, все, что исходило из уст Тьяго Вегаса, звучало как угроза.

— Как мы собираемся это проверить? — спросил Хэппи, прислоняясь к стене.

Но тут вмешалась Молли:

— Я буду спать в комнате Эйджея до дальнейшего уведомления. — Она посмотрела на Луну и Фернанду. — Вы, девочки, можете занять мою кровать.

Они кивнули в знак согласия.

— Тьяго, ты займешь диван, — предложил Твитч.

— Но он не раскладывается, — сказала я, мой взгляд скользнул по его чудовищной фигуре, а затем я добавила извиняющимся тоном: — Прости.

— Все остальные... — Твитч слегка пожал плечами. — ... Я не знаю. Идите домой, я думаю.

Это был первый раз, когда я услышала, что Твитч звучит неуверенно, и это напугало меня до чертиков.

Когда все разошлись, и мы остались одни в постели, мы крепко-крепко обнялись, и я не помню, как заснула, только как проснулась.

И когда я проснулась, то была одна в холодной постели.

Твитч

— Что ты здесь делаешь? — тихо спросила она.

Подумываю о том, чтобы сделать какое-нибудь глупое дерьмо, чтобы обезопасить тебя.

— Ничего.

Но эта женщина знала меня. Она знала меня достаточно хорошо, чтобы понять, что когда я залезаю в свою голову, это опасно.

И ее произнесенные шепотом слова сказали мне, насколько хорошо она знала, кем я был.

— Прекрати это. — Когда она сделала несколько шагов и опустилась на колени рядом со мной, я поднял на нее свой усталый взгляд, и эти большие голубые глаза, которые я любил, засияли беспокойством. Она присела на корточки и протянула руку, чтобы дотронуться до меня, но на полпути замерла, сжав протянутую руку в кулак. Некоторое время она молчала, но когда заговорила, слова были твердыми. — О чем бы ты ни думал... просто остановись.

Как я мог?

Это поглотило мой разум. Поглотило мои мысли. Поглотило меня целиком.

Здесь мы имели дело не с кем попало. Я был учителем Линг, и я выполнил свою работу на отлично. Это не закончится, пока один из нас не окажется в гробу, и теперь ей не для чего было жить.

Я боролся с человеком, которому больше нечего было терять.

Это делало ее опасным противником.

— Я и раньше отговаривал Линг от многих поступков. — Я снова посмотрел на двор. — Может быть, я смогу отговорить ее и от этого тоже.

К сожалению, на самом деле я в это не верил. Лекси тоже.

И пока она смотрела на меня взволнованно и напряженно, я почувствовал необходимость быть с ней искренним, хотя, вероятно, мне не следовало этого делать. Но я имел в виду именно это, когда сказал, что не хочу, чтобы между нами были секреты.

— У нее нет слабостей, детка.

— Конечно, есть. У всех нас есть.

— Она больше змея, чем человек, Лекс. — Моя поза была напряженной, я раздраженно добавил: — Полная яда, который я туда добавил. Линг — монстр моего собственного творения. Она едва ли похожа на человека, и это я взрастил в ней животную сторону. Я кормил ее и наблюдал, как она растет, и делал это дерьмо с удовольствием, потому что в то время я мог использовать эту ее часть. И что происходит в результате... — Я перевел дыхание. — ... это моя вина.

Моя женщина выложила все без утайки.

— Знаю, ты беспокоишься. Я тоже волнуюсь. Но тебе не нужно, потому что я защищу тебя. — Слова были тихим шепотом.

Из меня вырвался легкий смешок, но когда я повернулся к своей жене и поймал выражение ее лица, моя улыбка погасла.

Она была серьезна.

Абсолютно серьезна.

С каменным выражением лица я грубо произнес:

— Думаешь, я провел шесть гребанных лет вдали от тебя, чтобы ты пошла и рискнула своей жизнью ради меня? — я медленно покачал головой. Ей стоило прислушаться к моим жестким словам. — Этого не будет.

Ее лицо поникло, а хорошенькие розовые губки слегка приоткрылись, когда она с трудом сглотнула.

— Я люблю тебя.

— Не делай этого. — Я раздраженно прищелкнул языком, мой позвоночник напрягся.

— Чего?

— Не надо... — было больно говорить это. Мой голос затих: — Не говори «прощай». Не сейчас. — Долгая пауза. — Пока нет.

Да, Линг оставляла за собой шлейф из тел, но когда моя женщина медленно двинулась, уткнувшись лбом в мое плечо и крепко обнимая меня за руку, как будто я уже был мертв, я решил, что не буду одним из них.

Молли

Было глупо говорить «не беспокойся» кому-то, у кого явно был стресс, поэтому я мягко добавила:

— Я не позволю, чтобы с ним что-нибудь случилось.

Лекси устало улыбнулась, не сводя глаз с маленького монстра, поедающего тосты за обеденным столом и поддерживающего беседу с группой наемных убийц.

— Я знаю, что ты этого не позволишь.

Ее уверенность во мне вознесла меня на более высокий уровень.

Поэтому, когда пришло время отправляться, я с непоколебимой уверенностью взяла своего маленького приятеля за руку и проводила его до машины. Мы помахали с подъездной дорожки, и я помчалась вниз по улице, оглядываясь на него в зеркало заднего вида.

— Эй, приятель, — начала я. — Знаю, что сейчас дома немноголюдно, но скоро все вернется в норму, хорошо?

ЭйДжей рассматривал меня с мудростью, не свойственной его годам.

— Когда плохая леди уйдет?

Ох уж этот умный ребенок. Господи.

Интенсивность, которую он излучал, была совершенно неестественной для мальчика его возраста.

— Когда плохая леди уйдет, — подтвердила я.

Как раз перед тем, как подъехать к школе, зазвучал его тихий голос.

— Молли?

— Это мое имя. Не используй его слишком часто. — Я подмигнула зеркалу, затем улыбнулась, пытаясь ослабить исходящее от него напряжение.

Его мягкие карие глаза расширились, и он указал в сторону дороги с выражением чистого ужаса на лице.

— *Берегись.*

Я не видела, как черный «Мерседес» проехал знак «стоп», но когда нажала на тормоз и крутанула руль, чтобы избежать неминуемого столкновения, в голове у меня запульсировало, и я стиснула зубы, когда моя машина с визгом остановилась на пешеходной дорожке без повреждений. Облако дыма окутало машину, и от запаха жженой резины у меня заложило

нос.

Мое сердце выпрыгивало из груди.

— О Боже мой, — выдохнула я, и мои руки задрожали.

— Молли? — произнес тихий испуганный голос.

Ни секунды не колеблясь, я тяжело сглотнула и вытащила свой телефон, нажав на тревожную кнопку, установленную Хэппи, затем отстегнула ремень безопасности и опустилась на колени на переднем сиденье, чтобы оглянуться на моего маленького монстра. От его безмолвных криков у меня заныло в груди.

— Ты в порядке, приятель?

Я оглядела его с ног до головы. Он не выглядел пострадавшим, просто потрясенным, и когда он кивнул, как солдат, которым я его знала, мое тело обмякло, и я облегченно вздохнула.

— О, приятель. Мне так жаль.

Снаружи машины донесся встревоженный женский голос:

— О Боже, Вы в порядке? Я все видела. Вам нужна помощь?

— Нет. — Я потянулась к ЭйДжею, и он вложил свою дрожащую руку в мою. Я крепко сжала его, благодаря Богу, что все было не так плохо, как могло быть. — У нас все в порядке.

— Вы уверены?

Внезапно беспокойство в голосе женщины исчезло, сменившись угрозой, и мое сердце замерло. Я медленно повернулась, и в ту секунду, когда я увидела ее, мои внутренности сжались.

О, черт, Молли. Что ты наделала?

Линг моргнула, глядя на меня через открытое окно, и ее бровь приподнялась.

— Неважно выглядишь.

— Отвали, — прорычала я сквозь стиснутые зубы, когда пришло осознание.

Она никогда не охотилась за Твитчем.

Она хотела ЭйДжея.

— Ты ранена, — настаивала Линг, распахивая пассажирскую дверь. Все произошло так быстро, что у меня не было времени среагировать. В одну секунду я была в сознании, а в следующее мгновение — нет. Я боролась с этим. Боже. Я боролась так упорно, но поскольку она продолжала бить меня электрошоком, я проиграла битву.

И когда темнота поглотила меня, я услышала, как она произнесла:

— Видишь? Совсем не в порядке.

Линг

Внутренне злорадствуя, я наблюдала, как тело молодой женщины сотрясается с силой в пятьдесят тысяч вольт. Я с радостью наблюдала, как ее глаза закатились к затылку, и она затряслась, как будто ее ударило током, потому что, ну, так оно и было. Я приставила электрошокер к ее животу и восхищалась тем, как она судорожно вздрагивает. Когда у нее пошла пена изо рта, я неохотно остановилась.

Я не хотела ее убивать. Просто хотела, чтобы она страдала. И страдать она будет, когда наконец очнется и обнаружит, что ее подопечного вырвали из-под безопасности ее стального крыла.

Молли будет страдать.

Они все будут страдать.

У меня были планы на этого маленького мальчика, этого прекрасного маленького

мальчика, чьи родители были парой гребаных придурков. Эгоистичных, поглощенных собой придурков.

Моя усмешка была скрыта под каменным выражением лица.

О, да.

Я причиню им боль самым жестоким образом.

— Помогите! — закричала я так громко, как только могла, привлекая внимание прохожих.

Мои глаза расширились, я бросилась к нескольким людям, окружившим место происшествия.

— Кто-нибудь, помогите! — я положил руки на мужчину, крепко сжала его рубашку и пробормотала: — Я знаю эту женщину. Вызовите скорую!

Мужчина уже достал свой телефон, набирая номер, и я внутренне ухмыльнулась, но бросилась обратно к машине и крикнула в окно:

— Молли? Ты слышишь меня, Молли? — я громко задышала для пущей убедительности, затем неуверенно произнесла: — С тобой все будет в порядке.

Выдавлив слезы из глаз, я заставила губы дрожать, когда крикнула, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Кто-нибудь, помогите моей подруге!

Вокруг машины собралась небольшая толпа, и, открыв заднюю дверь, я протянула руку маленькому мальчику, которого полюбила еще до того, как он появился на свет.

— Иди ко мне, ЭйДжей.

Но он просто продолжил сидеть, наблюдая за мной широко раскрытыми глазами. Он был в ужасе, и мне это не понравилось. Совсем нет.

— Я знаю твоих родителей, милый, — сказала я ему. — Пойдем со мной. Я отвезу тебя домой.

Когда его взгляд остановился на затылке его опекуниши, он повернулся ко мне и произнес:

— С Молли все в порядке?

Кому какое дело?

— Да, милый. С ней все будет в порядке. Она просто упала в обморок, вот и все.

Он колебался, глядя вниз на мою руку.

Иди ко мне.

— Иди сюда. — Мой голос был низким, повелительным, и когда я увидела, как он откинулся на спинку сиденья, подальше от меня, я внутренне сделала себе выговор. — Разве ты не хочешь вернуться домой к своей мамочке, Алексе? Или твоему папе?

Иди ко мне, мой малыш.

Маленький мальчик медленно, осторожно кивнул, и я мягко улыбнулась.

— Пойдем со мной, милый. — Он вложил свою руку в мою, и у меня внутри все сжалось. Я не знала, что задерживаю дыхание, пока не сделала прерывистый выдох.

Он пришел.

Он пришел ко мне добровольно.

Моя душа болела.

Насколько плохим человеком я могла бы быть, если бы эта милая душа не пришла ко мне свободно?

Этот ребенок станет моим искуплением. Он станет моим шансом на лучшую жизнь.

Мягким, как шепот, тоном я сказала:

— Давай отвезем тебя домой.

Когда он позволил мне вытащить его из машины, я подняла его на руки, и когда я посадила его к себе на бедро, мои губы начали дрожать. Я обняла его и прижала к себе.

Это чувство... о Боже.

В этот момент мое сердцебиение замедлилось.

Ощущение, когда ты впервые держишь своего ребенка на руках, было просто потрясающим.

— О, черт, — прошептала я, прижимаясь губами к его голове. Впервые в своей жизни я почувствовала, что мое сердце может просто разорваться от переполнения. Мои глаза закрылись от явной силы эмоций, которые я испытала прямо тогда. Было трудно дышать из-за комка в горле.

Крепко прижимая к себе сына, я прошла мимо толпы, и когда меня заметили, какой-то мужчина крикнул:

— Эй! Куда Вы его забираете?

Я не потрудилась ответить.

Родная мать не защищала бы его так, как я защищу его, даже от его собственных родителей.

Я прошла небольшое расстояние до своего черного «Мерседеса» и посадила своего маленького мужчину на заднее сиденье, пристегнула его и нежно провела рукой по его лицу. Скользнув на водительское сиденье и включив зажигание, я ехала и ехала, и не уверена, сколько прошло времени, прежде чем грустный маленький мальчик на заднем сиденье неуверенно произнес:

— Я хочу к своей маме.

— Милый. — Мой лоб нахмурился, когда я посмотрела в зеркало заднего вида. — Не грусти. — Я не сводила с него улыбающихся глаз, раскрывая свой маленький секрет. — Теперь я твоя мамочка.

Твитч

У меня в кармане зажужжал телефон, и я вытащил его, ставя кружку с кофе на стол. Я посмотрел на экран и ответил.

— Что случилось?

— Молли подала сигнал бедствия, — сказал Хэппи.

Он был на громкой связи в машине. Он был за рулем, и когда я услышал, как вокруг него сигналят машины, я понял, что он ехал быстро.

Не теряя ни секунды, я выскочил из дома.

— Где?

— Улица перед школой.

Я уже был в своей машине, и когда я включил зажигание, то увидел, как Лекси выбежала из дома босиком, ее глаза вопросительно расширились. У меня не было времени остановиться. Я выехал с подъездной дорожки так быстро, что шины забуксовали.

Моя грудь колотилась, пока я ехал к школе.

И впервые в своей жизни я помолился Богу, в которого не верил, чтобы это было всего лишь предостережением.

Я прибыл на место, где царил хаос. Машина Молли дымилась под капотом, все двери были открыты, и я никого не мог разглядеть внутри. Машина стояла неподвижно на

тротуаре, длинный след заноса вел к тому месту, где она остановилась. Хэппи разговаривал с парамедиком, и когда он согнулся пополам, обхватив голову руками, я остановился на полпути.

Мое сердце перестало биться.

Тяжесть в моей груди придавила меня к земле. Я не мог пошевелиться.

Хэппи выпрямился. Он заметил меня и начал подходить, но я отступил назад, подальше от него. Он продолжал приближаться, и в тот момент, когда достиг меня, он положил руки мне на плечи.

Я отмахнулся от него.

— Где он?

— Молли в плохой форме. Она едва дышит. Они везут ее в...

Прямо сейчас мне было плевать на Молли.

— Где он?

— ...в больницу.

Внезапно разозлившись, я выдохнул:

— *Где он?*

Хэппи провел языком по нижней губе и упер руки в бедра.

— Свидетель сказал, что она столкнула их с дороги. Вышла из машины и проделала довольно хорошую работу, убедив толпу в том, что она была другом. — Он многозначительно посмотрел на меня. — Что позволило ей подобраться ближе.

Мои глаза вспыхнули. Надавив ему на грудь, я крепко сжал его рубашку и скривил губы, зловеще произнеся:

— Клянусь Богом, брат...

Хэппи не дрогнул, когда произнес слова, от которых у меня голова пошла кругом. Он сказал это тихо и несчастно.

— Он ушел, Твитч. — Я толкнул его и наблюдал, как он споткнулся. — Она забрала его.

*Бл*дь.*

У меня закружилась голова.

Дерьмо.

Мое сердце разбилось.

Нет. Нет. Нет, нет, нет.

Этого не было на самом деле.

Бесцельно блуждая, я поднес руки к макушке и посмотрел в никуда.

Я хотел обвинить Линг, но правда заставила мою грудь сжаться.

Это была моя вина.

Лекси

Звук подъезжающей машины заставил меня выйти ему навстречу, мое горло сжалось. Когда Твитч вышел из машины, его глаза были мрачными, он избегал моего взгляда, мое дыхание стало поверхностным.

Вот тогда-то я и увидела это.

Школьную сумку, свисающую с его руки.

Полицейские машины остановились перед домом, и тогда весь мой мир рухнул. Я покачала головой и посмотрела на Твитча, совершенно ошеломленная. Когда он, наконец, встретился со мной взглядом, эмоции, которые я увидела в его мягких карих глазах, заставили меня прижать руку к горлу и заявить:

— Нет.

Один мужчина вышел вперед, и я услышала, как он что-то сказал, но ничего из этого настоящего не уловила.

— Мисс Баллентайн, меня зовут Габриэль Бланко. Я из австралийской федеральной полиции. — Он не торопился, говоря тихо и успокаивающе. — Мы можем войти?

Я медленно повернулась к Твитчу. Мое зрение затуманилось от непролитых слез. Мой голос был чуть громче шепота.

— Где мой сын?

Твитч шагнул вперед, держа в руках маленькую синюю школьную сумку, которая висела там, как дурное предзнаменование. Он тихо проговорил:

— Мы были неправы. — Он неохотно изменил свое заявление. — Я был неправ. — Его нерешительность говорила о многом. — Она не преследовала меня.

— О, — выдохнула я, и первые горячие слезы потекли по моим щекам. Я упала на колени и выдохнула приглушенное: — Я вижу.

Мы были неправы.

Боже милостивый, нет.

Мое сердце учащенно забилося, а дышать стало тяжело, когда серьезность этой ситуации поразила меня.

Мы были *так* неправы.

У Королевы Драконов был мой сын.

Линг

Он плакал.

О Боже, он плакал, и казалось, что он никогда не остановится. Это продолжалось так долго, что я задавалась вопросом, может ли он сохнуть от этого. Не может быть, чтобы у такого маленького ребенка, как он, скопилось столько жидкости, потому что слезам, которые он выплакивал, не было конца.

Он плакал в машине.

Он плакал в квартире.

Он плакал, когда я купала его. Когда одевала его. Когда я обнимала его, укачивала и любила его.

Он плакал.

И это было *так* сильно больно.

У меня вырвался тихий вздох.

Итак, это было материнство.

Я не спускала с него глаз на расстоянии, и когда он, наконец, успокоился и уснул, я испустила неглубокий, дрожащий вздох, подкрадываясь ближе и осторожно устраиваясь поверх одеяла рядом с ним. Проведя рукой по его волосам, я немного понаблюдала, как он спит, прежде чем поддаюсь тяжести своих век и задремала.

Завтрашний день будет лучше.

Черт.

Должен быть.

Линг

Он спал так крепко, как только мог в тех стрессовых обстоятельствах, в которые я его поставила, и я не могла бы гордиться им больше. Несмотря на то что его лоб был испачкан, он выглядел ангельски. Я нежно улыбнулась этому сильному маленькому мальчику и задалась вопросом, сколько времени потребуется, чтобы он, наконец, проникся ко мне теплотой. Я не была уверена. Это могут быть дни, или месяцы, или годы. Это не имело значения. Как только он увидит, что я не собираюсь причинять ему боль, он уступит мне.

Ему придется это сделать.

В противном случае он мне был бы не нужен.

— Доброе утро, милый, — тихо произнесла я возле его кровати.

Его маленькое тело напряглось, и моя улыбка стала шире.

Уставшее маленькое существо.

И когда он открыл глаза и посмотрел на меня остекленевшими от сна глазами, он долго смотрел на меня, прежде чем оглядеть комнату. Я видела тот самый момент, когда он понял, что произошедшее накануне не было сном, и когда до него дошло, его губы приоткрылись, а милое личико вытянулось.

Я прищелкнула языком и присела на край кровати.

— Не плачь, милый. Иди сюда. — Я протянула к нему руки, но он не подошел. Ухмыляясь, я опустила руки. — Хорошо. Ты не любитель обниматься. Понимаю. Все в порядке.

Именно тогда он открыл рот и тихо спросил:

— Где моя мамочка?

Хм-м-м. Дилемма.

Маленький приятель, казалось, не хотел отпускать свою шлюху-мать.

Это было нормально. Я могу это исправить.

Я готова на все, чтобы достичь своей цели.

Я облизала губы, прежде чем заявить:

— Твои мама и папа подарили мне тебя.

Он нахмурился, когда его счетчик дерьма сработал.

— Нет, они бы этого не сделали.

Ладно. Он умнее, чем я думала.

Мои глаза сузились от его непокорности.

— Да, они это сделали.

— Нет. — Он сел на кровати и посмотрел мне в глаза таким взглядом, который я видела только у его отца. Это был чистый, непревзойденный гнев.

— Ты лгунья.

Мои губы растянулись в усмешке.

— Неужели? — я медленно наклонилась и спокойно заговорила: — Тогда почему они не пришли за тобой?

Это был вопрос, на который он не мог ответить, и то, как его лицо было лишено эмоций, сказало мне, что он думал об этом. То, что он произнес дальше, заставило мой позвоночник напрячься.

— Ты плохая леди.

Дерзкий маленький засранец.

Мне это чертовски понравилось.

Я ожидала, что он будет похож на Лекси, учитывая, как она его воспитала, но правда была в том, что он был точь-в-точь как Твитч. И я могла бы использовать это, манипулировать этим, превратить его в наследника, которого я заслуживала.

— Я не плохая леди, — мягко солгала я, потянувшись к нему, но он отшатнулся от моего прикосновения, выглядя злее, чем собака со свалки с блохами.

Неплохо.

Это крошечное маленькое существо определенно должно было стать занозой в моем боку. Раздражающий маленький зуд, до которого ты не мог дотянуться, чтобы почесаться.

Мой рот приоткрылся в легком вздохе.

Вот оно. Именно так я и собираюсь назвать его, моего сына.

— Итч, — сказала я в тишине комнаты. — Мой маленький Итч. (Itch в перев. с англ. — зуд, а также созвучное с прозвищем Тони — Twitch)

Ода его отцу.

Да.

Я по-матерински улыбнулась маленькому мальчику, который выглядел так, словно хотел ударить меня.

Это было так странно. Я уже любила его. Он был таким, каким я его себе представляла, и даже больше. Его отношение, его стойкость — это было все, что мне было нужно, чтобы сделать его своим преемником.

Тепло глядя на него сверху вниз, мое сердце трепетало радостью от осознания того, что он был совершенен.

Просто идеален.

Да.

Я любила его.

И не собиралась отпускать его.

Твитч

В ту ночь сон так и не пришел, и когда рассвело, мой взгляд остановился на женщине, сидящей на краю кровати в ночной рубашке и тупо смотрящей в стену.

Меня убивало видеть ее такой.

Я задавался вопросом, такой ли она была, когда я ушел, и совершенно новый уровень вины охватил меня, когда увидел, что эта прекрасная жизнерадостная женщина выглядит сломленной и опустошенной, когда ее любовь была такой глубокой. Мне это не нравилось, и моей единственной мыслью было исправить это и исправить быстро.

Мой телефон зазвонил одновременно с дверным звонком. Я соскользнул с кровати, держа сотовый в руке, и, проходя мимо своей женщины, нежно положил руку ей на плечо.

Отсутствие реакции было пулей в мое сердце.

Я ответил на звонок, как только вышел из комнаты.

— Да.

— Бл*дь, Твитч. Черт. Я... — он на мгновение замолчал. — Не знаю, что сказать. — Голос Итана Блэка говорил о том, что он уже знал о моем сыне. Он вздохнул. — Скажи мне, что я могу сделать, и я это сделаю.

Дверной звонок прозвенел во второй раз, и я подошел, распахнув дверь. Сержант Габриэль Бланко стоял снаружи с кофе в руке, и я не стал утруждать себя любезностями. Я дернул подбородком, он понял сообщение и вошел внутрь, пока я отвечал главе ФБР.

— Я ценю это, Блэк, но... — я сказал ему, как есть, — ...ты не можешь мне помочь, чувак.

Мое время, проведенное с этим человеком, было коротким, но за это короткое время мы лучше узнали друг друга. И Блэк читал между строк.

— Послушай меня сейчас. Не делай никаких глупостей.

Ублюдок.

Моя хватка на телефоне усилилась.

— Не делать ничего глупого? И это твой совет? — мой гнев усилился. — Эта психованная сука увела моего сына из-под моего гребаного носа, из-за чего машина, в которой он был, съехала с чертовой дороги, и ты хочешь, чтобы я оставался спокойным, Блэк? — мне было наплевать, если Бланко подслушивал; я сказал то, что сказал. — В ту секунду, когда я доберусь до этой шавки, она станет собачьим кормом, Блэк. — Мой голос дрожал от ярости. — Поверь, что я сделаю это своими руками, если у меня будет такая возможность, и я, бл*дь, надеюсь, что так и будет, потому что ничто не сделает меня счастливее, чем разорвать эту гадюку с красными губами на куски. И когда я закончу с ней, вам всем понадобится стоматологическая карта, чтобы идентифицировать ее. — Мои руки дрожали. — Я отрежу ее гребаную голову и выпью из ее хорошенького маленького черепа.

— Твитч, — предупредил Итан Блэк.

Но мне было все равно.

— У меня полно дел. — Я повесил трубку и повернулся к Гейбу Бланко. — Ты ничего не слышал, ты меня понял?

Неприятно было это признавать, но Бланко был порядочным парнем. Он поднял свою чашку в воздух и пробормотал:

— Что? Извини. Не расслышал, так как пил этот восхитительный кофе.

Да. Чертовски верно.

— Есть какие-нибудь новости?

— Прошлой ночью получил анонимный запрос о проверке склада на юге. — Я выпрямился, а он продолжил: — Я попросил нескольких моих парней проверить это до рассвета. И да, она бросила там свою машину, но там не было никаких следов ни ее, ни вашего сына. Мне очень жаль.

Мои брови нахмурились в раздумье.

— Напомни, где говоришь, находится этот склад?

На взводе и готовые придушить сучку, мы подъехали к дому. Он встретил меня у входа, пока Гейб сидел в машине.

Дернув подбородком в сторону Гейба, Тама произнес:

— Это коп?

— Да, и он останется там. — Я оглянулся на машину. — Вы загрузили отснятый материал?

— Амохо делает это прямо сейчас.

Не говоря ни слова, он повернулся и пошел обратно в дом. Я воспринял это как открытое приглашение и последовал за ним, но когда дверь за мной закрылась, мой взгляд упал на маленькую женщину в конце коридора, и мои шаги замедлились.

Все тело Молли напряглось при виде меня. Она задержалась на моем взгляде на мгновение, прежде чем опустила голову и захромала в комнату, тихо закрыв за собой дверь. А Тама стоял, изучая, как я наблюдаю за ней.

Он указал на противоположную комнату, и я направился внутрь, не сводя глаз с двери, за которой исчезла Молли.

Она выписалась из больницы еще до того, как кто-либо из нас успел ее проведать. Вскоре после этого к дому подъехала ее сестра Ленка, забрав вещи Молли и погрузив их на заднее сиденье своей машины. На этом все.

Молли не вернулась домой.

К нам домой.

С глаз долой. Из сердца вон.

Просто ушла.

Я не ожидал от нее такого дерьма. Она не была слабой сучкой.

— Как у нее дела? — тихо спросил я.

Тама моргнул, глядя на меня, прежде чем нахмуриться. Он долго не отвечал.

— Как думаешь, как у нее дела? — он пристально посмотрел на меня. — Ей на все плевать, моей Молли, но она любит твоего сына. Поклялась защищать его до самой смерти. А теперь... — он повернулся лицом к закрытой двери. — ... она желает смерти.

Тяжелый вздох покинул меня, и я почесал щетину.

Чувство вины было той еще сукой.

Чувство вины требовало, чтобы его признали. Я знал это. Чувствовал это. Это было жестоко, и, да, сначала я винил Молли в том, что произошло, но правда была в том, что Молли не имела ничего общего с Линг, и натравливать их друг на друга было бы бесполезной борьбой. Линг всегда останется победительницей в этой битве, независимо от обстоятельств.

Ее вина была на мне, и я носил ее, как петлю на шее, душившую меня.

— Что-то есть, — произнес крупный мужчина маори за компьютером. Он взгляделся в экран, прищурившись. — Ага. Это она.

Я сделал несколько шагов вперед и посмотрел на отснятый материал. Линг вышла из своего «Мерседеса», подошла к пассажирской дверце и открыла ее. Моему сыну потребовалось некоторое время, чтобы выйти, но когда он это сделал, я вздохнул с облегчением. Я посмотрел на Линг и на то, как она протянула руку моему сыну.

Это было странно, то, как она себя вела.

И когда Эйджей отказался взять ее за руку, мой желудок упал.

Боже, приятель. Не давай ей повода причинить тебе боль.

Но Линг просто встала на колени, поговорила с ним секунду, а затем обняла моего сына, крепко прижимая его к себе, как будто у нее было на это гребаное право.

От ярости было трудно дышать. Моя женщина была дома в чертовом беспорядке, а Линг принимала привязанность, предназначенную для Лекси.

Гребаная сука.

Я собирался разорвать ее на части. Да. Я собирался убить ее голыми руками.

— Это белый или серебристый внедорожник, — пробормотал Амохо, наблюдая, как Линг уезжает с моим сыном. — Не могу разобрать все, но думаю, что смогу получить частичный номер.

Этот парень компьютерный волшебник.

Чувствуя прилив нежности к нему, я положил руки ему на плечи и сильно сжал.

— Сделай это, мужик. — Отступив назад, я сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

Тама стоял рядом, внушительный, как чертова статуя тики, с осунувшимся лицом и опущенными уголками губ.

— Я хочу помочь тебе вернуть твоего мальчика.

Он говорил серьезно. Не потому, что он был с Молли, а потому, что он знал, что если мы не вернем моего сына в ближайшее время, одного из моих людей вскоре отправят опознавать его тело. И даже такие психопаты, как мы, не потворствовали насилию над детьми.

— Ценю это. — Я посмотрел на Амохо. — Мне понадобится копия этой записи.

Амохо развернулся на стуле и бросил мне маленькую белую флешку. Я с легкостью поймал ее, а он заговорил:

— Если узнаем что-нибудь новое, мы позвоним.

Прежде чем я вышел, Тама остановил меня.

— Послушай. Насчет Молли...

Я прервал большого парня словами:

— То, что она делает, мне не помогает. — Слова были резкими, но произнесены мягко. — Скажи ей, что она однажды сказала мне, что сделает все, чтобы защитить моего сына, и я настаиваю на этом, потому что прямо сейчас ему нужна вся возможная помощь, которую он может получить.

И с этими словами я ушел.

Лекси

Никогда раньше я не осознавала, насколько жестоким может быть разум.

К примеру, сейчас.

Вопреки всем желаниям, мне было интересно, какими будут последние мысли моего сына перед тем, как Линг лишит его жизни.

Вспомнит ли он те времена, когда мы вместе засиживались допоздна и смотрели фильмы, смеясь, когда он пытался поймать попкорн, который я бросала ему в рот? Или его последние размышления обо мне будут о тех временах, когда он умолял меня поверить ему о возвращении его отца и о том, как его ужасная мать отказывалась поверить ему?

Я больше не билась в истерике, но слезы продолжали литься, стекая по моим щекам и шее.

Мои мысли были сосредоточены на худшем.

Надеюсь, когда придет время, она сделает это быстро для него.

Нахмурилась, услышав свои собственные мысли.

Что, черт возьми, я делаю?

Абсолютно ничего. Сижу здесь, жалею себя, в то время как Линг вытворяет Бог знает что с моим сыном.

Какой матерью это делало меня?

Это делало меня матерью, недостойной своего сына.

Чувствуя вновь обретенный источник энергии, почерпнутый из горя, я встала и переделалась. Подойдя к прикроватной тумбочке, я выдвинула нижний ящик, обнажив маленький металлический сейф, спрятанный под ним. Набрала код, он открылся, и я достала «Глок» 22-го калибра, который Юлий дал мне для моей защиты. Он был заряжен и готов к

работе. Прежде чем выйти из своей комнаты, я посмотрела на себя в зеркало.

Лицо выглядело осунувшимся. Сплошная чернота залегла под красными глазами. Губы были бледными и сухими, а брови постоянно хмурились.

Я была в полном беспорядке.

Но у меня не было времени на размышления. Я схватила свою сумочку, и Луна оторвала взгляд от своего ноутбука, когда я вышла из своей комнаты. Должно быть, она заметила стальной взгляд в моих глазах, потому что медленно встала.

— Куда ты собралась, Лекси?

Здесь нет никакого обмана.

— Я собираюсь повидаться с Павом.

Луна подняла руки в умиротворяющем жесте.

— В этом нет необходимости. Ферн и Тьяго уже там и ведут переговоры о его помощи. Они скоро вернуться, и уверена, что в нашем распоряжении будет целая армия. — Она сделала паузу, оглядывая меня с ног до головы. — Знаю, это тяжело для тебя, но мы делаем все возможное, чтобы вернуть вашего сына и вернуть его в целостности и сохранности.

Не хотела насмеяться так, как я это сделала. Это как бы просто вырвалось.

— Без обид, Луна, но ты не можешь понять... — Мой голос сорвался. — ... на что это похоже. — Мои губы задрожали. — И мне нужно что-то сделать, а не просто сидеть здесь, как девица в беде, и ждать, пока кто-нибудь поможет спасти меня из этой ситуации. — Я шмыгнула носом, смаргивая слезы. — Так что я ухожу.

Она шокировала меня, когда снова села, не сводя с меня глаз.

— Хорошо.

Стоп. Это уловка?

— Хорошо, — сказала я, закидывая сумочку на плечо и медленно поворачиваясь, чтобы уйти. Прежде чем коснулась двери, я обернулась и произнесла:

— Пойдешь со мной?

Лицо Луны смягчилось, и она снова встала.

— Если ты этого хочешь.

Я действительно хотела этого, потому что была в ярости на Луку Павловича и не доверяла себе наедине с ним, если его ответом будет очередным отказом.

Как ни странно, Лука впустил меня в свой дом без возражений, так что то, что произошло, когда он открыл входную дверь, было на его совести.

Вытащив свой пистолет, я держала его крепко, направив в центр его груди.

— Лекси, — осторожно пробормотала Луна, но я была женщиной на задании.

Пав не выглядел слишком обеспокоенным, когда произнес усталым голосом:

— Что ты делаешь, Алекса?

Чтобы доказать свою серьезность, я отвела пистолет подальше от него и нажала на спусковой крючок.

Бах.

Никто из нас не вздрогнул, но звук был оглушительным.

Тьяго и Ферн выбежали, держа оружие наготове, но когда они оба увидели меня, они опустили оружие, и Тьяго сделал маленький шаг вперед.

— Алекса, не делай этого.

Мои ноздри раздувались, пока я тяжело дышала через нос, я смотрела на него в течение миллисекунды, прежде чем мой дикий взгляд вернулся к Луке.

— Ты сможешь мне найти моего сына, Лука. — Я сделала шаг вперед и прижала дуло пистолета к его груди. Он вяло поднял руки и сделал шаг назад. С каждым шагом он продвигался глубже в дом, а я все это время говорила. — Ты трус, — язвительно сказала я ему. — Но впервые в жизни я не такая. — Еще один шаг. — Я больше не боюсь. Я просто злюсь. — Мое зрение затуманилось от слез ярости. — Потому что королева в ваших владениях решила, что она ненавидит меня достаточно, чтобы забрать у меня моего сына, и это на тебе... — Я с отвращением оглядела его. — ... Ваше Высочество.

Ферн вмешалась:

— Лекси, он мне тоже не нравится, но ты не можешь этого сделать, котенок.

Игнорируя все предупреждающие знаки, я подошла ближе. Мой голос дрогнул.

— Я умоляла тебя о помощи. — Мои губы дрожали. — Умоляла об этом. И ты отказался. Каждая секунда его отсутствия — это секунда, которую я не верну, и я не готова терять больше того, что уже потеряла. — Сделав небольшой шаг в сторону от него, я подняла руку, целясь ему в голову. — Так что я больше не прошу, Лука. А требую. — Моя рука начала дрожать. — Ты сможешь нам.

Лука Павлович пристально посмотрел мне в глаза и тихо заговорил:

— Опустит пистолет, малышка.

Рука, держащая пистолет, дрожала почти так же неудержимо, как и мой голос.

— Нет. Нет, пока ты не скажешь, что сможешь мне. Мне нужна твоя помощь.

И тогда Ферн заговорила.

— Лекси, пожалуйста. Опустит пистолет. — Она сделала долгую паузу, прежде чем призналась: — Он думает, что знает, где она.

При этих словах я повернулась к ней лицом.

— Что?

Лука воспользовался возможностью, которую я ему предоставила, высоко подняв мою руку, убрав пистолет за пределы досягаемости, вошел в мое пространство и прижал к себе мое дрожащее тело. Когда я моргнула, глядя на него сквозь слезы, он удивил меня, слегка улыбнувшись человеку, который только что угрожал королю в его собственных владениях.

— Думаешь, я позволю чему-нибудь случиться с этим маленьким мальчиком? — было трудно сделать полный вдох. — Этот мальчик провел неделю в моем доме. Ел с моего стола. Назвал меня своим дядей. — Мое тело обмякло в тот же момент. Лука нежно провел рукой по моей щеке и покачал головой. — Я защищаю свою семью, Алекса. И нравится мне это или нет, но ты — моя семья.

Сама моя душа болела от силы облегчения, которое я почувствовала прямо тогда, и когда Лука позвонил Твитчу, Ферн подвела меня к дивану и усадила, где я осталась, погруженная в свои мысли в полной и абсолютной тишине, потому что мне больше нечего было сказать.

ЭйДжей

ЭйДжей посмотрел через всю комнату, туда, где незнакомая женщина сидела на краю ее кровати и расчесывала мокрые волосы, напевая себе под нос и все время улыбаясь.

Да, ему было всего пять лет, но он знал, что что-то не так.

Что-то было очень не так.

Эта женщина — эта плохая леди — сказала ему, что его родители подарили его ей в качестве подарка, но это звучало неправильно. Так же неправильно, как чувствовать себя наедине со слишком улыбчивой женщиной.

Ему здесь не нравилось. Он хотел вернуться домой.

Домой, к своей маме. Домой, к папе. Домой, к Молли.

Просто домой.

ЭйДжей оглядел комнату, как он часто делал, в поисках какого-нибудь выхода. Но она всегда была на шаг впереди, запирала двери, закрывала окна, спала с ним в одной комнате. Он начал думать, что никогда не найдет дорогу домой, но вспомнил, что сказала ему мама.

Если он когда-нибудь потеряется, все, что ему нужно будет сделать, это найти взрослого, и он поможет ему найти дорогу домой.

Он взглянул на красивую женщину. Она была взрослой, но не стала бы ему помогать.

Он начал задаваться вопросом, сколько же в мире плохих людей. Сколько из них выглядели безопасными и красивыми, как она? Сколько из них было женщин?

Это была пугающая мысль для такого юного ума.

— Извини меня, — тихо сказал он.

Женщина замерла, прежде чем повернуться к нему. Она выжидающе посмотрела на него и сказала:

— Мамочка.

Он ненавидел это. Она настаивала, чтобы он называл ее так. Но она не была его матерью. Его мама была его матерью. Эта женщина была плохой, и он не знал, почему она хотела его, почему она забрала его.

И поэтому он отказывался называть ее так.

Ее улыбка стала шире, как будто она почувствовала его внутреннюю борьбу. Как будто ей это нравилось.

Когда она повернулась к нему лицом, то, что она сказала, привлекло внимание ЭйДжея.

— Милый, если ты будешь называть меня мамочкой, я дам тебе все, что ты захочешь.

Он подумал об этом.

— Все, что захочу?

Улыбка плохой леди растянулась в ухмылку.

— Все, — пообещала она.

Маленькое сердечко ЭйДжея забилося быстрее. Ему не нравилось то, что, как он знал, он должен был сделать, но он это сделает. Он сделает это ради своей мамы.

— Мамочка, — начал он, и лицо женщины смягчилось вместе с ее улыбкой, — я бы хотел сейчас пойти домой. — В тот момент, когда он увидел, как напрягся позвоночник женщины, он понял, что сказал что-то не то. — К моим настоящим маме и папе. — Когда ее глаза закрылись, ЭйДжей почувствовал, как по комнате пронесся холодок, и ее настроение

омрачилось. — Пожалуйста, — добавил он так вежливо, как только мог.

Но так же легко, как ее настроение испортилось, ее веки затрепетали, а затем она снова так мило улыбнулась, что он действительно поверил, что она может сделать так, как он просил.

Но ему следовало знать лучше.

— О, милый. — Женщина тепло посмотрела на него, прежде чем произнести: — Ты дома.

Все тело Эйджея покрылось мурашками от того, как она это сказала, как будто она действительно в это верила. Что-то было очень не так с этой леди. И, к счастью, Эйджей был достаточно умен, чтобы понять, что он не выиграет, расстроив ее.

Так что пока он будет делать то, что ей заблагорассудится, независимо от того, как сильно это причинит ему боль.

Он снова повернулся к игрушкам на полу, и когда заговорил снова, то сделал это мягко.

— Хорошо, мамочка.

Твитч

Входная дверь открылась, и за ней был Тьяго, пристально и хмуро наблюдая за мной.

— Где, твою мать, ты был?

Я протиснулся мимо придурка и прошествовал по коридору в гостиную, где все ждали меня. Они все были там. В тот момент, когда я увидел, что она сидит на диване с пустым лицом и пустотой в глазах, я подошел к ней.

Я приблизился к ней, игнорируя всех остальных вокруг, моя грудь сжалась, потому что впервые за два дня она, глядя на меня, пробормотала:

— Мы вернем его.

Я нахмурился, смотря на свою женщину.

*Конечно, вернем. Она что, думает, что неудача — это вариант? Знает ли она меня вообще? Что, бл*дь, происходит в ее хорошенькой головке?*

Незнание беспокоило меня.

Взяв ее маленькую холодную руку в свою, я сел рядом с ней и притянул ее к себе, покрывая нежными поцелуями ее влажный лоб, и она позволила мне, закрыв глаза, наслаждаться комфортом, который я так редко предлагал. А когда я отстранился, изучая ее лицо, то нежно заправил пряди волос ей за уши и поклялся:

— Он вернется домой, детка.

Она убедилась в моей искренности и, потянувшись слабой рукой к моей щеке, мягко улыбнулась.

— Будь родителем, говорили они. — Она усмехнулась, но ее дыхание сбилось. — Это будет легко, говорили они. — Когда ее губы начали дрожать, я прижал ее к себе, глядя по затылку, пока она дрожала и тряслась, и в этот момент я понял, что сделаю все — и я имею в виду абсолютно все — чтобы мой сын благополучно вернулся домой к своей матери.

Было жестоко думать, что наша семья, скорее всего, будет разорвана на части этой битвой.

Это было жестоко, что мой сын был со мной всего несколько месяцев. Но, какими бы ни были жертвы, мы доведем дело до конца.

Я бы все отдал за своего маленького мальчика. Включая мою жизнь.

— Где коп? — спросил Пав с другого конца комнаты.

Глядя поверх головы Лекси, я заявил:

— Я отослал его. — Когда наши глаза встретились, я произнес: — Он не может нам помочь, Лука.

По его серьезному кивку я понял, что он меня услышал. Это была наша проблема. Мы не играли по общим правилам в этом королевстве. Закон для нас ничего не значил. Со своими мы разбирались так, как считали нужным, а Линг Нгуен подписала себе смертный приговор.

Я не готов к тому, что произойдет, если Гейб Бланко доберется до Линг первым.

Она сослалась бы на неумолимость, скорее всего, отсидела бы несколько лет и вышла бы условно-досрочно из-за хорошего поведения или лазейки. А я не мог этого допустить.

— Хорошо, давайте начнем. — Пав вышел в центр комнаты и оглядел нашу маленькую, но способную семью. — Драконы держали большую часть своих сделок в секрете, что затрудняло отслеживание любых приобретений собственности, к которым они могли приложить руку. Но, с правильными инструментами... — он склонил голову к Луне, — ... в интернете можно найти все, что угодно.

Взгляд Зепа скользнул по женщине, сидящей рядом с ним, прежде чем протянуть руку и озорно ущипнуть ее за бок.

— Лулу спешит на помощь, да?

— Прекрати. — Она вздрогнула, отталкивая его руку. — Я боюсь щекотки.

Глаза Зепа прикрылись, и никто не упустил из виду заявление:

— Я помню.

Хэппи стоял в стороне, прислонившись к стене, и дернул подбородком в сторону женщины, выглядящей как мальчишка.

— Что ты нашла, Луна?

— На самом деле, — начала она, бросив заговорщицкий взгляд на сестру, — это Пав и Фернанда подали мне эту идею. — Она оглядела своих собеседников. — Теперь ни для кого не секрет, что Линг и Аслан были парой, и после того, как он порвал с ней, все пошло наперекосяк. Поэтому после небольшого внутреннего исследования я просто просмотрела все предполагаемые сделки с недвижимостью Садыка. Это заняло некоторое время, но мне удалось отследить кое-что. — Она пожала плечами так, как будто та невероятная работа, которую она проделала, была не значительной. — Все они ведут к одному и тому же офшорному счету.

Юлий заговорил тихо, скрестив руки на груди.

— Такие счета невозможно отследить.

Именно тогда Луна позволила себе проявить часть своей гордости.

— Да, обычно невозможно.

Хэппи, теперь уже заинтересованный, подошел, чтобы занять свободное место рядом с Луной, и придвинул ее ноутбук поближе к себе, просматривая находки.

— Она хорошо постаралась, пытаясь замести следы. Переводы с нескольких счетов из разных стран, но она облажалась и очень глупым образом.

Луна долго смотрела на Хэппи, прежде чем на ее губах появилась медленная улыбка. И Зепу это не понравилось.

— О, да? — пробормотал он, разрушая чары Луны. — И как же?

Хэппи обменялся понимающим взглядом с Луной.

— Исходная учетная запись осталась прежней. Ошибка новичка. Также операции велись в австралийских долларах. Это огромная ошибка. Надо было вести дела в евро или

долларах США. Это сделало бы поиск намного шире.

Эвандер стоял позади Аманды, его брови были нахмурены.

— О скольких объектах недвижимости мы говорим?

— Четырнадцать, — уточнила Луна. — Но мы сузили круг поисков до трех.

— Три? — Аманда нахмурилась. — И это все? — она оглядела комнату, сбита с толку задержкой. — Чего мы тогда ждем? Поехали.

Эвандер кивнул в знак согласия.

— Я готов, когда ты готова.

Пав поднял руки и произнес:

— Стоп. У нас есть только один шанс. Она увидит, что мы приближаемся, думаешь, она просто попытается сбежать? Не-а. — Его губы сжались, и он покачал головой. — Она убьет своего заложника, а затем и себя. Так что нам нужно быть умными в этом вопросе. Сделать все правильно.

Никто не ожидал, что Лекси заговорит, не говоря уже о том, что она сказала.

— Мы сделаем по-твоему, Лука. Но я тебя предупреждаю. Всех вас. — Последовала многозначительная пауза. — При первой же возможности я уберу ее. Я. — Она повернулась ко мне с серьезным выражением лица. — Я должна убить ее.

Я отстранился от своей женщины достаточно, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Ты не поедешь.

Затем она улыбнулась так безмятежно, что у меня свело живот, и когда она произнесла:

— Думаешь, что сможешь остановить меня? — мое сердце упало.

Потому что я не мог остановить ее.

ЭйДжей

ЭйДжей не мог заснуть. Это была первая ночь, когда она оставила его спать одного, и он задавался вопросом, почему ему легче спать с ней в комнате. Это не имело смысла.

Он должен был чувствовать себя в большей безопасности без нее, но даже такой юный мальчик, как он, мог видеть, что плохая леди не хотела причинить ему вреда, а только заявила о своих правах на него. Хотела быть его матерью.

И вот, глубокой ночью, он отправился на ее поиски.

Он быстро нашел ее, она сидела перед телевизором, ее широко раскрытые глаза были прикованы к экрану, пока она смотрела новости. Тихо подойдя сзади, он замер на полушаге, сосредоточившись на экране телевизора и наблюдая за тем, за чем она так пристально наблюдала.

Это была его фотография.

«... второй день поисков пропавшего школьника Антонио Юлия Фалько. На кадрах видно, как пятилетнего ребенка нагло вытаскивают из разбитого автомобиля и ведут к другому». — На экране появилась фотография плохой леди: «Линг Нгуен». Репортер продолжил: «На мисс Нгуен, известную предводительницу Драконов, выписан ордер на арест за убийство ее брата, Вана Нгуена, и похищение. Если вы видели эту женщину или знаете что-либо о похищении Антонио Юлия Фалько, пожалуйста, свяжитесь с отделом по борьбе с преступностью по...».

ЭйДжей перестал слушать. Он перестал слушать, потому что плохая леди была неправа.

Они искали его.

Он внутренне улыбнулся, прежде чем прочистить горло.

— Мамочка? — он потер глаза для пушей убедительности, и женщина поспешила выключить телевизор, а затем обернулась и нахмурилась, глядя на него.

— Почему ты не спишь, милый? Уже поздно.

ЭйДжей надул губы, что его настоящая мама находила восхитительным, и хрипло пробормотал:

— Не могу уснуть.

Плохая леди прищелкнула языком и протянула руки. Он охотно подошел к ней и позволил ей обнять себя, и это было забавно. Когда мама обнимала его, он чувствовал тепло, безопасность и любовь. Но когда эта женщина обняла его, он ничего не почувствовал. Лишь оцепенение.

Она поцеловала его в макушку и погладила по спине.

— Как насчет того, чтобы я приготовила нам немного горячего шоколада?

Все, что угодно, лишь бы не спать еще немного.

Теперь, когда ЭйДжей знал, что его родители ищут его — не то чтобы у него были сомнения — ему нужно было найти способ выбраться отсюда, и он мог сделать это, только если она будет занята.

— Да, пожалуйста, — тихо пробормотал он.

И улыбка, которую она ему подарила, была такой широкой, такой милой, что он почти забыл, насколько плоха эта леди.

Почти.

— Для тебя все, что угодно. — Без промедления она поправила халат на себе, затянув ленту на талии, затем прошла на кухню. Его глаза осмотрели окрестности, но он ничего не увидел. Поэтому, когда женщина позвала его на кухню, он пошел. Она улыбнулась, выдвигая для него стул, и когда он сел, его сердце дрогнуло, поскольку глаза упали на лежащий перед ним предмет.

Женщина подошла к холодильнику, достала молоко и, делая это, внимательно следила за его наблюдающим взглядом.

ЭйДжей с трудом сглотнул, прежде чем посмотреть на нее. Его голос был робким.

— Это настоящий пистолет?

Она налила молоко в кастрюлю и включила газовую плиту.

— Да.

Vau.

— Зачем он тебе? — тихо спросил он.

Женщина поставила локти на стойку и наклонилась вперед.

— Чтобы защищать тебя.

Брови ЭйДжея нахмурились. Он не знал никого, кто хотел бы причинить ему боль.

— От кого?

— От людей, которые хотят забрать тебя у меня.

ЭйДжей задумался, есть ли у его отца пистолет. Пистолет побольше, чем этот. Он не знал, и незнание пугало его.

Ему нужно было что-то сделать, и сделать быстро.

Поэтому, когда он протянул руку и поднял его, его ненастоящая мать наклонила голову, не сводя с него глаз.

ЭйДжей видел, как люди используют оружие, по телевизору, в фильмах.

Насколько это может быть трудно?

Пистолет оказался тяжелее, чем он ожидал. Гораздо тяжелее, чем игрушечный пистолет, который был у него дома. Но он поднял его высоко, положив палец на спусковой крючок. Плохая леди улыбнулась, не сводя глаз с оружия, которое он держал. Поэтому ЭйДжей закрыл глаза, задержал дыхание и нажал на спусковой крючок.

Щелчок.

Его глаза открылись, и на лице промелькнуло замешательство.

Ничего не произошло.

ЭйДжей выдохнул и прежде чем опустил пистолет, его ненастоящая мать ласково заговорила:

— Ты неправильно его держишь, милый. Позволь мне показать тебе. — Через стойку она отрегулировала его хватку и снова положила его палец на спусковой крючок. Ее мягкий взгляд был хитрым. — Сейчас. Стреляй.

ЭйДжей не колебался во второй раз.

Он снова нажал на спусковой крючок и...

Щелчок.

Ничего.

Плохая леди ухмыльнулась.

— Упс. Он на предохранителе. — Она протянула руку и щелкнула чем-то. — Попробуй еще раз, детка.

Он так и сделал.

Он нажал на спусковой крючок, и на этот раз пистолет действительно выстрелил.

Бах.

Но ЭйДжей не был готов к той силе, которая стояла за этим, и когда пистолет ударил его прямо в нос, то сбросил с табурета на пол, а леди засмеялась, обходя стойку, чтобы помочь ему подняться с холодного кафельного пола.

У ЭйДжея защемило в носу, и ему показалось, что, возможно, идет кровь.

Она опустилась на колени рядом с его дрожащим телом, взяла пистолет из его трясущейся руки и больше не смеялась. Вместо этого она наклонилась очень близко, встретила с его испуганным взглядом своими дикими глазами и прошептала:

— Бум.

И когда тело ЭйДжея содрогнулось, она подняла голову к потолку и открыто рассмеялась.

Одно можно было сказать наверняка. Эта женщина была пугающей. И ЭйДжей боялся ее.

Она вела себя не так, как подобает мамочке. Она вела себя не так, как его мама. Она все делала по-другому, неправильно. Она была непредсказуема, и это заставляло ЭйДжея чувствовать себя беспомощным. Он никогда не знал, что она сделает дальше.

Когда она перестала смеяться и опустила свое лицо к его лицу, то некоторое время наблюдала за ним, и ее улыбка начала угасать.

— Я понимаю, — начала она. — Ты не любишь меня, пока нет. Но мне нужно, чтобы ты знал, что я люблю тебя. Я очень сильно люблю тебя. — От улыбки уже не осталось и следа, когда она сказала: — Поэтому я собираюсь запереть тебя в твоей комнате на ночь, любовь моя. — Она протянула руку, чтобы пригладить его растрепанные волосы. — Пока кто-нибудь из нас не наделал глупостей.

Внезапно ЭйДжей почувствовал себя нехорошо. Слова, которые он произнес, были

приглушенными.

— Мне очень жаль, мамочка.

Тогда она улыбнулась, и узел в его животе ослабел.

— Все хорошо, детка. — Женщина встала и протянула ему руку. Без колебаний ЭйДжей взял ее за руку, и она прижала его к себе, поглаживая по плечу. — Ты в порядке? Знаю, это было немного страшно.

Он кивнул. У него болел нос, но с ним все было в порядке.

— Мой сильный мальчик. — Она гордо усмехнулась и повела его на кухню. — Это был долгий день. Давай выпьем горячего шоколада и пойдем спать. Хорошо?

— Хорошо, — прошептал он, и оставшееся время они сидели в тишине, попивая горячий шоколад и смотря друг на друга.

ЭйДжей многого не знал, но он знал одну вещь.

Ему нужно было снова заполучить в свои руки этот пистолет.

Потому что, если они не придут за ним, ЭйДжей собирался спасти себя сам.

Тьяго

Одетый в черное, сливаясь с окружающими нас тенями, я посмотрел через стоянку на своих сестер и резко кивнул.

Фернанда двигалась первой, грациозно, как балерина. Луна пошла следующей, с небрежным видом, который могла изобразить только она.

Первые два здания были разрушены. Они были заброшены. Пусты. На грани сноса. Обычно это было бы приличное место, чтобы спрятать ребенка. К сожалению, из того, что я знал о Линг, она была дерзкой. Самоуверенной. Ей нравилось устраивать шоу. И хотя мы еще не провели полный осмотр этого здания, я знал, что она где-то там.

В полностью заселенном многоквартирном доме.

Из-за этого нам труднее делать то, что нам было нужно, но это ни хрена не значило, потому что мы были печально известными Вегас. Мы могли выполнить любую работу за разумную цену. Поодиночке мы многого не стоили, но как семья мы были бесценны.

Каждый из нас привнес в нашу жизнь что-то свое; каждый из нас привнес что-то важное и необходимое. Вместе мы с сестрами были непобедимы. К сожалению, это означало, что у нас часто были мишени на голове. Вот почему мы решили по большей части оставаться в подполье.

Именно по этой причине Лука изгнал нас.

Я ни в коем случае не был глупым человеком. Изгнание повлияло на наш бизнес только в двух вещах. Во-первых, это подняло наш гонорар до астрономических размеров. И, во-вторых, это обеспечивало безопасность Фернанды. А Луке нравилось, когда его женщина была в безопасности.

Да, он был зол на нее, но Лука Павлович обожал мою сестру. Он обожал ее так сильно, что, хотя это, вероятно, убивало его изнутри, он отправил ее жить за полмира от себя.

И этим решением он завоевал мое уважение.

Что тут еще скажешь?

Я определенно предпочитал, чтобы мои сестры были в безопасности, а не мертвы.

Прошло несколько минут, прежде чем в моем ухе прозвучал приглушенный голос.

— Я на месте, — сказала Фернанда.

— Я тоже, — произнесла Луна.

Мои глаза сканировали темноту, окружающую меня. Я прошелся по стоянке, рассматривая каждую машину.

— Найдите ее, — сказал я своим сестрам, и верил, что они это сделают. Я доверял им, как никому другому. Они были умны, образованны и талантливы.

Я доверял им свою жизнь, и мне повезло, потому что часто во время работы, которую мы выполняли, это было крайне важно.

Мои ноги бесшумно ступали по цементному полу, пока я переходил с одного уровня на другой, осматривая машину за машиной.

— Э-э, ребята? — прошептала Луна. — Думаю, я кое-что нашла.

— Что? — Фернанда недоверчиво фыркнула. — Как?

Луна усмехнулась.

— Выкуси, Ферн. Я добралась сюда первой.

— Где ты находишься? — Фернанде никогда не нравилось быть второй.

— Взбираюсь на здание, — сказала Луна так буднично, что я улыбнулся.

Мои сестры были сумасшедшими.

— Где ты, Луна? — тихо спросил я, продолжая прогуливаться по стоянке.

— Трудно сказать, — тихо произнесла она. — Думаю, это десятый этаж. Не знаю.

Ждите визуального подтверждения.

— Жду, — хандрила Ферн, пытаюсь говорить профессионально.

Я продолжал идти, улыбаясь. Они были единственными двумя женщинами в мире, которые могли заставить меня смеяться. Черт. Они были единственными людьми в мире, которые могли заставить меня хотя бы улыбнуться. Я очень любил их, моих младших сестер. И я не допущу, чтобы с ними что-нибудь случилось.

Когда мой взгляд упал на серебристый внедорожник, который мог быть тем же самым, что и на записи наблюдения, которую получил Твитч, я осторожно приблизился. Достав телефон, я просмотрел сохраненные изображения, сравнивая их с машиной передо мной. Осматривая каждый сантиметр машины, я сделал шаг назад и вздохнул.

Именно тогда Луна произнесла волшебные слова.

— Визуально подтверждено. У меня в поле зрения и Линг, и мальчик. Повторяю, я держу мальчика в поле зрения.

Ферн прокричала мне в ухо:

— Черт возьми, да, детка. Вот как мы это делаем.

— Отличная работа, — сказал я им. — Я вижу машину. Позвоню Луке. — Сделав глубокий вдох, я пробормотал: — Давайте поймаем эту сучку и доставим мальчика домой в целостности и сохранности.

— Таков план, — заявила Ферн, прежде чем спросить Луну: — Эй, Лулу. Что тебе нужно?

Луна колебалась всего мгновение, прежде чем сказала:

— Доступ на крышу. У меня есть план.

Линг

Это были долгие два дня, и из-за недостатка сна, беспокойства, которое охватывало меня с каждой секундой тиканья часов, и зловещего осознания того, что мое время с моим наследником может сократиться, я начала паниковать.

— Привет, милый, — произнесла я с улыбкой, подходя и опускаясь на колени рядом с ним. — Я принесла тебе кое-что.

Когда я протянула ему бело-голубую обертку, он хмуро посмотрел на нее.

— Что это?

— Это шоколадка. Американская. Называется «Миндальная радость». Что-то вроде Баунти, но с миндалем сверху. — Он настороженно наблюдал за мной. Да, он имел право смотреть так, как он это делал, но это не значит, что мне это должно было нравиться. — Я подумала, что мы могли бы съесть ее вместе перед сном.

Мой маленький Итч долго смотрел на шоколадный батончик, а потом снова на меня.

— Нет, спасибо.

Я заставила себя выглядеть еще печальнее, чем была на самом деле.

— Ладно. Ничего страшного. — Не торопясь, я разорвала обертку на одном батончике и откусила от него. Медленно жуя, я застонала и закрыла глаза. — Ух ты. Давно ничего

подобного не ела. — Я сделала счастливое лицо и кивнула. — Это действительно вкусно. — Я облизала губы и лукаво спросила: — Уверен, что не хочешь?

Конечно, он хотел один.

У него чуть ли не слюнки текли от этого.

Но, как и большинство матерей, я была уверена, что Лекси научила моего сына не брать конфеты у незнакомцев.

Поэтому, когда я снова откусила от шоколадки и блаженно улыбнулась, это был только вопрос времени, когда он сдастся. К несчастью для него, искушение было слишком велико, и когда я открыла второй шоколадный батончик, протягивая его ему, он медленно взял его, внимательно изучил, а затем откусил. Как только шоколад попал ему на язык, я наблюдала, как он жадно жует, а когда проглотил первый кусочек, то довольно быстро принялся за второй. И в этот момент я почувствовала, как мое сердце забилося сильнее, и в то же время свело живот.

Потому что он должен был послушаться свою мать.

— Вкусно, правда?

Он с энтузиазмом кивнул, и у меня внутри все сжалось.

Никогда нельзя брать конфеты у незнакомых людей.

Твитч

Мое сердце бешено колотилось всю дорогу. Как только Тьяго подтвердил нахождение Эйджея, я не мог думать ни о чем другом, кроме как снова обнять своего сына, но боялся, что могу опоздать. Машина остановилась, и Лука повернулся к нам лицом.

— Вы в порядке?

— Да. — Хотя я и не был. Ни капельки. И, судя по внешнему виду моей женщины, она тоже. — У нас все хорошо, Ангел?

Она моргнула, глядя на меня, но ее движения были замедленными. Она была невероятно измучена, и я хотел, чтобы она просто позволила мне делать свое дело. Понимаю, почему она не могла этого сделать, но мне было бы легче, если бы мне не нужно было сосредотачиваться также и на ней сегодня вечером.

— Да, — робко ответила она.

Взгляд Луки блуждал между нами двумя. Его губы сжались, и он медленно кивнул.

— Хорошо. Давайте сделаем это.

Было около 3:00 ночи. Было важно, чтобы на нашей стороне был элемент неожиданности. Не то чтобы это имело значение. Линг будет ждать. Линг будет готова принять нас.

Даже у спящей змеи все еще были клыки.

Хэппи, Юлий и Зеп уже ждали нас. Вскоре к ним присоединились Эвандер и Аманда. И когда мы вышли из машины, чтобы влиться в эту компанию, Лука проверил свои сообщения и обратился к небольшой толпе, собравшейся у входа в многоквартирный дом.

— Тьяго, Луна и Ферн готовы идти. Хэппи, у тебя есть что-нибудь для нас?

Хэппи начал раздавать маленькие черные пластиковые вещицы.

— Вставьте это себе в ухо. Таким образом, мы все будем на связи. Вы не сможете разговаривать с Вегасами, но вы сможете их слышать. Только Лука сможет общаться напрямую.

Мы все надели наушники и слушали, как Ферн поет «Ещё один повержен в прах» («Another One Bites the Dust» — песня английской рок-группы Queen).

Зубы Луны застучали.

— Здесь чертовски холодно, ребята. Давайте сделаем уже ход.

Хэппи повернулся лицом к Луке.

— Когда будете готовы.

— Мы готовы, — сказал он с коротким кивком.

Но позади нас раздалось:

— Извините, мы опоздали. — Я обернулся на звук ее голоса. Она выглядела маленькой, испуганной и неуместной. Но она высоко подняла голову, глядя на меня, прежде чем ее глаза встретились с глазами Лекси. Слегка пожав плечами, она сказала: — Слышала, вам не помешала бы помощь.

Лекси рванула вперед и обхватила Молли руками. Они долго обнимали друг друга, и когда глаза Молли закрылись, Лекси что-то прошептала ей на ухо, и я увидел, как лицо Молли исказилось от чистой печали. Она покачала головой и прошептала:

— Мне так жаль.

Встретившись взглядом с Тамой, я дернул подбородком в его сторону.

— Спасибо, что пришли.

Лука, казалось, не был впечатлен.

— Отлично. Воссоединение семьи. Чертовски замечательно. А теперь... — он указал на здание. — ... время уходит впустую. Давайте выдвигаться.

Лекси высвободилась из объятий Молли, но осталась рядом с ней в знак молчаливой поддержки, и пока Хэппи втаскивал нас в здание, используя свои гаджеты и все такое прочее, Юлий подошел ко мне, говоря только для меня. — Ана хотела быть здесь.

Я нахмурился, глядя на него.

— Эта девушка и так достаточно натерпелась. Я рад, что ты смог ее отговорить. Кроме того... — мой собственный голос затих. — Это не ее борьба.

Юлий наклонился и положил руку мне на плечо.

— Он вернется домой.

Да, так и будет.

Он вернется.

Мой сын вернется домой.

Огромные двойные двери издали звуковой сигнал за секунду до того, как щелкнул замок, и мы оказались внутри. Хэппи придержал дверь открытой, и, проходя мимо него, я с гордостью пробормотал:

— Вот это мой брат.

Нам пришлось подниматься на обоих лифтах: Лекси, Молли, Тама, Лука и я — в одном, Юлий, Хэппи, Зеп, Эвандер и Аманда — в другом. Как только мы добрались до пентхауса на десятом этаже, Хэппи опустился на колени у двери, вставил пустой карточный ключ в замок и использовал свой телефон, чтобы взломать код.

Загорелся зеленый свет, и мое сердце подпрыгнуло. Мы были так близки.

Прежде чем кто-либо вошел внутрь, Юлий приложил палец к губам и жестом велел всем остальным оставаться в холле. В квартире было темно, когда он вошел с пистолетом наготове, но довольно скоро я услышал ее.

— Брось, Юлий.

Зажегся свет, и из холла мы наблюдали, как Юлий освещается мягким светом лампы.

То, что Юлий сказал дальше, заставило меня броситься к нему.

— Линг, — произнес он, его лицо было обеспокоенным, — что ты с ним сделала?

Что?

К черту это дерьмо.

Мои ноги несли меня быстрее, чем когда-либо прежде, и когда я присоединился к своему брату в той комнате, мой взгляд упал на маленькую женщину, укачивающую моего сына на руках в уголке большого эркерного окна.

Она выглядела взвинченной, или уставшей, или и то и другое вместе. Я не мог сказать.

Линг улыбнулась мне, но это была скорее насмешка.

— Тише, папочка. А то ты его разбудишь.

— Отпусти его, Линг. — Мой голос дрожал от неприкрытой ярости.

Позади меня раздалось:

— Отпусти моего сына, — и я был удивлен тем, насколько ровным был голос Лекси в этот момент.

Линг огляделась вокруг нас, и ее глаза расширились, когда пространство в спальне

становилось все меньше и меньше, заполняясь телами. Молли скользнула в один конец комнаты, в том время как Тама повторил ее движение на противоположной стене, блокируя маленькую женщину.

— Ох. Ты привел гостей. Если бы я знала, то прибралась бы. — Она ухмыльнулась Лекси. — Но ты же знаешь детей. — Аманда шагнула вперед, и Линг медленно подняла пистолет, прицелившись языком. — Отойди, детка, или я сделаю в тебе дырку.

Но Аманда сделала еще один маленький шаг вперед, подняв руки вверх.

— Линг. Меня зовут Аманда. Я врач. — Она посмотрела на своего племянника и нахмурилась. — Я обеспокоена. На мой взгляд, дыхание Эйджея слишком поверхностное. — Она разговаривала с Линг, как с ребенком. — Можешь сказать мне, что ты ему дала?

Линг нахмурилась, глядя на маленького мальчика у себя на руках, и мне захотелось убить ее прямо здесь и сейчас.

— Я дала ему немного «Фенергана».

— Что? — я был чертовски потрясен. — Ты накачала моего сына наркотиками?

Глупая сука.

Моя челюсть болела от того, как сильно она была сжата.

Аманда слегка кивнула.

— Это антигистаминное средство. Иногда оно используется, чтобы вызвать у детей сонливость во время длительных перелетов. — Она снова повернулась к Линг, сделала еще один маленький шаг вперед и спросила: — Сколько ты ему дала, Линг? Это очень важно, понимаешь? Слишком большая доза может убить его.

Но Линг проигнорировала Аманду, нежно укачивая моего сына на руках.

— Я просто хотела обнять его. Он всегда на взводе. Я просто хочу любить его, — тихо прошептала она.

— Он не твой. — Рядом со мной дыхание Лекси стало тяжелым, и я увидел, как ее кулаки сжались в нескрываемом гневе. — Ты не можешь просто взять и забрать его.

При этих словах Линг быстро заморгала, прежде чем остановиться на Лекси. Ее губы скривились.

— И кто меня остановит, Лекси? Ты? — она усмехнулась, а потом разозлилась. — Ты и твои друзья всегда были проблемой. Я имею в виду, лично я не знаю, какого черта он в тебе нашел. — Она медленно оглядела Лекси с ног до головы. — Ты действительно очень... обычная.

— Давай поговорим об этом, — пробормотал я. — Чего ты хочешь, Линг?

Линг подумала об этом за мгновение до того, как ее глаза вспыхнули.

— Я хочу, чтобы ты страдал. — К моему абсолютному шоку, глаза Линг заблестели от непролитых слез. — Я хочу, чтобы тебе было больно. — Первая из ее слез упала, но она продолжила. — Я хочу, чтобы ты знал, каково это — потерять того, кого любишь, Твитч. — Ее тело сотрясалось в беззвучных рыданиях. — Впервые в своей жизни я была счастлива. — Ее губы скривились. — А потом ты вернулся и все испортил. — Она сделала глубокий вдох и сморгнула влагу с глаз. — Мы с Асом были счастливы вместе. Но тебе не нравилось видеть меня счастливой, не так ли? Ты ревновал, что я больше не хочу тебя, да? Так что тебе просто нужно было вмешаться. — Она выглядела грустной, и я понял, что никогда раньше не видел, чтобы Линг так открыто выражала печаль. — Я так сильно любила его. И ты забрал его у меня. — Линг с любовью улыбнулась моему сыну. — Око за око, детка.

Она была сумасшедшей.

— Я не забирал его у тебя.

— Ты сделал это, — настаивала она.

— Нет, я этого не делал.

— Да, ты это сделал!

— Ты застрелила его, Линг. Ты выстрелила ему в спину, когда он уходил от тебя. — Я сделал паузу на мгновение. — Это все на твоей совести.

Она встала, и то, как мой сын разинул рот, было настолько неестественным, что я знал, что это должно немедленно закончиться, чтобы мы могли оказать ему медицинскую помощь, в которой он нуждался. Его рука откинулась в сторону, и когда Линг закричала, он даже не вздрогнул.

— Это ты виноват, что он мертв! — она тяжело дышала, выглядя глубоко огорченной. — Он никогда бы не оставил меня, если бы не ты. Он был бы здесь со мной, если бы ты просто не совал свой гребаный нос в мои чертовы дела, придурок! — ее губы задрожали. — Ты причина, по которой он мертв.

Мой наушник загудел, когда Луна тихо заговорила.

— У меня здесь нет четкого обзора для выстрела, ребята. Я не вижу мальчика.

Ферн добавила:

— Я тоже.

Тьяго говорил грубо.

— Аналогично.

Мне нужно было выиграть немного времени. Я шагнул вперед, и в этот момент Молли и Тама шагнули в такт со мной.

— Мне жаль.

— Да. — Линг кивнула, но выражение ее лица оставалось свирепым. — Теперь ты сожалеешь, не так ли? Потому что у меня есть кое-что твое. То, что ты очень любишь.

Когда Линг подняла пистолет, Лекси сделала маленький шаг вперед и, дрожа, выдохнула.

— Тронешь хоть один волосок у него на голове, и я, бл*дь, выпотрошу тебя. Ты поняла меня, тупая сука?

— О-о-о. — Линг широко улыбнулась и посмотрела на Лекси с новообретенной признательностью. — Мяу, Лекси. Кто знал, что в тебе это есть?

Она сделала шаг назад, к окну, и Лука, будучи единственной линией связи с Вегас, начал монолог.

— Отойди от окна, Линг. Это небезопасно.

Линг грустно улыбнулась.

— Мы оба знаем, что я не выберусь отсюда живой, Лука. — Она тепло посмотрела на Эйджея сверху вниз. — И куда бы я ни направилась, я планирую взять своего сына с собой.

Мой желудок сжался.

Именно тогда Луна сказала:

— Пусть она откроет окно.

Что?

Луна, должно быть, издевалась над нами.

Мое сердце начало бешено колотиться.

Я ни в коем случае не подпущу своего сына к открытому окну на десятом этаже.

Я сделал шаг ближе и поднял руки в знак капитуляции.

— Возьми меня вместо него.

Линг босиком ступила в укромный уголок и вслепую потянулась назад, чтобы открыть окно. Она поджала губы.

— Хм-м-м. Нет. — Она оглядела меня с ног до головы. — Хотя я придерживаюсь того, что сказала, детка. Смерть тебе идет. — Когда она распахнула окно, в комнату ворвался ветер, и когда она подняла пистолет и прицелилась в меня, она пробормотала: — Давай сделаем это навсегда. — Палец Линг слегка нажал на спусковой крючок, и она криво усмехнулась. — Увидимся в аду, детка.

Все начало двигаться как в замедленной съемке.

Хватка Линг на пистолете усилилась.

Я приготовился умереть.

Лекси встала передо мной, широко раскинув руки.

Все бросились вперед.

И вот тогда-то это и произошло.

Внезапно Линг отбросило назад в комнату с такой силой, что ее отшвырнуло метра на два. Эйджей был выброшен из ее рук, и там, где он приземлился, он остался неподвижным. Он никак не отреагировал на падение, и я был уверен, что что-то было не так. Долю секунды мы все наблюдали за ним, желая, надеясь, что он проснется. Но он этого не сделал.

Лекси и Аманда бросились к нему, оглядывая его. Молли присоединилась к ним, внимательно слушая инструкции Аманды, пока та проверяла его жизненные показатели.

Но у меня были дела поважнее.

Линг, растянувшаяся в центре комнаты с пистолетом, все еще лежащим у окна, смотрела на Луну. Взгромоздившись на подоконник, расставив ноги и держась за страховочный трос, как гребаный супергерой, она показала Линг средний палец и послала ей воздушный поцелуй.

— Как дела, сучка?

Глаза Линг расширились, когда она поняла, что ей конец. Отползая назад, она продолжала двигаться, тяжело дыша, пока не уперлась в стену, и тогда Юлий сделал то, что хотел сделать уже некоторое время. Он подошел к окаменевшей Линг, опустил перед ней на колени и сказал то, чего я не ожидал.

— Я прощаю тебя.

— Что? — ее голос задрожал, и Линг озадаченно моргнула. — Ты прощаешь?

— Да. — Он кивнул, прежде чем отступить назад и ударить ее прямо в лицо так сильно, как только мог. Она рвано задышала, а Юлий заглянул ей в лицо и улыбнулся. — Ты умрешь сегодня ночью. А я вернусь домой к своей жене. Так что, думаю, можно сказать... — Его лицо немного потемнело. — ... я выиграл.

Это был мой брат.

Это был тот Юлий, которого я знал.

Мы с Лукой подошли к съезжившейся королеве, в то время как Тама тенью следовал за нами. Она была жалкой, и я ненавидел ее.

Пав толкнул меня локтем в плечо.

— Это твой выбор.

Я посмотрел вниз на ее окровавленный рот, затем снова на мою женщину. Я знаю, что она хотела участвовать в этом, но я не мог позволить ей жить с этим. Не мог позволить ей запятнать свою чистую душу. Моя уже была грязной, и поскольку мы проживем вместе всю

оставшуюся жизнь, она может поступать, как хорошая жена, и молиться за меня.

Когда я посмотрел вниз на эту маленькую женщину, эту маленькую змею, которая жила, чтобы смотреть, как горят другие, во мне вспыхнул гнев. Она была никем. Она была ничтожна. И после того, как она умрет, никто не будет ее оплакивать.

Так что я окажу ей солидную услугу.

Наклонившись, я обхватил ее рукой за горло и поднял. Она боролась со мной всю дорогу до окна, хлопая по моим рукам и пиная меня. Я чувствовал, что все взгляды устремлены на меня, пока я шаг за шагом приближался к гибели Линг. И когда я привел ее туда, я бросил на нее короткий взгляд, давая Луне возможность пройти внутрь, подальше от окна.

Широко раскрыв глаза и покраснев, Линг Нгуен знала, что сейчас произойдет.

Она выдавила:

— Сделай это.

О, я хочу.

Но не раньше, чем скажу то, что должен был сказать.

— Мне жаль, что я вообще встретил тебя. — Ее дыхание замедлилось. — Мне жаль, что я превратил тебя в такого человека. — Она замерла в моей хватке. — Мне жаль, что я не любил тебя достаточно, чтобы отпустить, когда у тебя был шанс двигаться дальше.

Это было одним из моих самых больших сожалений.

Моя хватка на ее горле усилилась, и я произнес за мгновение до того, как я вытолкнул ее обратно из окна:

— Передай от меня привет Аслану.

Перегнувшись через подоконник, я наблюдал, как она падает.

Я смотрел, как она размахивает руками, словно была нелетающей птицей. Я видел, как ее глаза широко распахнулись, а рот округлился в беззвучном крике. Я видел, как она впервые в своей несчастной жизни боялась.

И получил огромное удовольствие, наблюдая, как она упала на землю.

Внутри я почувствовал облегчение, когда тяжесть спала с моих плеч, но это продолжалось недолго. Нам нужно было покинуть это место. Нам нужно было быстро уходить. И когда мы это сделали, я ничего не мог с собой поделать. Когда одна машина тронулась с места с моей женщиной, сыном и сестрой внутри, я заколебался.

Мне нужно было взглянуть поближе, чтобы подтвердить ее смерть.

В тот момент, когда я приблизился к безжизненному телу Линг, я почувствовал, как в меня просочилась сильная печаль. Я опустился на колени рядом с ее неподвижным телом и протянул руку, чтобы нежно погладить ее по волосам. У нее шла кровь отовсюду: из глаз, носа, ушей. Ее тело было так же разбито, как и ее душа.

Многие люди подвели эту женщину. И я был одним из них.

Я встал, бросив на нее взгляд, прежде чем сделать глубокий вдох и отвернуться от опасной женщины, которую я создал. В тот момент я почувствовал боль в том месте, где не должен был чувствовать боль.

Когда я возвращался к своим людям, одна странная мысль пришла мне в голову.

Подобно тому, какой она родилась и какой была всю свою жизнь, Линг Нгуен даже умерла красиво.

Лекси

Как только машина замедлила ход и остановилась, я выскочила из нее и бросилась к входу больницы с Амандой за спиной и моим сыном на руках.

— Помогите! — я тяжело дышала, мой голос прохрипел: — Мне нужна помощь!

Два медработника бросились вперед, и пока женщина открывала глаза моего маленького монстра, светя в них фонариком, мужчина спросил:

— Что случилось?

Что случилось?

У меня возникло безумное желание громко рассмеяться.

Иисус Христос. Сколько у него времени? Потому что, о Боже, мне есть что рассказать.

К счастью, Аманда ответила от моего имени.

— Ему дали «Фенерган», и мы не знаем сколько. — Она посмотрела на Эйджея сверху вниз. — Судя по его поверхностному дыханию, предполагаю, что по меньшей мере двойную дозу.

Медсестра приложила стетоскоп к груди моего сына и нахмурилась, прежде чем передвинуть его. Когда она нахмурилась еще сильнее, усталость последних нескольких дней настигла меня, и мои руки начали дрожать, но я изо всех сил пыталась удержать своего маленького мальчика на руках.

Мою дрожь заметили все.

Аманда произнесла:

— Позволь мне взять его, Лекси.

Но я сделала шаг назад.

Нет.

Никто не заберет его у меня. Я этого не допущу.

Когда медбрат протянул руки, моей первой реакцией было открыть рот и изрыгнуть длинную череду злобных непристойностей. Но мое нынешнее состояние истощения делало даже это слишком большим. Вместо этого я просто покачала головой, переводя взгляд с медбрата на медсестру.

Медсестра громко вздохнула.

— Послушайте. — Ее тон сказал мне, что она покончила с моим дерьмом еще до того, как оно началось. — Мне нужно надеть этому маленькому мальчику респиратор. Мне также нужно ввести ему капельницу, а я не могу этого сделать, пока Вы так дергаете его.

Я моргнула, глядя на своего сына, и на какое-то мгновение мне стало по-настоящему страшно отпускать его.

Мои плечи затряслись от рыданий, когда я опустила лицо к щеке Эйджея и прижалась к ней дрожащими поцелуями. Я посмотрела ей в глаза, и мое дыхание сбилось, когда я прохрипела:

— Пожалуйста, не забирайте его у меня.

Неужели они не понимают?

Я только что вернула его обратно.

Моим самым большим страхом на данный момент было то, что Эйджей проснется в

незнакомой комнате, в незнакомом месте без меня.

Он нуждался во мне.

Нет.

Я нуждалась в нем.

От моего неприкрытого страха лицо женщины смягчилось.

— Вы пришли к нам за помощью. Так давайте поможем ему, милая.

Когда чьи-то руки нежно опустились на мои плечи, я вскинула голову, и его мягкие карие глаза, это все, что удерживало меня.

— Отпусти, детка.

Я покачала головой, мои губы задрожали.

— Нет.

Твитч медленно двинулся, а затем оказался рядом со мной. Его глаза не отрывались от моих, и твердыми, но нежными руками он принялся вырывать моего сына из моих рук.

Мне потребовалась секунда, чтобы среагировать. Оскорбленная, я скривила губы, когда поняла, что он делает. Я попыталась отступить, но его свободная рука обхватила меня за талию.

— Отпусти.

Почему он этого не понимает?

Я не могу.

Я просто не могу.

Мы боролись, пока он пытался отобрать у меня моего сына.

— Нет.

И все мое тело ослабло, когда он произнес:

— На этот раз ты вернешь его, Ангел. Обещаю. Просто отпусти.

Мой страх был высказан вслух, мое дыхание сразу же покинуло меня. Горе поразило, как удар под дых.

В моем ухудшающемся состоянии ему удалось отнять у меня нашего сына, и когда я подняла голову и открыто заплакала, а мои колени задрожали, он крепко держал меня. Я слышала, как он сказал:

— Возьмите его, — и я смотрела, как медработники забирают моего сына.

Они забрали его у меня во второй раз.

И я сделала единственное, что могла в тот момент.

Я разрыдалась.

Я выплакала все свое сердце.

— Антонио Юлий Фалько.

В тот момент, когда прозвучало его имя, я соскочила с колен Твитча и бросилась к довольно молодому доктору. Где я черпала энергию, можно было только догадываться.

— Да. Это я.

Я снова повернулась к Твичу и не могла не заметить темные круги у него под глазами. На мгновение я почувствовала себя ужасно. В своем маниакальном состоянии я совсем забыла о том, что он, должно быть, чувствует. Он проделал такую хорошую работу, заботясь обо мне, что я забыла вспомнить, что это было не обо мне. Это было о нас. И, возможно, мой обычно сильный мужчина нуждался в утешении в моих объятиях так же сильно, как я нуждалась в его утешении.

Сделав небольшой шаг назад, я вложила свою холодную руку в его, выдержала его взгляд и исправила свое заявление.

— Это мы. — Я снова повернулась к доктору. — Мы его родители.

— Я доктор Прахеш. — Доктор секунду внимательно наблюдал за нами обоими. — Вашему сыну дали довольно большую дозу «Фенергана». Количество, которое ему дали, привело к передозировке. Мы ввели ему активированный уголь. Мы используем его для лечения отравлений. Он останавливает дальнейшее всасывание в кишечнике и задерживает токсины, которые потом будут выводиться другим путем. — Он посмотрел на Твитча. — Антонио помещен в отделение интенсивной терапии. — Разговор принял неожиданный оборот, когда губы доктора сжались, и он признался: — Мы надеялись увидеть какой-то результат к настоящему времени, но пока никаких изменений в его жизненных показателях нет. — У меня внутри все сжалось, когда он продолжил. — Его дыхание — это то, что нас больше всего беспокоит.

Мое сердце бешено колотилось, пока я пыталась осмыслить то, что он говорил.

— Но ему не стало хуже. — Я сжала руку Твитча. — Это уже что-то, верно?

Типичная Лекси. Всегда ищешь луч надежды.

Доктор Прахеш согласился:

— Определенно. — Он посмотрел на нас, на пару перепуганных родителей, и сжалился, произнеся: — Вы можете посидеть с ним, если хотите.

— Да, — немедленно сказала я. — Нам бы этого хотелось.

Я не могла не заметить, что рука Твитча была такой же липкой, как и у меня. Сжав челюсть, он кивнул, и его приятный, как виски, голос прозвучал слишком хрипло, на мой вкус.

— Показывайте дорогу.

И как будто весь мир был против того, чтобы мы были с нашим сыном, голос, раздавшийся сзади, остановил нас резким:

— Антонио Фалько. — Мы оба обернулись и увидели сержанта Габриэля Бланко с напряженным выражением лица, и оно было сосредоточено исключительно на Тони. Когда он заговорил снова, он не стал утруждать себя любезностями. — Мне нужно, чтобы ты пошел со мной.

Твитч оглядел мужчину с ног до головы. Его тон был скучающим, когда он ответил:

— Зачем?

— Женщина мертва. Мне нужно заявление.

Гейб, человек, с которым я пила кофе дюжину раз, человек, который утешал меня в отсутствие моего сына, смотрел на моего мужа так, как будто тот был куском дерьма. И, хоть убей, я ничего не могла с собой поделать.

Я высвободила свою руку из руки Твитча и скользнула перед ним, человеческая баррикада. Мои глаза были полны ярости, я проигнорировала отрывистое биение своего сердца и шагнула к сержанту.

— Это чудовище отравило моего сына, Гейб. Она отравила его, и я не знаю, очнется ли он. — Мой голос был обманчиво спокоен, пока я тщетно пыталась выровнять дыхание. Мои руки дрожали, когда я выдавила из себя эти слова. — Хочешь заявление? Ладно. Я дам одно. — Глядя Габриэлю Бланко в глаза, я не заикнулась, когда позволила обвинению вылететь. — У вас есть все ресурсы мира, и вы не смогли сделать за несколько дней то, что моя семья сделала за одну ночь. Сегодня из всех ночей. — Я слегка покачала головой. —

Позор тебе, сержант Бланко.

Прошла минута молчания, и чем дольше длился этот момент, тем отчетливее я видела, как Гейб Бланко задавал себе вопросы. И я была рада этому.

Снова взяв Твитча за руку, я посмотрела на Гейба, но обратилась к своему мужчине.

— Ну же, милый. — Мой голос был тусклым и безжизненным. — Мы должны быть там, когда он проснется.

Когда мы уже уходили, Гейб крикнул:

— Вы не можете убежать от этого. Я скоро вернусь.

Его пламенное заявление меня не испугало.

Мы не убегали.

Злодей из нашей сказки наконец-то был побежден, раз и навсегда.

Нет. Мы покончили с бегством.

Твитч притянул меня к себе и нежно поцеловал в лоб. Я положила руку ему на грудь и глубоко, с любовью вздохнула, пока мы подходили все ближе и ближе к тому, кто удерживал нас от безумия.

Наш сын.

Тишина пришла как передышка, и именно тогда я поняла, что единственное место, куда мы могли бы бежать в будущем — это объятия друг друга.

Потому что мы принадлежали друг другу, и ничто не могло разлучить нас.

Твитч

Прошло двадцать четыре часа.

Я официально сходил с ума. И пока Лекси спала в кресле в углу палаты, я лежал рядом с сыном на узкой больничной койке, наблюдая за трубками, выходящими у него изо рта и носа, и удивлялся, как мне удалось поставить человека, которого я любил больше жизни, в такое положение.

Чувство вины было для меня довольно новым чувством. Мне это не нравилось, это уж точно.

Я был в отчаянии.

И поэтому я умолял.

— Ты должен проснуться, приятель. — *Ты должен, потому что я не смогу жить с этим позором.* — Просто открой глаза. — *Пожалуйста.* — Ты нужен своей маме. — *Ты нужен мне.* — Пожалуйста, приятель. — Я крепко зажмурился и с трудом сплотнул, когда прошептал: — Мне так жаль, сынок.

Я тихо рыдал, чтобы не разбудить ее.

Это было самое меньшее, что я мог сделать в этом дерьмовом шторме, который создал.

Лекси

— Что Вы делаете? — спросила я, когда доктор Прахеш обошел кровать Эйджея и осмотрел респиратор, который поддерживал жизнь моего сына.

Он нажал кнопки на аппарате и некоторое время молчал, прежде чем ответить.

— Думаю, пришло время посмотреть, как Эйджей справляется с дыханием самостоятельно.

Твитч внезапно проснулся. Он сел, сонно моргая.

— Что Вы сейчас сказали?

— Что? — мой разум затуманился за мгновение до того, как полностью отключился. — Вы хотите отключить единственное, что поддерживает жизнь моего сына? — я не смогла бы усмехнуться, даже если бы захотела. Я наклонилась к нему, нахмурившись, и прошипела: — Только через мой труп.

— Док. — Твитч нахмурился. — Я понимаю, это Ваша работа и все такое, но — нет.

Но доктор Прахеш не видел всей серьезности в этой ситуации. Вместо этого он добродушно улыбнулся.

— Я знаю, что это трудно для вас обоих, но жизненные показатели Эйджея значительно улучшились. Его здоровый цвет кожи вернулся. Его лихорадка спала. А теперь я хотел бы сравнить его дыхание с тем, когда он только поступил к нам. Но я не смогу этого сделать, если мы не снимем с него респиратор.

Предполагалось, что родители должны были знать, что делать в таких ситуациях. Они должны были быть сильными, иметь план и доверять врачам. Но когда мы с Тони взглянули друг на друга, на наших лицах отразилась одинаковая неуверенность, и его неуверенность подпитала мою собственную до уровня, которого не должно быть у родителя.

Некоторое время никто не произносил ни слова.

— Сделайте это, — сказал Твитч, и мои глаза расширились от шока.

Мой рот слегка приоткрылся.

— Что? Нет!

Твитч переместился на край сиденья.

— Детка, они не могут держать его так вечно. — Выражение его лица смягчилось, и я клянусь, что в его глазах была явная печаль. — Нужно дать ему шанс, чтобы он мог летать самостоятельно.

Это были прекрасные слова, но сказанные в неподходящее время.

Мое горло сжалось, и я с тревогой прошептала:

— Но, что, если он не полетит? Что, если он упадет?

Твитч посмотрел вниз, и при этом прикусил внутреннюю сторону щеки. Он долго не отвечал, но когда поднял голову, то пожал плечами.

— Нет лучшего места, чтобы упасть, чем прямо здесь, Ангел.

— Чем дальше он находится на аппарате, тем больше у него шансов заболеть пневмонией, — сказал доктор Прахеш. — Прошло тридцать шесть часов. С вашего разрешения, я бы действительно хотел попробовать отключить его от аппарата как можно скорее.

Мое сердце находилось в состоянии войны с моей головой.

Мое тело похолодело, глаза потускнели, я мерила шагами комнату, прижимая кончики пальцев ко рту и взвешивая возможные последствия. Из двенадцати возможных исходов, которые представлял мой разум, только один из них оказался счастливым.

Мне не нравились эти шансы.

Я ненавидела эти шансы.

Запустив руку в волосы, я прошла еще немного, пока не остановилась прямо перед Тони. Мой голос дрожал, когда я сморгнула слезы и пробормотала:

— Обычно я знаю, что делать в трудных ситуациях, но я не знаю, что делать здесь, Твитч. Что, если он не захочет дышать самостоятельно? Что, если он пострадал сильнее, чем мы думали? Я не могу потерять его, а прямо сейчас... — мой голос был немного тише. — ... Мы можем потерять его.

Твитч протянул руку и взял мои пальцы в свои. Он погладил их, а потом я заметила нервный тик его челюсти.

— Не говори так, — сказал он тихо, но твердо. — Он сильный, воспитанный надежной матерью, с генами своего упрямого отца. — Он не смотрел на меня, и я подумала, было ли это потому, что он беспокоился, что я увижу его собственный страх, отраженный в этих прекрасных глазах. — Он никуда не денется. Он выкарабкается из этого, детка.

Мой взгляд скользнул к маленькому мальчику, который выглядел еще меньше на ярко-белых простынях своей больничной койки. Так много трубок выходит из него. Я не была готова отпустить его. И когда Твитч сжал мои пальцы между своими, я поняла, что, возможно, мне и не нужно было этого делать.

Он прав.

Мне нужно дать моему пленцу шанс, если я хочу, чтобы он взлетел.

— Хорошо. — Сглотнув комок в горле, я произнесла эти слова спокойно, хотя каждая частичка моей души болела. — Сделайте это.

Коротко кивнув, доктор Прахеш вышел из палаты и вернулся с медсестрой. Они работали в паре у аппарата, пока врач осторожно отсоединял трубку.

— Итак, — произнес он, когда мое сердце остановилось, — сейчас мы увидим, на что способен наш маленький Антонио.

Он вынул трубку и внимательно наблюдал, пока прикладывал стетоскоп к груди моего сына. И его грудь была единственным, на чем я могла сосредоточиться.

Он не двигался.

Мой голос дрогнул.

— Он не дышит.

Доктор Прахеш внимательно слушал.

— Дайте ему секунду.

В полном ужасе я выдохнула:

— Он не дышит, Твитч.

Переполненные шоком и ужасом мы внимательно наблюдали за тем, как наш сын безжизненно лежал на кровати.

Доктор Прахеш нахмурился. Прошло несколько секунд, и он посмотрел на медсестру. Мне не понравился взгляд, которым они обменялись.

— Что происходит? — спросила я.

Ни один из них не произнес ни слова.

— Что происходит? — в панике прохрипела я.

Доктор Прахеш убрал стетоскоп с груди моего сына и открыл рот, чтобы заговорить, но был прерван, когда Твитч вскочил со стула.

— Смотрите.

Я посмотрела туда, куда он показывал.

Он показывал на Эйджея.

Точнее, на его грудь.

— Вот, — сказал он, двигаясь вперед к узкой кровати.

Доктор Прахеш снова приложил стетоскоп к Эйджею, но это не имело значения.

Я могла это видеть.

О Боже мой.

Я видела, как грудь двигалась.

Благодарю тебя, Боже.

Он дышал.

Доктор Прахеш улыбнулся, слушая через прибор.

— Вот так, — тихо проговорил он, обращаясь к самому себе, и его улыбка стала шире. — Хорошо и глубоко.

Шокированный смех вырвался из меня, и я боролась, чтобы дышать сквозь него. Твитч повернулся ко мне лицом, но он не улыбался. Он был неподвижен, как нерушимое дерево, выстоявшее в борьбе с жестоким ураганом.

Мне нужно было, чтобы он прогнулся.

Мне нужно было, чтобы он согнулся, прежде чем сломается.

— Милый. — Я сделала шаг вперед.

Он не ответил.

— Милый. — Я коснулась его руки, и он посмотрел на то место, которого я коснулась, прежде чем задержать свой беспокойный взгляд на мне. Я улыбнулась и смягчила свой голос. — Он дышит. — Я шмыгнула носом. Мои глаза затуманились от непролитых слез, прежде чем я рассмеялась: — Он дышит.

— Он дышит, — подтвердил восторженный доктор Прахеш. — Он отключен от аппарата искусственной вентиляции легких и дышит самостоятельно. — Он обернулся, чтобы посмотреть на нас. — Это лучшее, о чем мы могли бы просить.

— Почему? — Твитч попытался заговорить, но оборвал себя. Он попробовал снова, на этот раз медленнее, и сильные эмоции, которые я услышала в его голосе, заставили меня придвинуться и прижаться к нему. — Почему он не проснулся?

Это было то, что я хотела спросить, но была слишком напугана, чтобы это сделать.

Я внимательно слушала ответ доктора Прахеша.

— Ну, иногда, когда люди пережили травму, как Антонио, тело — это не единственное, что требует времени для заживления. Разум очень хрупок. Детский разум тем более. — Он снова посмотрел на нашего сына. — Он выздоравливает. Думаю, ваш сын проснется, когда будет в порядке и будет готов.

«Думаю» было не тем, что я хотела услышать, но я приму и это.

Доктор Прахеш был умным человеком.

А девять часов спустя маленький монстр открыл глаза и очнулся от своего долгого сна, как спящая красавица, которой он и был.

Твитч

В первые дни после того, как мы привезли Эйджея домой, наш дом был полон людей, целыми днями, часами напролет, и впервые в жизни я не возражал против компании. Это заставляло меня думать о том, что я мог бы, хотел бы, должен был бы иметь. Это отвлекало меня от мыслей о том, что могло бы быть, и я был благодарен за передышку от своих мыслей.

Подарки прибывали целыми вагонами, и хотя Эйджею было трудно говорить после удаления дыхательной трубки, ему становилось лучше с каждой минутой, и будь он проклят, если ему не нравилось, когда его баловали.

Я не мог поверить, насколько стойким был мой ребенок.

Он был там, улыбался и смеялся, играя на полу с Хэппи и Аной, пока я боролся с желанием разрыдаться как ребенок. Я так усердно боролся с этим желанием, но оно не покидало меня уже несколько дней.

Каждая улыбка, которую он бросал в мою сторону, пронзала меня в самое сердце. Каждый взволнованный взгляд, каждый счастливый вздох, каждое объятие, которое он дарил, проходя мимо меня, разрушали меня. Разрушали мою душу так, как я не мог постичь. Вдоха полной грудью не было с тех пор, как его забрали у нас, и я все еще не мог сделать ни одного вдоха. Потому что нам могло так не повезти, и я молча поклялся, что проведу остаток своей жизни, будучи отцом, которого он заслуживал. Я буду таким отцом, о котором мечтал в детстве, заботливым, любящим. Таким отцом, который инстинктивно чувствует, что с его ребенком что-то не так. Таким отцом, который хорошо знает своего ребенка.

Что-то случилось со мной за последнюю неделю. Что-то изменилось. Я почувствовал, что смягчаюсь, что казалось неестественным, и невольно мне хотелось бороться с этим, но я устал бороться. *Может быть, пришло время для перемен.* И когда я сел рядом со своим больным отцом, я заговорил без тени злобы.

— Ты ведь вернешься в гости, верно, папаня?

В Антонио Фалько-старшем осталось не так уж много жизни, но он хотел потратить то небольшое время, которое у него осталось, на то, чтобы исправить ошибку, которую он совершил целую жизнь назад. И прямо сейчас, когда я смотрел на своего выздоравливающего сына, я мог оценить это. Мог уважать это.

Его голос был грубым.

— Ты хочешь этого?

Я пожал плечами.

— Конечно. Почему нет?

Он ошеломленно уставился на меня, не веря своим глазам. Он ждал подвоха. Но его не было. Я сказал именно то, что имел в виду.

Когда прошло достаточно времени, я произнес:

— Итак, это означает «да»?

Он говорил осторожно.

— Может быть, ты мог бы привезти моего внука навестить меня в Вегасе?

Никаких колебаний.

— Хорошо. Я имею в виду, что это может произойти не скоро. Зависит от того, как

быстро он выздоровеет и все такое, но да. Думаю, Лекси была бы рада этому.

Уголки губ моего отца приподнялись. Его губа дернулась, затем растянулась, когда он улыбнулся. Эта улыбка превратилась в ухмылку, и когда он поднял свои трясущиеся руки, я понял, что ему хуже, чем я думал. Без предупреждения он схватил меня за щеки и притянул к себе. Когда он расцеловал меня, хрипло смеясь, что-то, чего я никогда не чувствовал, медленно потекло через меня. Томно. Это было жидкое тепло в моих венах.

Это была отцовская любовь.

То, чего у меня никогда раньше не было.

И пока я боролся с эмоциями, которые испытывал, я взял одну из дрожащих рук отца и поцеловал его толстые, старые костяшки пальцев, в то время как он продолжал улыбаться мне, как будто я вдыхал в него жизнь. Держа одну руку в его руке, а другую на его плече, я осторожно потряс его и произнес:

— Не вздумай умереть прямо сейчас у меня на глазах, хорошо? — мой тон был настолько ровным, насколько это было возможно. — У нас есть дерьмо, которое нужно навестить.

В этот момент вмешался мой брат и резко хлопнул меня по плечу.

— Что происходит? Вам двоим нужно снять комнату или что-то в этом роде? — Зеп ухмыльнулся мне, когда я уставился на него. — Будешь скучать по нам, засранец?

Нахмурившись, я стряхнул с себя его руку.

— Пошел ты, придурок.

И когда Зеп открыто рассмеялся, он обнял меня за шею, притворяясь, что душит меня, и запечатлел на моей голове смачный поцелуй.

— Все в порядке, ублюдок. — Он запустил костяшки пальцев мне в волосы и потормошил так сильно, что я стиснул зубы. Прежде чем он отошел, чтобы сесть рядом с растущим количеством людей, окружавших моего сына, он прямо сказал: — Я тоже буду скучать по тебе.

Мой отец широко улыбнулся в ответ на этот обмен репликами, вздохнув:

— Как настоящие братья. — Он печально кивнул. — Вы сделали старика очень счастливым, сыновья мои.

Это было приятно, и часть меня не хотела, чтобы так было, потому что я бы слишком сильно скучал по этому.

Мы были далеко от них, моей семьи, и я буду скучать по ним больше, чем хотел бы признать.

Когда Аманда и Зеп начали бороться из-за грузовика, который Молли и Тама привезли малышу, ЭйДжей громко рассмеялся, а я улыбнулся. Со своего места за столом я наблюдал, как Юлий, Никки и Дэйв сидят снаружи с моей женщиной. Она улыбалась. Она была счастлива.

Все было в порядке.

Все было хорошо.

Поэтому, когда позвонил Лука, у меня внутри все сжалось, потому что я знал, что будет дальше.

Знал не потому, что он был моим королем, а я был его шестеркой.

А знал потому, что он был моим другом, и я был у него в долгу.

Надеюсь, то, что я задолжал, не будет стоить мне дорого, потому что, черт возьми, мне больше нечего было отдать.

Лекси

Как только мы сели на плюшевый белый диван и Лука начал говорить, я поняла, что здесь происходит.

— Ты мне нужен, — вот и все, что он сказал, и это было адресовано исключительно Твичу.

ДА. Мои худшие опасения подтвердились. Он хотел, чтобы святая троица вернулась в лоно церкви.

Я повернулась, чтобы посмотреть на мужчину рядом со мной, и мой нос сморщился.

— Нет.

Но Лука был настойчив.

— Мое королевство разваливается на части, и даже посреди всего этого бардака я помог тебе. — Последнее заявление было адресовано нам обоим, и он убедился, что я это знаю. — Это может занять у нас некоторое время, но все можно восстановить, Твитч. Мне просто нужно несколько хороших людей.

И снова:

— Нет.

Лука уставился на меня.

— Я с тобой разговариваю, женщина?

О нет, он этого не сделал.

Ему придется меня услышать, да поможет мне Бог.

— Ты видишь это кольцо? — я подняла левую руку, и сверкающий бриллиант сверкнул на свету. — Это кольцо означает, что его жизнь больше не принадлежит ему, чтобы торговаться. Она моя, Лука. И я говорю — «нет». — Выражение моего лица говорило ему, что он должен бороться со мной. Я, черт возьми, раззадорила его. — У тебя может быть трон, Лука. — Я постояла секунду, прежде чем снова сесть на колени к Твитчу. — Но он мой, и будь я проклята, если кто-нибудь попытается отнять его у меня.

Твитч попытался вмешаться:

— Детка...

Но я решительно пресекла это дерьмо:

— Если ты не закроешь свой рот, я закрою его за тебя, Тони. Клянусь Богом. Не дави на меня сейчас.

Вздых за моей спиной сказал мне, что я была занозой.

К счастью, мне было все равно.

— Она страшная женщина, — тихо произнес Лука.

— Крепкий орешек, — возразил самодовольный Твитч, нежно сжимая мое бедро.

Да, так оно и было. Но дело было не только в этом. Во мне был страх, который никогда не покидал меня. Этот страх заставлял меня делать то, на что я никогда не считала себя способной. Этот страх медленно покидал меня, но этот страх никогда не исчезнет полностью, если Твитч будет работать так, что я никогда не буду знать наверняка, вернется ли он домой.

Я не могу так жить.

Я заслуживаю лучшего.

Мы заслуживаем лучшего.

— Шесть лет, — прошептала я. — Шесть лет я провела без него. — Он никак не мог

понять, через какой ад я прошла за это время. — Мой сын так много упустил. Я только что вернула его, Лука. Я не могу потерять его снова. Мне очень жаль. Я бы скорее рискнула собой, чем рискнула его жизнью, потому что это пулевое отверстие... — Мой вздох вышел усталым, но я почти сразу же снова вспыхнула. — Этот чертов шрам у него на шее говорит мне, что он достаточно глуп, чтобы верить, что он непобедим. А мы все знаем, что это неправда.

На это Твитч казался оскорбленным.

— Не хочешь сбавить обороты, Ангел?

Нет, не хочу.

Я развернулась на его коленях лицом к нему, сделала глубокий вдох и осторожно заговорила:

— Знаешь ли ты, что когда волки спариваются, самка делает вид, что боится, только чтобы оказаться под ним. Она притворяется испуганной, Твитч, но она делает это, чтобы защитить его горло, его слабое место. — Его лицо смягчилось. — Ты называешь меня королевой, дорогой, но какой бы я была королевой, если бы не защищала своего короля?

Твитч смиренно посмотрел на меня. Подняв руку, он нежно коснулся моей щеки, проведя большим пальцем по моей челюсти. И это действие сказало мне все, что мне нужно было знать.

Он со мной.

Все решения, которые будут приняты отныне, мы примем ради нас. Ради нашей стаи.

— Это отвратительно, — заявил Лука, и когда мы оба повернулись к нему лицом, он выглядел немного больным. — Вы, ребята, чертовски отвратительны, вы знаете это? И еще... — он перевел взгляд на Твитча. — ... где, черт возьми, мне найти такую, как она?

Я почувствовала, как тело моего короля содрогнулось под моим в беззвучном смехе. Но я не сводила глаз с Луки.

Судьба сводила нас вместе снова и снова, но я бы не стала принимать это как должное. Завтрашний день нам не был обещан. Поэтому я боролась за то, чтобы мы были в безопасности вместе.

— Он мой, Лука. Мой и только мой. — Мой голос дрожал, и я ненавидела то, какой слабой чувствовала себя. Слова выходили медленно. — Ты не можешь забрать его.

Лука пристально наблюдал за мной, и взгляд новообращенного короля метнулся к павшему королю позади меня. Прошло долгое мгновение, прежде чем он закатил глаза и произнес:

— Знаешь что? — сказал Лука, прежде чем хлопнуть себя руками по бедрам, а затем пригвоздил меня беззаботным взглядом. — Я не хочу его.

И я снова могла дышать.

— О, хорошо.

Могут ли они видеть, как мое сердце выскакивает из груди?

Надеюсь, что нет.

— Ну... — когда я встала, то облизала губы и изобразила самообладание. — Как бы хорошо это ни было, Лука, нам нужно вернуться домой к нашему сыну.

Твитч взял мою дрожащую руку в свою и сжал ее в молчаливом знаке поддержки, и когда Лука посмотрел вниз на наши переплетенные руки, он встал с глубоким вздохом.

— Как скажешь. — Его губы опустились вниз. — Уберите это сентиментальное дерьмо из моего дома, хорошо? — он указал на входную дверь. — Проваливайте.

Но я улыбнулась. Потому что ближе узнала Луку. И когда я отпустила руку Твитча и сделала короткую прогулку к нему, он позволил мне взять его лицо в свои руки, притянуть его к себе и запечатлеть долгий, крепкий поцелуй на его щеке. Когда он, наконец, отодвинулся, и я открыла рот, чтобы заговорить, я не смогла выдавить из себя то, что мне нужно было сказать.

Спасибо.

Лука, должно быть, почувствовал это. Я знаю, что он это сделал, потому что, когда я попыталась заговорить, он нерешительно моргнул и тихо пробормотал:

— Все в порядке. У нас все хорошо.

Я сморгнула слезы, которые, казалось, нападали на меня ежедневно, чувство переполняющих эмоций, которое не покидало меня, и кивнула сквозь комки в горле, когда сделала шаг назад прямо в объятия человека, который буквально боролся со смертью, чтобы быть со мной в жизни.

Я начинала понимать, что Твитч никогда не делал ничего наполовину. Жизнь, работа, любовь. Он впадал в крайности во всех отношениях. И пожив без него, я стала ценить то, что он дал мне.

Он был моим, а я — его, безоговорочно, и мы наконец-то были счастливы.

Когда мы вышли от Луки, я погрузилась в свои мысли, пока Твитч вез нас домой. Я отвлеклась только тогда, когда он потянулся к моей руке, переплел наши пальцы и положил их на центральную консоль. Он пристально посмотрел на меня, изучая мое лицо, прежде чем вернуть взгляд на дорогу.

— Ты в порядке, детка?

В порядке ли я?

Я подумала об этом.

— Да, — тихо выдохнула я. — Все отлично.

Знаю, что это было не то, о чем он спрашивал, но это был ответ, который он получил, и, судя по его легкой улыбке, это был ответ, которого он хотел. Когда он открыл рот и произнес:

— Я чертовски люблю тебя, — это прозвучало скорее как угроза, чем ласковое обращение, и это было так серьезно, так резко, что я ничего не могла с собой поделать.

Я громко фыркнула.

И улыбка Твитча превратилась в ухмылку.

Проклятье.

Я любила этого человека и дала об этом знать. Наклонившись, я прижалась губами к его щеке, целуя его щетину тепло, нежно, снова и снова, и когда я попыталась отстраниться, он нахмурился.

— Эй. Вернись.

Когда он схватил меня за ворот рубашки и прижал к себе, я издала негромкое «ах», и наши губы встретились в жестком поцелуе. Он овладел моим ртом так, как говорилось в стихах. Без колебаний, в полном самозабвении, и земля перестала двигаться на те секунды, когда наши губы соединились.

Как бы я смогла жить без такой любви?

Ответ пришел быстро.

Никак.

Я бы не смогла.

И когда мои глаза снова открылись, я почувствовала, как мои щеки потеплели. Я долго смотрела на мужчину напротив меня, и когда он повернулся, чтобы подмигнуть мне, мой желудок сжался.

Не нужно было быть гением, чтобы понять, что наша любовь была редкостью.

Поэтому, когда снова открыла рот, я заговорила тихо.

— Я люблю тебя, Твитч.

Он не отрывал глаз от дороги, но его хватка на моей руке усилилась. Самоуверенный мудака ответил:

— Знаю.

Тогда мне захотелось ударить его, но я этого не сделала.

Вместо этого я мягко улыбнулась и ответила:

— Хорошо.

Абсолютное блаженство, которое я испытала в тот момент, было таким всепоглощающим, таким сильным, что мой разум просто должен был разрушить его.

Да. Теперь ты счастлива. Но как долго это продлится, Лекси?

И вот так просто настроение испорчено.

Мое беспокойство усилилось в десять раз. Мои мысли блуждали. Мои внутренности перевернулись почти болезненно.

С нами все было бы в порядке.

Я имею в виду, что еще может пойти не так? Все было так, как и должно быть.

Мой разум рассмеялся.

Не задерживай дыхание.

Но поскольку я верила в нас и так сильно хотела, чтобы это сработало, я это сделала.

Мне не следовало этого делать.

Лекси

Мое сердце замерло в тот момент, когда я увидела знакомую полицейскую машину, припаркованную перед домом.

— Твитч, — пробормотала я, выпрямляясь и цепенея от страха.

Он нахмурился и заговорил тихо, очевидно, чувствуя, что меня легко напугать.

— Скорее всего, ничего такого.

Вероятно, он прав. Но что, если это нет?

Я уже отстегнула ремень безопасности к тому времени, когда Твитч въехал на подъездную дорожку, и когда машина остановилась, я вылетела из машины, захлопнув за собой дверь, и бросилась к дому с бешено колотящимся сердцем и широко раскрытыми глазами. В ту же секунду, как я открыла входную дверь, я крикнула:

— ЭйДжей!

Он не ответил. Мои опасения переросли в откровенный ужас. И когда я спустилась в холл, то замерла на месте, встретившись с серьезным взглядом Гейба Бланко. Я выдержала этот взгляд и, тяжело дыша, неуверенно спросила:

— Где мой сын, Гейб?

Спину обдало теплом, когда Твитч встал за мной в защитном жесте.

Я не ожидала ответа, который получила.

— В службе защиты детей.

У меня отвисла челюсть и свело живот.

Из-за моей спины Твитч произнес с полным недоверием:

— Повтори еще раз?

Гейб сел за наш обеденный стол, потягивая кофе, который налил себе, и пожал плечами.

— Не знаю, чего ты ожидал, Фалько. — Он смерил нас взглядом, который, я была уверена, использовался, чтобы запугать худшего из преступников. — Вы отказываетесь давать показания. Отказываетесь позволить нам поговорить с мальчиком...

Твитч прошел мимо меня, его глаза сверкали, и он прогремел:

— Он не готов. Он выздоравливает.

— У нас есть вопросы, Твитч. Вопросы, на которые вы отказываетесь отвечать. — Гейб встал, встречая движение Твитча и повысив голос. — И теперь сверху решили, что закончили с ожиданием, пока вы будете готовы. — Гейб развернулся, запустив руку в свои короткие каштановые волосы. — Бл*дь! — он повернулся и сердито посмотрел на Твитча. — Думаешь, я хотел этого? — он покачал головой. — Смотри на меня так сколько хочешь, придурок, — он ткнул указательным пальцем в грудь Твитча, — но это ты виноват в этом, а не я.

Я слушала, но это было трудно понять.

Что это значит?

Тишина была такой плотной, что ее можно было разрезать ножом, и когда Твитч оттолкнул руку Гейба от себя, я почувствовала, как кровь шумит у меня в ушах.

Мой вопрос прозвучал монотонно.

— Ты забираешь у нас нашего сына?

Это был мой худший страх, воплотившийся в жизнь.

Гейб возвел глаза к небу и упер руки в бока. Он опустил голову, отказываясь смотреть на меня.

— Я ничего не делаю, Алекса. — Его губы сжались. — Я же сказал, это не в моей власти. — Он сделал глубокий вдох и заговорил на медленном выдохе: — Если тебя это утешит, Молли с ним.

Челюсть Тони дернулась.

— Клянусь Богом, ты, кусок дерьма, если с ним что-нибудь случится... — Твитч сделал угрожающий шаг вперед, но я схватила его сзади за футболку, удерживая его.

— Остановись, детка. — Мой голос был едва слышен.

Здесь мы должны были быть умными.

К моему удивлению, он остановился, тяжело дыша через нос. Его тело вибрировало от сдерживаемого гнева.

Я квалифицированный социальный работник. Я знаю эту систему. Знаю ее вдоль и поперек.

Они не могли этого сделать.

Они не могли.

Нет. Только не с моим сыном.

Конечно. Повторяй себе это, Лекси.

Чувствуя жгучую боль в груди, я обдумывала это новое развитие событий. Здесь мы имели дело не с кем попало. Мы имели дело с системой более высокого уровня, чем австралийская федеральная полиция. Это означало только одно.

Теперь мы имели дело с АСБР.

Иисус, долбанный Христос.

Это было нехорошо.

Австралийская служба безопасности и разведки. И такая организация, как эта, творила много разного дерьма. В такой организации, как эта, не было никаких правил.

Я с трудом сглотнула, приходя в себя, и обхватила руками руку Тони, чтобы остановить его от нападения на ничего не подозревающего офицера полиции Австралии.

— Что нам нужно здесь сделать, Гейб? — когда он не ответил, я взмолилась в своей горе. — Пожалуйста, — произнесла я. — Не делай этого для нас. Сделай это для Эйджея он, наверное, в ужасе. — От этой мысли у меня скрутило живот.

И когда я подняла глаза на Твитча, он посмотрел на меня сверху вниз с решимостью, которая сказала мне, что мы сделаем все, чтобы вернуть его. Потому что вечность ничего не значила без нашего сына.

— Наверное. — Гейб громко вздохнул, прежде чем поджать губы. — Думаю, вы могли бы начать с дачи показаний. Рассказать нам, что на самом деле произошло той ночью. — Похоже, мы не произвели на него впечатления. — Это было бы неплохим началом.

И поскольку Гейб Бланко знал, кто такой мой муж, знал, кто мы такие, он взял свои ключи и направился к входной двери.

— Дам вам немного времени, чтобы... — он сделал паузу, — ... обдумать эти события.

Чушь собачья.

Он давал нам время разобраться в наших историях.

Перед уходом он вручил нам свою визитку.

— Увидимся через час, хорошо?

— Мы будем, — произнес Твитч, кладя карточку в карман.

И как только мы остались одни, мы повернулись друг к другу, выглядя почти так же плохо, как себя чувствовали.

Мои глаза закрылись сами по себе, а плечи опустились.

— Меня начинает по-настоящему тошнить от этого дерьма, дорогой.

Крепкие руки обвились вокруг меня и прижали к себе. Он поцеловал меня в макушку, нежно поглаживая спину.

— Просто небольшая неудача, детка, вот и все. — Его большие руки замерли на моих бедрах. — Мы должны рассказать о том, что произошло.

Я подняла глаза, чтобы встретиться с ним взглядом.

— А что произошло? — мой взгляд остановился на его нахмуренных бровях. — Линг была неосторожна. Ее заметили. Мы столкнулись с ней лицом к лицу. Как раз перед тем, как мы успели вызвать полицию, она прыгнула навстречу своей смерти. Конец истории.

Хватка Твитча на моих бедрах усилилась. Его глаза не отрывались от моих, когда он опустил лицо и нежно поцеловал мои губы, а затем мягко прошептал:

— Моя сильная женщина.

Я пришла к выводу, что так оно и было. Глубоко внутри меня была спрятана алмазоподобная сила, которая поднималась на поверхность. Я не извинялась за то, что была такой, какой меня сделала эта жизнь.

Ты либо уворачиваешься от ударов, либо получаешь нокаут.

Естественно, с тем количеством ударов, которые мне нанесли, я, наконец, научилась уклоняться.

На это у меня ушли годы, синяки и разбитое сердце, но в конце концов я выросла.

Когда Тони отстранился, я просунула пальцы в петли его джинсов. Он успокаивающе погладил мои руки от плеч до запястий.

— Ты готова, детка?

Мое выражение лица было пустым, но я кивнула.

— Пойдем заберем нашего мальчика.

Твитч

Допрос длился уже час, и я начал нервничать. До сих пор ни один из вопросов не касался Линг. На самом деле, это звучало так, как будто Габриэль Бланко пытался получить информацию о людях, которым я был обязан, о людях, которые помогли спасти жизнь моего сына.

Гейб сидел напротив меня, и диктофон на столе дразнил меня.

— А Вегасы?

— А что насчет них? — я откинулся на спинку стула.

Плечи Гейба напряглись вместе с его лицом.

— Насколько нам известно, им не очень рады в этих краях. Почему они вернулись?

Я пожал плечами.

— Откуда, черт возьми, я должен знать?

Это была не моя история, чтобы ее рассказывать. Они были хорошими людьми, которые облажались.

А кто не лажал?

— Твитч. — Гейб ущипнул себя за переносицу, прежде чем посмотреть на меня

усталыми глазами. — Дай мне что-нибудь, чувак. Все, что угодно. — Он закрыл глаза. — Помоги мне помочь тебе.

Чего он хотел от меня?

— Я не сделал ничего плохого. И если ты думаешь, что я сделал... — я многозначительно поднял брови, — ... докажи это. Предъяви мне обвинение. Запри меня.

Мы оба знали, что у него на меня ничего нет. Если бы было, я бы уже сидел в камере.

Габриэль Бланко не был глупым человеком, и он знал, что это гиблое дело. К счастью, он двинулся дальше, делая заметки в своем маленьком блокноте.

— Ладно. — Некоторое время он продолжал писать, а когда остановился, пристально посмотрел на меня. — Расскажи мне, что случилось с Линг Нгуен. Как ты случайно наткнулся на нее? — он позволил глухой тишине повиснуть вокруг нас, прежде чем выпрямиться во весь рост. — Как она оказалась мертвой, Фалько?

Мои губы сжались.

— Она была неосторожна. Ее заметили. Мы противостояли ей, вернули нашего сына, а она выбросилась из окна.

Гейб наблюдал за мной, не моргая. Когда он понял, что это все, что я мог дать, его брови изогнулись.

— И это все? — в ответ на мое молчание он разразился резким лающим смехом. — Серьезно, Фалько? И это все, что ты мне дашь?

Я подумал о Лекси, которая где-то в комнате одна, и ее допрашивают, как гребаную преступницу, и мое горло сжалось. Но я вспомнил, что она сказала мне перед тем, как мы расстались.

«Я знаю, что это против твоей натуры, милый, но мне нужно, чтобы ты был настолько хладнокровным, спокойным и собранным, насколько можешь, хорошо? Борись со своим гневом. Будь умным. Будь в безопасности».

Это было против моей натуры, но я менялся.

Ради нее я готов на все.

Я сделал глубокий вдох и мысленно сосчитал до десяти, борясь с нарастающей яростью.

— Именно это и произошло, сержант Бланко. — Моя челюсть сжалась, и я произнес: — Не могу дать тебе больше, чем правду.

Гейб прищурился, глядя на меня.

— Хочешь сказать, что Линг Нгуен, Королева Драконов, которая, по слухам, убила сотни людей...

Тысячи, — мысленно поправил я его.

— ... просто сдалась без боя?

Я кладу руки на холодный стол, борясь с желанием навалить ему по морде.

— Она была загнана в угол. Знала, что ее время вышло. Это была либо тюрьма, либо смерть. — Я приподнял брови. — Линг выбрала смерть. — Я не дрогнул и выдержал его взгляд. — Я видел, как она подошла к окну, встала на подоконник и прыгнула. — Мои внутренности сжались от того, каково это было — сбросить ее с десятого этажа. Удовольствие наполнило меня при воспоминании о потрясении в ее глазах. — Это было самоубийство.

Дверь позади меня открылась, и когда высокий седовласый мужчина вошел, он произнес:

— Это были мои выводы.

Что? Каким образом? Почему?..

— Да, бл*дь, не может этого быть, — медленно сказал я, поднимаясь, чтобы встать.

Итан Блэк улыбнулся, несмотря на его очевидное раздражение.

— Похоже, ты не можешь уберечься от неприятностей, не так ли, сынок?

Хотя я был рад видеть его, мой лоб нахмурился.

— Что ты здесь делаешь?

Итан не ответил на мой вопрос. Я не упустил из виду, как его улыбка на мгновение дрогнула. Но он был опытным в общении со мной.

— Провел некоторое время с твоим сыном.

Мои глаза расширились.

Провел время с моим сыном?

— Когда?

— Вот. Только что. — Его улыбка стала теплой. — Не могу поверить, что ему всего пять. Господи, какой же он умный. Он хороший мальчик, Твитч.

Подожди-ка.

Он говорит мне?..

— Он здесь? — я повернулся к Гейбу, мои глаза следили за каждым его движением. — В этом здании? — когда выражение лица Гейба стало смущенным, я закрыл глаза и медленно покачал головой, выдавив: — Ты кусок дерьма.

— Я также встретил твою женщину, — тихо добавил Итан. Когда я перевел свой беспокойный взгляд на его безмятежный, он приподнял бровь. — Не мог не заметить, что у нее на пальце было красивое кольцо. — Его голос затих. — Я не понял этого тогда, но понимаю сейчас. — Он сделал секундную паузу. — Такая женщина... стоит того.

Гейб резко выдохнул.

— Я здесь в разгаре дачи показаний, Блэк. Могу я чем-нибудь помочь?

Итан выпрямился и посмотрел на сержанта сверху вниз так, как мог только начальник штаба ФБР.

— Да. Останови дачу показаний. Ты получил все, что тебе было нужно. Мы закончили. — Итан положил руку мне на плечо. — Давай же.

И это все?

Мне не нужно было повторять дважды. Я быстро встал и двинулся следом.

Прежде чем мы смогли выйти, Гейб Бланко пробормотал:

— Сэр, подождите. — Он стоял, недоверчиво глядя на Итана. — Информация, которой он располагает... — он позволил остальной части этого заявления повиснуть в воздухе.

И Итан доказал мне, что он человек слова.

— Антонио Фалько отсидел свой срок. Шесть лет. Этот человек предоставил все, что мог, и теперь он уходит. — Итан Блэк устремил свой черный взгляд на Габриэля Бланко. — Смерть Линг Нгуен была признана самоубийством, и в стране от этого стало безопаснее. Разве ты не согласен?

Кулаки Гейба сжались от разочарования, и он опустил голову на мгновение, прежде чем поднять ее. Он выглядел смирившимся и говорил осторожно.

— Да, сэр.

— Хорошо. А теперь, — ответил Итан, — если не планируешь обвинить этого человека в преступлении, я отведу его к его семье.

Его тон умолял Гейба сразиться с ним.

Мне даже хотелось, чтобы он это сделал. Ничто не сделало бы меня счастливее, чем видеть, как немного опустят этого придурка в синем воротничке.

Тон Гейба понизился на тон и сквозь стиснутые зубы, он ответил:

— Да, сэр.

Итан открыл дверь, и с ухмылкой, которая, я знаю, должна была убить его, я подмигнул Габриэлю Бланко, следуя за своим старым другом на свободу.

Лекси

Скрип двери заставил меня немедленно встать, и в ту секунду, когда мой обеспокоенный взгляд встретился с его, мои плечи опустились, и я нетерпеливо направилась к нему. Он обнял меня, уткнувшись лицом в изгиб моей шеи, и я впитала все, что он дал в этих крепких объятиях. Когда мы немного постояли в объятиях друг друга, я подняла лицо, и он долго смотрел на меня сверху вниз, прежде чем нежно поцеловать в губы.

— Ты в порядке?

— Да, — тихо ответила я. — А ты?

Глаза Твитча искрились весельем.

— У меня все хорошо, Ангел.

— Папа, — прохрипел тоненький голосок. Маленький монстр соскользнул с колен Молли и побежал к Твитчу, раскинув руки.

Тони ухмыльнулся, поднял сына на руки и крепко обнял его, прижимая к себе за затылок.

— Привет, приятель, — тихо сказал он ему в волосы и нежно покачал его.

Это зрелище было одним из многих, которые заставляли мое сердце биться сильнее. Я бы сохранила подобные моменты в своей памяти навечно.

Именно тогда я заметила мужчину постарше за его спиной, и когда я прижалась к Тони, то по-доброму улыбнулась седовласому мужчине, с которым познакомилась всего час назад.

— Еще раз здравствуйте.

Итан Блэк одарил меня вежливой улыбкой.

— Как он?

ЭйДжей положил голову на плечо отца и обнял его за шею.

— Будет в порядке.

Но правда заключалась в том, что ЭйДжей по понятным причинам был ошеломлен разлукой с нами. Физически он исцелялся. Мысленно... Я не была так уверена. Он просыпался посреди ночи и чаще всего забирался к нам в постель, и мы ему это позволяли. Он улыбался меньше, чем раньше, и смеялся тоже меньше. Его пятилетние глаза выглядели усталыми и постаревшими, и эти глаза внимательно оценивали окружающее, выискивая опасность там, где ее не было. Меня беспокоило, что часть моего сына никогда полностью не оправится. Что он никогда не станет тем беззаботным ребенком, каким был раньше. Я знала это.

Как он может стать прежним?

Линг сломала моего сына, и, в то время как ей была дарована смерть, ЭйДжею придется жить со страхом, который она внушила, до конца его жизни.

Я так устала. Все, чего я хотела — это вернуться домой и исцелиться всей семьей.

Я повернулась к Твитчу и провела рукой по спине моего сына.

— А теперь мы можем пойти домой, пожалуйста?

— Ах, — вмешался Итан, прежде чем Твитч успел заговорить. — Прежде чем вы это сделаете, мне нужно с вами поговорить. Это важно. — И когда Итан нежно коснулся волос Эйджея и обратился непосредственно к нашему сыну, я поняла, что что-то случилось. — Сынок, мне нужно поговорить с твоими родителями. Не мог бы ты оставить нас на минутку?

Эйджей поднял голову, выглядя беспокойным и раздраженным. Он говорил осторожно.

— Нет. — Это прозвучало настолько вежливо, насколько могло, но я услышала страх в его голосе. Он не собирался рисковать и снова разлучаться с нами. Он хотел быть рядом, и я была благодарна Итану за то, что он это понимал.

— Мы никуда не уйдем, сынок, — заявил Итан. — Я никуда их не повезу. Мы останемся здесь, хорошо? Нам просто нужно поговорить минутку.

Твитч наблюдал за выражением смятения на лице Эйджея, и, судя по тому, как напряглась его челюсть, ему это не понравилось.

— Все в порядке, приятель. Мы будем прямо здесь.

Мы дали Эйджею время, в котором он нуждался, и когда Молли вышла вперед, она протянула руку маленькому монстру.

— Давай, бу. Там есть несколько классных игрушек. Давай немного поиграем.

Твитч опустил его на пол, и хотя это заняло у него некоторое время, Эйджей взял Молли за руку и позволил ей отвести его в уголок с игрушками. Он притворился, что играет, но не сводил с нас глаз, и это разбило мое и без того разбитое сердце.

Итан махнул рукой в сторону маленького дивана.

— Пожалуйста, сядьте.

О, нет.

Что-то было не так.

Господи.

Мне хотелось плакать.

Когда это закончится?

Мы сидели в тишине, и когда Итан выдвинул стул, чтобы сесть перед нами, Твитч пробормотал:

— Почему ты здесь, Блэк?

Его тон указывал на то, что он только что осознал, что присутствие этого человека, возможно, не было даром божьим, как мы первоначально думали.

Итан положил локти на разведенные колени и сложил руки вместе. Когда он спросил:

— Чего ты хочешь в первую очередь, хороших новостей или плохих? — мое сердце дрогнуло.

То, как он это сказал, как будто действительно не было никаких хороших новостей, заставило Твитча громко вздохнуть и обхватить голову руками, издав низкий стон.

Мои губы шевельнулись.

— Хорошие новости.

Итан слегка кивнул.

— Ладно. Хорошая новость заключается в том, что с вас обоих сняли все обвинения в причастности к смерти Линг Нгуен.

Мой нос сморщился.

— Мы не сделали ничего плохого. Она украла нашего сына. Накачала его наркотиками, мистер Блэк. — Я наклонилась вперед и повторила: — Мы не сделали ничего плохого.

— Я знаю это, — заявил Итан самым умиротворяющим тоном, что заставило меня

снова откинуться назад.

Твитч убрал руки от измученного лица и выпрямился.

— А плохие новости?

— Ну, — начал Итан. — Неудивительно, что АСБР следили за тобой с момента твоего возвращения и вплоть до твоей небольшой ситуации с Линг Нгуен, они были счастливы...

Что?

Я ничего не понимала.

И когда я в замешательстве посмотрела на Твитча, он закатил глаза, разочарованно выдохнув:

— Трахни меня, Итан. Просто скажи это уже!

Итан сказал это.

— Тебя депортируют, Твитч.

Прошу прощения?

Выражение лица Твитча говорило о том, что он был так же потрясен этой новостью, как и я.

— Что? — недоверчиво произнесла я.

Итан откинулся на спинку стула.

— Боюсь, Австралию, к сожалению, очень тошнит от дерьма, которое, похоже, следует за Антонио Фалько.

Лицо Твитча изменилось, осунулось, как будто он только что что-то понял.

— Вот почему ты здесь. — Он издал невеселый смешок. — Ты мой сопровождающий.

Итан не стал утруждать себя подбором слов.

— Верно.

От жестокой ухмылки Твитча у меня заболел живот.

— Они думают, что я уйду тихо, потому что ты здесь? Ну, бл*дь, они думали неправильно. — Он встал так быстро, так яростно, что у меня вырвался короткий вздох. Приложив руку к груди, я заглянула в его дикие глаза. — Это дерьмо собачье. — Он прошелся по комнате, затем стиснул зубы и прорычал: — Если они хотят войны, они, твою мать, ее получают, Блэк. Попомни мои слова. — Его улыбка стала лукавой. — Думают, они могут разлучить меня с моей женщиной. К черту это. Я скорее устрою ад в этом захолустном городишке, чем позволю кому-нибудь забрать меня из моей семьи.

Это был мой муж. Это был тот, кем он был, и я хотела его всего целиком.

Хорошего. Плохого. Психа.

Твитч был человеком благих намерений, сшитым воедино колючей проволокой и подпитываемым неприкрытой яростью. И со временем я поняла, что не хочу, чтобы он менялся, потому что сломанные его части были теми частями, которыми я дорожила всем сердцем.

Решение было принято.

— Сядь, — сказала я.

Его глаза в замешательстве уставились на меня.

— Сядь, — повторила я непреклонно.

Он долго смотрел на меня, прежде чем медленно сесть рядом со мной, и когда я заговорила, то говорила осторожно, надеясь, что он поймет, к чему я клоню.

— В первый раз, когда ты оставил меня, мне казалось, что в моем сердце каждый божий день идет дождь. И облака закрыли солнце. Долгое время я не видела ничего, кроме серого

цвета. — Я сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. — Я не хочу, чтобы это повторилось снова. Я никогда не смирюсь с разлукой с тобой. Куда бы ты ни пошел, я последую за тобой. — Я посмотрела на его руки и вложила свою маленькую в его. — Мы принадлежим друг другу.

Когда он, наконец, обрел голос, он спросил:

— О чем ты говоришь, детка?

— Я говорю... — мой неуверенный взгляд встретился с его, — ... что, возможно, пришло время для перемен. — Мой печальный взгляд скользнул к маленькому монстру, машинально играющему в углу без удовольствия или счастья. — Может быть, это скрытое благословение. Может быть, этот шаг пойдет на пользу всем нам.

Он посмотрел на меня так, как будто я сошла с ума.

— Ты серьезно?

— Как сердечный приступ, — пробормотала я, коротко кивнув.

— ЭйДжей ходит в отличную школу, — возразил он.

— Мы найдем для него другую отличную школу в Штатах.

— У него здесь есть друзья, детка.

— У него появятся новые друзья.

Он выглядел озадаченным.

— У тебя здесь своя жизнь.

Я покачала головой.

— Это не та жизнь, которую стоит проживать без тебя.

И я именно это имела в виду.

За все время, что я его знала, я никогда не видела, чтобы лицо Антонио Фалько смягчилось так, как сейчас.

— Детка, — нежно произнес он, и когда притянул меня к себе, то обхватил мою щеку и поцеловал, как будто я была самой драгоценной вещью в мире. Именно тогда я поняла, что это решение было самым простым в моей жизни.

Жизнь без Твитча была пыткой, которой я не хотела подвергать себя.

Итан дал нам время, и когда мы снова повернулись к нему, его глаза улыбались Твитчу и он, довольно озадаченный, пробормотал:

— Оно того стоило.

— Итак, — спросил Твитч, — как это работает?

— Сколько времени у нас есть? — добавила я.

Итан усмехнулся.

— Они хотят, чтобы Твитч вылетел следующим рейсом. — Увидев явное недоверие на наших лицах, он быстро добавил: — Но я могу над этим поработать. Я бы с уверенностью сказал, что у вас есть пять или шесть дней. Максимум неделя.

— Неделя? — повторила я.

Было ли этого времени достаточно, чтобы собрать всю нашу жизнь?

Думаю нет, но не похоже, что у нас был выбор.

— Послушай, — сказал Твитч, взяв меня за руку, заботливо проводя большим пальцем по моей. — Как насчет того, чтобы я полетел один, а когда все будет улажено, ты притащишь свою задницу с моим мальчиком?

Вау.

Его голос звучал так, словно он ненавидел эту идею, как будто ему было трудно даже

произнести это вслух.

К счастью для него, мне тоже была ненавистна эта идея.

С ума сойти, сколько любви ты можешь питать к другому человеку. Она просто струилась по моим венам. Давала мне жизнь.

— Мы полетим вместе, — мягко произнесла я, прежде чем повернуться к Итану. — Неделя — это здорово. Мы заставим это сработать. Спасибо, Итан.

Итан встал.

— Отлично. Мне нужно сделать один телефонный звонок. Прошу прощения.

Как только он ушел, пальцы Твитча обхватили мое запястье, а затем потянули его, и когда я встретила его мягкий карий взгляд, он пробормотал:

— Ты не должна этого делать.

Мой ответ был резким.

— Я знаю.

Его брови поползли вверх.

— Это твое отношение что-то новенькое. — Его губы сжались. — Не знаю, нравится мне это или нет, Лекс. — Я не смогла сдержать улыбку, которая растянула мои губы. И когда он посмотрел на меня, я имею в виду действительно посмотрел на меня, его брови слегка нахмурились. — Мы действительно это делаем?

Я задумчиво склонила голову набок.

— Да, — тихо сказала я. — Делаем.

— Ты уверена?

У меня было такое чувство, что он не собирался спрашивать снова. Это было время высказаться, если у меня есть какие-либо опасения. И чем больше я думала об этом, тем больше не могла придумать ничего, что бы я предпочла, чем сделать наши первые шаги как семья. Чтобы расти. Чтобы восстановить то, что было разрушено.

Когда я посмотрела на нашего сына, то улыбнулась про себя.

— Уверена, детка.

На самом деле, никогда так не была ни в чем уверена, как сейчас.

Лекси

— Они не могут этого сделать. — Разъяренная Никки вскочила со своего места, широко раскрыв глаза.

Я улыбнулась ее возмущению. Когда я заговорила, это было мягко и спокойно.

— Они уже сделали это, милая.

— Но... — Никки начала задыхаться. — Но... — она выглядела так, как будто ее вот-вот стошнит. Ее голос ослаб. — Но... — она хлопнула Хэппи тыльной стороной ладони в плечо, и когда он посмотрел на нее, ее лицо сморщилось. — Сделай что-нибудь!

Выражение лица Хэппи смягчилось. Он потянул свою руку вниз за ее запястье и усадил ее рядом с собой.

— Я ничего не могу с этим поделать, детка. Кроме того... — Хэппи печально улыбнулся своему брату, — ... они хотят уехать.

— Нет, они этого не хотят, — пробормотала Никки. Выражение моего лица выдало меня. Ее глаза ярко сияли от непролитых слез, и когда они остановились на мне, ее губы приоткрылись, и она обвиняюще заявила: — Ты хочешь уехать?! — она быстро заморгала. — Ты хочешь покинуть нас? — ее голос звучал совершенно безжизненно. — Почему?

Я знала, что это будет трудно, но почему-то в моей голове все шло по-другому.

Стоя в углу комнаты, скрестив руки на груди, как капризный ребенок, как задумчивая стерва, которой он и был, Дэйв сурово посмотрел на Твитча.

— Из-за него.

Твитч вскинул руку и показал средний палец Дэйву.

— Пошел ты, Дэвид Аллен.

Дейв не дрогнул.

— Это правда. — Он оттолкнулся от стены и поник. — Она покидает нас из-за твоих бесконечных неудач. — Он выглядел таким растерянным. — Независимо от того, кто ты и чем занимаешься, она любит тебя. Всегда так было. — Он пожал плечами, выглядя погруженным в свои мысли. — Я этого не понимаю.

Именно тогда Хэппи пробормотал:

— Ты бы никогда и не понял.

Вся комната погрузилась в тишину.

О-о-о.

Брови Дейва чуть нахмурились.

— И что это должно означать?

Хэппи поднял руки вверх, уступая.

— Речь идет не о нас.

Дэйв сделал шаг вперед.

— Ты только что сделал это о нас.

— Я не должен был ничего говорить. — Хэппи пристально посмотрел на меня, затем на Твитча, и я не могла не заметить, как Никки потеряла его руку, не сводя грустных глаз со своего мужчины. — Приношу свои извинения.

Но Дэйв не хотел прекращать этот разговор.

— Да, тебе не следовало этого делать. Но ты это сделал. Так что... — он развел руки в

стороны. — Продолжай, Хэппи. Говори то, что ты хочешь сказать.

Хэппи в отчаянии стиснул зубы.

— Ты хочешь, чтобы я высказался?

— Да. — Дэйв вздернул бровь. — Я хочу, чтобы ты высказался.

— Хорошо, ты хочешь сделать это здесь? Прекрасно. — Челюсть Хэппи оставалась напряженной, и это не соответствовало безмятежной манере, с которой он говорил. Он пристально посмотрел на своего бывшего, и его прищуренные глаза сказали мне, что то, что должно было произойти, вероятно, было не тем, что Дейв хотел услышать. — Ты гребаный трус.

Мои брови взлетели до линии волос.

Бум.

Это было очень долго. Напряжение между Хэппи и Дейвом нарастало уже некоторое время, и оно только что достигло точки кипения.

Теперь пути назад нет.

Дэйв отшатнулся на шаг назад, как будто его толкнули. Положив руку на грудь, он в шоке приоткрыл рот, моргнул, глядя на Хэппи, и когда обрел дар речи, еле слышно произнес:

— Это нечестно.

— Да, — согласился Хэппи, затем вздохнул. — Но это правда. — Когда он также внезапно указал на меня, я удивленно откинулась назад. — Вот человек, который знает, чего хочет. Она любит мужчину и следует за ним на край света просто потому, что она знает, Дэйв. Она знает, что не может жить без него. И это прекрасно. — Он сердито посмотрел на своего бывшего партнера. — Ты смеешься над ней за то, что она обожает его, но она храбрее, чем ты когда-либо был. Чем ты когда-либо будешь. — Суровое выражение Хэппи исчезло, и все, что осталось, была чистая печаль. Его тон соответствовал его несчастью. — Итак, ты говоришь себе, что я нужен тебе не так сильно, как ты нужен мне. Ты будешь мрачным ублюдком, которого создал твой страх. Ладно, детка. — Его тон стал грубее. — Но не смей насмеяться над ней за то, что она человек, которым ты не можешь быть.

Твитч сунул руку в карман, вытащил горсть шоколадных радужных конфет и бросил пару в рот, медленно пережевывая.

— Прямо мои мысли. — Я ткнула Твитча локтем в бок, и он раздраженно посмотрел на меня сверху вниз. — Что? — он подмигнул моему закатыванию глаз и поднес шоколад к моему рту.

Вопреки себе, мои губы приоткрылись, потому что... шоколад.

Тишина была удушающей, и когда я повернулась к Твитчу, выражение моего лица кричало: «Что за черт?»

Твитч вздохнул, и его губы скривились. Прежде чем он заговорил, его лицо смягчилось.

— Эй, Дэйв, — позвал он, откидываясь назад и кладя руку мне за голову на диване. Когда Дэйв удрученно посмотрел на него, Твитч дернул подбородком в его сторону. — Почему ты делаешь моего брата несчастным, чувак?

Ладно. Итак, тактичность Твитча была примерно такой же уместной, как анальный зонд.

Дэйв усмехнулся.

— Я делаю его несчастным? — Дэйв повернулся лицом к Хэппи. — Я же сказал, что мне жаль!

Хэппи встал и зарычал, соответствуя тону Дэйва.

— Ты заставил меня съехать!

Лицо Дейва исказилось.

— Я совершил ошибку!

— Так позволь мне вернуться! — прогремел Хэппи.

Дэйв прогремел в ответ:

— Я пытался это сделать в течение нескольких месяцев, но просто не знал, как это сделать!

На это Хэппи ничего не ответил. Но Твитч это сделал. Он приложил губы к моему уху и сказал, звуча при этом самодовольно:

— Вот как это делается.

Я наклонилась к нему, улыбаясь про себя, а его рука крепче обняла меня за плечи. Когда ни Хэппи, ни Дэйв не произнесли ни слова, Твитчу стало тошно от того, что они стояли там, выглядя крайне озадаченными обменом репликами за последнюю минуту, и прищёлкнув язык он сказал:

— Брат. — Хэппи повернулся к нему лицом, и Твитч скучаяюще продолжил: — Ты собираешься поцеловаться и помириться или как? Потому что должен тебе сказать. — Он сделал незаинтересованное лицо. — Я вроде как только что покончил с вашим дерьмом.

Легкая улыбка Никки стала шире, пока она наблюдала за происходящим со стороны, и когда Хэппи не сдвинулся с места, она положила руку ему на бедро и мягко подтолкнула его к Дэйву. И после того, что казалось целой жизнью, то же самое сделал и Дэйв.

Двое мужчин обнялись, как воссоединившиеся любовники, и когда они поцеловались, я почувствовала, как их разорванная связь срастается, восстанавливаясь прямо на моих глазах. Они медленно поцеловались, и мое сердце начало биться сильнее от того, как их любовь наполнила комнату.

Никки положила сцепленные руки под подбородок, выглядя блаженно счастливой. Но когда ее глаза заметили что-то у двери, ее лицо стало встревоженным, и она испуганно выдохнула:

— Э-э...

И когда я обернулась, то поняла почему.

ЭйДжей стоял там, наблюдая, как Хэппи и Дэйв восстанавливают свою связь. Он не выглядел расстроенным или испытывающим отвращение. Просто любопытным.

Легкое ворчание, вырвавшееся у меня, заставило всех повернуться к моему сыну, и когда они это сделали, то полностью замерли от шока.

Ему потребовалось некоторое время, прежде чем он заговорил, но я знала, что в конце концов он заговорит.

— Дядя Хэппи, — с любопытством спросил он, — почему ты целуешься с Дейвом?

Мое сердце замерло.

О Боже, я не была готова к этому разговору. Почему я не была готова к этому разговору? Я же знала, что рано или поздно это произойдет. Я должна была быть готова к этому разговору!

Хэппи запаниковал.

— Э-э-э...

— Ну... — щеки Дэйва покраснели, и он с трудом сглотнул. — Видишь ли, малыш... — Дэйв замолчал, не зная, что сказать, и глядя на меня в поисках помощи.

Но на помощь пришел неожиданный герой.

— Иди сюда, приятель, — произнес Твитч, хлопывая по маленькому пространству на диване рядом с ним. — Сядь. — Эйджей занял место рядом со своим отцом, и когда Твитч заговорил, я была ошеломлена тем, что он сказал. — Дядя Хэппи и Дэйв влюблены друг в друга, и именно поэтому они целовались.

Маленький монстр задумчиво нахмурился.

— Но я думал, что Никки и дядя Хэппи любят друг друга.

— Мы любим. — Никки мило улыбнулась. — Очень сильно. — Она посмотрела на Дэйва. — Но мы также любим и Дэйва.

Твитч посмотрел на нашего маленького мальчика сверху вниз и объяснил:

— Иногда мужчины влюбляются в мужчин, и это нормально.

Да, детка. Проповедуй.

На мгновение воцарилось молчание.

Эйджей повернулся к Никки и с интересом спросил:

— Вы все спите в одной постели?

Ну... дерьмо.

Мой желудок сильно сжался.

Никки быстро оправилась от шока и прочистила горло.

— Да, дорогой.

Нос Эйджея сморщился, когда он посмотрел на Хэппи и Дэйва, а затем снова повернулся к Никки и сказал:

— Как тебя не раздавили?

Удивленный смех Никки разнесся по комнате, и она кивнула.

— Да. Иногда я тоже этому удивляюсь.

Эйджей откинулся на своего ухмыляющегося отца и выдвинул предложение.

— Может быть, вам стоит купить кровать побольше.

— Знаешь что? — Никки подавила смех. — Это отличная идея. Может, нам и стоит.

И пока все это происходило, я просто сидела и, моргая, смотрела на своего сына. Количество гордости, которое я испытала в тот момент, было ни с чем не сравнимо. Он действительно был прекрасен душой. Наш мальчик. Эйджей был жизнерадостным, он был чист сердцем, и он продолжал удивлять меня. Как и всем матерям, мне не терпелось увидеть мужчину, которым он станет. Я уже знала, что он будет кем-то особенным, и женщина, которая покорит его сердце, будет исключительной во всех отношениях, образах и формах.

Я, например, не могла дождаться встречи с ней.

День продолжался, и после того, как я подписала бланки, я передала их Хэппи.

— Спасибо тебе за то, что делаешь это.

Он сунул доверенность в карман пиджака.

— Не беспокойся об этом. Не беспокойся о доме. Ни о чем не беспокойся. Я позабочусь о том, чтобы вы получили за него наилучшую возможную цену.

Я знала, что он так и сделает, но, осматривая дом, который я называла домом последние шесть лет, я не могла не почувствовать, как меня захлестывает всепоглощающая печаль. Я обхватила себя руками и посмотрела в конец коридора. Тот самый коридор, в котором мой сын сделал свои первые шаги. В этих стенах было много воспоминаний. Я просто надеялась, что они останутся свежими в моей памяти, когда мы будем создавать новые воспоминания,

где бы мы ни оказались.

Руки обвилились вокруг моей талии и держали меня, пока я разваливалась на части изнутри. Мужчина позади меня молчал, и я любила его за то, что он знал, что словами не описать то, что я чувствовала прямо сейчас.

Мы были в нескольких днях от того, чтобы вырвать с корнем нашу жизнь здесь, и я была встревожена.

Это был смелый шаг.

Без дома. Без друзей. Без кровати, чтобы спать. Путь с нуля в тридцать восемь лет. Это было тяжело.

У меня заныло в груди от осознания того, что мне осталось всего несколько дней со всем, что я знала и любила, со всем, что было мне знакомо. И это было отстойно. Но что было еще хуже, так это шесть лет, которые я провела без мужчины, которого любила.

Я выбираю его.

И выбрала бы его тысячу раз.

Я выбираю его навечно, потому что мое сердце будет пустым без него.

Так что мы переезжаем и делаем это с радостью.

Вместе, как одна семья.

Я была горда собой.

Прощаться было труднее, чем я себе представляла, а я представляла, что это ужасно, так что это о чем-то говорило. Все наши друзья и родственники пришли проводить нас, и пока Итан Блэк стоял в стороне, мы обнимали наших близких с тяжелым сердцем и сияющими от слез глазами.

Юлий обвил меня руками.

— Мы навестим вас, — натянуто прогрохотал он. Я сжала его крепче, не в силах говорить, и когда Ана обняла нас обоих, мое горло неприятно сжалось.

Я буду ужасно скучать по ним, по всем в равной степени.

Поэтому, когда Ана опустилась на колени перед ЭйДжеем и протянула ему того же бурого медведя, которого он подарил ей, казалось, целую вечность назад, он моргнул, глядя на него, прежде чем вопросительно нахмуриться. И когда она заговорила, она говорила четко, без дрожи в голосе, которую я так часто слышала, без парализующего страха, который, я знала, она носила в себе. С уходом Линг часть Аны исцелилась.

— Я знаю, что ты большой мальчик и он тебе больше не нужен. — Она посмотрела вниз на медведя. — Всякий раз, когда мне было грустно или одиноко, я обнимала медведя. И твой медведь проделал действительно хорошую работу, прогнав эту грусть. — Выражение ее лица омрачилось, когда она подняла медведя и обняла его в последний раз, а затем протянула его моему сыну. — Но пришло время вернуть его тебе.

ЭйДжей выглядел растерянным. Он колебался.

— Но теперь он твой. Он тебе нужен.

Ана протянула руку и нежно погладила ЭйДжея по щеке, прошептав:

— Думаю, он нужен тебе больше.

О Господи. Мое сердце. Они убивали меня.

ЭйДжей неохотно забрал у Аны своего медведя. Он долго смотрел на плюшевую игрушку, пахнущую печеньем, прежде чем прыгнуть в объятия Аны. Она обнимала его, целовала и бесконечно что-то шептала ему на ухо, а когда они наконец оторвались друг от друга, глаза у обоих были затуманены.

Это разбило мне сердце.

Итан прочистил горло, и у меня свело живот. Время пришло. И когда мы сделали шаг, чтобы совершить долгую прогулку к международному терминалу, я держала себя в руках. Я помахала рукой, улыбнулась и держалась, как будто мой мир не разваливался на части. Я держала эту фальшивую улыбку приклеенной к моему лицу, пока мы не поднялись на борт. Я носила эту улыбку как маску, пока мы не нашли свои места, и я держала ее там. Кусок брони. Тяжелый щит. Моя улыбка была моим мечом. Я держала ее там, пока самолет взлетал. Как только мы взлетели высоко, только тогда я позволила ей дрогнуть.

Накатило неизбежное жжение под моими веками. Я сделала прерывистый вдох, когда маска, которую я носила, рассыпалась на куски, и когда первый всхлип вырвался из меня, это было очень сильно, выбивая воздух из легких.

Не говоря ни слова, Твитч поднял подлокотник между нами и посадил меня к себе на колени. Я уткнулась лицом в изгиб его шеи и открыто заплакала, пока он поцеловал меня в щеку, шепча нежные слова мне на ухо. Я была эмоционально раздавлена. И он позволил мне это без осуждения или презрения. Он позволил мне быть собой, и я не думала, что есть что-то более важное в мире, чем быть с кем-то, кто не боится твоих демонов, а занимается с ними любовью.

Я плакала до тех пор, пока во мне не осталось слез, и когда я закончила, печаль покинула меня. Я почувствовала себя лучше, легче.

Медленно спустив ноги со своего импровизированного места, я вернулась на свое сиденье, вытирая красные, опухшие глаза. Он оставил меня в покое на некоторое время, но когда тишина между нами начала беспокоить его, он наклонился к моему лицу и тихо потребовал:

— Поцелуй меня.

В моей жизни никогда не будет такого момента, когда я бы отказала себе в ощущении губ Антонио Фалько на своих.

Я нежно поцеловала его, моя рука поднялась, чтобы обхватить его щеку. И когда я отстранилась, он наклонился вперед, чтобы поцеловать меня снова. Мое сердце потеплело, и улыбка застала меня врасплох.

Рядом с нашим сыном мы держались за руки всю дорогу домой.

Я закрыла глаза и откинулась на спинку кресла, пока мы делали наш первый шаг навстречу вечности.

Это была наша вторая неделя в Штатах. Все было не так, как я помнила. Мы были буквально дома, в нашем родном городе, но ничто в этом месте не казалось знакомым. Все изменилось. Все казалось неправильным. Поэтому, когда Твитч спросил Итана, может ли он присмотреть за ЭйДжеем днем, мое любопытство взяло верх.

Когда я спросила, куда мы едем, Твитч ответил только:

— Прокатиться.

Путь был не близким. Всю дорогу Твитч заставлял молчать тысячу моих вопросов, и когда мы добрались до нашего старого района, я обнаружила, что у меня больше нет вопросов. Я наблюдала через пассажирское окно, как знакомое начало проявляться в этом незнакомом месте. И когда Твитч подъехал к тротуару, два дома перед нами все еще стояли там, вечное воспоминание пронеслось в моей голове, и внезапно мне снова стало шесть.

— *Как тебя зовут?* — спросила я своим милым шестилетним голоском.

Он пнул ногой камень.

— *Это не имеет значения. Ты забудешь об этом, как только я уйду.*

Дом.

Мы были дома.

Твитч долго наблюдал за мной, пока мои глаза осматривали, насколько дома не изменились. Это было так странно. Весь район был изменен, модернизирован, за исключением этих двух домов. Это было так, как если бы они застряли в искривлении времени.

Застряли в ожидании нас.

— Пошли, — тихо произнес он, выходя из машины, а я неторопливо отстегнула ремень безопасности и последовала за ним.

Воспоминание за воспоминанием атаковали меня, как пули. Выстрел за выстрелом они проникали в мое сердце, в мою душу. И даже спустя это короткое время я обнаружила, что больше не хочу здесь находиться. Это было слишком больно.

— Почему мы здесь? — тихо спросила я.

— Потому что, — сказал он, поворачиваясь лицом к нашим воспоминаниям. — Эти дома были жестоки к нам.

Да, так оно и было, и при мысли об этом у меня защемило сердце.

— И я все еще не в порядке с тем, что эти дома сделали с парой невинных детей.

Проклятье.

У меня начало покалывать в носу.

— О, милый.

Скажи мне, что делать, любовь моя. Скажи мне, как сделать лучше. Скажи, и это будет сделано.

Мой прекрасный мужчина.

Мой выживший.

Мой рыцарь в потертых доспехах.

— Эти дома привели в движение цепочку событий, которые привели к тому, что мы находили друг друга снова и снова, и я сожалею о том, как мы начали, но, черт возьми, я благодарен этим домам за то, что вы здесь со мной. Прямо здесь. Прямо сейчас. Так что... — он облизнул губы, поворачиваясь ко мне лицом и обхватив мои щеки, нежно поцеловал в лоб. Я закрыла глаза и прислушалась к тому, что он хотел сказать. — Что мы собираемся сделать, так это снести эти мерзкие дома. Мы будем смотреть, как они падают. Смотреть, как каждый кирпич и каждая гребаная щепка из этих дерьмовых дыр будут сбиты на чертову землю. Смотреть, как каждое жестокое слово и хлопанье дверью разлетаются в пух и прах. И пока наше прошлое будет лежать в руинах, мы собираемся построить мечты.

О, черт.

Мои плечи затряслись. Я уже вовсю плакала.

Серьезность этого момента сильно ударила по мне, как молот в самое сердце.

Мы сделали это.

Мы это сделали.

Мы были здесь, вместе, работали над нашим будущим.

По правде говоря, не имело значения, где мы жили. Дом — это всего лишь здание. Но мы были сердцем. Пока мы были вместе, ничто не могло отнять это у нас.

Когда он поцеловал меня в губы, я слабо всхлипнула, а затем шмыгнула носом.

— Ладно.

Твитч отстранился, чтобы заглянуть мне в глаза.

— Ладно?

— Да. — Я рассмеялась сквозь слезы.

Встав позади меня, он обнял меня за талию и положил подбородок мне на макушку. Я подняла руку к его предплечью и сжала. Именно тогда он произнес:

— У меня есть планы на это место.

О Боже. Держу пари, так и есть.

И только потому, что могла, я выдала следующую новость:

— Я беременна.

Твитч за моей спиной замер, а я медленно и широко улыбнулась. И когда он восстановил движение в своих конечностях, его руки сжались вокруг меня достаточно сильно, чтобы стало трудно дышать. Но я не возражала.

Он прижался губами к раковине моего уха и прошептал:

— Люблю тебя, — и вот так просто мой мир стал целостным.

И в середине дня, прекрасного весеннего дня, мы стояли на костях памяти и строили планы на наше будущее.

Твитч

В моей голове был полный бардак. Я не знал, что делать, что чувствовать. Но во всей анархии моего обычно хаотичного ума одна мысль постоянно повторялась:

Наконец-то то, за чем я гнался, перестало убежать.

Лекси

Я распахнула дверь и радостно завизжала, когда увидела их. Маленькая рыжеволосая женщина бросилась на меня, и когда ее тело столкнулось с моим, мое дыхание со свистом покинуло меня. С трудом дыша, я рассмеялась сквозь дискомфорт, потому что мы с моей лучшей подругой встретились в первый раз.

— Лили, — проворчал задумчивый гигант, все еще ожидающий у двери со своим отпрыском, — ты душишь ее до смерти.

Но Лили только крепче обняла меня.

— Мне все равно. Прямо сейчас из меня вырываются пять месяцев ожидания, и она получит их, да поможет мне Бог.

Все началось через месяц после того, как мы приехали в Штаты. Твитч сделал телефонный звонок своему старому другу. Этим старым другом был человек по имени Нокс. Во время телефонного разговора Твитч объяснил Ноксу, что мне было немного трудно справиться с непривычностью нашей жизненной ситуации. В конце разговора Твитч неожиданно передал мне телефон, и женщина на другом конце линии начала говорить.

Я не ожидала такого урагана, каким была Лили. И того, какой находкой она была.

Одного телефонного звонка было достаточно, и вот так просто мы подружились.

Не проходило и дня, чтобы мы с Лили не разговаривали. Будь то телефонный звонок или СМС, мы были знакомы настолько хорошо, насколько это возможно для двух людей, живущих в разных штатах. Поэтому, когда Лили позвонила и сказала, что они приедут навестить ее сестру, я была на седьмом небе от счастья.

Встретить свою лучшую подругу по звонкам, было нечто особенным.

И теперь, когда она была здесь, я чувствовала, что уже оплакиваю ее потерю, потому что через неделю она уедет.

Когда она, наконец, отстранилась, я посмотрела в ее улыбающиеся глаза и глупо сказала:

— Привет.

Лили запрокинула голову и расхохоталась. Я не могла не присоединиться к ней. Когда смех начал причинять боль, я схватилась за свой раздутый живот и застонала.

— Ой.

— О. — Лили положила руки на мой беременный живот и нежно потерла его. — Как поживает мой малыш?

Я сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

— Как бы ты себя чувствовала, если бы кто-то таскал тебя к твоей удобной водяной кровати, не прекращая обслуживание, как в номерах, и при этом у тебя было куча времени на сон?

— Чертовски хорошо. — Брови Лили изогнулись.

Моя улыбка стала шире, и я посмотрела на свой живот.

— Он чувствует себя великолепно.

С порога Нокс весело произнес:

— Так нам разрешено входить или как?

Мои щеки вспыхнули. Я бросилась к ним и смела их внутрь.

— О Боже мой, да! Входите. Входите!

Проходя мимо меня, Нокс поцеловал меня в щеку.

— Как у тебя дела, Лекс?

— Отлично, теперь, когда вы, ребята, здесь, — сказала я ему, прежде чем посмотреть на красивого мальчика рядом с ним. У него были темные волосы и голубые глаза.

— Боже. Это Рокко? — спросила я, хотя и сама знала, что это так, и повернулась к Лили. — Он такой высокий. Чем ты его кормишь?

Рокко, которому было десять, выглядел смущенным, когда его мать встала позади него и объяснила:

— Это просто хорошие гены Тейлора, детка.

Маленькая принцесса, держащая Нокса за руку, была чем-то невообразимым в ее пачке. Для меня было шоком увидеть ее в самых крошечных черных армейских ботинках, которые я когда-либо видела. У нее были темные волосы Нокса, но зеленые глаза Лили. Я улыбнулась ей сверху вниз.

— Привет, милая. Как тебя зовут?

Конечно, я знала ее имя. Я получала фотографии этих детей каждый день, но я чувствовала, что важно привлечь внимание детей, дать им понять, что у них есть право голоса в этом доме.

— Я Энджи. Мне четыре года. — Она подняла четыре пальца, и я сразу же полюбила ее. Она посмотрела мне прямо в глаза и, не колеблясь, заявила: — Ты красивая.

О Боже милостивый.

Я ничего не могла с собой поделать. Я протянула руку и притянула ее к себе для долгих объятий. Энджи ответила на мое объятие, и я, прищурившись, посмотрела на Лили.

— Ты это подстроила, не так ли?

Лили рассмеялась.

— Клянусь, я ничего не делала!

На руках у Нокса была крошечная девочка с красными щечками, сосущая большой палец в самом милом маленьком платье, которое я когда-либо видела. Она была точной копией Лили. Густые рыжие волосы и зеленые глаза. Она также выглядела так, как будто не хотела покидать безопасные объятия своего отца, и, глядя на Нокса, я могла понять почему. Он был настоящим мужчиной.

Нокс поцеловал маленького ангела в макушку.

— Это Миа. — Он вздохнул. — Она пропустила свой сон, и теперь мы все расплачиваемся за это.

Лили закатила глаза, услышав драматизм своего мужа.

— Я даю ей десять минут, прежде чем она отключится.

С выражением сочувствия на лице я погладила маленькую девочку по спинке и тихо сказала:

— Может быть, мы сможем поставить мультик для маленькой Мии. У нас есть подушки и одеяла. Мой сын ЭйДжей может построить для вас крепость. Звучит хорошо? — Миа подумала об этом, прежде чем засунуть большой палец в рот, начиная хныкать. Наконец, она кивнула, и я широко улыбнулась уставшему ангелу. — Хорошо, милая.

Когда ЭйДжей вбежал в дом с заднего двора, он с вскриком остановился, осознав, что у нас была компания. Как он часто делал в последние дни, он не торопился, наблюдая за окружающими его людьми. Это заняло несколько секунд, но когда он счел это безопасным,

то шагнул вперед.

Я обошла его и положила руки ему на плечи, с гордостью представляя своего сына.

— Это Эйджей, ему только что исполнилось шесть. — Лили и Нокс поздоровались, но Эйджей, казалось, замер. — Скажи привет, милый.

— Привет, — выдавил он, отводя взгляд.

Бедняжка.

Его голос звучал так же неловко, как он и выглядел. К сожалению, в наши дни Эйджею требуется некоторое время, чтобы открыться людям. Понятно, что ему нелегко теперь доверять людям. Он говорил не так свободно. И он был несколько замкнутым в компании. Мой сын проходил терапию, но психотерапевт предупредила, что не сможет помочь, если Эйджей не будет с ней разговаривать.

Я молилась, чтобы он нашел в себе силы преодолеть страх и тревогу и вернуть ту часть себя, которую он потерял. А пока все, что я могла сделать, это любить его и всем сердцем поддерживать, пока он выбирался из ямы, в которую его бросила Линг.

— Ну... — я мягко сжала плечи Эйджея. — Надеюсь, что вы, ребята, голодны. Пока мы разговариваем, Твитч разжигает гриль, и у нас достаточно еды, чтобы накормить целую армию.

Глаза Нокс загорелись интересом.

— Я голоден.

Лили посмотрела на своего мужа.

— Ты всегда голоден.

Нокс нежно улыбнулся своей жене, и мне это так понравилось, что у меня защемило в груди.

Эйджей собрал все подушки в доме. Дети работали над строительством форта, подходящего для Мии, а Лили и Нокс последовали за мной на задний двор. Твитч обернулся, и когда его взгляд остановился на наших гостях, в уголках его глаз появились морщинки.

— Мужик.

Шагнув вперед, он и Нокс схватились за руки, прежде чем стукнуться плечами и хлопнуть друг друга по спине так сильно, что наверняка останутся синяки. Нокс схватил Твитча за плечи.

— Прошло много времени.

— Согласен, — пробормотал Твитч. Они долго смотрели друг на друга, наблюдая за изменениями друг в друге, прежде чем я увидела, что эмоции взяли верх над моим мужем, и он отстранился, тяжело сглотнув, а затем произнес: — Тебе нужно пиво.

Но Нокс, казалось, знал Твитча лучше, чем я предполагала, и когда мой мужчина отошел от группы и вошел в дом, Нокс повернулся ко мне, плутовато ухмыляясь.

— Некоторые вещи никогда не меняются.

— Да, — тихо согласилась я, борясь с улыбкой.

Вечер прошел идеально. Все уже поели. Дети наконец-то потеплели друг к другу и играли внутри всю ночь, пока маленькая Миа спала, несмотря на шум. Разговор был как фонтан, текущий и нескончаемый, полный радости и смеха, и по мере того, как ночь приближалась, я не хотела, чтобы наши друзья уходили.

Лили присоединилась ко мне на кухне, пока ребята продолжали общаться снаружи, загружая посудомоечную машину, я почувствовала как кто-то дернул меня за рубашку.

Пораженная, я посмотрела на своего сына. Его взгляд был прикован к маленькой

девочке в балетной пачке и армейских ботинках. Он не обращался ни к кому из нас конкретно.

— Она не назвала мне своего имени. — Его голос звучал приглушенно. — Как ее зовут?

Он вел себя странно. Я на мгновение остолбенела.

Глаза Лили метались между нами, пока она не произнесла:

— Ее зовут Анджела, но мы зовем ее Энджи.

Легкая улыбка растянула его губы.

— Энджи, — мечтательно пробормотал он. И когда он посмотрел на меня и сказал то, что сказал, мое сердце остановилось. Он говорил спокойно, искренне, и в его тоне звучала такая решимость, что я поймала себя на том, что верю ему.

— Я собираюсь жениться на этой девочке.

У меня отвисла челюсть. Как и у Лили.

Но Эйджей этого не заметил. Он смотрел только на темноволосую, зеленоглазую девчушку, которая, очевидно, украла его сердце. Прежде чем кто-либо из нас успел заговорить, Эйджей упорхнул, вернувшись к группе детей, игравших у дивана, оставив нас с Лили ошарашенными.

Обрета голос, я сказала:

— Он не знает, что говорит.

Лили ухватилась за это.

— Точно. Он всего лишь маленький мальчик.

— Именно, — я выдавила из себя неловкий смешок. — О Боже, дети определенно говорят самые ужасные вещи. — Я облизала губы и запнулась. — Но все же. Может быть, нам следует...

Лили мягко добавила:

— ... не рассказывать об этом парням?

Я была так рада, что мы были на одной волне.

— Да, — поспешно выпалила я.

И она кивнула, с трудом сглотнув.

— Согласна.

— Отлично.

— Круто.

И пока мы вежливо беседовали, я не могла не заметить, что ни одна из нас не могла оторвать глаз от того, как странно Энджи и Эйджей сидели вместе на диване. Энджи держала в руках свою портативную игровую консоль, без умолку болтая, объясняя цель игры, и пока она продолжала болтать, Эйджей внимательно наблюдал за ней, изучая ее лицо, мягко улыбаясь своим мыслям. И у меня болела грудь.

О, черт.

Мой сын влюблен.

В доме было тихо. Это само по себе было редким событием. Конечно, было еще рано, но тишина уже не была такой успокаивающей, как раньше. Особенно когда мне приходилось проводить время без моего сына. Тишина была пугающей, и когда я прокралась в его спальню и обнаружила, что он крепко спит, мое сердце успокоилось, и я снова позволила себе дышать.

Сидя на краю его кровати, я смотрела вниз на ангельское личико мальчика. Моя рука

двигалась без подсказки, и, коснувшись его волос, я напомнила себе, что у нас все хорошо.

Мы в порядке.

Стараясь вести себя как можно тише, я дала ему поспать еще немного.

Босая и беременная, я добралась до холодильника и налила себе стакан апельсинового сока, а затем отправилась на поиски пропавшего без вести мужчины. Мы не часто просыпались порознь, но когда это случалось, мне становилось не по себе.

Это не заняло много времени, и когда я толкнула раздвижную дверь и встала в дверном проеме, одетая только в ночную рубашку, он пристально посмотрел на меня, прежде чем продолжить то, что делал. И с каждой прошедшей секундой веселье подступало к моему горлу, опасно желая вырваться наружу. Но я держала это в себе.

Вместо этого я прислонилась к дверному косяку и произнесла:

— Когда-то давно я думала, что ты бог. — Я отхлебнула сок. — А теперь посмотри на себя, стираешь белье, развешиваешь мои трусики и лифчики.

Я сдерживала смех, сколько могла, но когда его глаза прищурились, и он предостерегающе указал на меня, и пять моих бюстгалтеров свисающих с его предплечья, я проиграла битву, откинув голову назад и дав волю своему легкому смеху.

Он покачал головой, но я не упустила из виду, как дернулся уголок его губ.

— Иди ты, детка, — это прозвучало больше как «я люблю тебя, детка», и я не смогла стереть улыбку со своего лица.

С переполненным сердцем и толкающимся во мне ребенком я собралась уходить, и когда я это сделала, он крикнул:

— Знаешь, ты могла бы помочь.

Я остановилась в дверях, глядя на него, и мои брови поползли вверх.

Этот мужчина.

— Я стирала шесть долгих лет, дорогой. — Я начала закрывать раздвижную дверь между нами, нахально заявив: — Официально твоя очередь.

Он насмешливо уставился на меня через стекло.

Я послала ему воздушный поцелуй.

Он продолжал вешать мои трусики и лифчики на бельевую веревку. И я никогда в жизни не была так довольна.

Дни превратились в недели. Недели превратились в месяцы. Месяцы превратились в годы.

Старый дуб на заднем дворе, тот самый дуб, на котором я вырезала имя мальчика, которого поклялась не забывать в возрасте семи лет, теперь носил имена каждого дополнительного члена семьи, которого мы приветствовали.

Это стало традицией.

Позже в том же году на дубе Фалько будет высечено еще одно имя.

И мое сердце и душа успокоились по мере того, как росла моя семья.

Тихие крики, доносившиеся из детской, заставили меня подскочить в постели, на мгновение сбивая с толку. Но он уже встал и вышел за дверь. И когда он вернулся с маленьким свертком, я включила лампу, а он осторожно опустил ее между нами.

Ее ноздри раздулись, рот скривился, а губы дрожали, пока ее маленькие ручки попытались освободиться от оков. Нет. Наша маленькая леди не была счастлива. И мы оба знали почему.

Сонно моргая, я протянула руку, чтобы расстегнуть лифчик спереди, и опустила

чашечку, прежде чем нежно поднять мою милую маленькую девочку и прижать ее к груди. Она быстро вцепилась в меня, и принялась за дело, пока ее отец откинулся на бок, сонно приподнявшись на локте, с любовью наблюдая за нами обеими.

Мой муж погладил ее по тонким волосикам на затылке и сонно прошептал:

— Притормози, Фиа. Мама никуда не денется.

Мое сердце едва могло вместить столько любви, сколько было во мне.

Твитч был кем-то вроде вуайериста, особенно когда дело касалось его детей. Он любил смотреть, как ЭйДжей делает домашнее задание, и гордился нашим старшим сыном за его сообразительность. Он обожал смотреть, как Маттео падает на свой маленький зад, тщетно пытаясь удержать свои маленькие ножки при ходьбе. Но больше всего он дорожил каждым моментом кормления Софии.

Он называл ее своей маленькой принцессой. Папиной дочкой.

У меня было предчувствие, что она будет главной звездочкой своего отца.

Черт возьми. Она уже была такой.

Так много он упустил с нашим первенцем. И он был уверен, что не упустит ни единой секунды из их драгоценного детства впредь.

Шрамы.

У нас их было в избытке.

Но эти шрамы сделали из нас тех людей, которыми мы были сегодня. И хотя наши раны больше не были болезненными, следы, которые они оставили, остались навсегда. Вечно. Но я была благодарна за напоминание о том, как усердно мы работали, чтобы быть вместе.

Это многое сказало мне о нас.

Неудача никогда не была вариантом. Твитч и я будем вместе или умрем, пытаясь это сделать.

Мы сделали это.

Каждый день был подарком.

Мы сделали это, несмотря ни на что, выбрав менее проторенный путь.

Мы были против всего мира, и я защищу эту семью, чего бы мне это не стоило.

Что подводит меня к следующему.

Словам предупреждения тем, кто намеревается причинить вред моей семье.

Меня зовут Алекса Фалько. И я больше не боюсь.

Придешь за нами.

Я брошу тебе вызов.

И нахрен прикончу тебя.